ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО
В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Ижевск
2023

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики
Кафедра удмуртской литературы и литературы народов России

ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Сборник статей

Ижевск
2023

ISBN 978-5-4312-1120-1

© Авторы статей, 2023
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2023

УДК 82(470+571):398:374.7(091)(063)
ББК 83.3(2)6-02я431
П82
Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом УдГУ

Рецензенты: д-р филол. наук, декан фак. рус. и чуваш. филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова» А. М. Иванова;
д-р филол. наук, профессор каф. финно-угорской и сравнительной филологии ин-та нац. культуры и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» Р. А. Кудрявцева.

Научные редакторы, составители: С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева
Ответственный за выпуск: О. М. Максимова

П82 Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России : сб. ст. : [Электрон. ресурс] / сост., науч. ред. С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева. – Электрон. (символьное) изд. (3,7 Мб). – Ижевск : Удмуртский университет, 2023. – 567 с.

Сборник составлен по материалам II Всероссийской научно-практической конференции «Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России», приуроченной к 125-летию удмуртских поэтов-просветителей Кузебая Герда (1898–1937), Ашальчи Оки (1898–1973), 100-летнему юбилею известного критика, литературоведа Зои Алексеевны Богомоловой (1923–2012), и проходившей 9–10 февраля 2023 г. в ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Освещаются вопросы своеобразия литературного процесса и культуры просветительской эпохи российских регионов, характеризуются ее основные памятники, представлены ведущие просветители народов России. Также рассматриваются проблемы взаимосвязей фольклора и литературы, вопросы лингвистики и перевода, образования и современных средств массовой информации.

Издание рассчитано на специалистов в области филологии, аспирантов, докторантов, студентов, учителей-словесников, а также всех интересующихся вопросами удмуртской литературы, истории и культуры.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Минимальные системные требования:
Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; WindowsXP/7/8 и выше;
разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

ISBN 978-5-4312-1120-1

© Авторы статей, 2023
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2023

Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России
Сборник статей

Подписано к использованию 16.10.2023
Объем электронного издания 3,7 Мб
Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021
Тел. : +7(3412)916-364 E-mail: editorial@udsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Проблемы изучения творческого наследия российских писателей-просветителей. Фольклор народов России: история и современность

Александрова Г. А.
Тематическая направленность драматургии К. Коршунова 10

Антонов Ю. Г.
Формирование традиций русскоязычной литературы Мордовии 15

Арекеева С. Т.
Концепция героя в новеллистических произведениях удмуртских писателей-просветителей 1920–1930-х годов 24

Бирюкова О. И.
Инонациональные традиции в генезисе мордовской литературы 35

Бояринова Г. Н.
Художественный мир лирики Г. Сабанцева-Ояра 47

Галимуллина А. Ф.
Образы дома и родины в творчестве Равиля Бухараева и татарских поэтов как воплощение национального культурного кода 61

Ганиева А. Ф.
Проза Флюса Латыфи 1990-х годов: тип героя и жанровое своеобразие 73

Глухова Г. А., Студитских В. В.
Удмуртская фольклорная песня: эмоциональная реакция исполняющих и воспринимающих 80

Диева А. З.
Нравственные ценности в рассказах удмуртского писателя Е. Загребина в контексте русской природоведческой литературы 92

Душенкова Т. Р.
Прецедентные имена в удмуртской культуре: Кузебай Герд и Ашальчи Оки 98

Закирзянов А. М.
Роль просветительства в становлении татарской драматургии 106

Закирова Н. Н., Данилова В. С., Меликова С. Ю.
«Этюды об экогуманизме В. Г. Короленко»: сценарий презентации книги 113

Зиявадинова О. С.
Художественная натурфилософия в творчестве И. Куратова, В. Чисталева, Кузебая Герда 124

Каторова А. М.
Проблемы и перспективы развития художественного перевода в литературах финно-угорских народов России 131

Каюмова Г. Ф.
О некоторых особенностях психологизма в романе «Саид Сакманов» Т. Н. Галиуллина 146

Кельмаков В. К.
Проблемы текстологии удмуртского фольклора 152

Коровина Н. С.
О фольклорных традициях в коми поэзии 171

Любимов Н. И.
Нравственно-философская лирика Надежды Эмыкан: особенности художественного времени и пространства 181

Максимова О. М.
Современные удмуртские публицисты о войне 189

Матвеева Е. М.
Поэма С. И. Караваева «Анна Хомякова»: от замысла к воплощению 197

Налдеева О. И., Николаева Э. Е.
Женский национальный характер: сопоставительный анализ русской и мордовской литератур 207

Остапова Е. В.
Поэтические особенности стихотворений В. В. Тимина о родном языке 219

Пантюхина Т. В.
Документы личного фонда З. А. Богомоловой, хранящиеся в Научном архиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН 228

Петров К. В.
Диалог культур в многонациональной среде (на примере села Тятербаш Республики Башкортостан) 233

Рожина Е. А.
Орнаментальные обереги в культуре саха 238

Чикина Н. В.
Особенности перевода цикла «Персидские мотивы» С. Есенина Т. Сумманеном 243

Шарипова А. С.
Проблема инварианта в изучении истории татарской драматургии 253

Шеянова С. В.
Функции имени персонажа в романах Е. Четвергова 261

Шибанов В. Л.
Удмурт литератураын Максим Прокопьевлэн образэз 269

Юркеева М. И.
Творческие судьбы С. А. Есенина и Ашальчи Оки 278

Раздел II. Вопросы лингвистики и перевода. Образование, методика, краеведение

Байтерякова Ю. Т.

Диагностика сформированности речевой готовности первоклассников к изучению удмуртского языка 283

Бакула В. Б.

Саамский язык в Мурманском арктическом государственном университете 290

Богданова Л. А., Овченкова О. Ю.

Исследовательская деятельность на уроке литературы: тема войны в произведениях Л. Н. Толстого и Кузебая Герда..... 299

Боталова Н. П.

Структура и содержание контрольно-измерительных материалов по удмуртскому языку для обучающихся 10 классов, не владеющих удмуртским языком 306

Бусыгина Л. В.

Кузебай Гердлэсь творчествозэ туала школаын дышетон..... 311

Водясова Л. П.

Роль пословиц и поговорок в формировании этнокультурной компетентности учащихся на уроках родного (эрзянского) языка..... 321

Водясова Л. П., Попова И. С.

Интерактивная доска как средство активизации познавательной деятельности школьников при изучении послелогов на уроках родного (эрзянского) языка 332

Зайцева Т. И., Ившина М. В.

К вопросу взаимодействия музея-квартиры Г. Д. Красильникова с посетителем..... 343

Захарищева М. А., Хватаев А. Н., Хватаева Н. П.

Приобщение подростков к культурному наследию через участие в этнокультурном проекте……...……. 350

Ившин Л. М.

Удмурт гожъяськон кылын *кузё* кыллэн историез 358

Кондратьева Н. В., Камаева Д. П.

Синтаксические особенности функционирования условных конструкций (на материале удмуртской паремии) 371

Кондратьева Н. В., Мизирева Д. Ю.

Особенности перевода безэквивалентной лексики с русского на удмуртский язык (на материале произведений М. Горького) 378

Коротаева Л. В.

Диалектизмы в художественных произведениях В. Антонова 385

Костина К. Г.

Эстетическое воспитание младших школьников в рамках изучения родного (удмуртского) языка 389

Лобанова А. С., Михайлова А. В.

Этнопедагогические компоненты, их роль и значение в учебных пособия «Коми-пермяцкӧй кыв» (Коми-пермяцкий язык) для 5–9 классов 396

Николаева Е. А.

Формирование основ культурной идентичности детей дошкольного возраста в процессе ознакомления с удмуртским краем и культурой удмуртского народа 403

Павлова И. Г.

Использование элементов краеведения в школьном курсе математики 412

Попова А. А.

Code-switching в условиях узбекско-русского билингвизма 418

Суворова З. В.

Роль дидактических языковых игр в развитии удмуртской речи и мышления ребенка в семье 424

Трубинова Н. А.
Интерактивная игра «По литературным местам Кудымкара» (онлайн-квест) 436

Федорова Л. П.
Книги для чтения педагога-просветителя Антона Ларионова в истории удмуртской школы 441

Чернышева Л. М.
Функциональные возможности публицистического стиля (на материале удмуртского языка) 451

Широбокова Д. Н., Низамбиева Р. Р.
Использование информационных технологий при создании пластилиновой мультипликации (по наставлениям просветителя Р. Фахреддина) 457

Раздел III. Просветительство в истории народов России. Современные СМИ в социокультурном пространстве

Абдрахманов Р. Р.
Музей Мухаметсалима Уметбаева – хранитель памяти о выдающемся просветителе XIX века 460

Булякова Г. М.
Основатель уметбаеведения 468

Вахитов С. С.
Вуж Салья гуртысь нырысетӥ дышетӥсь 479

Вахрушев А. А.
Религиозно-просветительская деятельность удмуртского протодиакона М. Г. Атаманова 489

Волкова Л. А.
Кузебай Герд и северные удмурты: неслучайные встречи 493

Загоруйко И. Н., Абрамов А. И.
К вопросу о репрезентации конфликтогенности в медиапространстве 507

Загоруйко И. Н., Душак О. И.
Медиапотенциал геобрендинга в рунете (на примере Удмуртской Республики)..... 513

Козырев Я. О., Трепалина Н. Е.
Детская журналистика в современных региональных медиа... 519

Субботина А. М.
Роль просветительской деятельности Н. И. Ильминского в развитии образования народов Волго-Вятского региона во второй половине XIX – начале XX вв..... 526

Трепалина Н. Е., Киселев Н. С.
Отражение этничности в медиасреде..... 530

Федосеева Н. А.
Генезис марийской литературы: первые просветители..... 537

Чучалин В. В.
Тематический кластер информационной деятельности Министерства национальной политики Удмуртии в официальном сообществе «Вконтакте»..... 546

Шаяхметова И. Д.
Истоки башкирского просветительства и его особенности..... 552

Шеянова И. И.
Роль просветительства в развитии культуры и образования мордовского края……..... 558

Раздел I. Проблемы изучения творческого наследия российских писателей-просветителей. Фольклор народов России: история и современность

УДК 821.511.151-21.09(045)

Г. А. Александрова
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
Научный руководитель: Р. А. Кудрявцева, д-р филол. наук, проф.

G. A. Aleksandrova
Mari State University, Yoshkar-Ola
Scientific adviser: R. A. Kudryavtseva, dr. of philology, prof.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДРАМАТУРГИИ К. КОРШУНОВА

THEMATIC FOCUS DRAMATURGIES BY K. KORSHUNOV

Аннотация. Рассматривается тематическое многообразие драматургии К. М. Коршунова; отмечается, что художественные искания драматурга направлены на изображение актуальных проблем времени, утверждение народных духовно-нравственных ценностей.

Abstract. The article describes the thematic variety of drama by K. M. Korshunov. The author points out that the playwright's artistic perspectives were aimed at depicting vital problems and changes in reality, at studying the social and spiritual and moral essence of a contemporary.

Ключевые слова: марийская драматургия, драма, тематическое многообразие, историзм, прошлое народа.

Keywords: Mari dramaturgy, drama, thematic diversity, historicism, the past of the people.

Пьесы К. Коршунова различны по идейно-тематической направленности, но их объединяет внимание к современному герою, к духовным проблемам его жизни, морально-нравственным исканиям. Писатель также проявляет особенный интерес к исторической теме.

Драма-легенда «Аксар и Юлавий» (1975) посвящена трагическим событиям XVI века. Эта веха стала важным моментом в истории марийского народа, когда он оказался в ситуации выбора между Московским государством и Казанским ханством. Герой Ялантай озвучивает эту мысль: «Нам приходилось и против царя, и против хана сражаться. Мы между двух огней живем. Кто побеждает, под его крыло и попадаем...»* [Коршунов 1989, с. 192].

На фоне борьбы за власть между князем Кураем, который на стороне татарского хана, и Ялантаем, стремящимся к воссоединению с Русским государством, развивается сюжетная линия, раскрывающая лирико-романтическую историю любви Аксара и Юлавий. Молодые герои являются воплощением лучших качеств марийского народа, именно им отдана авторская симпатия.

Действие в драме «Грозовое зарево» (1968) развертывается в годы первой русской революции среди крестьян Уржумского уезда. Автор разрабатывает проблему влияния революционных идей на возрождение национального самосознания марийского народа, высвечивая судьбы разных героев. Их характеры социально обусловлены, нравственный облик раскрывается через отношение к народу.

Драма К. Коршунова «Грозовое зарево» свидетельствует, что воссоздание революционного прошлого требует от драматурга особого умения не только художественно отображать конкретные события определенной эпохи, но и передавать их через драматический

* Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – Г. А.

стиль изображения, оживлять коллизии в прямом смысле. Автору на конкретном историческом материале удалось создать живые, полные человеческих качеств образы персонажей, придать глубокую психологическую мотивировку их действиям в революционные годы.

Драма «Помнишь, Элиса?» (1985) – первое произведение К. Коршунова, изображающее суровые дни Великой Отечественной войны. В действиях и поступках героев драматург акцентирует внимание на выявлении их истинных нравственных ориентиров. Центральные герои пьесы – Анна, Буркова, Арсений – встречают эвакуированных с пониманием, предоставляют им крышу над головой, окружают теплом и заботой, делятся последним куском хлеба. Несмотря на трудные жизненные условия, коршуновские герои не сломились, сохранили внутреннюю стойкость.

В структуре произведения большая роль отводится образу хлеба. Герои понимают, что солдатам нужны не слезы, а тепло человеческого сердца, выращенный их руками хлеб. Эти две ценности – сердце, вбирающее в себя боль утрат и радость обретений, и хлеб, который нужен всем, – являются в пьесе сквозными.

В пьесе «Долг сердца» (1988) автор вновь актуализирует острые нравственные проблемы. Долг и ответственность героя перед семьей солдата, спасшего ему жизнь в годы Великой Отечественной войны – основной лейтмотив этой пьесы. Драматург говорит, что мы в долгу перед каждым погибшим в бою солдатом. Это, прежде всего, дань памяти погибшим в годы Великой Отечественной войны защитникам родины.

Главный герой пьесы – Миклай. В годы войны он сражался на фронте, вернулся инвалидом. Но Миклай не унывает, продолжает самоотверженно трудиться, помогает колхозу (откармливает бычков). В этом суть характера Миклая-труженика. В финале пьесы Миклай передает в фонд мира все свои сбережения, так он выполняет долг перед семьей солдата, спасшего ему жизнь, делает предложение Клавдие Васильевне, признается Аиде, что он ее отец, обретает внутренний покой.

В пьесах К. Коршунова о Великой Отечественной войне нравственные ситуации военной поры открыто проецируются на современность, они – своеобразный призыв к людям наших дней взглянуть на себя, помнить о потерях прошлых военных лет.

Само название пьесы «Родная земля» (1966) К. Коршунова характеризует ее основную мысль – родную землю надо беречь и любить. А в реальной жизни делается все наоборот: исчезают малые деревни, скудеет земля, молодежь покидает родные края. «Родная земля дает нам все. А мы ей ничего не платим», – рассуждает один из героев пьесы старик Омылян [Коршунов 1979, с. 128].

В этом произведении на передний план выдвигается проблема отношения человека к родной земле. В столкновениях старика Омыляна и Павла Вершинина, в их спорах о земле, о людях, работающих на ней, раскрывается главный конфликт пьесы. Эти разногласия носят философский характер. Старик Омылян горячо любит бескрайние просторы родной земли, знает, в чем нуждаются колхозные поля. Он не согласен с выводами Павла Вершинина, который как-то легко и просто смотрит на проблемы.

Старик Омылян – типичный сельский труженик, первый председатель колхоза. Нынешнее положение народной отрасли в хозяйстве, безусловно, тревожит его: «До войны и после с каждого гектара мы по 15–17 центнеров зерна получали, план выполняли. А сегодня?..» [Коршунов 1979, с. 125]. Он решительно осуждает тех, кто покидает родное село: «На пустом дворе сорняки растут. Братья вы мои, не надо уезжать вам из родных мест. Жизнь все равно воротит вас назад» [Коршунов 1979, с. 125]. Рассуждения Омыляна не просто образная метафора, в них заключен и сугубо практический смысл. Можно строить большие заводы и фабрики, но нельзя при этом забывать, что земля нас кормит и поит. Быть равнодушным к земле, значит, в конечном свете проявлять равнодушие к своей матери.

Главному герою драмы «Путник» (1983), молодому инженеру Евгению, нелегко внедрять свои идеи в современную жизнь. Пройдя сквозь суровые реалии действительности (сидел в тюрьме за участие в драке, в которую ввязался, защищая девушку), вернулся

в родные края и с большим воодушевлением начал предлагать конкретные идеи для решения колхозных проблем. Но его нововведения многими принимаются «в штыки». Некоторые передовые, уважаемые в колхозе люди выступают против молодого человека, т. к. их очень устраивает сложившаяся система жизни. В финале произведения звучит вопрос: «Посторонний ли человек Евгений?» Автору близок этот герой. Евгений неразрывно связан с родным селом, где родились и он, и его отец. Неудивительно, что именно здесь он переживает нравственное перерождение.

За пьесу «Путник» К. М. Коршунов в 1985 году получил Государственную премию МАССР.

Пьеса К. Коршунова «Прерванная мелодия» (1964) поднимает проблему счастья человека, его идеала. Любовь, семейные отношения занимают в произведении значительное место. В центре произведения – семья Бобровых, напоминающая тонущий корабль. Здесь отсутствует взаимопонимание, нет семейного счастья; каждый из членов семьи погружен в собственные заботы. – Лиза: «Кому надо, что ты сидишь ночами. Сразу несколько дел пытаешься делать, а толку никакого нет. Вот симфонию два года пишешь, закончишь, нет...» [Коршунов 1979, с. 72], или – Андрей: «Ты тоже изменилась, Лиза. Мы с каждым днем отдаляемся друг от друга» [Коршунов 1979, с. 83].

И все же «Прерванная мелодия» – произведение не о печальной любви, а о верности и искренности, об умении людей сохранять семейные ценности.

Драматургия К. Коршунова занимает видное место в истории марийской литературы. Очевидно, что столь разнообразное творчество драматурга нуждается в серьезном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

Коршунов К. М. Шочмо мланде // Пьеса-влак. – Йошкар-Ола, 1979. – 291 с.

Коршунов К. М. Шӱм парым: пьеса-влак. – Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1989. – 280 с.

УДК 821.511.152-2(=161.1).09(045)

Ю. Г. Антонов
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск

Yu. G. Antonov
Mordovian State University named after N. P. Ogarev, Saransk

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОРДОВИИ

FORMATION OF TRADITIONS OF RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF MORDOVIA

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования традиций русскоязычной литературы Мордовии. Основной акцент делается на культурно-исторических предпосылках, способствующих становлению этого литературно-художественного явления. Рассматриваются произведения авторов, в чьем творчестве наблюдаются истоки этого художественно-эстетического течения в национальной словесной культуре.

Abstract. The article analyzes the beginning of the formation of the traditions of Russian-speaking literature in Mordovia. The basic accent is made on the cultural and historical preconditions contributing to the formation of this literary and artistic phenomenon. The works of authors, in whose works the origins of this artistic and aesthetic direction in the national literary culture are observed, are considered.

Ключевые слова: мордовская литература, русскоязычная литература, фольклор, традиция, мордовские крестьянские писатели, жанр, поэзия, проза, реализм.

Keywords: Mordovian literature, Russian-language literature, folklore, tradition, Mordovian peasant writers, genre, poetry, prose, realism.

Художественные произведения, созданные на русском языке, являются важной частью мордовского литературно-художественного процесса и имеют богатую историю. Именно «русскоязычное творчество национальных писателей, в силу определенных исторических, социальных и общекультурных условий, сформировало истоки литературного процесса у мордвы» [Васильева 1991, с. 8]. Формирование этой традиции начинается еще в XIX веке, когда под влиянием русского просветительского движения активизируется не только образовательная деятельность, но и появляются весьма интересные формы литературно-художественного творчества, характеризующиеся «преобладающим этнографическим направлением и содержанием» [Хугаев 2010, с. 22]. Прежде всего, к таковым следует отнести этнографическую беллетристику, повествующую о национальном своеобразии быта, лингвистических особенностях, богатстве фольклорных жанров и мифологических воззрениях этноса.

Весьма интересным и самобытным явлением развития русскоязычной традиции стала так называемая мордовская крестьянская литература, которая была представлена авторами, чье творчество весьма специфично, и «оно – одна из ступеней трансформации устно-поэтической традиции в письменную форму» [Дёмин 2014, с. 14]. Это яркий пример и двуязычного литературного творчества. Большинство текстов крестьянских писателей создавались на двух языках. Текст имел параллельную структуру – одна страница на национальном, а другая на русском языке. Ее формированию и развитию на рубеже XIX – XX активно способствовала научная деятельность отечественных и зарубежных исследователей этнографии, языка и фольклора мордвы. Представители крестьянской литературы имели тесные связи с известными учеными того времени А. А. Шахматовым и Х. Паасоненом. Многие тексты крестьянских авторов были опубликованы в «Мордовском этнографическом сборнике» А. А. Шахматова, созданном

по итогам большой этнографической экспедиции Русского географического общества к мордве Саратовской губернии в 1907 году, которую возглавил ученый. В сборник вошли «воспоминания», «жизнеописания», «истории», «рассказы», «разговоры» Р. Учаева, И. Цыбина и В. Саюшкина, в которых авторы в своеобразной манере в прозаической форме повествуют о своей жизни и жизни своих соплеменников.

Весьма примечательно в этом аспекте творчество жителя Бугурусланского уезда Самарской губернии И. Зорина, который активно сотрудничал с финским ученым Х. Паасоненом и помогал ему в сборе фольклорного материала. Кроме знаний фольклора в И. Зорине проявился и сочинительский талант – он пробует свои силы в поэзии. Авторские сочинения И. Зорина составили большую часть заключительной книги пятитомной «Мордовской народной поэзии» Х. Паасонена, изданной в Хельсинки много позже – в 1978 году. Сам автор свои сочинения называл «морот» («песни»). Однако с точки зрения жанровой соотнесенности их вполне можно считать поэмами, в которых «мифологические и религиозные мотивы соседствуют с реальными сюжетами» [Дёмин 2014, с. 15].

И, конечно, ярким образцом данного направления мордовской авторско-художественной традиции является «Мордовская свадьба» М. Евсевьева, синтезировавшая в себя устную народную традицию и индивидуальное художественное мастерство, расширившая жанрово-родовые границы мордовской крестьянской литературы. Яркое художественное полотно «Мордовской свадьбы» «по своей внутренней сути и внешней содержательности является народной драмой, которая получила очень грамотную литературную обработку и, фактически, является первым драматическим произведением мордовской литературы» [Антонов 2012, с. 38].

Таким образом, сложилась весьма интересная форма литературно-художественного творчества, которая, опираясь на устную словестную традицию, стала транслировать авторское начало не только на национальном, но и на русском языке. Использование русского языка было продиктовано сложившимися культурно-просветительскими и научно-исследовательскими традициями конца XIX – начала

XX века в России, когда шло активное изучение этнического многообразия народов нашей страны.

В начале XX века появляется целая плеяда мордовских писателей, творчество которых ознаменовало выход национального словесного искусства на новый художественный уровень. В силу различных обстоятельств они создавали свои произведения на русском языке. Русскоязычное творчество стало для них вполне закономерным, культурно и исторически обусловленным, и «не отрывало от корней и потребностей своей нации» [Дёмин 2014, с. 15]. Благодаря их творчеству русскоязычная литература уже в начале прошлого века стала выделяться в самостоятельную ветвь мордовского литературно-художественного процесса, обогатив его новыми эстетическими решениями и творческими находками.

Наиболее ярко проявили себя в эти годы З. Ф. Дорофеев и С. В. Аникин, положившие начало лирическим и прозаическим жанрам национальной художественной словесности. Их жизненный и творческий путь – прекрасный пример служения не только литературе, но и родному народу.

З. Ф. Дорофеев, выходец из простой крестьянской семьи, получивший образование в Казанской учительской семинарии, посвятил всю свою жизнь просвещению родного народа, пройдя путь от народного учителя до секретаря Мордовской секции ЦК РКП (б). Будущий поэт с детства проявляет интерес к устному народному творчеству, проникается его красотой и глубиной. В семинаристские годы начинает увлекаться поэзией, в которой выразил свое видение окружающей действительности и выразил свое отношение к историческим, общественным и политическим процессам начала XX века. В 1912 году в Москве поэт издает русскоязычный сборник «Песни и думы народного учителя», в который, кроме стихотворений, включил 15 народных песен, переведенных им же на русский язык. Выход сборника ознаменовал начало нового этапа в становлении русскоязычной традиции мордовской художественной словесности.

Вошедшие в сборник стихи в романтико-реалистической манере воспевают красоту и величие природы и передают восхищение ею лирического героя, в душе которого нюансы окружающего мира вызывают тонкие чувства. Поэт восхищается не только красотой природы, но и через ее картины рефлексирует о социальных проблемах. Нежный цветок ландыш – символ весеннего пробуждения – подчеркивает не только обновление природы, но и поет «о свободной дикой воле» [Дорофеев 1964, с. 35]. Свободолюбивые мотивы пронизывают сборник и подчеркивают мировоззренческие предпочтения поэта, который стал живым свидетелем трансформации общественной и социальной жизни: «Так жить нельзя, так невозможно / Пройти всей жизни длинный путь: / Все силы темные безбожно / Гнетут наш разум, давят грудь» [Дорофеев 1964, с. 68].

Лирика З. Ф. Дорофеева начала XX века заложила основы развития поэтических форм русскоязычной поэзии, которая впоследствии овладела всеми жанровыми формами, достоверно и эстетически убедительно осваивала действительность, обогащая национальную поэтическую систему новыми и яркими художественными решениями.

Если З. Ф. Дорофеев – один из зачинателей лирических форм начального периода формирования мордовской литературы на русском языке, то С. В. Аникин определяет жанровую направленность ее прозаической составляющей. Отличающееся реалистическим началом литературное творчество С. В. Аникина отражает сложные и противоречивые социально-философские искания эпохи, положившей начало коренным изменениям в нашей стране. Выходец из крестьянского сословия, он всю свою жизнь посвятил защите интересов селянина, пройдя путь от сельского учителя до депутата Государственной Думы России от крестьянской партии. За свои политические убеждения и литературно-публицистические взгляды подвергался гонениям, прошел тюрьмы и вынужденную эмиграцию. Основная тематика рассказов и очерков писателя естественным образом связана с художественным осмыслением крестьянской доли. Он стремится исследовать душу крестьянина, его

чаяния и изображает «деревню не как метафизическое явление, раз и на всегда застывшее в дикости, мраке и нищете, а как деятельный и живой организм, стремящийся к изменению существующих порядков, традиций и устоев» [Дёмин 2014, с. 22]. Свои рассказы и очерки писатель печатает в журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», в газете «Саратовский листок». Отдельной книгой произведения С. В. Аникина вышли в 1911 году в Санкт-Петербурге под назва-нием «Деревенские рассказы». Писатель в своих рассказах и очерках стремится раскрыть потаенные черты характеров своих героев – простых сельских тружеников. Их внутренний мир богат, эмоционален, и раскрывается автором посредством не только портретных и речевых характеристик, но и картин окружающей природы, подчеркивающих их глубину и многогранность.

Писатель большое внимание уделял собиранию и изучению произведений устного народного творчества. Результатом кропотливой работы с фольклорным материалом стал русскоязычный сборник «Мордовские народные сказки», изданный в 1909 году. В него кроме сказок в литературной обработке самого писателя вошло пространное авторское послесловие, которое вполне можно считать историко-этнографическим очерком о мордве.

Новеллистическое и очерковое творчество С. В. Аникина стало заметным явлением в формировании русскоязычной прозы. Произведения писателя положили начало развитию прозаических жанров в последующей национальной литературе.

В эпоху после октября 1917 года под влиянием новых культурных, политических и социальных обстоятельств наблюдается бурный рост литературы на национальных языках. Появляются талантливые молодые авторы, расширяется жанрово-тематический диапазон их произведении. Сложившаяся культурно-литературная обстановка нисколько не мешает процессу дальнейшего формирования традиций и русскоязычной литературы. Наоборот, она способствовала овладению русскоязычными писателями более крупными жанровыми формами прозы и поэзии. Если в предыдущий период

активно развивались малые жанры, то теперь были освоены повесть и роман, поэма. Об этом свидетельствует творчество А. Я. Дорогойченко и Д. И. Малышева (Д. Морского) – ярких и самобытных авторов, внесших весомый вклад в становление и развитие национальной литературы на русском языке.

Творчество А. Я. Дорогойченко способствовало расширению жанровых границ русскоязычной прозы. Он автор повестей и романа, в которых через яркие образы рассказывается о кардинальных изменениях в эрзянской послереволюционной деревне. В повести «Степановна» (1924) писатель акцентирует внимание читателя на изменениях, происходивших в сознании крестьянина, его понимании предназначения коллективного труда на земле. Раскрывая яркие образы своих героев, автор использует сочные пейзажные картины, в которых проявилась его любовь к малой родине – эрзянско-русскому селу Большая Каменка Самарской губернии, где он родился в 1894 году, провел детские и юношеские годы и впитал прелесть устной традиции своего народа.

Вершиной творчества писателя стал роман «Большая Каменка» (1927), в котором он расширил и углубил художественное исследование жизни эрзянской деревни, начатое в предыдущей повести. В произведении реалистически отражен сложный процесс перестройки взаимоотношений в крестьянской среде – ломки старых устоев и зарождение новых форм хозяйствования. Другая важная тема романа – интернационализм. Автор достоверно показывает, как люди разных национальностей борются за свои социальные права и строят новую жизнь. Для придания этнического колорита писатель умело вплетает в художественную канву элементы устного народного творчества – частушки, песни, пословицы, загадки. При помощи этого ярче раскрываются этнические черты характера персонажей, помечаются детали быта и богатая народная культура.

Проза А. Я. Дорогойченко, художественно интерпретируя сложный процесс перестройки национальной древни 1920 годов и отражая общие тенденции отечественной литературы того времени,

стала заметным явлением в русскоязычном сегменте мордовской литературы. Она определила вектор развития прозаических жанров не только русскоязычных авторов, но и в целом мордовской литературы на следующих этапах ее развития.

Жизнь Д. Морского полна трагических обстоятельств – трижды подвергался необоснованному суду и более десяти лет провел в тюрьмах и лагерях. К лирике, отразившей его взгляды на происходящие события, поэт впервые обращается еще в годы первой мировой войны, участником которой он был. В коллективном сборнике «Яровой клин», вышедшем в 1921 году, были напечатаны несколько его стихотворений, осмысливающих начавшиеся изменения в жизни и место поэта в обновляющейся действительности. Росту поэтического мастерства способствовала учеба в Московском высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, знакомство и дружба со многими известными русскими поэтами, среди которых и С. А. Есенин. Итогом творческих исканий становится индивидуальный сборник стихов «Сурдина пурги» (1927), в котором проявилась яркая индивидуальность поэта. В стихах наблюдается приподнятое настроение автора, вызванное искренней верой в происходящие изменения, прежде всего, в деревне. Значительное место в сборнике занимают стихи, раскрывающие милые с детства картины природы.

Творчество Д. Морского положило начало развитию крупных жанровых форм в русскоязычной поэзии. Его поэмы «Ульяна Сосновская» (1929) и «Нувази» (1930) в лиро-эпической форме раскрывают исторические судьбы народа на разных этапах его жизни. Автор посредством фольклорной поэтики создает запоминающиеся образы представителей своего народа, стремящихся к индивидуальной свободе и борющихся как за личное, так и коллективное счастье. В первой поэме автор обращается к образу женщины-эрзянки, которая в новых исторических условиях борется за свое счастье, преодолевая веками сложившиеся предрассудки и устои. Во второй – поэтическими средствами воскрешает героические страницы истории своего народа – участие в пугачевском движении. В поэме нарисован

образ смелого и мужественного защитника народных интересов Сияжара, которому помогают мудрый старец Пичай и красивая гордая девушка Нувази.

Лирика и поэмы Д. Морского стали логическим завершением формирования традиций поэзии, в которой посредством русского языка достоверно и убедительно воссоздаются яркие картины национальной жизни, создаются колоритные образы – выразители этнического самосознания.

Русскоязычная литература – уникальный культурный феномен мордовского словесного искусства – формировалась в контексте общероссийского литературно-художественного процесса, генетически связана с исторической судьбой народа, отражает мировоззрение и историческую судьбу этноса. Ее художественные традиции сформировались в эпоху масштабных изменений и вобрали в себя самые прогрессивные историко-литературные явления. Заложенные в ней художественно-эстетические принципы определили дальнейшее развитие национальной литературы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов Ю. Г. Зарождение и пути развития мордовской драматургии. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 260 с.

Васильева Р. П. Художественный билингвизм в мордовской литературе и его национально-стилевая природа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1991. – 17 с.

Дёмин В. И. История мордовской литературы. – Саранск: Изд. центр ИСИ МГУ им. Н. П. Огарёва, 2014. – 216 с.

Дорофеев З. Ф. Собрание сочинений. Т. 1. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. – 236 с.

Хугаев И. С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Владикавказ, 2010. – 48 с.

УДК 821.511.131-3”1920/1930”.09(045)

С. Т. Арекеева
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

S. T. Arekeeva
Udmurt State University, Izhevsk

КОНЦЕПЦИЯ ГЕРОЯ В НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УДМУРТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ 1920–1930-х ГОДОВ

THE HERO CONCEPT IN THE NOVELS OF UDMURT ENLIGHTENMENT WRITERS OF THE 1920–1930s

Аннотация. Изучен «геройный ряд» в произведениях удмуртской малой прозы послереволюционного десятилетия. Приведенный материал демонстрирует многообразие изображенных типажей, подчеркивая разнонаправленность идейно-эстетических поисков удмуртских писателей. Согласно контексту времени одной из закономерностей изображения человека в удмуртской новеллистике является его наделенность драматичной или трагической судьбой, в том числе обусловленной конфликтными отношениями с новой властью. Поведение наиболее ярких героев обрисовано в психологическом ключе, что свидетельствует о таланте авторов и обуславливает художественную силу воссозданных образов и картин.

Abstract. The article presents a «hero raw» of Udmurt minor prose works of the post-revolutionary decade. The given material demonstrates the variety of depicted types, emphasizing the divergence of ideological and aesthetic searches of Udmurt writers. According to the context of time, one of the regularities of the person image in Udmurt novels is his endowment with a dramatic or tragic fate, including those caused by conflict relations with the new government. The behavior of

the most striking characters is described in a psychological way, which indicates the talent of the authors and determines the artistic power of the recreated images and paintings.

Ключевые слова: удмуртская малая проза 1920–1930-х гг., рассказ, герой.

Keywords: Udmurt minor prose of the 1920–1930s, short story, hero.

Удмуртская малая проза 1920–1930-х годов – это значительный пласт литературы, представленный разными именами, жанровыми формами, образами героев, типами конфликтов. Остановим внимание на образах героев. По выражению Д. С. Лихачева: «Человек всегда составляет центральный объект литературного творчества. В соотношении с изображением человека находится и все остальное: не только изображение социальной действительности, быта, но также природы, исторической изменяемости мира и т. д. В тесном контакте с тем, как изображается человек, находятся и все художественные средства, применяемые писателем» [Лихачев 1987, с. 3].

На этапе становления и динамичного развития национальной литературы галерею персонажей удмуртской новеллистики составляют образы, созданные такими авторами, как К. Яковлев (1890–1937), Кедра Митрей (Д. Корепанов, 1892–1949), Айво Иви (И. Векшин, 1892–1963), Кузебай Герд (К. Чайников, 1898–1937), М. Кельдов (1900–1930), А. Клабуков (1904–1984) и многие другие.

В первую очередь стоит отметить корпус произведений так называемой «беглоиады» (А. Шкляев), в которых воссозданы «беглые» герои: будучи отверженными, они бегут от рекрутчины, расслоившегося патриархального мира, от семейного деспотизма и др. В образе главной героини из рассказа Кузебая Герда «Матӥ» («Матрёнушка», 1920), Шактыра из рассказа И. Соловьева «Кузь нюк» («Длинный лог», 1928) в фольклорно-романтической форме изображается жертвенная судьба маленького человека.

Тип героя-страдальца, изгоя также изображен в рассказе И. Дядюкова «Пашка Педор», где автор сосредоточен на участи безземельного безлошадного бедняка, безвинно подвергшегося публичной порке. О нарицательном характере данного образа, к примеру, свидетельствует публицистическая статья удмуртского журналиста и литературоведа А. Шкляева «Асьмеос ваньмы Пашка Педоръёс» («Мы все Пашка Педоры»), где автор подчеркивает, что в современном обществе победившего капитализма униженных, растоптанных людей, не умеющих за себя постоять, нещадно эксплуатируемых, подобно Пашка Педору, стало слишком много. Отталкиваясь именно от образа дядюковского горемыки-страдальца, современный удмуртский писатель В. Ар-Серги создал рассказ «Пашка Педор-транзит».

Совершенно очевидно, что в удмуртской литературе послереволюционного десятилетия на первый план выходит изображение человека в системе классовых координат. Одним из тех, кто ярко показал послереволюционную действительность в ее классовой полярности, является Кедра Митрей (Дмитрий Корепанов). Яростное, непримиримое столкновение бедных и богатых – в центре таких рассказов автора, как «Чут Макар» («Хромой Макар», 1929), «Шӧртчи Ондрей» («Бесстрашный Ондрей», 1931). Причем борцы за классовую справедливость в данной схватке выходят победителями. Особенностью писательской манеры Кедра Митрея является и то, что в рассказах «Сурсву» («Березовый сок», 1925) и «Мон-А-Чим» («Я-сам», 1927) повествование ведется от имени очеловеченных образов березы и обезьяны, которые проживают свою драматичную судьбу в условиях жестокой, бесчеловечной классовой борьбы. В рассказе Кедра Митрея «Вожмин» («Наперекор», 1930) поведение и проявления героев выходят за рамки идеологически-заданных социальных масок. Главная героиня Наталья, поселившаяся со своей семьей в экспроприированном доме бывшего хозяина, деревенского богатея, мучима плохими предчувствиями: она инстинктивно-совестливо ощущает, что переступлены какие-то человеческие законы, за которые придется держать слово,

нести наказание, ибо невозможно построить счастье на несчастье другого. Образ кулака в данном рассказе, на наш взгляд, также представлен не «хрестоматийно: в нем проступают черты не только злодея-вредителя, но и живого человека со своими переживаниями. Боль Чубой Ивана по поводу потери своего дома выглядит естественной. Он мстит новым хозяевам жизни, не умея и не желая примириться с лишениями и со своим новым положением. Неодномерность образа Чубой Ивана особенно ощутима в сравнении с героем одноименного рассказа Кедра Митрея «Кузь Яган» («Долговязый Яган», 1931), который нарисован более плоско и однолинейно – как патологический кровопийца, тиран и душегуб.

Одним из интересных авторов рассматриваемой историко-литературной эпохи является Матвей Кельдов, крупным планом изобразивший представителей уходящего класса, дав читателю возможность всмотреться в их неоднозначную личность, проникнуться сочувствием к их переживаниям. В рассказе «Кристосэз вузась (Семен Туринлэн верамез)» («Христопродавец (Рассказ Семена Турина)», 1929) М. Кельдов создал образ попа, который отошел от своего круга и пытается стать «своим» среди рабочих, выполняя вместе с ними тяжелую физическую работу. Детали подчеркивают вынужденность данного шага героя, находящегося в тисках времени, когда поиск себя в массе приобрел судьбоносность. Однако предпринятое действие не приносит отцу Василию успеха, определив ему ситуацию маргинала: с одной стороны, попа сторонятся рабочие, с другой, – благочинный и богатый крестьянин, бросающие ему реплику: «Сволочь! Христа за червонец продал. Иуда! Предатель!»[*].

В центре рассказа М. Кельдова «Бегентыло» (1929) образ кулака Пуда Михайлыча, не соответствующий стереотипам советской эпохи, что стало причиной идейного неприятия произведения официальной критикой и рождения ярлыка-идеологемы «бегентыловщина».

[*] Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – С. А.

На самом деле, М. Кельдов взял главного героя из реальной деревенской действительности, которую сформировали сложнейшие экономические и социально-психологические катаклизмы. Государство стремилось за счет крестьян решить проблему ускоренной индустриализации, а потому вынуждало их продавать хлеб по низким закупочным ценам. Для выполнения планов по хлебозаготовкам применялись насильственные, чрезвычайные меры. «Насилие над имущими крестьянами, принимавшее безудержные темпы, вызвало ответные действия. И налоговый пресс, и насильственное изъятие хлебных запасов с опорой на батрацко-бедняцкие слои, и навязываемый земельный передел не могли не вызвать защитной реакции со стороны так называемого “кулачества”» [История Удмуртии… 2005, с. 179].

На таком фоне пишется рассказ «Бегентыло». Критика отождествила автора с главным героем Пудом Михайловичем, приписав ему, например, следующие размышления: «Если раньше были бояре, теперь вместо них коммунисты. Поэтому теперь так сложно вступить в партию… Если всех людей сделать боярами, кто будет землю пахать? А, не вступая в партию, в стороне от колхоза, скоро жить будет невозможно. Труженика начисто задушат налогами…» [Кельдов 1989, с. 67]. Подобные высказывания принадлежат и другому герою – Лёгору: «Накопленное потом добро подчистую хотят отобрать. Если не вступаешь в колхоз, все хорошие земли им отходят... Вступаешь в колхоз – капут, не вступаешь – капут…» [Кельдов 1989, с. 67]. Разговор героев-кулаков действительно для того времени звучит крамольно: это не отдельные фразы, а развернутые рассуждения героев, занимающие не одну страницу текста. Враждебный новому строю смысл этих диалогов был замечен и в реплике главного героя о том, что город живет за счет деревни. Критика не проходит и мимо того, что героям-кулакам удается реализовать свои замыслы: они блокируют работу колхоза, жестоко расправляются с инструкторами и др. – всё это обнажало слабость и беспомощность Советской власти.

Однако автор не оправдывает и не осуждает своего героя, но пытается дать понять читателю мотивы его поступков, в том числе причины, побудившие его к жестокости. Ощущая и по-своему переживая дегуманизм и трагические противоречия послереволюционного времени, М. Кельдов сосредоточивает свое внимание на героях, вычеркнутых новой эпохой из жизни, то есть на тех, кто заведомо не имел будущего. Косвенно писатель утверждает ценность каждого человека как личности, с его правом на свободу, счастье, на выбор собственного жизненного пути, даже в условиях бесчеловечности. Разумеется, такая позиция не вписывалась в новую риторику, не отвечала требованиям советской идеологии.

В ряде других рассказов М. Кельдов тонко-иронично высмеивал молодых строителей новой жизни, выставив их болтунами, демагогами, бесплодными фантазерами и мечтателями. Помимо нетипично выведенных образов кулака, попа, комсомольца и др., писатель вводит в удмуртскую литературу образ повествователя-интеллигента, пытающегося разобраться в сложных жизненных процессах своего времени.

Анализируя ощущения своего современника, писатель избегает категоричности и дидактизма. Рассказам М. Кельдова свойственна так редко встречающаяся в удмуртской новеллистике данного периода недосказанность, за которой скрывается признание сложной неоднозначной сущности жизни и человека, что роднит его, на наш взгляд, с другим талантливым автором – М. Тимашевым, а также с К. Гердом, призывающим удмуртских писателей «вскрывать полутени, полузвуки, порой трудноуловимые шорохи и полушумы современной жизни…». Они были единодушны в том, что «резкие контрасты, резкие звуки – это лишь наиболее яркие, наиболее заостренные моменты проявляющейся жизни и борьбы» [Герд 2004, с. 327].

В галерее героев, созданных удмуртскими писателями-прозаиками в 1920-е годы, особняком стоит образ, созданный Игнатием Дмитриевым-Кельда. В его рассказе-повести «Кызьы умой улон дунне вуоз» («Как придет хорошая жизнь») изображен тип созидателя, строителя, «деятельного человека» или «человека делающего».

Сюжет произведения представляет собой цепь причудливых, с точки зрения окружающих людей, деяний предприимчивой личности. И основная проблема, актуализированная в произведении, может быть определена, как «человек и дело».

Главный герой рассказа Петр, участник Первой мировой войны, после плена возвращается в родную деревню, в отчий дом и решает преобразовать действительность по тем ориентирам, которые получил в Дании: «Когда после побега из Германии оказался в Дании, как будто в иной мир попал. Дома добротные, чистые, красивые и аккуратные. Дворовые постройки крепкие. Хозяйственный инвентарь *букв.* как застывшее железо, радостно брать в руки. Скотина откормленная, породистая. Лошади как вихрь» [Кельда 2008, с. 37].

Как можно понять, произведение Иннакея Кельды нацелено на то, чтобы научить отдельных людей (не коллектив) жить лучше, богаче. Созданный им тип героя доказывает читателю, что один человек (каждый человек!) в силах изменить свою жизнь и жизнь окружающих, сделать ее экономически состоятельнее

В рассказе-повести «Кызьы умой улон дунне вуоз» нет классовых врагов, мешающих нововведениям главного героя, однако, тормозом является косное сознание людей, которые привыкли работать по старинке. Вина Петра в том, что он нарушил привычную инертную жизнь своих земляков. Цитата из текста – «Неведомо откуда вернулся покойный Петр и испортил жизнь» [Кельда 2008, с. 54]. Его деловитость так непривычна, что старожилы видят в этом происки нечистой силы: «Часом не привел ли этот с собой лешего!» [Кельда 2008, с. 37].

Петр – первопроходец, добивающийся всего за счет своей головы и своих рук. Помимо Дании, примером для Петра является учитель Иван Павлович, который, стремясь научить крестьян хозяйствовать по-новому, ушел из школы и организовал хуторское хозяйство.

Очевидно, что герой И. Кельды типологически близок к архетипу «культурного героя» – мифического персонажа, который добывает или впервые создает для людей различные предметы

культуры (огонь, культурные растения, орудия труда), учит их охотничьим промыслам, ремеслам, искусствам, вводит определенную социальную организацию, брачные правила, магические предписания, ритуалы и праздники» [Мифы народов мира 2003, с. 25]. Характер нововведений Петра сродни деяниям, к примеру, персонажей карело-финского эпоса «Калевала». Он дает людям образцы: как, что и когда сеять, как обрабатывать землю и ухаживать за домашним скотом, наконец, как жениться и т. д. Конечно, если быть точнее, Петр – медиатор этих культурных благ, ибо он все заимствовал из Дании. Так, более развитая страна посредством стараний Петра передает свои культурные блага отсталой стране. Тем не менее, герой И. Кельды – тоже своеобразный просветитель, цивилизатор, с которым, помимо всего, связано внедрение грамоты, открытие школы и т. д. Петр указывает односельчанам источники изобилия и процветания и добывает их для людей. К таковым относится и используемый героем сепаратор, выполняющий роль чудесного «сампо».

И. Дмитриев-Кельда предложил читателю типаж, оставшийся одиноким в удмуртской литературе данного периода: это человек, планомерно и рационально выстраивающий жизнь, являющийся хозяином своей судьбы.

В произведениях Айво Иви, К. Яковлева, А. Багая и др. с помощью юмора и сатиры высмеивается человек пореволюционной эпохи, окутанный шлейфом устаревших взглядов, привычек, ценностей, происходит бичевание суеверий, пьянства, темноты, невежества. Среди рассказов А. Багая выделяется своеобразный цикл, объединенный фигурой персонифицированного героя-рассказчика Локан Петыра (Петра Лоханкина).

Образы авантюрных героев нарисованы в рассказах К. Яковлева, в рассказе-очерке М. Волкова «Парсь Петя».

Герои К. Яковлева, создавшего рассказы «Лякыт должность» («Удобная должность», 1928), «Ардальон Ардальоныч» (1929), «Коньяк» (1929) и др., – вчерашние крестьяне, сегодняшние функционеры, вынесенные волной жизни, политическими веяниями

в другую среду. Внимание писателя привлекает типаж человека, оказавшегося в своеобразном пограничном положении: не удмурт – не русский, не дере-венский – не городской, не крестьянин – не служащий.

В рассказе «Парсь Петя» фрагментарная композиция, эмоционально-взволнованный тон повествования «работают» на раскрытие идеи художника, что мутное, хаотичное время больших перемен и потрясений – благоприятная почва для появления всякого рода самозванцев, «пророков», смутных личностей. Автор апеллирует к темноте народа, его неграмотности, благоприятствующим пародийно-аморальным деяниям нового «Криста».

Мошенник-плут Парсь Петя манипулирует людьми, легко внушая им мысль о конце света и спасении через блуд. Эпизоды и сцены, в которых описываются оргии и безобразия, организуемые героем, воспроизведены подробно и натуралистично. Все это отражает общие натуралистические тенденции, свойственные литературе анализируемого периода. Следует отметить и то, что детализация интимных частностей – не просто «дань» документализму, но и желание автора шокировать, впечатлить читателя.

Героя Волкова можно рассматривать как организатора и участника своеобразного «карнавала», когда «верх» и «низ», сакральное и профанное меняются местами. Евангельское учение оказывается перевернутым по смыслу. Маргинальный герой и его деяния воссозданы в явном травестийном ключе.

«Развенчание» героя происходит по причине несбывшегося предсказания о конце света. Обманутые люди разочаровываются в своем кумире и отходят от него. И тут автор предлагает совершенно неожиданный поворот в судьбе героя, приведя его в коммуну. Вокруг Парсь Пети вновь собирается народ: «Вокруг него, доверившись ему, сходятся люди, оставшиеся без своего имущества» [Волков 2008, с. 81]. Эпатажная метаморфоза героя сродни его скандальной личности: из крестьян – в «попы», затем – в коммуну.

Для повествователя Парсь Петя – загадка, до конца не познанный объект. Интересно то, что автор в окружающей его современности увидел новый тип личности, а простых людей сумел

показать в роли жертв кризисного исторического времени, катаклизмов эпохи.

Говоря о литературном контексте 1920–1930-х годов, заметим, что рассказ-очерк «Парсь Петя» в целом является достаточно необычным произведением для своего времени. С одной стороны, главный герой рассказа – самозванец, шарлатан, представляющий собой, так или иначе, вариацию плутовского антигероя, который стоит в одном типологическом ряду с художественными образами шулеров, проходимцев, знахарей, ворожей из произведений других удмуртских писателей, творивших в этот же период (Е. Евсеев, К. Яковлев). С другой стороны, персонаж М. Волкова имеет реального прототипа, и его история, заканчивающаяся судом и вынесением приговора на долгих восемь лет тюрьмы, направлена на то, чтобы произвести эффективное воспитательное воздействие на читателя. И все же мысль автора о перерождении святотатствующего самозванца и справедливом суде над ним достаточно противоречива, как и само время.

Таким образом, удмуртская малая проза характеризуется многообразием персонажей, в которых находит отражение сложная сущность послереволюционной действительности и суть решаемых авторами идейно-художественных задач.

ЛИТЕРАТУРА

Волков М. Парсь Петя // «Кылёз лёгем но пытьымы…» («Мы след оставим на земле…»): хрестоматия-практикум по удмуртской литературе (1918–1935-е гг.) / авт.-сост. С. Т. Арекеева, Г. А. Глухова. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – С. 72–86.

Герд Кузебай. Вотяцкая литература // Герд Кузебай. Собрание сочинений. В шести томах. Т. 4: Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма / сост., авт. предисл., коммент. Ф. К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – С. 318–339.

История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. – 544 с.

Кельда И. Кызьы умой улон дунне вуоз // «Кылёз лёгем но пытьымы…» («Мы след оставим на земле…»): хрестоматия-практикум по удмуртской литературе (1918–1935-е гг.) / авт.-сост. С. Т. Аркеева, Г. А. Глухова. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – С. 32–56.

Кельдов М. С. Бегентыло // Выль дунне (Новый мир): антология. – Т. 1. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 65–81.

Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Человек в литературе Древней Руси: монография; О «Слове о полку Игореве»; Литература – реальность – Литература; О садах. – Л.: Худож. лит., 1987. – 520 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / под ред. С. А. Токарева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – Т. 2. – 719 с.

УДК 821.511.152”19”.09(045)

О. И. Бирюкова
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

O. I. Biryukova
Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Saransk

ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГЕНЕЗИСЕ МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

INO-NATIONAL TRADITIONS IN THE GENESIS OF MORDOV LITERATURE

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос формирования литературного процесса мордвы начала XX века, основанный на интеграции литературно-художественных принципов молодой финно-угорской и русской литератур. В качестве контекстного межлитературного диалога привлекаются произведения А. В. Аникина, Г. Успенского, А. П. Чехова. Корпус привлекаемых для анализа произведений обусловлен, во-первых, их содержательной и формальной репрезентативностью, во-вторых, значимостью в истории национальной литературы.

Abstract. The article considers the issue of the formation of the literary process of the Mordovians in the early twentieth century, based on the integration of the literary and artistic principles of young Finno-Ugric and Russian literature. The works of A. V. Anikin, G. Uspensky, A. P. Chekhov are used as a contextual interliterary dialogue. The body of works involved in the analysis is determined, firstly, by their content and formal representativeness, and secondly, by the significance of the artistic contribution to the development of national literature.

Ключевые слова: литература, традиции, генезис, мордовская литература, русскоязычие, новаторство, рассказ.

Keywords: literature, traditions, genesis, Mordovian literature, Russian language, innovation, story.

Литература как часть культуры развивается в условиях широкого внутреннего (в пределах межнациональной литературы) и внешнего (межлитературного) диалога, который в любом случае осуществляется: и тогда, когда национальные литературы, вступившие в диалог, находятся на разных этапах и уровнях развития, и тогда, когда они принадлежат различным культурным, этническим, зональным общностям. При этом важно осознавать, что «диалог литератур» предполагает не оценку (лучше или хуже), а осмысление своеобразия каждой из них путем их сопоставления.

Сущность проблемы межкультурной коммуникации весьма удачно обозначена лауреатом Нобелевской премии К. Гэлбрейтом, который обозначил этот феномен как «желание человека быть услышанным» [Цит. по: Бирюкова 2011, с. 104], уточнив, что при подобном влиянии ни одна из культур не теряет своей самобытности и не растворяется в общей культуре, а является добровольным овладением представителями одной культуры привычками, традициями и ценностями другой с целью обогащения собственной культуры.

Одной из главных предпосылок успешной социокультурной коммуникации является лингвистическая общность коммуникантов, то есть наличие единого (родственного) для обоих языка общения. Социальный по своей сути, он составляет часть человеческого поведения, которое включает в себя как вербальную, так и невербальную формы, поскольку язык в определенной мере подчиняется тем же законам, что и человеческое поведение в целом. С высказанными тезисами тесно связана проблема двуязычия, которое на территории большинства регионов бывшего СССР и нынешней России стало живой реальностью, имеющей глубокие исторические корни.

Дискуссионность данного явления очевидна и актуальна. Вместе с тем настораживает пафос отрицания русскоязычия как

пагубной тенденции в развитии народа, его языка и культуры, поскольку проблема склонна перерасти в разряд «модных», навеянных временем тем. Важно учитывать, что проблема русскоязычия имеет несколько самостоятельных аспектов: лингвистический, историко-культурный, социально-национальный, литературно-художественный. Не оспаривая их взаимообусловленности, необходимо признать автономное функционирование всех аспектов с их специфическими особенностями.

Под двуязычием (в нашем случае русскоязычием) понимаем владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения. Дискретность такой эволюции в новейшей истории России объясняется особенностями геополитического характера, которую принято связывать, в первую очередь, со спецификой этапов развития национальных формирований. Современный социолингвист Ю. Дешериев под двуязычием понимает «переходный период процесса смены одной языковой системы другой» [Дешериев 1977, с. 12], способствующий вымиранию предшествующего языка и расцвету последующего. Следовательно, русскоязычие как период способно исчерпывать себя, и его исчезновение обусловлено поступательным развитием полиэтнического общества. Но, например, в культуре Поволжья и Приуралья в XX веке проявляется возможность устойчивого русскоязычия не только как переходного явления, но и как способа сосуществования нескольких языков, имеющих равнозначный статус и широкое распространение. Примером тому может служить языковая ситуация в Мордовии, когда национальные языки и «русский язык не только функционируют в устной форме, но и становятся фундаментом отдельных ветвей мордовской литературы» [Жиндеева 2004, с. 8].

Обозначим социально-исторические причины, способствовавшие интенсивному развитию русско-мордовских отношений в конце XIX – начале XX в. Корни данного процесса у мордвы уходят в глубь истории. Являясь одними из древнейших народов России, мокша и эрзя под общим названием мордва были известны

уже с IV в. новой эры, то есть со времен великого переселения народов, сопровождавшегося многочисленными войнами. Особенностью исторических судеб мордовских племенных объединений, а затем и мордовской народности является тот факт, что с VII в. начинается проникновение на их земли славянского, а позже русского населения. Этот процесс шел намного интенсивнее и шире, чем у других родственных народов – марийцев, коми, удмуртов. Осуществлялся он в основном двумя путями – «путем мирного проникновения на мордовскую территорию русского трудового населения и путем княжеских завоевательных походов» [Филатов 1965, с. 92], приведших в итоге к разобщенности мордвы в территориальном и языковом отношениях. Такие условия исторического развития в конечном счете привели к тому, что на территории, где издавна проживала мордва, к концу XIX в. осталось чуть более 30 % коренного населения. Мордва покидала свои исконные земли, сохранив при этом черты своей национальной самобытности и национальное сознание.

Присоединение мордовских земель к Российскому государству совпало с периодом усиления феодальной раздробленности, отделением народа от зажиточной прослойки. В течение XVI–XVII вв. «мордовские княжеские фамилии вошли в состав феодальной верхушки и постепенно обрусели» [Абрамов 1989, с. 15]. Таким образом, своеобразное «срединное» положение мордвы на территории России было одной из важных предпосылок, которые способствовали формированию общности исторических судеб мордовского и русского народов.

Первые литературные художественные произведения мордвы также создавались на русском языке, что было обусловлено рядом причин:

– во-первых, развитию литературы на национальном языке в дооктябрьский период препятствовала национальная политика царской России, тормозившая культурный прогресс малых народов;

– во-вторых, сказалось и то, что богатых письменных художественных традиций у мордвы не было, и первые национальные

авторы учились художественному творчеству на примере русской литературы;

– в-третьих, повлияли такие факторы, как начальный процесс формирования литературного языка национальных литератур Поволжья и Приуралья, его невостребованность малочисленной национальной читательской аудиторией, отсутствие печатных органов и издательств на родном языке.

Следовательно, первые национальные авторы хорошо осознавали, что русский язык для них – «инструмент не только выражения, но и самопроверки. Было бы страшно лишиться этого инструмента» [Аверинцев 1986, с. 3].

Существует еще один фактор, тесно связанный, с одной стороны, с потенциальными возможностями национального литературного языка, а с другой, – с природой художественного мышления писателя, в конечном итоге приводящей к билитературности. Речь идет о том, что в творческой судьбе отдельного художника слова наступает момент, когда он начинает ощущать острое сопротивление родного языка своему мышлению и образному видению мира, т. е. его творческой фантазии становится тесно в рамках замкнутой национальной языковой системы, и она находит воплощение за ее пределами, в системе «чужого» языка. При этом ослабление национально-культурной функции языка вовсе не означает замену родного языка другим, а тем более не является показателем ассимиляции. Художественный билингвизм является высшей степенью овладения двумя языками, так как творчество на каком-либо языке требует совершенного знания и чувствования этого языка.

Русско-мордовские литературные связи начали устанавливаться со времени опубликования М. Евсевьевым «Мордовской свадьбы» в журнале «Живая старина» (1892) и комментария журнала о значении этой публикации для русского читателя; с опубликования материалов Х. Паасонена «Mordwinische Volksliteratur»; с создания первых учебников для мордвы («Букварь для мордвы-эрзи» (1892); «Букварь для мордвы-мокши» (1897)). Если эти явления только обозначали первые попытки осмысления народной

литературы мордвы, то с усилением демократического движения в начале XX в. литературные опыты приобретают устойчивый характер, проявившийся в оригинальном художественном творчестве зачинателей мордовской прозы (С. Аникина, В. Бажанова, А. Дорогойченко, З. Дорофеева, А. Завалишина, С. Кондурушкина и др.).

В качестве убедительности выдвинутых выше тезисов и яркой иллюстрации взаимосвязи мордовской и русской литератур приведем анализ рассказов одного из первых представителей мордовской литературы – Степана Васильевича Аникина (1868–1919).

Творчество С. Аникина представляет собой синтез самобытного национального творчества и традиций русской классики. Развиваясь как писатель в русле народнической литературы, он воспринял и творчески переработал лучшие идейно-эстетические традиции писателей-народников Г. Успенского, В. Короленко, Н. Михайловского и др. Выходец из крестьянской семьи, он знал сельскую жизнь. Поэтому многие его произведения связаны с деревней. Несмотря на разнообразие тем, сюжетов, образов, рассказы «Молотьба», «Плодная осень», «Жить надо» и другие имеют нечто общее, что не просто сближает их, но и наполняет единой внутренней сутью, каковой стала философия «черноземной жизни»*. Власть земли – вот та сила, которая определяет крестьянское мировоззрение, народную нравственность. Народ силен и крепок до тех пор, пока сила земли властвует над его умом и совестью.

В рассказе «Молотьба» (1913), который представляет собой зарисовку одного трудового дня поволжских крестьян, С. Аникин поэтизирует сельский труд, в нем и в общении с природой он видит главный источник нравственной красоты человека. «Зимняя ночь снова кутает землю тенями и страхами, но нам не до страхов. Устали. В зените блеснули тусклые звезды, одна и другая; зерно все шуршит, все сопит, пересыпается и держит нас в своей непоколебимой власти, как рабов» [Аникин 2006, с. 125]. Природа вне человека не интересует писателя. Пейзаж у С. Аникина, как

* В научный оборот термин введен С. В. Алешкиной.

и у Г. Успенского, например, почти всегда социально окрашен, связан с общей идеей произведения, подчинен ей, предельно лаконичен и имеет право на жизнь только в той мере, в какой помогает раскрытию этой идеи.

Рассказы С. Аникина «Гараська-диктатор» и «Стена глухая» по тематике, идейному содержанию близки очерку Г. Успенского «Будка» и вместе с тем продолжают традиции обличительной сатиры М. Салтыкова-Щедрина. Гараська-диктатор и надзиратель Макарушкин, как и герой Г. Успенского будочник Мымрецов, выступают олицетворением отлаженного механизма насилия, всей охранительной системы самодержавной действительности. И будочник Мымрецов («Будка»), и стражник Гараська («Гараська-диктатор»), и надзиратель Макарушкин («Стена глухая») – господа сложившегося положения. Писатели-реалисты раскрывают запутанность жизни, в тенета которой попадает простой человек, несчастное существо, которому и вперед нельзя, и назад дороги нет, а есть только беспросветная жизнь без какого-либо намека на перемены.

Говоря об идейно-художественном становлении С. Аникина как писателя-реалиста, нельзя не сказать об освоении им чеховских традиций. Чеховское умение рассмотреть сквозь бытовые явления социальный подтекст, стремление увидеть внутренний мир простого «маленького человека», проявить сочувствие к униженным и оскорбленным определило развитие и расцвет внешне неяркой бытовой новеллы, короткого рассказа.

Подлинный научный анализ чеховских традиций возможен только в том случае, если исследование будет вестись не в плане поисков, оторванных от общего идейно-художественного контекста реминисценций. Необходимо раскрыть всю глубину идейно-художественной близости того или иного писателя к А. Чехову, к его эстетической концепции, а не сводить анализ к установлению тематического «схождения» или текстуальных совпадений, к поиску простых повторений чеховских ситуаций и образов. В противном случае возникает опасность принижения творческой самобытности национальных писателей, которые учились у А. Чехова.

Связь творчества С. Аникина с чеховскими рассказами о деревне проявляется очень четко. Основное содержание произведений мордовского автора – трагедия простых людей, вызванная их темнотой, невежеством и бесправием, окружающей их атмосферой черствости и несправедливости. С. Аникин в этом аспекте следует уже не методу Г. Успенского, хотя речь идет об изображении именно им открытых сторон жизни, а принципу изображения А. Чехова – подчеркнуто сдержанному, объективному, воспроизводящему жизнь во всей неприглядности. В то же время и рассказы С. Аникина, и рассказы русского классика согреты состраданием и сочувствием к героям, вскрывают и обнажают тяжелую правду жизни.

Чеховское влияние ярко отразилось в рассказе С. Аникина «Жить надо» (1913), в умении мордовского прозаика по-чеховски сжато, сдержанно и вместе с тем с большой впечатляющей силой рассказать о нищете и разорении безземельных крестьян, о крушении их надежд обзавестись землей.

Повествование ведется на фоне весеннего ненастья. Клочья грязных, разорванных туч низко скользят над головами и исчезают, оставляя холод и сырость. Жидкая дорожная грязь налипает на колеса подводы, на обувь шагающих по дороге людей. Пейзажная живопись рассказа могла бы быть принята за символику, но она вполне реалистична, как и образы, и язык персонажей. Из этой дорожной грязи возникает встреченная автором жалкая семья нищих-татар, бродящая в поисках пропитания.

Следуя единственному инстинкту жизни, эти люди мужественно и даже с какой-то внутренней гордостью за свою жизнестойкость делают все для того, чтобы выжить в невыносимых условиях. В этом всепоглощающем стремлении они не только не осознают трагичности своего положения, не только не видят источника этих бедствий, но, наоборот, искренне благодарны правительству за «заботу» о них. Герой рассказа говорит: «Жить нада… кормить нада… царь кормит…всяк человек царь кормит: и татар, и русска, и чуваш, и мордва… Спасибо ему…» [Аникин

2006, с. 66]. Тупая покорность обстоятельствам в сочетании с каким-то оптимизмом поразили и потрясли автора: хоронить умирающих от голода детей и рожать других, заботливо оправляя на них лохмотья, не спасающие от холода, наделять их лаской вместо куска хлеба, влачить нищенское существование – вот объективное содержание лозунга «Жить надо», которое проходит через все произведение.

Автор отвергает оскорбляющее человеческое достоинство полуживотное существование. Беспомощность обличителя делает его беспощадным и к своим героям. С. Аникин не довольствуется простым сочувствием к несчастным. Там, где раньше видели лишь трагедию попранной человеческой личности, отступление самих героев от человеческой нормы жизни, писатель увидел благородство и красоту человеческой души. Мы не согласны с утверждением, что «добро должно быть с кулаками». Этот тезис поставил бы С. Аникина на позицию требовательного и жестокого гуманизма, нашедшего своеобразное воплощение в концепции М. Горького. И в этом плане С. Аникин и М. Горький, как и А. Чехов и М. Горький, – антиподы. С. Аникин в данной ситуации ближе к Чехову, у которого страдание не унижает, а возвышает человека, заставляет жить.

По своему идейному содержанию произведение С. Аникина «Жить надо» близко «Мужикам» и «Горю» А. Чехова.

Слова аникинского героя «жить надо» по смыслу близки чеховским «жить бы сызнова». Однако сама постановка вопроса об ответственности человека за свою жизнь решается авторами по-разному. Если у А. Чехова речь идет об очень робких, смутных проблесках этого чувства у людей, остающихся еще отсталыми и темными, то героям С. Аникина до этого чувства еще далеко.

Много мрачных ситуаций из жизни крестьянства в повестях и рассказах А. Чехова («Горе», «Мечты», «Счастье», «Темнота» и др.) и С. Аникина («Холерный год», «Молотьба», «На Чардыме» и др.), но в них нет того, что настойчиво приписывают обоим писателям – пессимизма, который, на наш взгляд, является

отличительной особенностью прозы Г. Успенского. Они увидели в народной массе ту силу, которая рано или поздно поднимется. Так, в частности, в рассказах С. Аникина «По общественным делам», «Накануне», «Крамола» показывается приближение революции к деревне. Священник, обличающий вольнодумство («Крамола»), староста, отнимающий у сельской учительницы газету («По общественным делам»), молодые парни, которых тянет в город («Своей дорогой»), учитель, деревенские протестанты-«озорники» («Накануне») – таков основной круг героев прозы С. Аникина.

Способность проникать во внутренний мир героя и описывать события через его восприятие создает объективную манеру повествования, которая состоит не только в том, что изображаются объективно существующие или происходящие факты, события, явления, процессы социально-конкретной исторической действительности, вызывающие определенные чувства и настроения, но и то, что писатель как бы «самоустраняется» и дает возможность читателю самому выносить приговор, оценивать, делать выводы. Этот чеховский прием «самоустранения» можно найти во многих рассказах С. Аникина. Исключением, на наш взгляд, являются рассказы «Жить надо» и «Холерный год», в которых повествование ведется от первого лица, имеются комментарии, оценка героев и их поступков.

Делая ставку на сопереживающего читателя, А. Чехов в своих рассказах создает такую систему художественных средств, которая наиболее полно раскрывает внутренний мир героя, его чувства и настроения, наиболее сильно воздействует на читателя и создает нужное ему направление мыслей, чувств («Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Маска», «На гвозде»). Предпосылки, которые определили процесс овладения чеховскими традициями, проявились и во внимании С. Аникина к детали как средству художественной характеристики, в попытках войти во внутренний мир героев при помощи не только авторских описаний, но и путем показа поступков персонажей, а также через их восприятие окружающей обстановки. Например, в рассказах С. Аникина «На Чардыме»,

«Плодная осень», «Молотьба» постановка общественно значимых проблем всегда сочетается с лирически проникновенным показом картин природы. Поэтому о мастерстве Аникина-пейзажиста следует говорить особо.

Представленный сравнительный анализ дает основание утверждать, что стремление осмыслить роль русских писателей как в становлении и развитии мордовской литературы конца XIX – первой трети XX вв., так и в развитии своего собственного творческого опыта было свойственно первым мордовским авторам, в частности, С. В. Аникину. При этом мордовского прозаика интересовала та сторона творчества русского классика, которая оказывалась для него наиболее близкой, помогала формированию творческого почерка.

Исходя из вышесказанного, отметим следующее.

1. Проблема культурного (а в нашем случае литературного) диалога нами рассматривается не как набор неких отдельных ценностных, нормативных и прочих практических вопросов, а как целостный универсальный процесс взаимодействия культур. Отдельные литературы при этом предстают как уникальные совокупности духовных богатств. При вхождении в многокультурное пространство любая национальная литература участвует в создании целостной концепции и практики общенационального литературного процесса и одновременно нуждается в поддержке и развитии национального своеобразия и неповторимости. Следовательно, общенациональный литературный процесс необходимо трактовать как следствие «одновременно трансмиссии (преемственности и непрерывности развития) и диффузии (взаимопроникновения) литератур» [Бирюкова 2011, с. 135].

2. Мордовская литература на начальных этапах развития активно взаимодействовала с русской литературой, при этом развиваясь как самостоятельное индивидуально-авторское творчество, в котором, с одной стороны, реализовалась преемствен-ность, а с другой, – шел процесс преодоления творческой инертности.

3. Национальная специфика проявлялась в иной языковой ткани многообразно: точной передачей особенностей характера героев,

их жизненного уклада, раскрытием богатства внутреннего мира, через описание природы исторической родины, привлечением и использованием фольклорного материала и т. д. Особенно тогда, когда оттенки, интонации речи, ее образность, эмоциональность, афористичность, переданные через образные системы других языков, сохраняли свои национальные краски.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Вл. Мы всегда были здесь // Литературная Россия. – 1989. – 24 февр. – С. 15.

Аверинцев С. Парадоксы романа или парадоксы восприятия? Обсуждаем «Плаху» Ч. Айтматова // Литературная газета. – 1986. – 15 окт.

Аникин С. В. Жить надо // Сочинения: Степан Аникин, Степан Кондурушкин, Аполлон Коринфский, Александр Завалишин: конец XIX – начало XX в. / сост. С. А. Богданова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. – С. 64–67.

Аникин С. В. Молотьба // Сочинения: Степан Аникин, Степан Кондурушкин, Аполлон Коринфский, Александр Завалишин: конец XIX – начало XX в. / сост. С. А. Богданова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. – С. 120–126.

Бирюкова О. И. Жанровая парадигма мордовской художественной прозы: генезис, межлитературный и межкультурный контексты: монография. – Саранск: Мордов. гос. педагог. ин-т, 2011. – 322 с.

Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. – М.: Наука, 1977. – 376 с.

Жиндеева Е. А. Эволюция русскоязычной прозы Мордовии: автореф. дис. докт. филол. наук. – Казань, 2004. – 36 с.

Филатов Л. Г. О некоторых вопросах формирования мордовской народности // Этногенез мордовского народа. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965. – С. 81–100.

УДК 821.511.151-14.09(045)

Г. Н. Бояринова
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

G. N. Boiarinova
Mari State University, Yoshkar-Ola

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ Г. САБАНЦЕВА-ОЯРА

THE ARTISTIC WORLD OF G. SABANTSEV-OYAR'S LYRICS

Аннотация. В статье рассматривается своеобразие лирики марийского поэта Г. Сабанцева-Ояра. Подчеркивается тематическое разнообразие его поэзии, раскрывается мироощущение автора, национальное видение через призму образов, символов, культурных кодов. Делается вывод, что национальное мировидение проявляется в его лирике во многих аспектах – через тему, форму, мотивы, образы, поэтику. Поэт подчеркивает родственную связь человека и природы. Во многих его произведениях преобладает языческое мировосприятие лирического героя.

Abstract. The article discusses the originality of the lyrics of the Mari poet G. Sabantsev-Oyar. The thematic diversity of his poetry, the author's attitude, national vision through the prism of images, symbols, cultural codes are emphasized. It is concluded that the national worldview is manifested in his lyrics in many aspects – the theme, form, motives, images, poetics. The poet emphasizes the relationship between man and nature. In many of his works, the pagan worldview of the lyrical hero prevails. The poet's folklore-peasant worldview is the context of national culture as a whole.

Ключевые слова: художественный мир, лирический герой, тема, образы, символы, мировидение.

Keywords: artistic world, lyrical hero, theme, images, symbols, worldview.

Тема поэта и поэзии – вечная в мировой литературе. Для Г. Ояра поэзия – это звонкий бубенчик, боль, нимфа и материнское сердце как самое святое в жизни каждого человека. Она разнолика: «то хмурая осень, то зарево мая», «кормчий в житейские бури». Главное для поэта, чтобы потомки сказали: «А не зря ты сеял зерна слов!».

О величии и силе слова поэт рассуждает в стихотворении «В начале было слово…». Слово имеет силу, власть, за него «шли на плаху и принимали муки». Для автора важно, чтобы от простых слов поэта человек добрел, чтобы «стихи читали как молитву», ибо «поэзия с душою слита, она несет Благую весть». Поэт сравнивает поэзию с хлебом, самой святой для человека пищей. В поэзии не должно быть места злобе, она должна сеять добро:

И я пришел на землю
Узнать, где правда скрыта.
Душа моя раскрыта:
Я сердцем мир приемлю
[Ояр 2014, с. 11].

Но если поэт сам не горит, то словом он никого не согреет: «холодным будет твое слово», ведь поэзия, по утверждению автора, «огонь души поэта», где много солнц. Поэт, словно Данко, Прометей, «дарит людям свет», «чтоб каждый светом был согрет». Очень правильная метафора: «Живой огонь поэзии горит… и языком бессмертья говорит».

Земля для поэта – живое полотно, где пахнет цветами и медом, и чудным теплом. Это деревня с ее тишиной, первозданной природой: стекает вечер в тихий дол, седой туман, полная луна, как медная монета, звезды-подружки, сладкая дремота тихих деревень. Перед читателем встает конкретная картина с видимыми

предметами, знакомыми явлениями, такими, как в стихотворении «Летним вечером». В деревне слышен лягушек брачный звон, здесь неподалеку луг, «напившись млечного тумана», сыто дремлет, вечер раскинул свой полог, небо затянулось алым кушаком, тихо дремлет мир. Потом баян коснется тишины, позовет на гулянье молодежь.

В стихотворении «Ах, лето, лето!..» природа наполнена разными звуками. Кругом все «гудит, шумит, поет», слышно, как кукует кукушка. Она, крутя «судьбы веретено», загадывает о будущем. У поэта и солнышко спелое, вкусное – «каравай, да и только!», радуга поет цветомузыкой, струйки у нее, как струны, мелодий звуки, «дождь в коротеньких штанишках вдоль по улице бежит».

В конце лета в природе многое изменяется, она наполняется другими красками и картинами: это клин журавлей, разделяющий синь неба, «пальцы рябин покраснели и светят … издалека», «и солнце – большим караваем, чтоб быть нам в достатке всегда». Лето у поэта звонкое, яркое, деревенское.

Осень в стихотворениях поэта предстает во всей своей красе: это время листопада, время расставания, расставанья с летом, время ожидания, нового, неизведанного. Осенью береза бросает «желтых листьев венок». Осень «машет ярким платком», земля похожа на спелый ржаной каравай. Это время года для лирического героя – сказочный храм, где «осень нежно гладит склоны лисьим огненным хвостом», во всем видится игра пламени. Тишина, только иногда бесшабашный ветер «с задором начинает опять разговор», он, шустрый, то из лета в осень, то обратно в лето «бегает мальчишкой».

Осень – это школа, где «яблонька яблочком встретит» и «гроздья рябин на урок прозвенят». Как просто и в то же время точно, штрихами подмечает поэт эту пору. Преображение природы, седая просинь осени емко выражены в фразе «она вся в обновках», и листочек на ветке дерева светится, как пламя свечи. Поздняя осень для поэта – ожиданье зимы: «как усталость, как ненужное слово к стиху».

Зима ассоциируется с девушкой-марийкой, наткавшей холстов, расшившей тонко серебром. Все, кто не слеп душой, радуются снежинкам, они как рой бабочек, как яблоневые цветы, падающие на землю. Деревья на время застыли в тиши, лишь на небе «месяц бледный сгорбился сильней», даже троллейбус чудится «большим и белым, как медведь». Как тут не вспомнить народную мудрость о светиле в зимний день: «На холке быка оно медленно всходит, на спинке зайчонка за холм убежит».

Образ солнца автор связывает с судьбой человека, утверждая: «Жизнь-солнце ведь долго нас водит по свету, всплывает незвано лишь жизни луна». Луна и солнце – вечные спутники, они выступают в оппозиции друг другу. Неслучайно утверждение, что струны сердца поэт сверяет со снегопадом, идущим в лад, «идут белые снега, как из сердца – слова», снег хрустит, словно песню поет. Образ снега у поэта многогранен, зима вызывает разные эмоции. Поэт философствует, использует временные категории: «У времени нет ни конца, ни начала – мотается в вечности, словно клубок».

Зима уступает место весне, когда солнце уже смеется, она «как награда». Образ «весны-молодицы» автор видит в праздничном шуме половодья, в пьянящем воздухе, в золотом кольце, подаренном солнцем, в пении жаворонка. Весна у поэта озорная, молодая. Читаешь стихи и чувствуешь, как ветер с «жаром сосен в лицо дохнул», как солнце во все углы рассылает свои лучи. Не земля, а сама душа как будто избавляется от всего наносного, ненужного. Вдруг черно-белый мир превращается в цветной, тишь звенит серебряной капелью.

Весна – пора обновления природы, она полна жизни, звуков, гомона. Это песни жаворонка – гимн природе, когда ветер трет «горячими руками синеватый снег», у апреля сотни голосов (свадьба галок, птичий ор). Особенно впечатляет месяц май с «молодой калиной в кипении млечном», когда царствует «одногодка черемуха с девичьим станом». Зеленое пламя весны окрыляет душу лирического героя.

Стихотворение «Весенний дождь» богато на образы. Еще снег полностью не сошел, «белеет в поле лоскутками». Но грянул дождь,

«ударил по земле своими длинными ногами», заплясал звонко и задорно. Его неистовая пляска напоминает прошумевший скорый поезд, как «жизни трепетной истоки». Весна сияет пасхальным яичком. В звоне голосов, в половодье чудятся осколки, рассыпанные солнцем, и нет уж места старухе-зиме, колобродившей тут совсем недавно. Обращает на себя внимание зацветший ольшаник с красными сережками, бьющимися на ветру. Ольха – «для речки тишины хранитель», она подставляет солнышку ладошки, а для птиц она – «песенный привал».

Все так зримо и осязаемо, знакомые картины, затрагивающие струны души. Это запах, впитываемый с детства, это краски, запомнившиеся с ранних лет. Природа хрупка и чиста, как ребенок. Она к тому же и беззащитна перед человеком. Об этом поэт рассуждает в таких стихотворениях, как «Исповедь перед березой», «Разговор с природой», «Мать-Земля».

Гармония природы и человеческое деяние поэтом противопоставляются. Например, в стихотворении «Разговор с природой» читаем, что дыхание березы – это свежесть леса, в ней живая душа дерева, а человек березу «резал вкривь и вкось», не сок, а «кровь сочилась в ковшик березы белой», поэтому она плакала слезами. Речка тревожится: «перестанет сердце биться, смолкнет мой язык-родник». Если в природе нет движения, рассуждает поэт, то это застой, тленье, смерть. А беды, войны устраиваются руками человека. Седая Земля хочет по-прежнему цвести, давать людям силу, добро, радость и любовь, хотя сама она изранена, у нее «рубцов без счета». Она, седая и морщинистая, как вдовица в шали черной, с укором, со слезами смотрит на нас.

Автор тревожится потому, что «легко духовный слух теряем, не слышим, как природа ропщет». Правильно сказано: «Нам, живущим, завещано праведно жить и природой цветущей своей дорожить». Как искренне звучит обращение к Богу: «О Боже Всевышний, не брось наши души, нам день озари светом, сделай нас лучше…». И обещание от имени всего человечества: «С собой сквозь века с честью мы пронесем Безгрешность и Разум, и Славу».

Тема родного края, земли родимой пронизывает все творчество писателя, она полна света и добра. Неиссякаемо природное богатство края. И одно из них – серебряные родники. Через творчество поэта этот слово-образ проходит красной нитью, является часто употребляемым. Это символ родного народа: пусть они проносят нас в мир, «подобно моленью», «пусть золотом солнца играют они», «пусть вечными будут, живут говорливо». У поэта родная земля на светлый мир глядит глазами родника, «водой серебряной играя, небесная лазурь в нем пела». Автор утверждает, что родники – артерия природы марийской земли. Родник – сакраментальный образ и в мифопоэтическом творчестве мари.

Воспоминания о родной стороне, деревне связаны со вкусом свежего молока, в нем, по мнению поэта, заключена суть самой земли, ее богатых лугов и лесов, широких полей, а также материнской любви. Отчий дом ассоциируется с сеновалом, сельским трудом, рыжим хлебным полем, васильком во ржи, трелью жаворонка. Слова из произведения автора говорят сами за себя: «С детства и навеки песенной душою я к полям и рощам этим прикипел».

Родной марийский край – это мир сказок и легенд с Сереброзубой Пампалче, Онаром, Вувером. Это милая душе Кокшага, которую юная заря раскинула жар-птицей на два крыла, это Аганур с ее трудовой душой, речка Шойка, это край, прославленный писателем Иваном Одаром. Перед нами возникают реальные картины с воображаемыми образами: малиной-невестой с красными бусами, солнцем-лисой, речкой неброской красоты, теченье которой «нашей жизни теченье», льном с «чудесной волной», где жаворонок рассыпает бисер нот. Лирическому герою кажется, что «мы одни в огромном мире: солнце, поле, лен и я…». Как говорит поэт, «мое здесь зеленое время звенело».

Важно отметить и другое: крестьянский труд – занятие тяжелое. Сельский труженик «с землей родной душой сроднился» навсегда. Он соль земли, для него хлеб – это и правда, и свобода, поле для него – святое понятие, оно сродни отцу и матери. Всегда считалось так: будет поле – будет и народ.

Символ красоты крестьянского труда – птица жаворонок. А сегодня о чем поет эта птица? Ответ очевиден:

Похожа песнь его на стон.
Летая в небесах кругом,
Уже не хвалит поле он…
И жаворонок не поет –
Своим рыданьем сердце рвет…
[Ояр 2014, с. 106].

Воспоминания ведут читателя в другие времена, когда во ржи купалось всласть лето, «а солнышко-невеста среди неба расчесывала волосы-лучи», мысли были крылатыми, крестьяне зарю встречали в поле, когда всем миром поднимали для кого-то дом. Грустно, потому что «вовеки здесь уж не родится ни хлебороб и не певица», не повесят зыбку, символ раннего детства и родного очага. Не петь ей больше колыбельной.

И труд мало кто считает счастьем. Времена изменились, но в сердце поэта они остались в другом образе, когда труженик не спеша шагал на работу, когда человек труд считал счастьем и не было скуки никакой, душа отзывалась солнцу.

Поэт своим песенным словом славит человека труда, ведь «зарю зажжет он чувствами своими!». А лирический герой вторит ему: «Право жизни хочу оправдать тихой песней, словами простыми». И трудом. За душу берут строчки о том, что стержнем страны родной был простой трудовой народ, а не олигархи и чиновники.

Поэт – всегда чуть-чуть философ, мыслитель. И жизнь – она не только красочная картина бытия, у нее разные краски, порой нежеланные. Реалии представлены не только лугом цветущим, «в житейских кущах порой крапивой жжет она», в ней сласть и горечь, в букете под названием «жизнь» порой встречаются цветы с острыми шипами. И, по мысли поэта, важно не озлобиться, не глядеть на обидчика исподлобья, нужно быть открытым «солнцу и друзьям» и не идти «по головам». Для поэта важно, чтобы чистыми были и память, и мысли, и высь с синевой.

Рассуждая о вечности, жизненном пути, Г. Ояр часто прибегает к традиционным мифологическим образам. Это бабочка-душа («Чью же душу из святого рая в мир наш грешный тихо занесло?»), широкая судьба-река («Два берега»), конь, символизирующий будущее («Конь-судьба):

Сердце, жги, пока возможно, –
И простор для дали мал.
Я коня судьбы надежно
К дальней скачке подковал!..
[Ояр 2014, с. 118].

Юность птицей улетела, остались только воспоминания. Малые тропы родного края вывели героя на большак, с опытом уходит суетливость (ложная битва), остается ценить накопленный жизненный багаж.

В лирике поэта много из его биографии. Студенческие годы, друзья, приобретенные в эти годы, семья, рождение и воспитание детей («Напутствие сыну»), работа на Крайнем Севере. Поэт всегда помнит о том, что надо держать при себе кладезь народной мудрости, что в «звонком голосе молодых всегда должны звучать наших предков заветы», что мы лишь росток земли, взрастившей нас.

И еще одна очень важная для поэта тема – тема матери, женщины. Образ беременной женщины в его лирике – это гимн жизненному началу. Она не идет, а словно торжественно шествует, шагает неспешно, гордая, светясь природе, истине внимая, «без стесненья в мире нашем грешном, сознавая со Вселенной связь»:

А пространство – хрупкое такое,
Предстоит ему оберегать.
…Чистота
Мадонной пред тобою
Будет путь свой в вечность продолжать
[Ояр 2014, с. 50].

Тема матери – важная для поэта. У матери «всемогущие руки», они успевали делать все по хозяйству, они, как два крыла, оберегали от всех невзгод. Но и в их жизни наступает старость – вечер жизни. Брошенные детьми, они часто льют горькие слезы, которые сочатся не из глаз, «из сердца прямо, словно родники». В стихотворении «Брошенная мать» поэт пользуется интересной метафорой – горем, описанном так: «…И если горе рисовать, то это – иссохшая и брошенная мать» [Ояр 2018, с. 234]. В тексте стихотворного произведения «Памяти матери» сказаны проникновенные слова, берущие за душу:

Ах, долги не отданные наши! –
Дети для себя хотят пожить.
Понимаешь это, став постарше, –
Как тут сердцу тяжко не заныть?!
[Ояр 2018, с. 237].

Душа народа раскрывается в песне, она, как птица, «все в песне открывается нежданно»: и доброта, и красота, боль и сила, обнажается человек, «вбирая дыханьем воздушный настой». В песне, как в родниковой воде, отражается видимый и невидимый мир марийца. В народной песне звучит голос сердца, нежность, в ней «тихий жар оголенной души» («Народная песня», «Песня – как птица»). Неслучайно лирический герой восклицает:

Песня – это боль твоя и сила,
Голос сердца, нежность от души
[Ояр 2014, с. 72].

Чимари. Он чист в помыслах, делах, для него важно, «чтобы свет серебрился в очах», чтобы мир сиял в гармонии, потому как:

Березняк, и дубрава, и роща…
Наш язык от древесных ветвей.
На природу мариец не ропщет –
Поклоняется, молится ей
[Ояр 2014, с. 125].

Душа мари навсегда слита с магическим миром природы края, с историей народа. В стихотворении «Мой марийский язык» поэт очень верно подмечает, что «родной язык, из наших душ ты вырос». На этом благозвучном языке говорили Онар, Чоткар, Чумбылат. Они словом и делом поучали сородичей, защищая народ от чужеземцев, завещали сохранить и приумножить язык и культуру – всеобщую сокровищницу – родное слово. О марийском языке поэт написал немало, с любовью, тревогой, ведь нет звучнее и блаженнее, чем мягкая родная речь.

Будет народ – сохранится язык. Это аксиома. Для лирического героя стихотворения «В день Праздника цветов» марийский народ ассоциируется с цветущим лугом, эта картина его вдохновляет, «удивляет каждым он цветком». Для поэта родной народ «хоть и мал, как скромненький цветок», но без него «весь свет уже не тот».

Марийский народ гордится своими славными сыновьями, такими как поэты М. Казаков, поднявший «марийскую речь на крыло»; В. Колумб, «могучий капитан», «слова Богатырь»; Сем. Николаев, в лирике которого «душа марийца в стихе пульсирует, как кровь» («Миклаю Казакову», «Посвящение В. Колумбу», «Кудесник слова»). Они своим творчеством, песенным словом прославили родной народ, вознесли марийский язык на новую высоту.

Особенно благодарен Г. Ояр В. Исенекову, чей «душевный жар» он узнал еще с детских лет. Слова благодарности ему он выразил в таких строчках:

Сколько юных душ теплом согреты,
Где от Ваших слов цвела весна.
Им даны поэзии секреты –
Так весной сажают семена
[Ояр 2018, с. 198].

Именно он, редактор детской газеты «Ямде лий», заметил дарование будущего народного поэта, помог робко войти в удивительный мир стиха. А затем студентом попал в руки Сем. Николаева,

уже уверенно поведшего начинающего поэта по тропе лирики. Слова признания звучат и в адрес школьного учителя В. А. Романова («Сад памяти»), который дал первые жизненные уроки. Это именно он «горячее сердце в ледышку превратить былым зимам не дал…».

Из цикла «стихи-посвящения» обращает на себя внимание произведение «Посетил художник Лувр» о марийском художнике И. Ямбердове, очень неравнодушном сыне народа, именно о нем сказано, что ему «поля и рощи греют сердце так же, как и Лувр, и Эрмитаж» [Ояр 2018, с. 205].

Прошлое и настоящее в поэзии Г. Ояра противопоставляются. И тема репрессии – тому подтверждение. В 30-е годы прошлого века вся марийская интеллигенция, корень нации, была, по сути, уничтожена. Об этом поэт пишет с болью в сердце, утверждая, что корни в земле все же не высохли, в священной роще ветра шуметь не перестали.

Нам, потомкам тех уничтоженных, не забыть бы про мендурское кладбище, где в тишине «безмолвны пятна лиц, здесь память лишь рисует очертанья…» [Ояр 2018, с. 148]. И в душах современных людей пусть «будет место для божниц, и там – свечи немеркнущей мерцанье!..» [Ояр 2018, с. 149]. А еще очень верно подмечено, что «не стало в наших душах света, одна лишь тьма да мелкий хлам». Исчезают душевность, откровенность, доброта, простота, так как «в безвременье съедены жадностью ценности», которые были главными для людей, поколения «шестидесятых». Да, хрупка наша планета Земля, и этот дом нам надо сберечь, а «дом родной – весь шар земной!»

За нас, за свободу, за родимый дом, за светлое будущее в годы Великой Отечественной войны пал «в родимой земле, как в объятьях руки раскинув, тот парнишка семнадцати лет». И благодаря таким мы не узнали той «свинцовой силы».

Марийская литература в годы войны потеряла много начинающих поэтов, презиравших «лживые уловки», не искавших окольных путей, но «их стихотворенья горят, как драгоценные

каменья». Потомки их помнят, они сами погибли, а к нам вернулись «травой и цветами». Военная тема в лирике Г. Ояра («Пепел Хатыни – в моем сердце», «На Сапун-горе», «Когда война пришла бедою адовой…» и др.) пронизана болью, благодарностью за мирную жизнь, ответственностью нашего поколения перед ними, отдавшими молодые жизни за победу. Они «и задают вопрос, и ждут ответ на свой вопрос: «А ты? а ты? а ты?».

И возникают картины из фронтового быта, когда солдаты у печки в землянке грели душу военной песней, и «душу беда не смогла растоптать – ни душу, ни песнь, что была ей под стать!» Ненасытную глотку войны они своими сердцами заткнули. И реки текли, полные крови «багровых тонов», «была не вода в ней, а кровь моряков». А потому души погибших зажглись в черном небе, словно звезды.

Рассуждая о женщине, поэт обобщает в этом слове бесконечную любовь к сестрам, матерям, ведь она, женщина, – это «лоно и жизнь вековечная». Со временем становится ясно, что важно «смотреть обоим в даль одну».

Женщине поэт посвятил поэтический венок под названием «Год любви». Для лирического героя важно, чтобы любимая стала мелодией неспетой песни, золотым лучиком, подснежником, весной, что дарит надежду.

Чукотский цикл стихотворений удивляет детальностью изображения сурового северного края, чувством тоски по малой родине. В произведении «Свидание с Певеком» создается видимый образ бушующей природы: это земля, богатая седыми туманами, где «свинцовой тяжести полна вода морская». Певек – это самый дальний город России, край Земли, он красочен светом Полярной звезды, северным сиянием, воем ветров. В целом – своей неповторимостью.

Скудный растительный мир тундровой зоны интересен появлением нового росточка с ноготок, цветением ромашки, напоминающей родной край. В стихотворении «Певекские ромашки» создается конкретная картина: июльским днем расцвели бело-желтые ромашки, и девочка радуется и «рвет, улыбаясь, белы лепестки».

Эта сцена греет души, а для лирического героя они дороги, «как строки письма» из родимого дома. Поэт задумывается о том, чтобы каждый по жизни смог бы поймать свободы жар-птицу.

В цикле стихов о Чукотке возникает образ сурового края с криками бакланов, оленьими тропами, ярангами, тундровыми просторами, сильными ветрами, кромешной метелью. В стихотворении «Южак» читаем, как господствует стихия, сильный ветер скользит с безумной скоростью, он не знает преград, сметая в море все, что попадется на пути: «трясет высотные дома», кружит ярангу, как щепки. Поэт сравнивает его с черным духом чукчей – келе. Это грозный властелин, «живым и мертвым господин», человек бессилен перед ним. Он взбешен, разъярен, неистов. Чтобы создать образ бунтующего духа, поэт обращается к метафорам, глагольным формам.

Тундра по-своему красива, особенно в период короткого лета, когда белоснежный Чукотский край вдруг становится ярким, пышным на дары природы. Г. Сабанцев-Ояр о чукчах пишет тепло, в их гортанных звуках, в ритмах бубна открывается тонкая душа народа.

Для чукчей главное занятие – оленеводство. Олени для коренного населения – это смысл жизни, это сфера деятельности, любовь и торжество. В стихотворении «Глаза оленя» возникает образ этого благородного животного. Поэт пишет о задумчивом, неробком взгляде оленя. В его образе отражается и небо, и тундра, и сопки, весь живой и неживой мир сурового края.

В краю, где «метель как зверь, хозяйкой ходит ночь», когда порой ни зги в окне не видно, «а над морским и тундровым простором нависнет ночь почти до февраля», поэта душу согревает родной мотив, тогда и «радость светлая мне на сердце ложится». И в голове возникают до боли знакомые картины с запахом цветущей черемухи, с образами, знакомыми с детства.

Обобщая вышесказанное, хочется отметить, что в лирике Г. Ояра мир познается и оценивается через призму давно знакомых предметов и явлений окружающей действительности. К ним относятся слова-образы, сохраняющие в поэтическом тексте как свои исконные названия, так и обладающие обширным семантическим

полем: солнце, небо, дерево, лес, поле, птица, река, родник, женщина и т. п. Особо следует отметить преобладание в его поэтическом языке ряда сквозных, доминирующих слов-образов, переходящих из стихотворения в стихотворение, это, например, родник, хлеб, солнце. Они наделяются разной смысловой глубиной.

Смысловые комплексы универсальные и общечеловеческие, национально-традиционные, наблюдается авторское переосмысление традиционно-символического. Национальное мировидение проявляется в его лирике во многих аспектах – на уровне темы, формы, мотивов, образов, поэтики.

Г. Ояр, как и многие марийские поэты, – носитель крестьянского мировоззрения. Фольклорно-крестьянское мировидение поэта обусловлено контекстом национальной культуры в целом. Поэтика Г. Сабанцева-Ояра – это поэтика образно-стилевого лаконизма, тяготеющая к крестьянско-бытовому мироощущению, она находит отражение в естественных для нее модусах изображения действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Ояр Г. Л. Всполохи сердца: стихи. – Йошкар-Ола: Государственное унитарное казенное предприятие Республики Марий Эл «Марий журнал», 2014. – 200 с.

Ояр Г. Л. Илышпӧрдем: поэзий ойпого. – Йошкар-Ола: «Марий книга изд-ве» савыктыш пӧрт, 2018. – 480 с.

УДК 821.512.145-1.04(045)

А. Ф. Галимуллина
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

A. F. Galimullina
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

ОБРАЗЫ ДОМА И РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РАВИЛЯ БУХАРАЕВА И ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

IMAGES OF HOME AND HOMELAND IN THE WORKS OF RAVIL BUKHARAEV AND TATAR POETS AS THE EMBODIMENT OF THE NATIONAL CULTURAL CODE

Аннотация. Рассмотрена специфика художественного воплощения образов дома и Родины в творчестве современных татарских поэтов Р. Хариса, Р. Файзуллина, С. Ахметзяновой и татарского поэта Равиля Бухараева, писавшего на русском языке и прожившего более двадцати лет за границей. В современной татарской поэзии образы дома и родины довольно распространены, зачастую они идеализируются, несут символико-смысловую нагрузку, становятся основой национальной картины мира, вбирая в себя ведущие национальные коды. В поэзии Равиля Бухараева появляется устойчивый мотив утраченной родины и родного языка.

Abstract. In our study, we examined the specifics of the artistic embodiment of the images of home and Motherland in the work of contemporary Tatar poets R. Kharis, R. Fayzullin, S. Akhmetzyanova and the Tatar poet Ravil Bukharaev, who wrote in Russian and lived abroad for more than twenty years. In modern Tatar poetry, the images of home and motherland are quite common, often idealized, revealed

through the symbolic images of the garden, native land, becoming the basis of the national picture of the world, absorbing the leading national codes. In the poetry of R. Bukharaev, a stable motif of the lost homeland and native language appears.

Ключевые слова: татарская литература, образ дома, образ родины, культурный код.

Key words: Tatar literature, image of home, image of motherland, cultural code.

Современная татарская литература активно развивается, в ней наблюдается постоянный поиск новых форм и тем, в то же время сильны и традиции, стремление сохранить национальную специфику татарской картины мира, передать исконные татарские национальные коды будущим поколениям. В этой связи в творчестве всех татарских писателей, создающих свои произведения на татарском языке, большое место занимают образы дома и родины.

Известно, что национализация пространства и маркировка исторически значимых для «воображения» национальной картины мира географических мест соотносится одновременно с обозначением границ этнической идентичности. Если рассматривать эти национальные пространственно-временные концепты в рамках конструктивисткой парадигмы, то обнаруживаются разные механизмы мифологизации. Так, в изображении городов Казани, Елабуги, древних городов Булгары и Биляр, татарской деревни, как хранителя татарской национальной культуры и духовных ценностей, появляется иерархическая система пространственных образов.

В творчестве известной татарской поэтессы Сании Юнусовны Ахметзяновой (1962) лейтмотивом проходят образы родного дома, деревни и дома-родины – Республики Татарстан. Она лауреат литературной премии имени Хади Такташа, автор более 100 популярных песен. Известна широкому кругу современников по песням «Пар алма» из репертуара народного артиста РТ Зуфара Хайретдинова, «Өч Пошалым – өч игезәк» из репертуара народного

артиста РТ Рустама «Әниемнең Туган көне бүген» из репертуара Сагита Гибашева.

В поэтическом мире С. Ахметзяновой образ Дома вбирает в себя татарские народные праздники (Сабантуй), народные традиции и обычаи (каз туе («Көз сагышы – каурый моң» («Осенняя печаль – мелодия пера»))). Образ дома воспринимается как семейный очаг, тесно связанны с образами отца и матери. Обычные для татарского дома такие предметы быта, как медный таз, белое вышитое полотенце, приобретают в ее стихотворениях символическое звучание («Җиз ләгән» («Медный таз»); «Чиккән сөлге» («Вышитое полотенце»)).

В стихотворениях «Тарихи бергәлек» («Историческое единство»), «Татарстан байрагы» («Флаг Татарстана»), «Татарстан гербы» («Герб Татарстана») создается образ Республики Татарстан – отчего дома для всех народов, населяющих республику. Для поэтессы родной дом, родина неизменно связаны с татарским языком («Ана теле – изге әманәт ул!» («Родной язык – святой завет!»)), а также с образом коня, символом смелости, целеустремленности; а еще конь – верный друг и помощник сельского жителя («Торылып очсын чаптарлар» («Пусть стремительно летят скакуны»)).

Поэтесса возлагает большие надежды на татарскую девушку, которая призвана сохранить и приумножить лучшие национальные традиции татарского народа («Язылмаган канун, яки Татар кызының әхлак кодексы» («Неписанный закон, или «Моральный кодекс татарской девушки»)).

В стихотворении наряду с родным языком татарская девушка должна сохранить и народные традиции: встречать гостей приветливой улыбкой, содержать дом в чистоте и порядке; в национальный культурный код также входят – приготовление традиционных татарских блюд (например, лапши, треугольников), вышивание, колыбельные песни: «Ата-баба сүзен кечкенәдән / Салып куйдым күңел түремә: / «Йортың балкып торса, калебеңнең / Сафлыгы да шуннан күренә!» // Вак-вак кына кисәм токмачымны, / Чәкчәк, өчпочмагын пешерәм, / Җырлый-җырлый чигү чиккән чакта, /

«Бишек җыры»н искә төшерәм. // Бисмиллалы дога-теләк белән / Каршы алам һәрбер көнемне. / Бурычым ул – киләчәккә илтү / Ана телем – туган телемне! / Заман сорау бирсә, җавабым ник: / «Кем булуым һәрчак исемдә!» / Ышандыра алам: тап төшермәм / Татар кызы дигән исемгә!» [Ахметзянова 2022, с. 28].

В поэзии С. Ахметзяновой образ родины тесно сопряжен с родной землей («Туган туфрак җылысы» («Тепло родной земли»); «Туган нигез фатихасы» («Заветы отчего дома»); «Авыл» («Деревня»), «Бу рәхмәтем – авыл кешесенә» («Эта моя благодарность сельскому жителю»)), автор прославляет труд земледельца. Образы отчего дома и родной земли соединяются в единый многозначный символ, в который также включается, приобретая сакральный смысл, и хлеб (икмәк) как основа жизни. Труд земледельца сопровождается песнями под аккомпанемент гармони как хранителе национального духа («моң») татарского народа.

Образ родины в поэзии С. Ахметзяновой конкретизируется в стихотворениях, посвященных родному Арскому району – «Арча ягы – туган төбәгебез» («Арский край – наш родной регион»); «Арча читекләре каюлы» («Арские ичиги с ободком»). Поэтом создается неповторимый собирательный образ Арского края как родины тружеников, земледельцев, талантливых людей, которые бережно хранят свои традиции. В качестве яркого примера бережного отношения к традиции воспевается народный промысел – изготовление татарской кожаной обуви – сапожек (ичиги – читек): «Арча читекләре чигүле, / Баскан эзе һәрчак җиңүле: / Шаһбаз ирләр таңда чалгы яный, / Аргамагы тора җигүле. / Арча читекләре күн генә, / Күреп аһлар итмәс кем генә!/ Дөнья базарында дан яулаган, / Кими калдым, димә син генә. / Арча читекләре сәхтиян, / Бер салам да аны, бер киям. / «Чигү чиккән кебек, кәз-кәз басып,/ Эх, биергә иде бер!» – диям» [Ахметзянова 2022, с. 46].

В творчестве народных поэтов Республики Татарстан Рената Хариса и Равиля Файзуллина также отражается татарская национальная картина мира, выявляются её основные компоненты: образ родины и родного края, беспокойство за судьбу татарского языка,

литературы и культуры в эпоху глобализации. Поэты посвящают свои стихотворения и поэмы описанию национальных праздников (Сабантуй), воссоздают традиционные символы татарского народа (образы белого барса (ак барс), коня, белого полотенца и др.); в их стихотворениях и поэмах возвеличиваются духовно-нравственные ценности и история татарского народа. Например, Р. Харис в поэме «Татар аты» («Татарские кони»), посвященной 100-летию ТАССР, прослеживая судьбу татарского коня (есть такая порода), ставшего символом татарского народа, рассуждает о славном прошлом своего народа и намечает перспективы для дальнейшего развития татарской нации.

Поэзия Равиля Файзуллина посвящена дорогим и близким каждому человеку явлениям – любови к родине, к родному дому, родной природе; преображающей силе любви, которая начинается с любви к матери, к малой родине, родному языку. Прежде всего, татарская национальная картина мира проявляется в произведениях, адресованных родителям, родине, под которой в ряде случаев подразумеваются родные деревни поэтов – деревня Юлсубино Рыбно-Слободского района Республики Татарстан (Р. Файзуллин), село Елховое Озеро Цильнинского района Ульяновской области (Р. Харис), и чаще всего возникает обобщенный образ родины – Республики Татарстан.

В стихотворении «Туган йорты – балалыкта» («В отчем доме – в детстве») Равиль Файзуллин создает образ родины через призму детства. Лирический герой оказывается в отчем доме и сквозь запахи и детали родного дома возвращается в детство. К образу родины, как золотого времени детства, добавляется острое ощущение ответственности за её будущее. Так, Р. Файзуллин в стихотворении «Яңа моң» выражает свою глубокую обеспокоенность тем, что многие деревни опустели: старшее поколение уходит в вечность, а молодежь уезжает в город.

Образ родины тесно связан с историей татарского народа, знание которой способствует ощущению лирическим героем чувства сопричастности к наследию славных предков: «Бу – борынгы

бабайларның / туган үскән илләре. / Сылу Болгар кызларының / су коенган җирләре...» («Это родина / древних наших предков / Место купания / Прекрасных девушек Булгара»)[*]. Образ родины, расширяясь, вбирает в себя и Древнюю столицу – Булгар. Знание великой истории своего народа позволяет современникам смело смотреть в будущее: «Гел-гел мескенләнмик әле! / Үткәннәр безнең яклы. / Каныбызда – хезмәт сөю, / җыр-дастаннар ничаклы! // Кояштай гел шат булыйк, / ап-ачык – тулган айдай! / Таш кебек каты булыйк, / горур – төз манарадай!» [Файзуллин 2018, с. 111]. («Не будем прибедняться! / Прошлое на нашей стороне, / В нашей крови – любовь к труду, / сколько песен и дастанов! / Как солнце, будем радостны, / открыты, как полная луна! / Как камень, будем тверды, / горды, как высокая монара (мечети)».

Специфика воплощения образов дома и родины как культурных кодов татарского народа наиболее ярко проявляется в сравнительно-сопоставительном анализе с произведениями литератур народов России. В современном литературном пространстве России и ближнего зарубежья наблюдается большой пласт художественной литературы, создающейся на русском языке, писателями, этнически принадлежащим к коренным народам России. Русскоязычная литература, возникшая на стыке русской и иных культур реально существует в едином общероссийском культурном пространстве, поэтому возникает необходимость исследования ее с точки зрения национальной идентичности авторов, специфики эстетического идеала, своеобразия индивидуального стиля писателя. В этом плане большой интерес представляет творчество Равиля Бухараева.

Равиль Бухараев (1951–2012) – поэт, прозаик, драматург и переводчик, в каждом своем произведении находил возможность вспомнить Казань – свою родину. Он не был эмигрантом по своему мироощущению и по делам своим: часто приезжал в Казань, выступал перед многочисленными читателями, переводил произведения татарских поэтов на русский и английский языки, писал

[*] Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – А. Г.

художественные и документальные книги о Казани. Среди наиболее известных можно назвать: «Дорога Бог знает куда, письма к брату» (1996, 1999), «Модель Татарстан», «Милостыня родного языка», «Казанские снега», «Письма в другую комнату», «Историческая антология татарской поэзии» (2000) на английском языке, а также циклов: «Старинные истории», включающих в себя рассказ «Раскрытие неопределенности» и пьесу «Улица Каюма Насыйри».

Размышления поэта приводят к драматическому осознанию, что утрата родины, языка, национальных ценностей ведет, в конечном счете, к потере своей индивидуальности, а значит, и к духовному исчезновению. Однако его творчество свидетельствует о том, поэт не потерял глубинной связи со своим народом, со своей родиной. Так, в стихотворении «Тафтиляу» возникает мотив татарской народной песни «Тафтиляу», которая воспринимается как символ принадлежности к татарскому народу: «Испуганная нянечка моя / поет и плачет тонким голоском. // Ночь. Татарчонка лепит из меня / татарка в первом платье городском» [Бухараев 2001, с. 54]. Показательно, что впервые татарскую народную песню лирический герой услышал от нянечки, приехавшей из деревни, уже переодевшейся в городское платье, но еще не потерявшей своей связи с народной культурой. «Тафтиляу», «Аллюки» – народные песни на слова Г. Тукая примиряют лирического героя стихотворения «За рекою Казанкой…» с городом «маленьких сплетен, / самодельных богем», лирический герой принимает Казань: «город мой неудачный, / но довольный собой, / город серо-прозрачный / в ледяной мостовой…» [Бухараев 2001, с. 64]. Как древнее заклинание звучат финальные строчки стихотворения: «Навсегда б одурело / я рванулся в бега, / если б кровь не горела, / не сияли снега, // если б там, где могила / мелководной реки, / не сверкала бы сила / Тафтиляу, / Аллюки!» [Бухараев 2001, с. 65].

В противоположность многим татарским поэтам, родившимся в деревне и обретшим свою вторую родину в Казани (Р. Харис, Р. Файзуллин, С. Ахметзянова и др.), Р. Бухараев родился и вырос

в Казани, поэтому образы отчего дома и родины тесно связаны у него с этим городом.

Казань в творчестве Р. Бухараева предстает и как центр духовной жизни татар, город, опоэтизированный различными легендами, в то же время у писателя особое, глубоко личное отношение к Казани, как к городу, где прошли его детство и юность. В стихотворениях поэта 1969–1974 годов, написанных задолго до отъезда в Лондон, Казань сравнивается с другими городами Советского Союза. Например, в стихотворениях «Птиц полевых ночные крики…» [Бухараев 2001, с. 44] и «Чужой язык» [Бухараев 2001, с. 45] лирический герой ощущается свою немоту, оказавшись в Тбилиси. Сравнивая себя со «случайной» знакомой, лирический герой подчеркивает её утонченность («Та женщина читает Рильке, / который тёмен для меня…») и свою немоту («Та женщина живет в Тбилиси, / но по-грузински я – немой»). Используя прием параллелизма в описаниях случайной знакомой и картинами природы («Птиц полевых ночные крики, / блестит и колется стерня…»; «Поля над берегом зависли, / по-над серебряной тропой…»), поэт отдает предпочтение естественности в отношениях: «Вода черна, вода глубока, / прошел случайной встречи срок… / Она в Тбилиси одинока, / как я в полях не одинок» [Бухараев 2001, с. 44]. В стихотворении «Чужой язык» немоте лирического героя («В Тбилиси траурном и снежном, / где умерли мои слова, / заскрежетала по железу / платана ржавая листва. // Февральской оттепельной ночью, / февральской ночью золотой / мне душу разрывало в клочья / новорожденной немотой!») [Бухараев 2001, с. 45]) противопоставляется свободная красота грузинской речи («И я беспомощно сдавался, / не веря потому себе, / что так наивно попытался / прижиться в мире, как в семье…») [Бухараев 2001, с. 45]. Таким образом, мотив немоты возникает в творчестве Р. Бухараева задолго до отъезда за границу.

Оренбург в противоположность Казани предстает как негостеприимный город, не помнящий своего прошлого: «Ты много помнишь из недавней были, / так почему забыл другое вдруг: / поэзию

татарскую творили / моя Казань с тобою, Оренбург! // Не помнили о том твои музеи, / в твоих архивах тлели письмена, / ты жил, по ветру времени развеяв / тебе не дорогие имена» [Бухараев 2001, с. 59–60]. В то же время Казань помнит и бережно хранит свою историю: «Казань моя, как тихий, тёмный омут, / уберегла союз от праздных глаз, / незримы эти связи, невесомы, / которыми судьба связала вас…» [Бухараев 2001, с. 60].

Казань предстает в поэзии Р. Бухараева как город, опутанный легендами и культурными мифами. Так, в стихотворении «Воспоминания о Казани» лирический герой, находясь в Москве, вспоминает о Казани и Волге. Заметим, что, вспоминая о Казани, поэт часто рисует зимний, снежный пейзаж (например, в цикле «Казанские снега»). В этом стихотворении также представлен зимний пейзаж. Это город друзей: «Здесь всё до одури знакомо: / оттаивая, вижу я / оснеженные два-три дома, / где здравствуют мои друзья. // Всё без меня в порядке вроде, / как должно быть, и ясно мне: / привыкнув к пасмурной погоде, / привык прохожий и к зиме. // Ругаются, и пьют, и любят / по-прежнему и навсегда. / Кого спасут, кого погубят / и приголубят иногда» [Бухараев 2001, с. 70]. Вспоминая о Казани, лирический герой вспоминает и трех поэтов, чьи имена прочно связаны с родным городом: Г. Р. Державин, родившийся в Казани, чей памятник был разрушен в 1930-е годы («Казань – столица правил строгих / Здесь жил Державин. Что с того? / Она воспитывала многих – / не удержала никого»); Г. Тукай и М. Джалиль стали памятниками: «Два памятника в круге зданий / теперь все памятнее мне: / Тукай, / загубленный в Казани, / Джалиль, / прославленный в Москве» [Бухараев 2001, с. 71]. И все же родной город вселяет в душу лирического героя уверенность в светлом будущем, потому что «Идут по улицам втроем / Любовь, Надежда и Сомненье / в замершем городе моем» [Бухараев 2011, с. 70–71]. Отметим, что «казанский текст» Р. Бухараева трудно представить без образа Г. Тукая, тем более что поэт удачно переводил стихи татарского классика, а в 1983 году, когда татарская общественность отмечала 70-летие со дня смерти поэта, посвятил

ему две поэмы «Меж двух огней» (поэма-диалог) и «Вокруг Тукая или Комментарии к любви».

«Казанский текст» в поэме «Вокруг Тукая (комментарии к любви)», представленный в исторической ретроспективе, позволяет многие проблемы, поднимавшиеся в русской и татарской классических литературах, осмыслить на современном уровне, оценив их состоятельность. Неизменным остается высокая оценка, данная в поэме Г. Тукаю как великому сыну татарского народа («Тукай татарам Богом был обещан»).

Вдали от «малой родины», которая Р. Бухараевым воспринимается как Татарстан, он вспоминает не только родной город Казань, но и Елабугу в стихотворении «Царапина»: «Жизнь легка, и редко, по ночам – / остро, неожиданно и сильно – / коготком царапнет по плечам / ветка облетающей осины… // Это раньше было невдомёк. / Все ясней, уверенней и строже – / Я гляжу на тихий городок, / чем-то на Елабугу похожий…» [Бухараев 2001, с. 79].

Образ родины в поэзии Р. Бухараева тесно связан с мотивом пути / дороги домой. Лирический герой его поэзии всегда стремится вернуться в Казань, на родину. Это становится лейтмотивом всего его творчества, начиная со стихотворений 1969–1974 годов. И хотя доминирующим настроением в поэзии Р.Р. Бухараева, посвященном Казани, является грусть, но грусть его «светлая», потому что он любит свою родину, он всей душой стремится к ней, поэтому часто в стихах о Казани появляется образ дороги, которая обещает желанную встречу. В стихотворении «Бесконечный поезд» тесно переплетаются образы дороги, чистого, но холодного снега, до боли знакомых белых берез, бесконечного поезда, мчащегося через века и космические пространства на родину, к Казани:

Призываю тебя,
пролетая навылет лесами,
призываю, зову,
пополам разрезая поля…
Поезд мой бесконечный,

И тысяча лет до Казани,
Зимняя тысяча лет от «нельзя» до «нельзя»…

Здравствуй, родина, снег мой!
До свиданья, уходим…
Ничего не находим, – только берёзы чисты, –
а когда на перроне конечном
Выходим –
через двадцать минут мы,
как поезд прибывший, пусты
[Бухараев 2001, с. 82].

Образ Казани, созданный Равилем Бухараевым, долгие годы прожившим за границей, позволяет выявить своеобразие художественного воплощения образа родины и родного города. Как правило, в поэзии Р. Р. Бухараева воспоминания о Казани, о детстве помогают справиться с проблемами дня сегодняшнего. Казань предстает в разных временных пластах: историческое (противопоставляются героическое прошлое и порою жестокое, неумолимое настоящее Казани); глубоко личное, интимное: детство, взрослая жизнь и восприятие Казани лирическим героем.

Таким образом, в творчестве каждого современного татарского поэта образ родины предстает оригинально и неповторимо, а всех современных татарских поэтов объединяет чувство ответственности за свой язык, за судьбу народа и горячая любовь к своей «малой родине» и Отчизне в целом. Для Р. Хариса, Р. Файзуллина, С. Ахметзяновой, родившихся в сельской местности, образы дома и родины тесно связаны с татарскими национальными традициями, а для Р. Р. Бухараева образ родины ассоциируется с Казанью как центром культурной жизни татар. Казань предстает в поэзии Р. Р. Бухараева как город детства, как «потерянный рай». В его произведениях эмоционально описаны улицы, памятники, исторические, культурные, а также природные места Казани. Воспоминания о Казани позволяют автору наиболее наглядно и доходчиво облекать в художественную форму свои философские идеи.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметзянова [Әхмәтҗанова] С. Ю. Күчеш дәвере (Эпоха перемен): шигырьләр, лирик цикл. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2022. – 176 б.

Бухараев Р. Р. Бесконечный поезд: Избранные стихи и поэмы. – Казань: Магариф, 2001. – 319 с.

Файзуллин Р. Калейдоскоп жизни. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. – 387 с.

Харисов Р. М. Сайланма әсәрләр: 7 томда / Төз һәм кереш сүз авт. Ф. Ф. Хәсәнова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – Т. 6. – 351 б.

УДК 821.512.145-312.9(045)

А. Ф. Ганиева
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань

A. F. Ganieva
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan

ПРОЗА ФЛЮСА ЛАТЫФИ 1990-Х ГОДОВ: ТИП ГЕРОЯ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

THE PROSE OF THE FLUS LATYFI OF THE 90S: THE TYPE OF HERO AND GENRE ORIGINALITY

Аннотация. Подъем творческой активности Ф. Латыфи приходится на 1990-е годы. Рассматриваются повести «След», «Близнецы», «Последнее предупреждение» и «Непривязанных собак пристреливают» в аспекте типа героя и жанровых особенностей. Как в повестях фантастического жанра, так и в произведениях реалистического направления писатель опирается на народные представления об описываемых им событиях.

Abstract. F. Latifi actively worked in the 1990s, when the desire for justice and truth intensified in society. The author of the article examines his novels «The Label», «The Twins», «The Last Warning» and «Unbound dogs are shot» in the aspect of the type of hero and genre features. Both in the novels of the fantastic genre and in the works of the realistic direction, the writer relies on a national-philosophical basis.

Ключевые слова: татарская литература, проза, главный герой, Флюс Латыфи, жанр, фантастика.

Keywords: tatar literature, prose, the main character, Flus Latyfi, genre, fiction.

Флюс Латыфи пишет в разных жанрах прозы: пробует себя и в научной фантастике, к которой татарские писатели обращаются редко. В творческом сотрудничестве с ученым Казанского государственного университета Ринатом Якушевым они под псевдонимом Танир Сульф создали повести «Знак» («Тамга», 1994), «Близнецы» («Игезәкләр», 1995), «Последнее предупреждение» («Соңгы кисәтү», 1994). «Все три повести пронизаны восхищением человеком, его внутренней силой, изумлением сокровенным тайнам природы, радостью и восторгом от того, насколько интересна и увлекательна жизнь», – так оценивает эти произведения Ф. Зулькарнай [Зулькарнай 1996, с. 5].

В повести «Тамга» два неразлучных друга Лотфи и Марат «одержимы» древней историей. Один исследовал тюркские письменности, существовавшие еще до появления рунической письменности, другой – написал научный доклад на тему «Компонент времени в алгоритме соединения прошлого и настоящего». Любопытный, неуемный Марат подключается к единственному и недостаточно испытанному техническому аппарату в городе – супертранспьютеру – и попадает в далекое прошлое.

В мировой литературе много произведений о переходе человека в другое измерение времени с помощью машины времени, воплощающей его несбывшуюся мечту. Они представляют литературное направление фантастики, называемое хроно-фантастикой (хронооперой, темпоральной фантастикой). Герой может перемещаться в иное измерение и без машины времени. В данном случае произведение относится к жанру фэнтези. В хронофантастике важно наличие практического атрибута, в «Тамге» это – супертранспьютер и капсула. Также в период перемещения появляется необходимость в невероятно большом количестве энергии, – и в рассматриваемом нами произведении говорится, что даже «на заводах в ночном режиме загораются лампочки, у многих выходят из строя электрические аппараты» [Латыйфи, Якуш 1996, с. 16]. Марат возвращается в период Казанского ханства, в период правления хана Сахиб-Гирея.

В научной фантастике для объяснения чрезвычайных явлений и картин требуются научные пояснения. В результате воздействия на Марата биоэнергетики, у него не только в мозгу, но и во всем организме просыпается генетическая память. В итоге он оказывается в облике его далекого предка – искусного воина государства мамлюков – почётного Мурад-бея.

В коварном и угодливом Сихат-бее Марат узнает своего руководителя – проректора Ахмада Сихатовича; в красивой и гордой Залиле – современную медсестру. Уж сколько веков прошло, а характер и нравы этих людей не изменились. Складывается впечатление, что и положительные, и отрицательные черты человека передаются по генам.

В повести фантастика «подстраивается» под национальное. Марат – Мурад-бей стремится к «досадной мечте», живущей в душе каждого татарина, – предупредить об угрожающей Казанскому ханству трагедии и не допустить ее. И здесь делается вывод о том, что, как и в хронофантастических произведениях, историю изменить невозможно. И все же писатель проводит мысль: из случившегося мы должны извлечь уроки и должны принимать меры сегодня, чтобы в будущем не сожалеть об этом.

Повесть «Близнецы» задумывалась как продолжение «Тамги», и, на наш взгляд, она – самая удачная из трёх повестей. Расположенный в капсуле супертранспьютер скопировал мысли и чувства Марата и, переведя их в галограммы, создал биокопию мужчины.

В литературе и искусстве произведений о близнецах-биокопиях и клонах создано немало. Повесть «Близнецы» близка татарскому читателю своим национально-философским пластом. Писатель подходит к этому вопросу с общечеловеческой точки зрения. Что такое биокопия? Есть ли у нее свое лицо? Если нет, то может ли она считаться человеком? На эти вопросы писатель отвечает следующим образом: каждый человек уникален, он и духовно, и биологически имеет свойственные только ему особенности. Это позволяет читателю взглянуть на себя со стороны и оценить себя.

И Марат увидел свои недостатки, которых он ранее в себе не замечал. В произведении также поднимаются вопросы о месте человека в обществе; об осознании им своей миссии.

Вместе с тем, идея повести имеет национальное содержание: только при сохранении исторической памяти народ имеет надежду на лучшее будущее. И Марат, и его копия хранят в себе память о своем древнем прадеде Мурад-бее. Когда копия говорит от имени предка, Марат обвиняет его в том, что они не отстояли Казань, не нашли сил противостоять врагу. Мурад-бей, считая, что обвинять легко, говорит о том, что каждый отвечает за свое поколение: «Сегодня вам никто не запрещает верить в бога, не заставляет предать татарскую веру. Быть верующим, совестливым, принципиальным тяжело, ох как тяжело! У вас душевная лень, которая пустила глубокие корни. Пока вы от нее не избавитесь, пока Казань не вернет свою былую гордость, а татары – совесть, вы никогда не избавитесь от дремотно-сонной пьяной жизни, не выберетесь из болота безбожия. Поймите, когда-то мы сотрясали мир... Мы такой народ, который имел связи со всеми частями света, торговал, умел говорить свое слово! Это надо помнить и не забывать. Силу памяти, народ с сильной памятью нельзя победить физической силой» [Латыйфи, Якуш 1996, с. 151].

Повесть «Последнее предупреждение» – скорее мистическое, нежели фантастическое произведение. События в ней построены на противостоянии Добра и Зла, которое характерно для традиционных мистических произведений. Добро представляет собой «бурый с нежно-голубыми прожилками» камень – предмет, символизирующий средоточие таких качеств как красота, истина, праведный образ жизни, гармония с природой, милосердие. Этот камень, способный противостоять силам зла, дал Марату столетний старик-киргиз Жомабай, проживающий в одном из аулов в горах Тянь-Шаня. «Этот минерал, который поглощает или отталкивает беззвучные, но разрушающие организм волны, никак нельзя назвать простым камнем. Наоборот, он может пробуждать, усиливать и взращивать самые светлые и чистые человеческие чувства» [Латыйфи, Якуш 1996, с. 103]. Несмотря на все усилия Марата

разбить этот камень, с ним ничего не происходило: Добро – вечная субстанция.

У зла же формы нет: это черная сила, энергия, которая причиняет людям вред. «Человеческая зависть, подлость, плохие мысли, тщеславие, готовность перешагнуть через что угодно во имя достижения своего интереса – все это привело к усилению черной энергии» [Латыйфи, Якуш 1996, с. 107], – говорится в повести и показывается, как черная сила погубила немало известных представителей народа. Коричневая тетрадь честного, справедливого журналиста Ришата, в которой он собрал материалы против царящей в обществе безнравственности и бесправия, становится символом справедливости. После ее прочтения Лотфи начинает грозить опасность, а когда она переходит к Марату, то герой взрывается вместе со всей лабораторией. Таким образом, в произведении проявляется мотив поиска Истины, дется напоминание о том, что этот процесс неумолимо подстерегает Зло.

Ф. Латыйфи – писатель, требовательный к своим произведениям, он вновь и вновь возвращается к ним, внося изменения и поправки. Например, повесть «Непривязанных собак пристреливают» трижды (1991, 1999, 2001) издавалась с изменениями: последний вариант стал более совершенным, занял достойное место в ряду самых удачных произведений татарской литературы. Повесть многослойная и носит философский характер. Автор описывает социальное положение послевоенной татарской деревни и, как и в романе «Свалившееся счастье», раскрывает национально-политические проблемы в плоскости «общественно-психологической антиутопии» [Загидуллина 2018, с. 198]. Главный герой произведения – подросток по имени Харис, окончивший пятый класс, его жизнь романтична и грустна, что связано с суровыми реалиями времени.

Первая детская любовь, мечты юного героя, любовь к людям, к животным и жизни в целом написаны с юмором и тонким лиризмом. Есть в повести и «общественный» пласт, придающий тексту непривычную особенность: традиционное для главного героя

видение автор передает в виде иронии старшего рассказчика. (Пренебрегать образованием в медресе, считая два-три класса, полученные в советской школе, более эффективными; благодарить начальство за разрешение брать конский навоз; убеждать в том, что куриный помет – самое необходимое удобрение для страны; тревожиться о тяжелой жизни африканцев и т. д.). Автор с сожалением пишет о том, что на протяжении десятилетий в советской школе велась работа по воспитанию нелюбви и неуважения к своей нации.

Противостояние «своих» и «чужих» дается в повести в национально-общественном плане. У «своих» – простого народа – права ограничены: они вынуждены жить, ругая прошлое, превознося настоящее, подчиняясь руководству, помалкивая. А если понимаешь арабский и персидские языки, знаешь аяты из «Корана» или произошёл из рода мурз – дело совсем плохо. Не будет жизни ни тебе, ни твоей семье. Как и в романе «Свалившееся счастье», так и в этой повести писатель называет главной силой «своих» – защитников «чужих» в деле исчезновения всего татарского. В этом плане в произведении удачно воплощен образ учительницы русского языка Миляуши Ахметовны: вышедшая замуж за русского человека, живущая в другой культуре, отвернувшаяся от своей нации, героиня изображена как служительница коммунистической идеологии.

В произведении чистый, светлый, мечтательный мир Хариса вступает в конфликт с реальной действительностью. Мальчик в будущем желает стать «видным, образованным, воспитанным человеком». Но пока ему надо сделать тележку на колесах и завести себе настоящего друга – собаку. И, наконец, когда герой, казалось, уже обрел счастье, у его тележки снимают колёса, и убивают любимую собаку Тигра. Слова застрелившего собаку милиционера: «Непривязанных собак пристреливают» звучат как оценка писателем существующей системы: в этом обществе умных, свободомыслящих людей быть не должно. Художественная правда повести заставляет задуматься читателя о жизни, о своем положении в обществе, будущем народа.

Таким образом, творчество Ф. Латыйфи «девяностых» годов интересно и в плане изображения национального героя, и в отношении жанрового многообразия. Внутренний мир человека, его психологию, особенности менталитета и мировоззрения писатель стремится раскрывать в культурно-историческом контексте с привлечением и актуализаций мифологических аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

Загидуллина Д. Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. – Казань: Татар. кит. нәшр., 2018. – 287 с.

Загидуллина Д. Ф. Современная татарская проза (1986–2016 гг.): основные тенденции историко-литературного процесса. – Казань: Изд-во АН РТ, 2017. – 246 с.

Зөлкарнәй Ф. Бер+бер=бер // Латыйфи Ф., Якуш Р. Тамга: фантастик повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 184 б.

Латыйфи Ф., Якуш Р. Игезәкләр // Тамга: фантастик повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – Б. 113–160.

Латыйфи Ф., Якуш Р. Соңгы кисәтү // Тамга: фантастик повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – Б. 75–112.

Латыйфи Ф., Якуш Р. Тамга // Тамга: фантастик повестьлар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – Б. 5–74.

УДК 398.8(=511.131)(045)

Г. А. Глухова, В. В. Студитских
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

G. A. Glukhova, V. V. Studitskikh
Udmurt State University, Izhevsk

УДМУРТСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ПЕСНЯ: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ ИСПОЛНЯЮЩИХ И ВОСПРИНИМАЮЩИХ

THE UDMURT TRADITIONAL SONG AND EMOTIONAL REACTION OF PERFORMERS AND PERCEIVERS

Аннотация. Рассматриваются особенности структуры удмуртских народных песен и процесса формирования эмоциональной реакции при их исполнении и восприятии. Анализируемый материал позволяет говорить о том, что в древних напевах *крезь* отсутствует словесный текст, но эстетическая реакция передается через музыку. В песнях со словесным текстом эмоциональные переживания формируют ассоциации и образы окружающего мира. В поэтических текстах такого плана сочетание слова и музыки имеет глубокое эстетическое воздействие.

Abstract. The differences in the structure of Udmurt folk songs and the peculiarities of the process of forming an emotional reaction during their performance and perception are considered. The analyzed material allows us to say that there is no verbal text in the ancient krez melodies, but the aesthetic reaction is transmitted through music. In songs with a verbal text, emotional experiences form associations and images of the surrounding world. In poetic texts of this kind, the combination of words and music has a deep aesthetic impact.

Ключевые слова: Удмурты, древние напевы, песни-импровизации, полифонно-гармоническое исполнение, импровизированная вокализация, символы.

Keywords: Udmurts, ancient melodies, improvisation songs, improvised vocalization, symbols.

Создателями традиционных песен являются многие поколения людей с различным опытом, индивидуально-психологическими особенностями и типичными чертами, сформированными в определенные исторические периоды развития общества. По мнению Л. С. Выготского, народы, живущие в северных широтах, оказываются в творческом плане более изобретательными в силу суровых природных условий и плохой приспособленности, которые вынуждают человека развивать и накапливать творческий потенциал [см.: Выготский 1983].

Удмуртское народное песенное творчество богато и самобытно. Этнологические исследования большого количества удмуртских народных песен свидетельствуют об исключительно высоком уровне развития поэтического слова и народного музыкального творчества [см.: Нуриева 2005, Пчеловодова 2013]. Этномузыковеды Е. Б. Бойкова, Т. Г. Владыкина отмечают, что удмуртская народная песня оказывает сильное эмоциональное воздействие на исполнителей во время обрядовых мероприятий, и предполагают, что целью обрядового пения является катарсис, который достигается посредством ритуального плача. Подтверждение этой идеи ученые находят в терминологии: обрядовые песни обозначаются словом *гур* – напев, который является общим для всех удмуртских обрядовых музыкальных жанров и восходит к общепермскому – плач, плакать. Существует много напевов (рекрутские напевы, напевы проводов невесты, поминальные напевы, гостевые напевы и др.), выполняющих ту же функцию – вызвать плач [см.: Бойкова, Владыкина 1992]. Наши наблюдения показывают, что на концертах фольклорно-этнографического ансамбля «Чипчирган» Удмуртского государственного университета (руководитель И. В. Пчеловодова, хореограф и исполнитель песен В. В. Студитских) традиционное пение доставляет

зрителям большое удовольствие и сильные переживания. Во время концерта зрители, находящиеся в зале, вытирают слезы.

В основу анализа влияния традиционной удмуртской песенной культуры на переживания воспринимающих положена теория Л. С. Выготского об эстетической реакции, связанной с созданием и восприятием произведений искусства. Изучая переживания, эстетическую реакцию, он пишет о феномене катарсиса как эмоционального потрясения, состояния внутреннего очищения (избавления от отрицательных переживаний), вызванного у зрителей и исполнителей общением с произведением искусства. По мнению Л. С. Выготского, важнейшим приемом, при помощи которого художник добивается катарсического эффекта, является прием «уничтожения содержания формой» [см.: Выготский 1987]. К примеру, во многих романсах и народных песнях «основным содержанием являются отрицательные эмоции, вызванные разлукой, недоверием, ревностью. Содержание этих песен, пересказанное прозаическим языком, вызывает уныние и тоску. Однако те же самые отрицательные переживания, выраженные в поэтических рифмах, положенные на красивую мелодию и исполненные красивым голосом певца, преодолевают негативные состояния через эмоциональное потрясение, и возникает ощущение просветления, т. е. эстетическая реакция. Это и есть катарсис, избавление от негативных переживаний, которое составляет суть искусства и делает его биологически необходимым для достижения человеком высот духовного совершенства» [Петрушин 2008].

Для психологического анализа в качестве примера, о чем писали выше, использованы песни из репертуара ансамбля фольклорно-этнографического ансамбля «Чипчирган» Удмуртского государственного университета. Также привлечен личный опыт работы одного из авторов статьи – хореографом и исполнителем песен в ансамбле – и жизненные наблюдения обоих соавторов как представителей удмуртского народа.

Среди многообразия удмуртского фольклорного наследия наиболее интересными являются два вида народных песенных произведений искусства: 1) древние напевы песен-импровизаций *крезь*

со своеобразной структурой, отсутствием поэтического текста и полифонно-гармоническим исполнением; 2) традиционные народные песни с особенным структурированным по смысловому содержанию поэтическим текстом.

Проанализируем различия структур песен и эмоциональных реакций.

1. Древние напевы песен-импровизаций удмуртов *крезь* удивляют и восхищают своей мудростью, коллективным творчеством, свободой индивидуальной вокальной импровизации, красотой полифонно-гармонического исполнения и отсутствием поэтического текста [Студитских 2008, с. 206–210]. Смысловое содержание заключено в названии песнопения, оно задает тему (мотив) для вокальной импровизации. Напевы представляют собой импровизированные вокализации, реализующиеся с использованием тех или иных лексических единиц. У каждого певца свои вокализации, меняющиеся при повторном исполнении, согласующиеся с индивидуальными импровизациями других и сохраняющие гармонию коллективного пения.

Для примера представлены варианты вокализации одного участника во время конкретного исполнения в разных песнях: *Сюан крезь* / Свадебный напев, *Армие келян гур* / Рекрутский напев, *Весяк крезь* / Напевы на все случаи, записанные в Глазовском районе Удмуртии (Песни из репертуара фольклорно-этногра-фического ансамбля «Чипчирган» Удмуртского государственного университета).

Сюан крезь	*Армие келян гур*	*Весяк крезь*
Годыре, годыре, пе,	*Занӥ меда е, дяй, дяй,*	*Эк, бен, занӥ, занӥ, дано*
Годыре верай но.	*дяй, дяй шуи, бен, но.*	*Э, ке, ке, ке, ке э шуыса*
Ай, дой, пый, гинэ но.	*Э, бен, е но, верасал но гинэ,*	*Гинэ меда но вералом,*
Йэ, пе, шуыса, годыре.	*Эх, уё шуом а, вера, е, вера*	*Э, гинэ меда но*

Унифицированная вербальная сторона песен делает их очень похожими, хотя по сути песни разные. Присутствуют отдельные слова «*эк, бен*», «*гинэ*», «*меда*», «*вералом*», «*шуом*», повторяющиеся в разных песнях. Нуриева И. М. отмечает, что традиция пения на «припевные» слова является древнейшей и имеет многочисленные этногенетические (саамские, карельские йойки, ненецкие импровизации и др.) и типологические параллели [см.: Нуриева 2006]. Вероятно, что они могли быть такими изначально и дошли до нас в совершенном и завершенном виде. Можно предположить, что одной из причин, обусловливающей появление и сохранение таких напевов, являются социально-психологические условия жизни: в деревне жители постоянные, они часто встречаются и регулярно поют одни и те же песни. Отсутствие текста дает им свободу для творчества и «защищает» исполнителей от однообразного воздействия конкретного смысла на эмоциональное состояние. Импровизированная вокализация дает исполнителю большую свободу для выражения своих эмоций, субъективного отношения к событиям, связанным с содержанием песни, не навязывая его другим исполнителям [см.: Студитских 2008].

Название песни определяет тему мелодии – грусть, страдание, размышление, радость и др. Мелодия есть форма произведения и его композиция. Она, на наш взгляд, является структурным стержнем песни: будучи постоянной, она служит музыкальной основой *крезя*, сохраняя гармонию в процессе творческого многоголосного пения. Вместе с тем, каждый исполнитель имеет свою партию, ритм, тембр голоса, тональность воспроизведения слов и междометий.

Далее представим интроспективный анализ эмоциональных переживаний В. В. Студитских, имеющей опыт исполнения *крезя*. Складывается впечатление, что в процессе вокальных импровизаций поющие как бы «расходятся» и «сходятся» в определенных местах мелодии. Каждый исполнитель вносит свое настроение, импровизируя фонемы и вокализации в процессе песнопения,

не отрываясь от коллективного звучания и сохраняя гармонию. Создается эффект, будто каждый поет о своем и по-своему, но получается – об одном и вместе. Музыковед И. К. Травина пишет о подлинно драматичном в своем художественном воплощении чувстве скорби одной похоронно-поминальной песни «северных» удмуртов «*Занӥ-годӥ, но бен ук*», поражающей богатейшим полифонногармони-ческим развитием. Она охарактеризовала музыкальное исполнение песни так: «скорбные стенания хора оттеняются в ней синкопированным триольным ритмом, сочетающимся в одном случае в дуальной партии солирующего голоса, парящего в высоком регистре и перекрывающегося временами с голосом хора. Острый драматизм песни подчеркивается хроматическими сопоставлениями на расстоянии трезвучий второй ступени с дорийской или натуральной сектой и первой ступени – с минорной или мажорной терцией. Подобного рода хроматизм на расстоянии встречается и в мелодии солирующего голоса. Постепенное наслоение голосов и нарастание звучности усиливают общее трагическое звучание» [Травина 1964, с. 98].

Эстетическая реакция исполнителя достигается, вероятно, процессом сотворчества – индивидуального в сочетании с коллективным. При каждом исполнении участники «осуществляют искусство»: вкладывают свое настроение в данный момент, проживают его в творческом акте, испытывая аффект; преодолевают эти чувства, достигают его разрешения, победы над ним, т. е. катарсиса.

Песня открыта для изменений в процессе исполнения и может звучать по-разному каждый раз, но при этом исполнители остаются одни и те же. Ее звучание зависит от эмоционального состояния исполнителей, от настроения каждого участника, от социальной ситуации в данный момент и даже от исторического периода развития общества. Оставаясь традиционной по форме и стилю, в современном исполнении она, возможно, звучит иначе, чем сто лет назад. Современники вносят в песнопение свое мироощущение, эмоции и переживания.

Вероятно, сочетание уникальных средств древних напевов обусловливает сильные субъективные переживания и эмоциональный отклик также и у воспринимающих. Мелодия и полифонно-гармоническое исполнение импровизированной вокализации, возможно, актуализируют опыт человека: воссоздают в памяти важные значимые события и ситуации из жизни – счастье, радости, успех, утраты, горести, печали, накопившиеся за всю жизнь. У слушателя возникают фантастические представления и образы, которые служат как бы вторым выражением чувства, он вновь их переживает и переосмысливает с позиции сегодняшнего дня. Воспринимающий «вчувствует» (по Выготскому Л. С.) в произведение искусства те или иные чувства, которые поднимаются из самой глубины его существа. Звучание напева объемное, красивое; ласкает слух гармония мелодии; она обволакивает и проникает во внутренний мир, актуализируя набор прожитых переживаний: радость, волнение, страсть, мечты, огорчения, страдания – все они перемешиваются, сталкиваются, борются и выстраиваются по-новому, иногда – сквозь слезы. Иначе говоря, под воздействием песни исполнители и воспринимающие могут пережить эмоциональное потрясение, названное в психологии искусства катарсисом.

Итак, отсутствие содержательного текста в древних напевах песен-импровизаций удмуртов *крезь* позволяет предположить, что эстетическая реакция программируется музыкой. Исполнители выражают свои переживания (радости, горя, счастья) через импровизированные вокализации отдельных лексических единиц и достигают эмоционального потрясения и катарсиса. Музыка несет в себе всю эмоциональную и смысловую нагрузку. Смысл и эмоции передаются воспринимающему песню музыкой – мелодией, ритмом, темпом, тональностью звуков, которые актуализируют личные смыслы и субъективный опыт переживаний слушателя, он рефлексирует свои субъективные переживания и достигает эмоционального потрясения.

2. Традиционные песни удмуртов с поэтическим текстом и эстетическая реакция их восприятия.

Структурно текст удмуртской песни состоит из относительно самостоятельных, но последовательных и логически связанных по содержанию строф, подводящих к главной мысли или переживанию ситуации в сюжете. Специфическая особенность сюжета заключается в том, что в ней повествование каждой мысли или переживания начинается с описания образа внешней окружающей действительности (природного явления или реального действия), аналогичной внутреннему состоянию человека. Затем, во второй части песни говорится о переживании или действии человека в воспеваемой ситуации. Интересно, что логическая структура построения содержания соответствует закономерности развития психики человека: от чувственного познания – к логическому мышлению; от нравственных знаний – к внутренним этическим инстанциям, мотивам и т. д. [Выготский 1983]. Психологические механизмы эмоциональной реакции воспринимающих народные песни, возможно, зависят не только от поэтического содержания, но и от формы – композиции, музыкальной оболочки.

Например, в лирической песне *«Гуль-бакча»* / «Палисадник» (букв.: «цветочный огород»), записанной в п. Селты (Песни из репертуара фольклорно-этнографического ансамбля «Чипчирган» Удмуртского государственного университета), поется о сложном трагическом переживании девушки, которую родители разлучили с любимым человеком.

Бакчаям потӥ, убоме ури.	В палисадник вышла, грядку полола.
Убоме ури, туж, ной,	Грядку полола и от души пела*.
кырӟаса.	

В каждой удмуртской традиционной песне много символики, поэтому интересно проанализировать сюжетную линию текста с позиции психологии, т. к. знание и учет закономерностей психики человека создателем произведения просматриваются в каждой строфе и даже в слове песни. Структурно песня «*Гуль-бакча*»

* Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык авторов статьи – Г. Г., В. С.

состоит из четырех строф, описывающих внешние действия и поступки людей, отражая глубину страдания и трудную внутреннюю работу с переживаниями.

Сюжетная линия песни начинается с того, что девушка пропалывает сорняки на своей выращенной «культурной» клумбе. Этот образ можно интерпретировать как «окультуривание» эмоциональной сферы в душе: она «убирает» мешающие, травмирующие эмоции, стремясь оставить лишь позитивные и конструктивные чувства. Слова, обозначающие переживания человека (ревность, зависть, злость), в удмуртском языке имеют один корень *вож* – со словами, обозначающими в современном языке природную основу – зеленый, зелень, молодой. Корень *«вож»* включен в слова, обозначающие отрицательные эмоции и чувства, которые имеют инстинктивное происхождение, и в этом есть глубокий психологический смысл языка. По мнению Г. Глуховой, архаичная семантика понятия сохранена в удмуртской культуре с корнем вож/выж/вош и является основным содержанием ряда слов: сюрес вож «перекресток», выж, выжон «мост, переход», воштйськон (вожтйськон) «изменение, переодевание». Таким образом, корень *вож* – указывает не только на ее эмоциональное состояние, внутренние переживания, но и через песню девушка переходит как бы в другой статус.

Важно, что девушка пропалывает грядку с песней, которая помогает рефлексировать чувства и сосредоточиться на позитивных переживаниях. Возможно, что песня доводит отрицательные переживания девушки от разлуки с любимым до эмоционального потрясения, и возникает ощущение просветления, т. е. эстетическая реакция.

Во второй строфе песни говорится уже о том, что девушка со слезами срывает на лугу дикорастущий цветок.

Возь вылэ васьки, сяська ишкалтйӥ,	На луг спустилась, цветок сорвала,
Сяська ишкалтйӥ, туж, ной, бӧрдыса.	Цветок сорвала, горько плакала.

«Срывать» цветы трудно… тяжело расставаться с любимым человеком. Можно предположить и надеяться, что плач девушки это есть слезы очищения, плач происходит благодаря воздействию песни, т. е. катарсису.

В последних строфах говорится о переживаемых чувствах девушки и причине их возникновения:

Тонтэк но, вал, дыр, пренник сётысьёс,	И без тебя, наверное, были [те], кто угощал пряниками,
Монтэк но, вал, дыр, вина сектасьёс.	И без меня, наверное, были [те], кто угощал вином.
Ой, но, мемие, ой, но, дядие	Ой, да ведь моя матушка, ой, да ведь отец мой,
Гажан муртэлэсь монэ люкизы.	Разлучили меня с любимым.

Следует отметить, что в песне *«Гуль-бакча»* любовь показана посредством изображения простых практических действий, взаимной заботы. Только в последней строке песни указана причина страдания девушки – разлука с любимым. Сюжет песни разворачивается постепенно, подступая к выражению кульминации чувств только в конце текста, когда форма (поэтический стих, красота музыки, голос, многоголосное исполнение и др.) уже нейтрализовала содержание чувств. Возможность такого психологического анализа доказывает совершенство песни «*Гуль-бакча*» как произведения искусства и высочайшего уровня творческих способностей автора.

Итак, анализ традиционной лирической песни с поэтическим текстом позволяет предположить, что эстетическая реакция программируется структурой текста и музыкой. В содержательную структуру песни включены образы предметов и явлений окружающего мира, которые уточняют понимание смысла и создают соответствующие переживания. У исполнителя и воспринимающего песню на основе богатого субъективного опыта переживаний (радости, горя, счастья) возникают воспоминания прошлых ситуаций жизни, представления, новые образы, и они достигают эмоционального потрясения – катарсиса.

Особенность структуры древних напевов песен-импровизаций *крезь* состоит в том, что в них отсутствует содержательный текст и унифицированы вербальные знаковые средства, усложнены невербальные средства – музыка и стиль исполнения. Механизм эстетической реакции на напевы может быть следующим: архаичная мелодия и полифонно-гармоническое исполнение импровизированной вокализации актуализируют опыт человека, воссоздавая в памяти исполнителей и слушателей важные значимые события и ситуации в их жизни, и они вновь их переживают и переосмысливают с позиции сегодняшнего дня и испытывают эмоциональное потрясение.

Своеобразие структуры традиционной удмуртской народной песни с поэтическим текстом заключается в том, что в нее включены ассоциации и образы окружающего мира, которые способствуют лучшему пониманию смысла и создают соответствующие эмоциональные переживания. Благодаря музыкальному исполнению возникает эстетическая реакция исполняющих и воспринимающих художественное произведение, т. е. посредством ассоциаций, образов чувственного восприятия человеком окружающего мира возникают эмоциональные переживания, и через сопереживание достигается аффективное состояние – катарсис.

ЛИТЕРАТУРА

Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. Песни южных удмуртов: Материалы исследования. Вып. 1. – Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 1992. – 192 с.

Выготский Л. С. Проблемы развития психики // Выготский Л. С. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. – М.: Педагогика, 1983. – 314 с.

Выготский Л. С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.

Нуриева И. М. Импровизация в песенном искусстве удмуртов в контексте финно-угорских культур // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: материалы I Межрегиональной конференции и VII Между-

народной школы молодого фольклориста (Ижевск, 23–26 октября 2005 г.). – Ижевск, 2006. – С. 206–217.

Петрушин В. И. Музыкальная психология: учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – 400 с.

Пчеловодова И. В. Удмуртская песенная лирика: От мотива к сюжету: монография. – Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 2013. – 164 с.

Студитских В. В. Древнее песнопение «северных» удмуртов: психологические аспекты исполнения и восприятия // Ежегодник финно-угорских исследований 07. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т; ERGO, 2008. – С. 206–210.

Травина И. К. Удмуртские народные песни. – Ижевск: Удмуртия, 1964. – 228 с.

УДК 821.511.131-32(045)

А. З. Диева
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

A. Z. Dieva
Udmurt State University, Izhevsk

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В РАССКАЗАХ УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Е. ЗАГРЕБИНА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ПРИРОДОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

MORAL VALUES IN THE STORIES OF THE UDMURT WRITER E. ZAGREBIN IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATURAL HISTORY LITERATURE

«Большим писателем называется тот,
кто сумел поселить уверенность
в неиспорченности жизни – в реальности сказки»
(М. М. Пришвин)

Аннотация. Прозаик, драматург, народный писатель Удмуртской Республики Е. Е. Загребин является ведущим автором не только в области драматургии, но и детской литературы. Для его детской прозы характерны образно-мифологические переживания, этнические архетипы, ощущение бытия, пропущенное через сознание ребенка. Природоведческие рассказы Е. Загребина свидетельствуют, что удмуртский народ к середине XX века не утратил своих вековых традиций, не оторвался от языческих корней, не потерял своей нерасторжимой связи с природой.

Annnotation. The novelist, playwright, people's writer of the Udmurt Republic E. E. Zagrebin is a leading author not only in the field of drama, but also in children's literature. His children's prose is characterized

by figurative and mythological experiences, ethnic archetypes, a sense of being passed through the child's consciousness. E. Zagrebin's natural history stories show that by the middle of the XX century the Udmurt people had not lost their age-old traditions, had not broken away from pagan roots, had not lost their indissoluble connection with nature.

Ключевые слова: удмуртская литература, Егор Загребин, жанр, рассказ, проблематика, художественное своеобразие.

Keywords: Udmurt literature, Egor Zagrebin, genre, story, problems, artistic originality.

В художественном мире Е. Загребина есть важный аспект – проблема взаимоотношений природы и человека. Произведения, созданные Загребиным о жизни природы, хорошо известны. Это в первую очередь книги «Нюлэс куараос» («Лесные голоса», 1971) и «Палэзь ӟускиос» («Гроздья рябины», 1978). Подход Загребина к изображению мира природы можно определить как «очеловечивание» повадок зверей и птиц, придание им качеств, присущих людям, считает литературовед Т. Зайцева. Сочетая житейскую точность с занимательным изложением, писатель «схватывает» необычные ситуации, их смешную и одновременно трагическую сторону. Таковы рассказы «Трясогузка», «Дятел», «Белый заяц», «Летят журавли», «Привидение» и др. Писатель взывает к доброте, которая позволяет по-настоящему всмотреться в себя, в людей, в жизнь, ибо все существующее на земле взаимосвязано.

Утверждение жизни – одна из главных примет творчества Е. Загребина. «Способность радоваться «живой жизни», каждому ее мигу, быть в братском соединении с окружающим миром – движущая сила его повествований в прозе и драматургии…» [Зайцева 2002, с. 219–220].

В осмыслении роли войны в биографии детей этот художественный принцип является ведущим. Рассмотрим на примере рассказа «Тюрагай» («Жаворонок»), где описан случай из жизни детей военных лет. Мальчики, прихватив пестери, пошли откапывать

в оттаявших бороздах пашни картошку. Но внимание восьмилетнего мальчика Ёрги привлекло пение жаворонка. Автор психологически достоверно воссоздает эмоциональное состояние ребенка, который воспринимает песню жаворонка как лирическое послание от отца с фронта. Мотив автобиографизма предельно четко представлен в этом произведении, о чём свидетельствует тот факт, что героя также зовут Ёрги (детское прозвище Егора Загребина).

Рассказ «Жаворонок» – воспоминание об отце, о матери, довоенном детстве, которое передано через лирические ситуации, имеющие драматическое содержание. Такой приём вызывает у читателя особую доверительность к изображаемому. Воспоминания о трудном времени запечатлелись в памяти героя таким образом: «Я стоял, как завороженный, глядел в голубое небо, слушал трепетную трель жаворонка и думал о том, что эту маленькую птичку очень любит мой отец. Бывало он называл жаворонком мою маму, и я частенько слышал, как он пел песню про жаворонка. Теперь эту отцовскую песню поет мама. Сядет, затопит вечером печку, смотрит задумчиво на огонь и поет, поет… У наших стариков есть поверье: если крикнуть в печную трубу, позвать, то тот, кого зовешь, услышит, как бы далеко он ни был. А отец сейчас очень далеко: он там, где идет война, и от него давно нет писем. Может, оттого и поет мама перед открытой печкой, что надеется: песню услышит отец…» [Загребин 2008].

Лирический рассказ «Жаворонок» построен на метафорических образах. «Жаворонок» – архетип, усиливающий лирическое начало рассказа. Мальчик забыл, для чего он пришёл на поле. Песня жаворонка напомнила ему счастливую довоенную жизнь, когда отец называл свою любимую жену «жаворонком»: ведь мама любила петь народные песни, подобным образом выражая свою любовь к мужу и детям. В последнее время от отца не было известий, мать загрустила и тоску выражала в песнях.

Повествователь бережно фиксирует каждую деталь. Отец на войне, и мама, зазывая его, как бы «отправляет» свою песню в печную трубу. Обращение к народной традиции придаёт рассказу

особую психологическую и этнокультурную достоверность. Рассказ обретает качественно-новый смысл. Очевидно, что между героем-повествователем (ребёнком) и взрослым автором (Загребиным) существует и возрастная, и психологическая, и историческая дистанция, но она нравственно осмыслена и гражданski пережита. Жаворонок – орнитоморфный символ, любимая птица удмуртского народа. В рассказе через образ птицы, как уже писали выше, выражено лирическое начало: именно пение жаворонка вывело маленького героя из тяжёлого эмоционального состояния, связанного с пониманием трагической ситуации в их семье. Песня жаворонка даёт позитивный настрой, надежду на то, что в семью вернётся отец, а вместе с ним – счастье и любовь.

В то же время жаворонок – это символ материнской любви и жертвенности, оберег для ребенка. Таким образом, архетипический образ в контексте данного рассказа имеет многозначный смысл.

Умение выводить будничную ситуацию в иную категорию или соединить лирическое и драматическое начала характерно для многих других рассказов Егора Загребина. Обратимся к рассказу «Горд ӟустари» («Красная тряпка»). Это рассказ о счастье и горе маленького мальчика, о том, как тоталитарный режим искалечил его судьбу и судьбы других людей. Само название рассказа многозначно: цвет тряпки не имеет ничего общего ни с цветом флага, ни с цветом пионерского галстука. Общеизвестно, красный цвет в фольклоре – олицетворение красоты, здоровья, счастья. Красное солнышко – символ жизни; отсюда – красный угол в доме; красный уголок в школе. В то же время красный цвет амбивалентен. Это и символ революции, трагедии, пролитой крови на войне.

В рассказе Загребина обыгрывается многозначность красного цвета. Красная тряпка – грязная тряпка, которая где-то валялась, а теперь ученики ее используют для вытирания школьной доски. Парадоксальность ситуации в том, что эта красная тряпка случайно оказалась на портрете Сталина.

Герой рассказа школьник Егор пребывает в состоянии счастья, ему хочется резвиться дальше. Возбуждающе действует

прекрасная природа, так как «за окном буйствовала весна, порхали бабочки, щебетали птицы». Пока все ученики резвились на перемене, мальчик нечаянно закинул красную тряпку на портрет, но на чей портрет? Вождя, «отца народов – Сталина». В классе воцарилась тишина. «Мне казалось, что на меня он смотрит осуждающе. Вот-вот оживёт и покачает головой. И вдруг по щеке его покатилась слеза. Кровавая! Портрет плакал кровавыми слезами!» [Загребин 2008, с. 49].

Писатель мастерски передал тягостные ощущения, которое испытали в те минуты одноклассники героя. Мальчик, вернувшись домой, все откровенно рассказал деду, который поддержал ребенка в трудную минуту. Дедушка предпринял множество своеобразных мер предосторожности: достал портрет Сталина, молился на него, как на икону, одарил и угостил учителя-фронтовика. Но ничего не спасло мальчика: в конце учебного года всех детей перевели во второй класс, а его оставили на второй год в первом классе. Молодая учительница от волнения не успела вовремя убрать следы «преступления», её «застукали». Вот так будничная ситуация обернулась для маленького героя политическим делом. «У меня потемнело в глазах. Я бросился бежать… Я бежал, сколько хватило сил, а потом упал на землю, на молодую ласковую траву и заплакал» [Загребин 2008, с. 53].

Писатель умело изображает душевную травму юного героя, которая осталась на всю жизнь. Через призму детского сознания воссозданы трагические страницы истории советского народа, связанные с культом личности. Лирическое начало совмещается с драматическим и формирует новое качество психологического повествования.

В контексте анализа загребинской малой прозы следует отметить статью С. Скопкарёвой «Рассказ Е. Загребина “Красная тряпка”» [см.: Скопкарёва 2012, с. 110], в которой дано подробное описание проблематики и поэтики произведения.

Умение сочетать лирическое и драматическое начала в изображении мира детской души является наиболее характерной

особенностью психологического мастерства Е. Загребина. Особенности психологизма творчества Е. Загребина как эстетического свойства нуждаются в дальнейшем глубинном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

Загребин Е. Е. Лебеди моего детства: Новеллы, рассказы, пьесы / Пер. с удм. В. Болтышева, В. Глушкова и автора. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 176 с.

Зайцева Т. И. Некоторые размышления о творчестве Е. Загребина // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: учеб. пособие / под ред. Т. И. Зайцевой и С. Т. Арекеевой. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 219–222.

Скопкарёва С. Л. Рассказ Е. Загребина «Красная тряпка» // Италмас. – 2012. – № 1 (15). – С. 110.

УДК 811.511.131:008(470.51)(045)

Т. Р. Душенкова
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск

T. R. Dushenkova
Udmurt Institute of History, Language and Literature
UdmFRC UB RAS, Izhevsk

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В УДМУРТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: КУЗЕБАЙ ГЕРД И АШАЛЬЧИ ОКИ

PRECEDENT NAMES IN UDMURT CULTURE: KUZEBAI GERD AND ASHALCHI OKI

Аннотация. Рассматриваются два прецедентных имени в удмуртской культуре – Кузебай Герд и Ашальчи Оки. Судьбы поэтов мифологизировались и сакрализировались, их имена обрели общекультурный статус, стали названиями многих культурных объектов. Эти прецеденты включены в ценностную шкалу лингвокультурного удмуртского сообщества и занимают важное место в системе национальной мифологии.

Abstract. The article deals with two precedent names in Udmurt culture – Kuzebai Gerd and Ashalchi Oki. Names have become standards, symbols of the Udmurt character. Their destinies were mythologized and sacralized. Their names have acquired a general cultural status, have become the names of many cultural objects. These precedents are included in the value scale of the linguistic and cultural Udmurt community and occupy an important place in the system of national mythology.

Ключевые слова: прецедентные имена, удмуртская этнокультура, символы.

Keywords: precedent names, Udmurt ethnoculture, symbols.

В культуре Удмуртии имеются прецедентные имена и названия, которые стали национальными символами. В статье рассмотрены два прецедентных имени – *Кузебай Герд* и А*шальчи Оки*, ставшие достоянием национальной культуры удмуртов.

Прецедентными могут стать имена собственные благодаря широко известным текстам, ситуациям или фиксированным комплексам определенных качеств. Они употребляются коннотативно и не нуждаются в каких-либо пояснениях для большинства социализированных представителей этнокультурного сообщества. Кроме того, существует общенациональное инвариантное представление, стоящее за каждым из них. Имеется в виду, что из всего множества часто противоречивых характеристик культурного имени вычленяется и сохраняется очень ограниченный набор. Например, *Кузебай Герд – великий сын удмуртского народа, просветитель; удмуртский поэт, прозаик, драматург, переводчик, этнограф, фольклорист, национальный и общественный деятель. Классик удмуртской литературы. Активист удмуртского национально-культурного строительства*. *Ашальчи Оки – первая удмуртская поэтесса* и т. п. Все остальные признаки и реалии выносятся за скобки. В индивидуальном когнитивном пространстве того или иного представителя этого сообщества может существовать собственное понимание культурного предмета/имени, но в своей коммуникативной деятельности он будет опираться именно на указанный инвариант восприятия.

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к прецедентным (*Обломов, Тарас Бульба, Италмас*), или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающая как прецедентная (*Иван Сусанин, Колумб, Лӧпшо Педунь*), 3) имя-символ, указывающее на некую эталонную совокупность определенных качеств (*Моцарт, Ломоносов, Герд, Ашальчи*) [Васильев 2013, с. 28].

Имена названных удмуртских поэтов для национальной культуры давно стали знаковыми, их судьбы и творчество еще не стали житиями, но уже мифологизировались, обросли культурными коннотациями.

Когда мы произносим имена *Кузебай Герд* и *Ашальчи Оки*, то в обоих случаях имеем дело с литературными псевдонимами. Писатели берут псевдонимы с разными целями. Одни могут выдумать более звучное имя; другие предпочесть то, что соответствует жанру, в котором он пишет. Причинами появления псевдонима могут быть также неблагозвучие подлинной фамилии, наличие однофамильцев, цензурные соображения, неуверенность в успехе на творческом поприще, стремление сохранить инкогнито и др. У некоторых писателей набирается несколько десятков псевдонимов. Например, у татарского писателя Г. Тукая – свыше 60. Особенно характерно это явление для удмуртской литературы начала XX в., когда выходило большое количество газет и журналов, с которыми активно сотрудничали писатели. Случалось, что один и тот же автор публиковал в номере несколько статей, что вынуждало его подписываться различными псевдонимами (в газете «Удмурт дунне» данным приемом пользуются до сих пор).

Кузебай (Кузёбай) ГЕРД. Псевдоним *Кузёбай Герд* появляется в 1920 году, во время работы поэта в газете «Гудыри» («Гром»). Редкий номер выходил без его статьи или стихотворения. До этого времени встречаются и другие псевдонимы – *К. Андан, Ида Сю-мори, Эмезь*. *Кузёбай* – антропоним: удм. *кузё* ‘хозяин, владелец’ < тюрк. *хузя* < перс. *ходжа* ‘хозяин, владелец; господин’ + тюрк. *бай* ‘богатый; богач’ [Атаманов 1990, с. 240]. *Герд* – ‘1. узел, петля (*напр. нитки, веревки*) 2. *бот.* завязь (*цветка, плода*)’ [УРС 2008, с. 160].

Этимология: коми *гӧрӧд* ‘узел’, удмуртское *герд* ‘тж’. Кроме этого значения, есть еще и второе, где узел является счетной единицей, которой пользуются при наматывании пряжи. Лексема относится к общепермскому **gɛrd-* [КЭСК 1999, с. 81]. Авторы словаря объединяют также коми *кӧртавны* ‘завязать, связать, привязать’ и удмуртское *керттыны* ‘завязать, связать’ с общепермским* *kɛrt-*

‘связать’ [КЭСК 1999, с. 142]. Таким образом, псевдоним *Кузёбай Герд* можно «прочитать» как *богатый хозяин+ узел.*

Беря себя такой псевдоним, Кузьма Павлович Чайников, возможно, вкладывал в него много значений. Он как узел, который связывает его с прошлым и настоящим, который должен стать новой жизнью. Герд – это и единство народа, нации. Символика узла очень многообразна. Узел в народной традиции знак остановки, прекращения некоторого действия или силы; знак овладения объектом или ситуацией; завязывание и развязывание. Узел символизирует замыкание и размыкание, связывание и освобождение [Славянские древности 2012, с. 357–360].

В новых современных реалиях имя Кузебая Герда носит Удмуртская национальная гимназия (с 1994 г.). Удмуртская организация «Удмурт Кенеш» в 1992 г. учредила премию имени Кузебая Герда*. В 1998 году, в год столетия поэта, был открыт его дом-музей в деревне Гурезь-Пудга Вавожского района, а на месте дома, в Большой Докье, где он родился, была установлена стела. В 2000 г. Национальному музею Удмуртской Республики присвоено имя Кузебая Герда, а 2 ноября 2005 года рядом с музеем был торжественно открыт памятник поэту. В 2013 году был открыт еще один памятник писателю в селе Вавож. В 2023 г. вышел почтовый конверт с его портретом.

В 30-е годы прошлого столетия появилось слово, именующее целое явление – *гердовщина.* В феврале на 2-й авторской конференции Удмуртской ассоциации революционных писателей поэт был объявлен «идеологом национальной буржуазии», последний сборник его стихов и поэм «Лёгетъёс» («Ступени») назван «контрреволюционной работой».

Борьба с «гердовщиной» стала главной задачей в культурной жизни республики тех лет. Писателей обвиняли по политическим статьям, уничтожали за те или иные идеи. Сейчас мы ужасаемся

* Присуждается ежегодно к годовщине первого Всесоюзного съезда удмуртов.

тому явлению, когда люди доносили друг друга. К счастью, К. Герд полностью реабилитирован, осмыслена его значимость в судьбе республики, в истории народа, в развитии национального самосознания. Его личность широко одаренного человека вмещала в себя крупного ученого (этнографа, фольклориста, лингвиста), политика, публициста, поэта и писателя[**]. О нем написаны монографии, исследования [Ермаков 1996, Бусыгина 2009, Камитова 2006].

АШАЛЬЧИ. При одном упоминании этого слова каждый удмурт вспоминает классика национальной литературы, первую удмуртскую поэтессу Акулину Григорьевну Векшину (1898–1973), имевшую литературный псевдоним Ашальчи Оки (взяла в 1920-е годы). Вряд ли кто из современных удмуртов вспомнит название этого растения. Лексема полностью соотносится только с именем этой легендарной личности.

Ашальчи, ашанчи (латинское *Hierochloë*) в переводе с удмуртского языка означает ‘зубровка, зубровник’ [УРС 2008, с. 52]. Так называется душистая широколиственная трава, которая растет на заливных лугах. В некоторых диалектах *ашальчи* обозначает

[**] За короткую жизнь Кузебай Герд опубликовал 120 статей по различным вопросам культуры и науки (около 40 из них на русском языке, 5 – на венгерском, финском, немецком языках), выпустил более 20 собственных книг, в том числе 3 сборника стихов и поэм, 3 сборника народных песен. Герд является основоположником удмуртской советской детской литературы. Им были опубликованы более 80 стихов и около 40 рассказов об общественной жизни, о природе, флоре и фауне Удмуртии. Герд является автором учебников для начальных классов: «Шуныт зор» («Теплый дождь») (1924), «Выль сюрес» («Новый путь») (1929), «Начальная геометрия» (1926), «Арифметика» (1925), «Окружающая нас природа» (1925) на удмуртском языке. В аспирантуре подготовил 2 диссертации: по фольклору «Удмуртская загадка» и по этнографии «Родильные обряды и восточнофинская колыбель». Последняя сохранилась в архиве Финно-угорского общества в городе Хельсинки (Финляндия) и увидела свет в 1993 году под названием «Человек и его рождение у восточных финнов». Реабилитирован по «делу СОФИН» в 1958 году; по делу 1937 года – в 1961-м.

ятрышник [РУС 2019, с. 945] (латинское *Orchis*). В русском языке встречаются и другие названия растения: *зубровка душистая*, *горчак, чаполоть, горькая трава, священная трава*. Этимология слова восходит к татарскому заимствованию – *äшäльчä* ‘зубровник’; башкирское *äшäльсä* ‘любка двулистная, салеп’ [Алатырев 1988, с. 133].

Растение принадлежит к семейству злаковых, вырастает до 80 см. Часто оно растет как сорняк. Его скашивают на корм скоту. Трава обладает удивительно тонким ароматом. Возможно, именно это имела в виду начинающая поэтесса, когда выбирала себе литературное имя. Известно, что Кузебай Герд предлагал Векшиной псевдоним «Акулина Зор» (*зор* ‘дождь’). Ашальчи Оки так отреагировала на предложение Герда: «Это в самом деле хорошо, теплый, весенний дождь. Но на наших лугах зеленая, очень зеленая трава. Там растет и *ашальчи*. Если нужен псевдоним, пусть будет *Ашальчи Оки*. Так и пиши» [см.: Домокош 1993, с. 249].

Злак считается зимостойким, растет на песчаной почве. На наш взгляд, неприхотливость, невзрачность растения и легла в основу семантики псевдонима. Чрезвычайная застенчивость тогда еще молодой Ашальчи Оки и лирической героини ее стихов стала своеобразной поэтической «визитной карточкой» удмуртского характера. Примечательно, что одно из стихотворений так и называется – «Возьытлык»:

Вань висён дуннеын –	«Есть болезнь на свете –
Туж урод со висён:	Эта болезнь очень плохая:
Возьытлык солы ним	Имя ей скромность (стыдливость, застенчивость)
Удмуртъёс понӥллям	Удмурты дали»*.

[Ашальчи Оки 2009].

В современной удмуртской культуре слово *ашальчи* исключительно ассоциируется с именем поэта Ашальчи Оки. А*шальчи* стало

* Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – Т. Д.

культурным и литературным брендом Удмуртии. В контексте рассуждения интересны наблюдения венгерского ученого П. Домокоша о том, что образ поэта «вырисовывается из немногочисленных лирических стихов Ашальчи Оки. На своей делянке, которую она сама выбрала, она растила настоящие полевые цветы, которые жизнеспособнее любых тепличных цветов. Она собрала яркий и свежий букет удмуртской поэзии» [Домокош 1993, с. 259].

К сожалению, специальной литературы по творчеству и биографии поэта не так много. Известны отдельные статьи литературоведов, воспоминания современников и родственников, включенные в сборник Ашальчи Оки «Та буртчин чуръёсыд» [Ашальчи Оки 2009], а также альбом, подготовленный А. Ермолаевым, для учащихся школ. Феномен его творчества еще ждет своего исследователя.

Нельзя не отметить и такой факт из культурной жизни народа, как издание журнала «Ашальчи» на удмуртском языке, который печатался с 2002 по 2015 гг. Интересно, что издатели журнала перевели его название ‘Нежный цветок’, а на сайте «Финноугория» оно обозначено как ‘Ятрышник’ (но это совершенно другое ярко цветущее растение, и вряд ли Ашальчи Оки имела в виду его, когда выбирала себе псевдоним – *Т. Д.*). Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш» ежегодно отмечает отличившихся в различных сферах общественной деятельности женщин Национальной премией им. Ашальчи Оки (учреждена в 1994 г.). В Граховском районе республики (на родине поэта) с 1999 г. также вручается своя (районная) премия имени Ашальчи Оки.

Имена *Кузебая Герда* и *Ашальчи Оки* стали символами мужества, преданности и истинной любви к своему народу. Они стали прецедентными для удмуртской культуры, составляют фоновые знания, лежат в основе языковой картины мира каждого образованного удмурта. Прикоснуться к творчеству писателей, быть сопричастными к национальному наследию, внести свою лепту в продолжение начатого ими дела, а тем более получить премию их имени – для каждого представителя удмуртского этноса это огромная честь, это признание своих заслуг перед малой родиной.

ЛИТЕРАТУРА

Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б. 778 словарных статей / под ред. В. М. Вахрушева, С. В. Соколова. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1988. – 240 с.

Атаманов М. Г. Удмурт нимбугор = Словарь личных имен удмуртов: Около 6800 имен / УИИЯЛ УрО АН СССР. – Ижевск, 1990. – 396 с.

Ашальчи Оки (Акилина Григорьевна Векшина). Улэмез но творчествоез = Жизнь и творчество: пособие для учителей и учащихся / Автор-состав. А. А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 48 с.

Ашальчи Оки. Та буртчин чуръёсыд = Эти шелковые строчки: Стихи, рассказы, воспоминания / сост. М. Петрова, Л. Нянькина. – Ижевск: Удмуртия, 2009. – 256 с.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 1991. – 384 с.

Бусыгина Л. В. «Временем помечен. Поэт и Человек…»: Размышления о слове и эпохе Кузебая Герда. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 248 с.

Ермаков Ф. К. Кузебай Герд. – Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. – 444 с.

Камитова А. В. Образный мир Кузебая Герда: оригинал и переводческая интерпретация. – Ижевск, 2006. – 189 с.

КЭСК 1991 – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

РУС 2019 – Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Более 55 000 слов / отв. ред. Л. М. Ившин. – Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. – Т. 2 (П–Я). – 1016 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. – М.: Международные отношения, 2012. – Т. 5. – 736 с.

УРС 2008 – Удмурт-ӟуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь / гл. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск: Удмурт. ин-т ист. яз. и лит. УрО РАН, 2008. – 925 с.

УДК 821.512.145-2.09:374.7(045)

А. М. Закирзянов
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Академии наук РТ, г. Казань

A. M. Zakirzyanov
IYALI named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan

РОЛЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА В СТАНОВЛЕНИИ ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

THE ROLE OF ENLIGHTENMENT IN THE FORMATION OF TATAR DRAMA

Аннотация. Первые образцы татарской национальной драматургии появились в конце XIX века, а в начале нового века сценическая литература стала существовать как полноценный литературный род. Большую роль в этом процессе сыграло просветительское движение. Ориентируясь на традиции возрождения, просветители отстаивают такие серьезные вопросы, как просвещение народа, реформирование учебных заведений, защита свободы личности и т. д. Литература стала играть чрезвычайно важную роль в жизни общества, доводя до широкого круга читателей передовые идеи и мировоззренческие взгляды. Пьесы Г. Ильяси, Ф. Халиди, а также первые произведения Г. Камала, Г. Исхаки, Я. Вали и др. стали образцами просветительской литературы.

Abstract. The first samples of the Tatar national drama appeared at the end of the XIX century and at the beginning of the new century stage literature began to exist as a full-fledged literary genus. The educational movement played a big role in this process. Focusing on the renaissance, educators defend such serious issues as the enlightenment of the people, the reform of educational institutions, the protection

of individual freedom, etc. Literature has begun to play an extremely important role in the life of society, bringing advanced ideas and worldviews to a wide range of readers. The plays of G. Ilyasi, F. Khalidi, as well as the first works of G. Kamal, G. Iskhaki, Ya. Vali and others have become examples of educational literature.

Ключевые слова: просветительство, татарская драматургия, возрождение, тема, идея, художественный конфликт, положительный герой.

Keywords: enlightenment, Tatar drama, revival, theme, idea, moral conflict, positive hero.

Первые шаги татарская драматургия начала делать в последней четверти XIX века. В частности, в 1887 году вышла в свет пьеса Г. Ильяси «Бедная девушка», а уже через год – «Против бедной девушки» Ф. Халиди. Запоздалость драматургии как литературного рода требует, с одной стороны, выяснения причин, которые привели к его задержке, а с другой – изучения обстоятельств, способствовавших написанию первых пьес в этот период. Данный вопрос в определенной степени рассмотрен в литературоведении. Еще в начале XX века в статьях Г. Карама, Ф. Амирхана, Г. Тукая, позднее Дж. Валиди, Г. Сагди, Г. Рахима, а уже в советское время Б. Гизата, Н. Ханзафарова, А. Ахмадуллина, Х. Махмутова, И. Иляловой, Г. Арсланова и др. были описаны первые шаги драматургии, ее отдельные особенности, а также отражение просветительских идей в сценической литературе. Цель статьи – выявление роли просветительства в формировании национальной драматургии.

Каковы же причины позднего формирования драматургии как рода литературы? Одна из них связана «с застоем в религиозных воззрениях, глубоко проникших во все сферы жизни» [Ханзафаров 2016, с. 353]. Татары приняли Ислам еще в 922 году, на протяжении веков он занимал важное место в жизни народа. В частности, ислам обеспечивал сохранение народа как этноса после распада Казанского ханства. В то же время широко распространяются противоречивые взгляды, связанные с односторонним толкованием

отдельных требований религии. Второй причиной следует назвать отсутствие условий для появления театра. В то время татарское национальное образование развивалось самостоятельно, не получая никакой помощи от царской власти. Поэтому создание такого серьезного вида искусства, как театр, требовало подготовки, наличия материальных ресурсов, специалистов. Третьей причиной являются общественные условия, характерные для того времени.

В XIX веке в России, в том числе и в регионах проживания татар, начались серьезные преобразования. В конце века сложились благоприятные условия, повлиявшие на первые шаги драматургии. Одним из них является то, что сценическая литература восходит к обрядам и праздникам татарского народа. Многие народные праздники в определенной степени были театрализованными представлениями. Поэтому драматургия и театр неотделимы от фольклора, традиций, обычаев, праздников народа. Другой причиной следует назвать положительное влияние русского театра, а значит и драматургии. Русский театр сформировался в середине XVIII века. В Казани, как в одном из центров русской культуры, с 1792 г. успешно функционирует театр. Из воспоминаний драматургов Г. Камала, Г. Исхаки, Г. Кулахметова, режиссеров И. Кудашева-Ашказарского, С. Г. Волжской видно, что они охотно посещали русский театр, любили спектакли. Часто под влиянием всего того в душе вспыхивало желание стать артистом. Например, Г. Камал вспоминает, что после просмотра спектакля «Садко» в русском театре у него возникло желание написать пьесу [см.: Камал 1985, с. 305].

Третьей причиной стал перевод турецких пьес на татарский язык. Во второй половине XIX века, особенно в последней четверти, переводческое дело расширилось. Пьесу Намика Кемаля «Завал-лы чужык» Г. Камал перевел как «Жалкое дитя». Перевод турецких пьес на татарский язык оказал положительное влияние на написание пьес на татарском языке. Эти переводы в дальнейшем использовались как готовый текст для постановки.

Наконец, наиболее серьезной причиной стало формирование просветительского движения в общественно-культурной жизни края.

Его влияние на литературу ускорило появление нового литературного вида. Следовательно, изменения в жизни татар этого периода в первую очередь связаны с просветительским движением, выступающим в качестве системы философских, этических и эстетических взглядов, очищающих пространство для инноваций [Исхаков 1997, с. 5–8]. Особенно просветительство оказало большое влияние на литературное творчество. Писатели, убежденные в том, что через просвещение и образование можно сделать народ счастливым, используют художественную литературу как средство в донесении своих мыслей до народа.

Истоки движения возрождения восходят к таким личностям, как Г. Утыз-Имяни, Г. Курсави. В своих трудах они исходят из того, что каждый должен решать жизненные вопросы своим умом, уважая при этом личность человека. Позднее подобную деятельность поддерживали Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Фаизханов. Эти великие деятели, вошедшие в историю как просветители, призывают к современному возрождению религии, к преобразованиям школ и медресе, к изучению западной культуры наравне с восточной. А. Юзиев пишет: «Особенно большую роль татарские просветители отводили светскому образованию. Тем самым они решили свою главную историческую задачу: сохраняя национальную идентичность татарского народа, старались приобщить его к высшим ценностям западноевропейской культуры и цивилизации...» [Юзеев 2001, с. 184]. В последней четверти XIX века к просве-тительскому движению присоединились литераторы: М. Акъегет-заде, З. Бигиев, Р. Фахреддин, Г. Ильяси, Ф. Халиди, Ф. Карими, З. Хади и др.

Изменения в обществе в первую очередь относятся к сфере религии. Ведь ислам, как система философских, нравственных и правовых взглядов, играет важную роль в истории нашего народа. Отмечая его значение, ученый-философ Я. Абдуллин указывает на следующие функции: а) интегративная функция; б) установление определенного порядка, регулирование жизнедеятельности людей (регулятивная функция); в) взаимодействие, общение, обмен мнениями (коммуникативная функция); г) формирование мировоззрения

(мировоззренческая функция); д) удовлетворение духовных и нравственных потребностей людей; е) культуро-логическая функция; ж) сохранение татарского народа, как этноса [см.: Абдуллин 1999, с. 50–54].

Другим крупным направлением движения возрождения является преподавание в школах и медресе как религиозных, так и светских дисциплин, т. е. преобразование школ-медресе, преподавание светских наук вместе с религией и изучение культурных достижений других народов. Уделяя серьезное внимание образовательному вопросу, просветители связывали его с будущим нации. Джадидские школы-медресе, основанные И. Гаспралы в Крыму, постепенно распространились и в другие регионы. В конце XIX и начале XX века появились медресе, ориентированные на обучение по-новому: «Мухаммадия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге, «Галия» в Уфе, «Иж-Буби» в Агрызском регионе.

В этих условиях были написаны первые татарские драматические произведения: Г. Ильяси «Бедная девушка» (1887), Ф. Халиди «Против бедной девушки» (1888). Первые шаги в драматургии станут основой татарского театра. А уже в конце XIX в. увидели свет драмы «Бәхетсез егет» («Несчастный юноша») Г. Камала, «Жизнь с тремя женами» Г. Исхаки, «Позор, или Слеза» (1902) Я. Вали, «Свободная девушка стала рабыней» (1898) Минхазетдина аль-Казаный и др.

Таким образом, первой пьесой стала «Бедная девушка» Г. Ильяси, основанная на семейно-бытовых событиях. В центре пьесы – противостояние старого и нового. Оно раскрывается в таких «вспомогательных» конфликтах, как отец и ребенок, личность и окружающие, внутренний конфликт человека. Автор поднимает вопрос о месте женщины в обществе и семье, говорит о ее правах на личную свободу и любовь [см.: Ахмадуллин 2003, с. 406]. В небольшой по объему пьесе образы характеризуются лишь отдельными чертами. Уже в описании действующих лиц пьесы автор отмечает их главную особенность. Так, например, главную героиню Магитап автор характеризует как «красивая девушка».

Волна возрождения проникла и в семейно-бытовые рамки. Девушка уже не хочет жить старыми обычаями. Она ставит свою личность выше всего и хочет найти свое счастье сама. Правда, это только первая попытка. Магитапе не хватает ясности мысли, твердости, целеустремленности. Непонятен и эпизод, в котором после брака молодая женщина обнимается с другим парнем. Тем не менее, этот образ значим как первый драматический герой, демонстрирующий стремление татарских женщин к свободе личности.

Идеалам просвещения служит и пьеса Ф. Халиди «Против бедной девушки». Автор ведет полемику с ранее опубликованной пьесой Г. Ильяси. Поэтому своей пьесе он дает заглавие, означающее «Не бедная девушка». Необычна и судьба героини произведения Халимы. Она прислушивается к словам родителей, по их желанию выходит замуж за богатого парня и строит счастливую жизнь. Ф. Халиди по-своему решает вопрос свободы женщины: счастье женщины заключается в воспитанности и в соблюдении родительских наставлений.

Среди первых пьес особого внимания заслуживает комедия неизвестного автора «Комедия в Чистополе». Произведение является вольным переводом с русского языка на татарский. Ее автором была императрица Екатерина II. Считается, что она перевела на русский язык «Богомолки» немецкого драматурга Х. Ф. Геллерта [см.: Самигуллина 2004, с. 10].

Пьеса Г. Исхаки «Жизнь с тремя женами» посвящена проблеме женской свободы, которой серьезное внимание уделяли просветители. Основной конфликт драмы основан на противостоянии добра, нравственности, образованности, с одной стороны, и зла, невежества – с другой. В широком плане его можно назвать борьбой старого с новым или борьбой кадимизма с джадидизмом. В связанных с конфликтом событиях и явлениях выделяются две сюжетные линии. Одна – непристойные действия старожила Карим бая и его сторонников, другая – сцены с такими сторонниками возрождения, как Асма и Риза. Вопрос многоженства, вызывавший немало споров в татарском мире того времени, Г. Исхаки связывает с поучитель-

ной судьбой Карима. Этот вопрос исследуется на основании аятов Корана, автор называет и условия женитьбы на нескольких женщинах.

Таким образом, изменения в общественной жизни оказали сильное влияние на татарскую литературу. С одной стороны, возрождение привело к появлению новых писателей и произведений нового времени; с другой, – в своем творчестве литераторы активно пропагандируют, защищают идеи просветителей. В период отсутствия газет и журналов литературные, научные, полулегендарные труды имели публицистическое содержание и служили идеологическим целям. Драматургия, находившаяся под сильным влиянием просветительства, взялась за пропаганду идей этого движения. Поэтому в пьесах центральное место занимают вопросы образования, воспитания, влияния среды на человека. Конфликт в произведениях носит нравственный характер и заканчивается победой положительных героев.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллин Я. Милләт язмышы: уйланулар. – Казан: Фэн, 1999. – 204 б.

Ахмадуллин А. Драматургия // История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX в.). – Казань: Фикер, 2003. – С. 406–428.

Исхаков Д. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань: Иман, 1997. – 79 с.

Камал Г. Произведения: в трех томах. Т. 3. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. – 308 с.

Самигуллина Л. М. Концепция героя в период зарождения и становления татарской драматургии (1887–1910): автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 22 с.

Ханзафаров Н., Закирзянов А. Драматургия // История татарской литературы: в 8 томах / науч. ред. Р. К. Ганиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. – Т. 4. – С. 353–365.

Юзеев А. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. – 192 с.

УДК 821.161.1+908(470.51)+001(045)

Н. Н. Закирова, В. С. Данилова, С. Ю. Меликова
Глазовский государственный педагогический институт
имени В. Г. Короленко, г. Глазов

N. N. Zakirova, V. S. Danilova, S. Yu. Melikova
Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korol, Glazov

«ЭТЮДЫ ОБ ЭКОГУМАНИЗМЕ В. Г. КОРОЛЕНКО»: СЦЕНАРИЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГИ

«SKETCHES ABOUT ECOHUMANISM V. G. KOROLENKO»: BOOK PRESENTATION SCRIPT

Аннотация. Представлены разработанные и апробированные студентами-филологами Глазовского пединститута материалы презентации новой книги о писателе-правозащитнике В. Г. Короленко, биографически связанного с Удмуртией. Характеризуется содержание, оформление книги Н. Н. Закировой «Этюды об экогуманизме В. Г. Короленко», приводятся отзывы об издании, осуществлённом при поддержке РФФИ.

Abstract. Presented are materials developed and tested by philology students of the Glazov Pedagogical Institute for the presentation of a new book about the human rights writer V. G. Korolenko, who is biographically associated with Udmurtia. The content and design of N. N. Zakirova's book «Etudes on Ecohumanism by V. G. Korolenko» are characterized, reviews of the publication, carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, are given.

Ключевые слова: литература, краеведение, Удмуртия, Короленко, науковедение, экогуманизм.

Keywords: literature, local history, Udmurtia, Korolenko, science of science, ecohumanism.

Великая книга природы открыта перед
всеми, и в этой великой книге до сих пор…
прочтены только первые страницы.
Д. И. Писарев

Ведущий 1. Писать трудно, но еще труднее было бы не писать.

Ведущий 2. Почему ты так решила?

Ведущий 1. А ты представь – в твоей голове находится огромное количество знаний, нужных и полезных. Ты уверена, что они могут помочь многим людям, и хочешь ими поделиться.

Ведущий 2. Все просто – я расскажу то, что знаю, своим знакомым.

Ведущий 1. Это, конечно, хорошо. А если бы ты захотела поделиться своими мыслями с теми, кого даже не знаешь? Ими могут оказаться люди из другого города и даже страны!

Ведущий 2. Об этом я и не подумала. Если бы мои знания были так полезны, я, конечно, написала бы целую книгу! Но это же так сложно.

Ведущий 1. Сложно, но возможно! Дорогие друзья, сегодня мы расскажем вам историю одной книги, которая хранит в себе богатую, интересную информацию, а подчас и неожиданные и загадочные сведения о замечательном русском писателе – Владимире Галактионовиче Короленко.

Ведущий 2. В 2022 году в московском издательстве «Наука» вышла книга «Этюды об экогуманизме В. Г. Короленко». Ее автор – российский литературовед, краевед, критик, автор стихов и сценариев, доцент кафедры русского языка и литературы ГГПИ им. В. Г. Короленко, заслуженный деятель науки, член Союза писателей России, председатель Глазовского отделения Общества русской культуры Удмуртии Наталия Николаевна Закирова.

Ведущий 1. Предоставим слово автору – Н. Н. Закировой.

Ведущий 2. Этот труд посвящен светлой памяти профессионального короленковеда и теоретика литературы, кандидата филологических наук, доцента А. В. Труханенко. Особое место

среди имен русских классиков, которым посвящены работы этого ученого, занимает В. Г. Короленко. Александр Васильевич около 40 лет профессионально занимался исследованием творческого мышления этого писателя. В книге представлена подробная информация об исследователе и его публикациях.

Ведущий 1. С 2015 по 2018 г. появились три специальных издания, вышедшие во Львове под научным руководством А. В. Труханенко. *(Обратите внимание на выставку книг).*

Ведущий 2. Помимо него, этот международный проект, осуществленный исключительно на энтузиазме и на средства самих ученых, привлек ряд исследователей России, Украины, Америки и Канады. Завершил триптих сборник статей об экогуманизме В. Г. Короленко, где в теоретическом и аналитическом аспектах рассмотрено понятие «экогуманизм».

Ведущий 1. А что означает термин «экогуманизм»?

Ведущий 2. В книге дается развернутый ответ: миросозерцание, рассматривающее человека как неотъемлемую, органическую часть природы и, вместе с тем, как его ключевое творческое звено.

Ведущий 1. Проблема экогуманизма в литературе еще не до конца изучена, но, как говорил Владимир Иванович Даль: «Понемногу сокровища растут».

Ведущий 2. Этюды являются значимым вкладом в осмысление данного понятия. Давайте узнаем историю создания этого труда.

Ведущий 1. Как вы все знаете, театр начинается с вешалки, а книга – с обложки. Наталья Николаевна поделилась с нами процессом создания дизайна.

Ведущий 2. Первый вариант обложки был разработан, непосредственно, автором при участии глазовского художника и поэта, выпускника факультета романо-германской филологии УдГУ Алексея Марьина. Этот вариант был выслан в редакцию, но, оказалось, что дизайн диктуется РФФИ, ему должно подчиниться издательство «Наука». Фонд сам разработал дизайн выпускаемой серии книг, а в 2022 году цвет общего фона оказался ярко-оранжевым.

Ведущий 1. Благородные пейзажи были заменены этим броским и позитивным цветом, а марьинский пейзаж «Прудик в Крутом Логу» оказался включённым в его «окошко». Кажется, что такая обложка точно привлечет внимание и запомнится взыскательным читателям. (Фото 1, 2).

Фото 1. Вариант обложки книги
«Этюды об экогуманизме В. Г. Короленко»

Фото 2. Вариант обложки книги
«Этюды об экогуманизме В. Г. Короленко»

Ведущий 2.

Когда рассказ прекрасный в книге скрыт,
То ею всякий больше дорожит.
Ценней ее застежка золотая,
Смысл золотой собою охраняя.

Ведущий 1. Поговорим о содержании книги. Она написана в жанре научно-популярной литературы. Любой читатель, будь это школьник, студент, преподаватель или же научный деятель, может ознакомиться с этюдами благодаря доступности языка.

Ведущий 2. Вы только посмотрите, какое многообразие тем в ней содержится. И природа, и города, и человек, и проблемы воспитания, семьи, любви, брака, и наука о писателе, и проблемы воспитания, методики … все это раскрыто автором через призму экогуманизма.

Ведущий 1. Первый раздел посвящен биографии В. Г. Короленко, из которого мы узнаем, например, то, что с природой он был связан всегда. Интересно, что студент Короленко в Петровской лесной и земледельческой академии учился у самого К. А. Тимирязева. Надо полагать, что уже в те годы писатель-просветитель понимал ответственность в отношении к природе и человеку как ее органичной части.

Ведущий 2. Человек – это неотъемлемая часть природы. Он должен жить в гармонии с природой и самим собой. Некогда в Вятской губернии произошел один случай, который стал причиной нарушения этой гармонии.

Ведущий 1. Удмурты (тогда они назывались вотяками) были объявлены язычниками и обвинены в ритуальном убийстве и человеческом жертвоприношении. Объективно расследовать печально знаменитое Мултанское дело помог В. Г. Короленко. Он был демократом, с детства находился в поликультурной среде и был правозащитником угнетенных народов. Писатель провел тщательное собственное расследование будучи общественным защитником.

Ведущий 2. Все это в купе с общественной оглаской и с работой профессиональных адвокатов дало свои результаты – удмурты были оправданы, они обрели свободу. По справедливому мнению крупного общественного деятеля Удмуртии, доктора наук, профессора Алексея Егоровича Загребина, беспримерная миссия правозащитника В. Г. Короленко – важнейший вклад писателя в историю и культуру, в судьбу удмуртского народа.

Ведущий 1. Стоит отметить, что во время расследования у В. Г. Короленко не было фотоаппарата, поэтому места, связанные с преступлением, он рисовал самостоятельно (в книге представлены эти уникальные рисунки).

Ведущий 2. Этим его художественная деятельность не ограничивается. Обратите внимание на экран. Мы не устанем повторять, что В. Г. Короленко ценил природу и написал множество детализированных волжских, уральских, сибирских пейзажей. Есть в этой галерее и портреты и в их числе особо выделяется один рисунок.

Ведущий 1. Написан он В. Г. Короленко еще в юношеские годы. Нам доподлинно неизвестно, кто изображен на картине. Если сравнивать этот портрет с фотографией его жены Евдокии, то можно заметить некоторые любопытные детали. Сохраним интригу: с ними вы можете ознакомиться в главе «Владимир и Евдокия на randez-vous».

Ведущий 2. А подробную информацию о художественном даровании писателя вы можете найти не только в книге, но и в «Виртуальном музее В. Г. Короленко», с которым сложились прочные связи Научно-исследовательской лаборатории по короленковедению ГГПИ.

Ведущий 1. А мы переходим ко второму разделу книги, в котором автор анализирует колоссальный короленковский вклад в экологизацию литературы и жизни.

Ведущий 2. Еще до появления современных научных направлений и терминов В. Г. Короленко занимался исследованием философских, социально-правовых, экологических, психологических и даже медицинских проблем, касающихся человека. Вы можете

сами убедиться в этом, прочитав такие его произведения, как: «Слепой музыкант», «В дурном обществе», «В голодный год», «Мултанское жертвоприношение», «Яшка», «Огоньки», и многие другие.

Ведущий 1. Как вы все знаете, В. Г. Короленко с июня по октябрь 1879 года находился в г. Глазове. Политическая ссылка наложила отпечаток на его жизнь и творчество. Наблюдаемые здесь факты и лица нашли отражение в письмах, записных книжках, автобиографиях и ряде произведений.

Ведущий 2. Да, пребывание В. Г. Короленко в Вятском крае радикально повлияло на его мировоззрение: ссыльному студенту удалось преодолеть народнические иллюзии, он отказался от карьеры профессионального революционера и выбрал писательскую стезю.

Ведущий 1. Наблюдая и изучая жизнь глубинки, В. Г. Короленко отмечает прочную связь жителей с природой-кормилицей, бережное и хозяйское отношение к ней. Ученые ГГПИ провели исследования реально-бытовой основы глазовских текстов, их поэтики, языка, жанровой природы. В цикле о Глазове поднимается множество проблем как местного значения, так и общероссийского масштаба и философского, общечеловеческого характера.

Ведущий 2. На уровне открытия освещены в книге поэтические произведения прозаика. Здесь и раннее узническое стихотворение, и басня, и стихотворная пародия на декадентов, также среди них есть переводы. Например, из Адама Мицкевича:

Чтец (*звучит мелодекламация*)
Над водным простором широким
Построились скалы рядами,
И их отраженья глубоко
В заливе кристальном застыли...
Над водным простором широким
Промчалися тучи грядами,
И их отраженья глубоко,
Как призраки дымные, плыли...
Над водным простором широким
Огонь в облаках пробегает,

Дрожит в отраженье глубоком
И, тихо блеснув, угасает...
Опять над заливом день знойный,
И воды, как прежде, спокойны.
В душе моей также печально,
И глубь ее также кристальна...
И также я скал избегаю,
И также огни отражаю...
Тем скалам – остаться здесь вечно,
Тем тучам – лить дождь бесконечно...
И молньям на миг разгораться...
Ладье моей – вечно скитаться.

Ведущий 1. Да… Писать трудно, но еще труднее было бы не писать.

Ведущий 2. Да, ты права. «Этюды» будут полезны для широкого круга читателей, интересующихся литературоведением, историей русской литературы и краеведением.

Ведущий 2. Таких заинтересованных людей много… и уже есть те, которые не остались равнодушными и поделились своими мнениями о книге. Так в московской газете «Литературная Россия» опубликован отзыв филолога и краеведа Татьяны Ананиной из Америки: «Автору удалось «вскрыть дополнительные смыслы» не только известных страниц короленковского наследия, но и малоизвестных произведений писателя. Книга «Этюды…» – новый взгляд автора на творчество писателя, его биографию, мировоззрение, общественную позицию – в свете экогуманизма – и отнюдь не заключительный «аккорд» исследования...».

Ведущий 1. Следующий отзыв пришел из Финляндии от культуролога и педагога Миллы Ремес: «Закончив чтение книги об экогуманизме Короленко, желаю продолжения пути по тропинке в страну, которой нет на глобусе Земли, но которая существует очень близко с каждым, желающим ее найти…».

Ведущий 2. А ученый из Ижевска С. Л. Скопкарева поделилась следующими мыслями: «В своем исследовании Н. Н. Закирова уделяет пристальное внимание как популярным, так и малоизвестным произведениям писателя именно сквозь призму экогуманизма… «Этюды об экогуманизме В. Г. Короленко», несомненно, являются культурным феноменом в короленковедении и историко-литературном процессе в том числе…». Послушаем ее выступление с экрана! (*Демонстрируется видеоролик).*

Ведущий 1. Московская библиотека имени В. Г. Короленко – надежный партнер ГГПИ – прислала видео-отклик. На экране участница Короленковских чтений в Глазове – сотрудник этой библиотеки Галина Викторовна Безотосная (*демонстрируется видеоролик).*

Ведущий 2. Какие прекрасные слова! Поблагодарим вдумчивых читателей-профессионалов за высокую оценку книги нашего преподавателя! (А отклики и заявки на получение книги в фонды библиотек, вузов и музеев России и зарубежья продолжают множиться!..).

Ведущий 1. Кажется, мы исчерпывающе представили книгу «Этюды»?

Ведущий 2. О нет! Короленковедение неисчерпаемо! И в книге есть еще масса ценных материалов, например, об изучении творчества писателя в нашем вузе, есть масса фотографий наших студентов-конкурсантов, есть раздел о правнучке Короленко – Наталье Сергеевне Ляхович, унаследовавшей любовь к природе, ставшей профессиональным агрономом, специалистом по защите растений, и о ее удивительной поэзии.

Ведущий 1. Н. Н. Закировой удалось познакомиться с ней и ее сыном, получить в подарок поэтический сборник и рукопись со стихами потомков писателя.

В научно-познавательной книге, написанной живо и интересно, есть поэтические строки и самой Наталии Николаевны.

(*В исполнении Н. Н. Закировой звучит стихотворение о В. Г. Короленко «Настоящий, подлинный писатель…»).*

Фото 3. Дети Донбасса в ГГПИ на посвящении в короленковцы

Фото 4, 5. Студенты ГГПИ, участники презентации

Ведущий 2. Мы, студенты ГГПИ, с гордостью считаем себя короленковцами, сами изучаем творчество писателя и правозащитника, посвящаем школьников в мир его наследия и гуманистических идей (фото 3, 4, 5). А сегодня здесь собрались и короленковеды, и единомышленники, и коллеги автора «Этюдов». Спасибо сотрудникам нашей библиотеки, всем-всем, кто пришел на презентацию книги! Просим вас поделиться своими впечатлениями.

(Желающие задают вопросы, высказывают свое мнение о писателе, о его творчестве, о новой книге).

Ведущий 1. Благодарим всех участников встречи и просим сделать на память фотоснимок.

(Проводится фотосессия).

УДК 821.511.13-14.09(045)

О. С. Зиявадинова
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

O. S. Ziyavadinova
Institute of Language, Literature and History of the FRC Komi Science Centre UB RAS, Syktyvkar

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НАТУРФИЛОСОФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. КУРАТОВА, В. ЧИСТАЛЕВА, КУЗЕБАЯ ГЕРДА*

ARTISTIC NATURAL PHILOSOPHY IN THE WORKS OF I. KURATOV, V. CHISTALEV, K. GERD

Аннотация. Рассмотрены особенности изображения «природы и человека» в произведениях И. Куратова, В. Чисталева, Кузебая Герда; описаны используемые авторами основные природные мотивы и образы, виды пейзажей. Поэтика изображения природы в лирике названных поэтов отражает ведущие натурфилософские идеи XX столетия.

Abstract. The paper traces the evolution of the relationship between nature and man in the works of I. Kuratov, V. Chistalev, K. Gerd. The features of the artistic depiction of nature, the main natural motifs, images, types of landscapes are revealed. The features of the poetics of the image of nature in the author's lyrics are studied, which together reflect the main motives of natural philosophy of the twentieth century.

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН: «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира».

Ключевые слова: человек и природа, художественная натурфилософия, И. Куратов, В. Чисталев, Кузебай Герд.

Keywords: man and nature, artistic natural philosophy, I. Kuratov, V. Chistalev, K. Gerd.

Тема взаимоотношений природы и человека занимает особое место в развитии литератур народов России. Тема природы в конце XIX – первой трети XX века в коми литературе наиболее активно развивалась в художественном творчестве И. А. Куратова, В. А. Савина, В. Т. Чисталева, В И. Лыткина. Среди названных поэтов в этом аспекте особенно выделяются произведения И. А. Куратова и В. Т. Чисталева. Программными следует признать стихотворения «Со кыдз сійос тода ме» («Знаю я ее такой», 1867) И. Куратова и «Поэзия артмом» («Рождение поэзии», 1923) В. Чисталева. Осмысление природы в их текстах можно назвать натурфилософским, т. к. естественная среда была для поэтов постоянным объектом наблюдений и размышлений, понималась как вечная основа жизни человека. Их понимание мира включало в себя вопрос о месте человека в природе, вопрос об отношении природы к человеку.

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) – поэт-философ, проявивший глубокий интерес к проблеме смысла жизни и сущности человека. Он «был знаком с экономическими теориями Прудона, Милля, с произведениями В. Гюго, Г. Гейне, Ф. Шиллера и английских философов» [Демин 1999, с. 27]. Это свидетельствует об осведомленности коми лирика в области естественных наук, философии, мировой культуры. Важно отметить, что, в целом, И. Куратов не был поэтом «классического» натурфилософского склада мышления, но его понимание мира включало в себя натурфилософский аспект. Особый интерес представляет отражение в лирике натурфилософских представлений автора. О стремлении коми поэта философски осмыслить феномен природы, проникнуть в тайны ее устройства и места в нем человека, свидетельствует стихотворение «Со кыдз сійӧс тӧда ме». Форма произведения представляет собой размышление автора о природе, о закономерностях

ее устройства. Для стихотворения характерна интеллектуально-аналитическая направленность мысли, использование системы философских понятий: материя, движение, конечность-бесконечность, жизнь-смерть и др. В конечном счете, все это создает философски осознаваемую картину мира.

Осмысление природных явлений приводит И. А. Куратова к выводу, что природа вечна и бесконечна. Автор не стремится идеализировать природу, он открывает реальную природу, «остро ощущая холодное безразличие ее к людям» [Вулих 1994, с. 57]. Природа, воплощенная в художественном мире поэта, – живое, бесконечное, величественное начало, она вознесена над людьми и холодна в своем недоступном человеку бессмертии. Человек же понимается поэтом как маленькая частица большого мира, он бессилен перед силами природы, зависит от нее, взывает к ее помощи. И. Куратов философски осмысляет проблему разлада человека с природой: живая индивидуальность чужда обезличенному потоку жизни; природа долговечна, а существование человека скоротечно. Это и определяет различие закономерностей жизни природной и жизни человеческой. Природа не может сделать жизнь человека прочной и счастливой. Хотя в природе и осуществляется гармония вечности и цельности, но в ней, по мысли поэта, не хватает важного, завершающего элемента: в ней нет человеческой чуткости, способности к состраданию. Такое трагическое понимание природы продиктовано осознанием неустроенности человека в мире, поэтому его можно определить как социально-философское истолкование отношений человека и естественной среды.

В данном стихотворении воплощена тема равнодушия природы к человеку, ее безразличия к его жизни и смерти. Человек, устремляясь к миру природной красоты и таким образом убегая от зла и дисгармонии собственного мира, не обретает в слиянии с ней ожидаемого спасения, неизбежными становятся разочарование и горечь от осознания страшной разобщенности природы и человека. Взаимоотношения человека и природы в художественном мире И. А. Куратова напряженно-драматические: мир природного

бытия равнодушен к человеку. Несопричастность природного мира человеческому – один из самых драматических «узлов» в натурфилософской лирике поэта.

Особенностью поэзии В. Т. Чисталева (1890–1939) является то, что тема природы у этого автора тесно связана с темой творчества. Окружающий человека мир рассматривается им как источник вдохновения. Природа и человек, по мнению лирика, – два активных начала, в общении с естественной средой человек познает самого себя. С этой точки зрения интересно стихотворение «Поэзия артмом» («Рождение поэзии», 1923). Неслучайно в одном из ранних сборников поэта это стихотворение находится в разделе «Водзкыв пыдди» («Вместо предисловия»), как своеобразный эпиграф ко всему творчеству:

Ог тод, коді мено чужтліс,
Коді быдтіс, вердіс-удіс,
Сьывны-мойдны йозсо лэдзліс...
Гашко, лозов чод тусь пиын
Быдми меой вор туй дорын,
Да октіс кудъяс ветлысь-мунысь.

Гашко, вор ты пыдос ваыс
Волі меным потан пыдди,
Чож-поткаыс овво сьывліс.
Гашко, волі лоня ворыс...
Меным висьтъяс йологао
Толысь югор чукорталіс.

Кто родил меня – не знаю,
Кто вырастил, выкормил,
Вдохновил на песни о народе…
Может, среди черничных ягод
Вырос я около лесной дороги,
И собрал меня в пестерь прохожий.

Может, вода со дна лесного озера
Была мне вместо люльки,
Пела мне песни лесная птица.
Может, лес был тихий…
Мне рассказы эхом
Доносил блик луны...*

Лирический герой В. Т. Чисталева чувствует себя частью природы, он обязан ей своим поэтическим талантом. Композиционно стихотворение состоит из двух частей, причем, вторая часть – пейзажная. В стихотворном тексте вырисовывается целостный образ окружающего мира, постепенно возникают реалии, представляющие четыре мировые стихии: земля (черничные ягоды, лесная

* Подстрочный перевод с коми языка автора статьи – О.З.

дорога), вода (лесное озеро), воздух (эхо), огонь (свет луны). Время действия стихотворения – вечность природного бытия; пространство – весь мир. Мировые стихии сопоставляются с творческим началом в человеке. Стихотворение строится на оппозиции: «верх» – «низ», однако у коми поэта эти понятия не столько противопоставлены, сколько связаны. Природный мир для лирического героя распахнут, раскрывается для его поэтического дарования по вертикали и горизонтали.

В основе стихотворения «Ывлавыв» («Природа», 1922), жанр которого сам лирик определил как восхваление, – восхищение беспредельными просторами северной природы. Зачином произведения является мысль о диалектическом противоречии: человек захвачен красотой мира; вместе с тем, он осознает свою беспомощность перед вселенной, космосом. Природа – величественное начало, нечто чудное, сокровенное, она обладает неразгаданной самостоятельной сущностью, соответственно, человек понимается как маленькая частица большого, прекрасного, гармонического целого:

Ог, ог лысьт ме, ичотиктор тэнад,
Мувывса лов кутысь, шыасьны.

Сомын но шемосон коля тэ водзын
сулалан.

Нет, нет, не смею я, твоя частичка,
Земную жизнь творящий, подать
голос.
Только, потрясенный, остаюсь
стоящим перед тобой...
(Перевод В. Н. Демина)

Одна из проблем, поднимаемых в творчестве удмуртского поэта Кузебая Герда (1898–1937), – в чем тайна рождения и смерти человека, как все это связано с миром природы?

Большую известность получили его стихотворения, посвященные временам года: «Зима», «Весна», «Раннею весной», «После дождя», «Ржаное поле», «Осенние журавли», «Последние цветы» и др.

В произведениях «весенней тематики» описания сосредоточены на изменениях, которые происходят в природе: «тает толстый лед», «ручьи бегут, льются, журчат», «скворцы поют», «воробьи

чирикают весь день», «галки, усевшись на плетень, весело приветствуют апрель». Весна у Герда символизирует счастье, радость, обновление мира. Экспрессию здесь создают восклицательные предложения:

Такой прелестный день!
Такой веселый день!
На улице тепло.
Свалившийся плетень
И тот сегодня рад на солнце поглядеть!
[Герд 1989, с. 123].

В стихотворениях «Вчера», «Ржаное поле», «После дождя», «Осенние журавли» примечательна интонация, она почти «домашняя». В стихотворении «Осень» (1927), оформленном в форме сонета, воссоздан образ увядающей природы, и поэту удалось описать богатство красок, особое настроение осени:

В лиловых пятнах, желтых и багряных,
Стоит за речкой лес… И клены на полянах,
Поднявши ввысь обглоданные ветки,
Размахивают золотою сеткой.
Рябина бьется, умирая за год,
Вся в синяках, в кровавых сгустках ягод…
Осенний ветер злобно налетает –
Кружатся листья вспугнутою стаей.
Дождь моросит. Земля глядит пустыней.
День убыл… Ночью жгучий иней
Сжигает все. Кричат угрюмо галки…
[Герд 1989, с. 142].

Осень предстает поэзии Герда в традиционном грустно-элегическом состоянии, минорное звучание создается и усиливается эпитетами, посредством которых ощущается грусть лирического героя. В произведении «После дождя» удачно воссоздана динамика переходов различных картин природы:

Гром утих
За дальним перелеском,
Вышло солнце вновь из облаков.
Кажется, начищено до блеска
Вымытое золото хлебов
[Герд 1989, с. 125].

И. Куратов, В. Чисталев, Кузебай Герд – художники, предвосхитившие многие аспекты постановки современной литературой проблемы «человек и природа», сегодня их творчество в свете обострения вопросов экологии вступает в диалог с новой эпохой. Природа истолковывалась авторами как уникальная целостность, как величественное, сокровенное начало, прекрасное гармоничное целое, составной частью которой является человек.

ЛИТЕРАТУРА

Вулих Н. В. Поэзия добра и света. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. – 72 с.

Демин В. Н. Рифмою крылатой свяжем строки. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 160 с.

Кузебай Герд. В полете к солнцу…: Стихи, поэмы / пер. с удм. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 237 с.

УДК 821.511.1:81’255.2(045)

А. М. Каторова
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

A. M. Katorova
Department of the Humanities Research Institute under by the Government of Republic of Mordovia, Saransk

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В ЛИТЕРАТУРАХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ РОССИИ

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LITERARY TRANSLATION IN THE LITERATURE OF THE FINNO-UGRIC PEOPLE OF RUSSIA

Аннотация. Анализируется состояние взаимных переводов литератур финно-угорских народов России, описывается степень изученности данной проблемы учеными-филологами, делаются выводы о причинах снижения публикаций переводных произведений в последние десятилетия и перспективах решения вопросов, накопившихся в данной сфере. Отмечается, что активность переводов литератур родственных народов была характерна для периода 1960–70 гг., когда в национальных газетах и журналах постоянно практиковалось печатание переводных произведений, а также для начала 2000-х гг., что было обусловлено проведением Конгрессов писателей финно-угорских народов, на которых обсуждались в т. ч. проблемы переводческой деятельности. Нерешенными и весьма значимыми на сегодняшний день являются такие вопросы, как отсутствие работ ученых, посвященных комплексному исследованию переводческой деятельности в каждой из отдельных литератур; недостаток целенаправленной работы по художественным переводам литератур родственных финно-угорских народов

в национальных регионах; необходимость координации работы писательских объединений по взаимным переводам; выработка системы мер долгосрочной государственной адресной поддержки издания переводной художественной литературы с языков народов России, в т. ч. финно-угорских.

Abstract. The article examines the status of mutual translations of the Finno-Ugric peoples' literatures of Russia, the degree of studies of this problem by scholars of philology, the reasons for the decrease in the publications of the translated works in recent decades, as well as the prospects of solving the accumulated issues in this area. It is noted that the activity in the translation of the literature of the related peoples was typical for the period of 1960-70-s, when the national newspapers and magazines constantly published the translated works, as well as for the early 2000-s, which was due to the Congresses of the Finno-Ugric Writers, where the problems of translation was discussed among other questions. Unresolved and very important today are the following issues: the lack of scholarly works devoted to the comprehensive study of the translation work in each of the separate literatures; the lack of a target-oriented work on the literary translations of the related Finno-Ugric peoples in the national regions; the lack of coordination in the work of the writers' associations on the mutual translations; the lack of long-term state support measures for the publication of the translated literature from the languages of the peoples of Russia, including the Finno-Ugric ones.

Ключевые слова: литература родственных финно-угорских народов, художественный перевод, переводческая деятельность, национальные регионы, литературно-художественные журналы.

Keywords: literature of the related Finno-Ugric peoples, literary translation, translation work, national regions, journals of literature and art.

Целесообразность рассмотрения поставленной проблемы обусловлена не только ее недостаточной теоретической разработанностью, но и практической значимостью. В течение 2021 и 2022 гг. Минпросвещения России утверждены федеральные образовательные стандарты начального, основного и среднего общего образования, которые нацеливают на изучение на уроках родной литературы лучших произведений не только своих авторов, но и представителей других народов Российской Федерации, народов мира [Приказ… 2021, № 286, с. 41–42; Приказ… 2021, № 287, с. 64–65; Приказ… 2022, с. 20]. Для выполнения данного требования необходимы качественные художественные переводы, способные передать все многообразие авторских интенций, определяемых формально-содержательными особенностями произведений на языке оригинала. Таковых, как показывает изучение переводов финно-угорских писателей на другие языки и личный практический опыт составления обновленных программ по родной (мордовской) литературе для начальной, основной и средней школы, на сегодняшний день единицы. Каковы же причины отсутствия планомерной работы по художественным переводам произведений родственных народов на родные языки и недостатка переводов наиболее ярких художественных творений современных авторов? Какие действия следует предпринять для решения данных вопросов?

Главная цель нашего исследования заключается, таким образом, в поиске ответов на поставленные вопросы, в выявлении проблем и обозначении перспектив развития художественного перевода в литературах финно-угорских народов России.

Прежде чем приступить к решению исследовательской задачи, представим краткий обзор имеющихся работ, определенным образом связанных с рассматриваемой проблемой. Значимые наблюдения о художественных переводах на финно-угорские языки представлены в монографии В. Г. Пантелеевой [Пантелеева 2016], в которой решаются проблемы периодизации удмуртской переводной художественной литературы, анализируются вопросы этнокультурной рецепции в условиях глобализации и качество переводов

современной удмуртской поэзии на русский язык. Несмотря на то, что по взаимным переводам произведений российских финно-угров ученым сделаны выводы лишь общего характера, они представляются существенными. В работе, например, подчеркнуто, что в 1950–70-е гг. «переводы чаще всего носили случайный, “кампанейский” характер и были приурочены к юбилею какого-нибудь инонационального писателя или объявленной декаде какой-нибудь литературы в Удмуртии» [Пантелеева 2016, с. 156]; «непростительно, губительно мало» осуществлялось переводов в сфере “удмуртский – финно-угорские языки”» [Пантелеева 2016, с. 157]. Такое состояние дел исследователь объясняет фактом отсутствия в тот период «удмуртских переводчиков, владеющих языками зарубежных и российских финно-угорских народов» [Пантелеева 2016, с. 158]. Последнее утверждение, на наш взгляд, недостаточно аргументировано, поскольку и в наше время переводчики художественной литературы, владеющие одновременно языками нескольких российских финно-угорских народов, отсутствуют, однако переводы с подстрочников или с изданий на русском языке периодически осуществляются и публикуются.

В аспекте рассматриваемой темы достойно внимания содержание раздела «Развитие художественного перевода в финно-угорских литературах» учебного пособия «Литература финно-угорских народов России» [Литература... 2023, с. 366–375], где кратко представлена история взаимных переводов произведений финно-угорских народов и обозначены основные тенденции развития современной переводческой деятельности. В целом изложение материала соответствует принципам научности и объективности, вместе с тем не лишено недостатков, обусловленных отсутствием (за редким исключением) литературоведческих разысканий взаимных переводов произведений российских финно-угров, недостатком исследований переводческой деятельности сравнительного характера, дефицитом профессионального общения финно-угорских писателей и литературоведов. Последним, в частности, можно объяснить неверное указание переводов мордовского

эпоса «Масторава». Принятый республиканским научным сообществом мордовский эпос «Масторава» составлен Г. Я. Меркушкиным, В. В. Горбуновым, А. Д. Шуляевым и А. М. Шароновым и издан он на русском языке в 2009 г. в переводе В. Ю. Юшкина. Информация, представленная в учебном пособии о переводах «Масторавы» [Литература… 2023, с. 374] на разные языки, относится к авторскому произведению А. М. Шаронова, созданному на основе эрзянско-мокшанского фольклора. Авторам необходимо было, на мой взгляд, уточнить позицию и в отношении Всемирного конгресса финно-угорских народов, который в последнее десятилетие перестал выполнять свои функции по объединению «финно-угорских народов ради их развития». На его заседаниях часто подвергалась необоснованной критике национальная политика Российской Федерации, высказывались совершенно неприемлемые и вредные идеи по самоопределению населяющих ее народов. В связи с этим ООД «Ассоциация финно-угорских народов России» правомерно отказалась от участия в VIII Всемирном конгрессе финно-угорских народов, проходившем в 2021 г. в Эстонии, соответственно и от сотрудничества с Консультативным комитетом финно-угорских народов. Кроме того, при расшифровке инициативы Я. Пустаи по изданию «цикла на финно-угорских языках» [Литература… 2023, с. 373] неверно указано количество переведенных на языки финно-угорских народов России самых красивых венгерских стихов: их 50, а не 12. С учетом слабого развития драматургии во всех финно-угорских регионах следовало бы указать и выход в свет приуроченных к Конгрессу писателей двух сборников пьес. В первом из них [Mezitlábas… 2015], изданном на венгерском языке, представлены произведения мордовской писательницы В. Мишаниной, коми авторов Н. Обрезковой и А. Попова, во втором [Eilne… 2015] на эстонском языке – двух марийских драматургов (С. Чавайн и Ю. Соловьев), удмуртского (И. Гаврилов) и мордовского (К. Абрамов). Годом позже вне рамок описываемого проекта в Таллинне было издано собрание пьес тринадцати финно-угорских авторов [Paljajalu… 2016], в которое

вошли 15 произведений (два автора – А. Попов и В. Мишанина – отрекомендованы двумя сочинениями).

Вопросы перевода произведений коми литературы (зырянской и коми-пермяцкой) на языки родственных народов и обратно в последнее десятилетие активно исследуются Н. А. Ракиным. В одной из работ ученый справедливо констатирует, что «переводческая деятельность между родственными языками и литературами практически не изучена», отсутствуют данные о том, «какие авторы и произведения представлены в переводе на тот или иной язык, остаются не изученными общие и частные вопросы переводческого процесса между конкретными родственными языками» [Ракин 2018, с. 36]. Решению указанных проблем в отношении коми литературы посвящено более десятка его статей, которым присуща насыщенность фактическим материалом (в т. ч. статистического характера), свидетельствующая о глубоком интересе автора к теме. К достоинствам исследований ученого относится аргументированное выделение этапов переводов коми литературы и фольклора на языки родственных народов, указание наиболее часто переводимых авторов, переводчиков, в некоторых случаях – плюсов и недостатков переводов с точки зрения смысловой и художественной точности/адекватности. Наиболее скрупулезно ученым изучены переводы коми литературы на иностранные финно-угорские языки – венгерский [Ракин 2017], эстонский [Ракин 2019], финский [Ракин 2021], а также с венгерского [Ракин 2016], эстонского [Ракин 2018] и финского [Ракин 2021] на коми язык. Приведем таблицу, составленную нами на основе содержания его статей.

Взаимные переводы коми, венгерской, эстонской и финской литератур

№ п/п	Язык оригинала	Язык перевода	Кол-во переведенных произведений	Кол-во авторов	Год первого перевода
1.	Венгерский	коми-зырянский	120	60	1928

2.	Коми-зырянский	венгерский	300	54	–
3.	Коми-пермяцкий	венгерский	130	18	–
4.	Эстонский	коми-зырянский	250	33	–
5.	Коми-зырянский	эстонский	500	60	1914
6.	Коми-пермяцкий	эстонский	60	20	–
7.	Финский	коми-зырянский	50	25	1922
8.	Коми-зырянский	финский	240	40	–
9.	Коми-пермяцкий	финский	160	11	–
Итого:			1810	321	

Приведенные статистические данные не только убеждают в большом объеме выполненной автором работы, но и дают основание усомниться в суждении, что «среди лидеров взаимных переводов в финно-угорском литературном процессе выступает удмуртская литература» [Литература… 2023, с. 374]. Рассмотрение вопроса о взаимных переводах российских финно-угорских писателей нам удалось обнаружить лишь в одной статье Н. Ракина [Ракин 2019]. В ней он утверждает, что с удмуртского языка на коми «переведено порядка 200 произведений (авторских и фольклорных), представлено более 40 авторов» [Ракин 2019, с. 270], а с коми на удмуртский – «порядка 150 произведений 28 коми авторов» [Ракин 2019, с. 271]. Для полноты картины целесообразно, на наш взгляд, упомянуть и о составленном ученым и изданном в прошлом году многоязычном библиографическом указателе «Коми-пермяцкая литература на венгерском, финском, эстонском языках. Венгерская, финская и эстонская литературы на коми-пермяцком языке» [Ракин 2022], в который, кроме библиографических сведений, включен обзор истории переводов.

Проблемы переводов частично затрагиваются в статье марийского литературоведа Р. А. Кудрявцевой «Периодизация

литератур финно-угорских народов в контексте сравнительной филологии» [Кудрявцева 2017]. В контексте нашего исследования актуальными представляются ее утверждения о дискуссионности и нереализованности «идеи создания финно-угорского литературоведения как специального научного направления», главную причину чего автор усматривает в отсутствии системной работы в области переводов произведений финно-угорских писателей с одного языка на другой [Кудрявцева 2017, с. 150].

Отдельным аспектам изучения проблемы художественных переводов посвящено несколько наших работ. В них, в частности, анализируется общая ситуация с изданием переводов произведений литератур народов России в XXI в. [Каторова 2019], рассматриваются переводы и издания мордовских писателей на эстонском, венгерском и финском языках [Каторова 2020], а также переводы произведений финно-угорских писателей на мокшанский и эрзянский языки, опубликованные в течение последних двадцати лет в литературно-художественных журналах «Мокша» и «Сятко» [Каторова 2022]. Исследование художественных переводов мордовских писателей на другие финно-угорские языки и обратно привело к выводу, что в постперестроечное время издание переводной литературы стало явлением крайне редким. Мордовские авторы чаще всего переводились на эстонский язык: начиная с 1995 г. их произведения опубликованы в 11 коллективных сборниках на эстонском языке, кроме того, вышли в свет 6 авторских книг. В переводе на венгерский язык мордовская поэзия и проза представлены в 5 коллективных сборниках, отдельной книгой издана «Масторава» А. М. Шаронова. Меньше всего произведений в последние два десятилетия переведено с мокшанского и эрзянского языков на финский: вышли в свет один коллективный сборник и одна авторская книга [см.: Каторова 2020, с. 42–47].

В последние три десятилетия всего 3 книги отдельных авторов – представителей других финно-угорских народов России – переведены на мокша-мордовский язык: это поэтические сборники А. Ивановой [Иванова 2010], Н. Обрезковой [Обрезкова 2010]

и Муш Нади – Н. Пчеловодовой [Муш Нади 2010]. Они изданы в Йошкар-Оле на четырех финно-угорских языках (языке оригинала и в переводах на другие языки, переводы на мокшанский выполнены Р. Орловой). К сожалению, опыт издания такого типа сборников остался единичным, продолжения не получил. В том же году по итогам работы Литературного университета молодых переводчиков в Сыктывкаре опубликован сборник «Белые ночи» [Белые 2010], в который вошли произведения 28 авторов на языке оригинала и в переводах на вепсский, коми, марийский, мордовский (мокшанский, эрзянский), ненецкий, удмуртский и хантыйский языки. Поэтические произведения переведены на мокшанский язык Р. Орловой, прозаические на эрзянский – Т. Маторкиной. Коллективный сборник переводов на мордовский (мокшанский) язык издан всего один: «Финно-угратнень ёфкссна» («Сказки финно-угров») [Финно-угратнень… 2009].

Ранее, в советские времена, литература финно-угорских народов России в переводах на мокша- и эрзя-мордовский языки публиковалась, как правило, в национальных журналах («Сятко» – «Сурань толт», «Колхозонь эряф» – «Мокша» и др.) и газетах («Мокшень правда», «Эрзянь правда»). Первым финно-угорским писателем, переведенным на мокшанский язык, был основоположник коми литературы И. А. Куратов: его стихи «Музе», «Бедный парень», «Лодка» (в переводе А. Чекашкина) и «Поэт» (в переводе В. Волкова) вышли в свет в 1940 г. (ж. «Колхозонь эряф», №1–2, с. 99–103), предваренные обширной статьей о его творчестве «Талантливый поэт-лингвист». Однако следующие переводы произведений финно-угорских писателей появились на языках мокши и эрзи лишь через 18 лет. Это стихи марийских поэтов «Золотое яблоко» Миклая Казакова (в пер. П. Торопкина), «Моя республика» С. А. Вишневского (в пер. С. Платонова) и «Моя звезда» А. И. Бика (Бикмурзина) (в пер. С. Платонова), которые были опубликованы в № 4 ж. «Сурань толт» за 1958 г. Годом позже с коми языка была переведена В. М. Коломасовым комедия В. Д. Леканова «Сельские вечера», получившая всесоюзное признание (ж. «Сурань толт», 1959, №3). Отрадно, что в то же время

возможность познакомиться с произведениями мордовских поэтов получили удмуртские читатели. Стихотворения И. М. Девина («Коммунист», в пер. Т. Шмакова), А. С. Малькина («Моя дочь», в пер. А. Волкова), С. А. Самошкина («Весенняя ночь», в пер. А. Волкова), А. П. Тяпаева («Всегда с тобой», в пер. С. Перевощикова) были напечатаны в газете «Советская Удмуртия» (17 марта 1959 г.).

С точки зрения издания переводной литературы в Мордовии самым плодотворным в сравнении с предыдущим периодом оказался 1960 год. Для наглядности результаты представим в таблице.

№ п/п	Автор и название произведения	Язык перевода	Переводчик	Место публикации
		С карельского языка		
1.	**П. Пертту**. Песня живет (очерк)	мокшанский	Н. Мирошкин	газ. «Мокшень правда», 24 июня 1960 г.
2.	**А. Тимонен**. Первые курортники (рассказ)	мокшанский	И. Девин	ж. «Мокша», 1960. № 4
		С коми языка		
1.	**С. Попов**. Печерский вальс (стих) **Его же**. В тундре (стих)	эрзянский мокшанский	П. Любаев М. Бебан	газ. «Эрзянь правда», 24 июня 1960 г. газ. «Мокшень правда», 24 июня 1960 г.
		С марийского языка		
1.	**С. Вишневский**. Весна семилетки (стих) **Его же**. Опять лето (стих)	мокшанский эрзянский	И. Девин П. Любаев	газ. «Мокшень правда», 24 июня 1960 г. ж. «Сурань толт», 1960, № 4
2.	**В. Сузы**. На мельнице (рассказ)	мокшанский	С. Самошкин	газ. «Мокшень правда», 24 июня 1960 г.

3.	**А. Канюшков**. Агроном (стих)	мокшанский	П. Торопкин	газ. «Мокшень правда», 24 июня 1960 г.
4.	**М. Казаков**. Люби Родину (стих) **Его же**. В моем марийском крае (стих) **Его же**. Сердечная песня (стих)	мокшанский мокшанский эрзянский	И. Девин И. Девин Н. Эркай	газ. «Мокшень правда», 24 июня 1960 г. ж. «Мокша», 1960, № 5 ж. «Сурань толт», 1960, № 4
5.	**Г. Матюковский**. Ёж (стих)	мокшанский	И. Девин	газ. «Мокшень правда», 24 июня 1960 г.
6.	**В. Майн**. Русскому народу (стих)	мокшанский	М. Бебан	ж. «Мокша», 1960, № 3
7.	**В. Столяров**. Не вышло (рассказ)	мокшанский	не указан	ж. «Мокша», 1960, № 4
8.	**М. Шкетан**. Революция, я твой человек (рассказ)	эрзянский	Д. Учаев	газ. «Эрзянь правда», 24 июня 1960 г.
С удмуртского языка				
1.	**С. Широбоков.** Мы – россияне (стих)	мокшанский	Г. Пьянзин	ж. «Мокша», 1960, № 4
2.	**Н. Васильев.** Матери (стих)	мокшанский	не указан	ж. «Мокша», 1960, № 3
3.	**А. Лужанин.** Родина (стих)	мокшанский	не указан	ж. «Мокша», 1960, № 3
С мокшанского языка				
1.	**М. Сайгин.** Гнилое дерево (рассказ)	марийский	В. Юксерн	ж. «Ончыко» («Вперед»), 1960, № 3
2.	**М. Сайгин.** Сила любви (рассказ)	коми	Я. Рочев	ж. «Северная звезда», 1960, № 8

В этом же году два рассказа М. Л. Сайгина были переведены на марийский и коми языки. В последующем традиция активной публикации переводных сочинений с языков финно-угорских народов России в литературно-художественных журналах на мокшанском и эрзянском языках продолжилась. Чаще всего переводились произведения марийских писателей.

Итак, изучение взаимных переводов произведений писателей финно-угорских народов России позволяет выделить наличие многих проблем, из которых на первый план выходит *отсутствие*:

– работ ученых, посвященных комплексному исследованию переводческой деятельности в каждой из отдельных литератур;

– целенаправленной работы по художественным переводам литератур родственных финно-угорских народов в национальных регионах;

– координации работы писательских объединений по взаимным переводам;

– специально подготовленных переводчиков художественной литературы с языков финно-угорских народов России;

– мер долгосрочной государственной адресной поддержки издания переводной художественной литературы с языков народов России, в т. ч. финно-угорских.

Наряду с этим значимыми представляются: утрата традиций школы художественного перевода, недостаточное внимание к проблеме переводческой деятельности со стороны писательских организаций финно-угорских народов, а также редакций национальных литературно-художественных журналов.

Рассчитывать на то, что обозначенные проблемы решатся сами по себе, не стоит. Существенную помощь в этом может оказать Ассоциация российских финно-угорских университетов путем организации научно-практических конференций по данной тематике, получения совместных грантов за счет федеральных и региональных средств, создания научных объединений переводчиков художественной литературы и филологов, занимающихся данной проблемой. Определенное содействие возможно и со стороны Ассоциации финно-угорских народов России, если на ее заседаниях,

проводимых в разных регионах нашей страны, будет инициировано среди прочих вопросов рассмотрение состояния взаимных переводов художественных произведений народов Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Белые ночи: стихи, рассказы / сост. Н. А. Обрезкова. – Сыктывкар: Филиал ГРДНТ «Финно-угорский культурный центр РФ», 2010. – 192 с.

Иванова А. П. Кунам-гынат…: стихи на марийском, коми, мордовском (мокшанском) и удмуртском языках / пер. Н. Обрезкова, Р. Орлова, Н. Пчеловодова. – Йошкар-Ола: Изд. дом «Ото», 2010. – 112 с. [Когда-нибудь…]

Каторова А. М. Взаимодействие литератур финно-угорских народов России в XXI в. //Вестник НИИГН при Правительстве РМ. – 2022. – № 2. – С. 166–173.

Каторова А. М. Мордовская литература как явление культуры в современном финно-угорском мире // Центр и периферия. – 2020. – № 3. – С. 42–47.

Каторова А. М. Художественные переводы и их роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития // Oriental Studies. – 2019. – № 3. – С. 554–562.

Кудрявцева Р. А. Периодизация литератур финно-угорских народов в контексте сравнительной филологии // Litera. – 2017. – № 1. – С. 149–155. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/periodizatsiya-literatur-finno-ugorskih-narodov-v-kontekste-sravnitelnoy-filologii/viewer (дата обращения: 11.11.2022).

Литература финно-угорских народов России: учеб. пособие / под ред. Р. З. Хайруллина и Т. И. Зайцевой. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 384 с.

Муш Нади. Куттэмпыд: стихи на удмуртском, коми, марийском и мордовском (мокшанском) языках / пер. А. Иванова, Н. Обрезкова и Р. Орлова. – Йошкар-Ола: Изд. дом «Ото», 2010. – 104 с. [Босиком]

Обрезкова Н. А. Лэбачӧн вола: стихи на коми, марийском и мордовском (мокша) языках / пер. А. Иванова, Р. Орлова, Н. Пчеловодова. – Йошкар-Ола: Изд. дом «Ото», 2010. – 72 с.

Пантелеева В. Г. Удмуртская поэзия и перевод: анализы, интерпретации, комментарии: монография. – Ижевск: Ин-т комп. исследований, 2016. – 248 с.

Приказ Министерства просвещения РФ от 12 августа 2022 г. № 732 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № 413» – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172211 (дата обращения: 12.01.2023).

Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» – URL: https://www.garant.ru/products/ ipo/prime/doc/400807193 (дата обращения: 12.01.2023).

Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» – URL: https://www.garant.ru/products/ ipo/prime/doc/401333920 (дата обращения: 12.01.2023).

Ракин Н. А. Венгерская литература на коми языке // Финно-угорский мир. – 2016. – № 4(29). – С. 53–56.

Ракин Н. А. Венгерская поэзия в коми переводах В. И. Лыткина // Вестник угроведения. – 2016. – № 3(26). – С. 69–76.

Ракин Н. А. И. А. Куратов на финно-угорских языках // И. А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества: сб. ст. всерос. науч. конф., посвящ. 175-летию со дня рождения И. А. Куратова. – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2014. – С. 81–96.

Ракин Н. А. Коми литература на эстонском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 47–51.

Ракин Н. А. Коми (зырянская и пермяцкая) литература и фольклор на финском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 294–303.

Ракин Н. А. Коми (зырянская и пермяцкая) литература на венгерском языке // Вестник угроведения. – 2017. – № 2(29). – С. 76–84.

Ракин Н. А. Коми-пермяцкая литература на венгерском, финском, эстонском языках. Венгерская, финская и эстонская литературы на коми-пермяцком языке: библиография – Нарва–Тарту, 2022. – 152 с.

Ракин Н. А. Коми-удмуртские взаимные переводы // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). – Ижевск: Изд-во А. Зелениной, 2019. – С. 269–272.

Ракин Н. А. Финская литература на коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2021. – № 4(50). – С. 88–93.

Ракин Н. А. Эстонская литература на коми языке // Финно-угорский мир. – 2018. – Т.10. – № 1. – С. 36–40.

Финно-угратнень ёфкссна / кочказень и ётафтозень / сост. и пер. Н. Б. Голенков. – Саранск: Книга, 2009. – 69 с.

Eilne päev / tõlkinud Arvo Valton // Eilne päev. valik soome-ugri rahvaste näidendeid. Badacsonytördemic, 2015. Lk. 184–247. [День вчерашний / перев. на эст. Арво Валтон // День вчерашний: подборка финно-угорских пьес. – Бадачоньтомай, 2015. – С. 184–247].

Mezitlábas felhöjáro: Három drama / válogatta és forditotta Pustay János. – Badacsonytördemic, 2015. 252 p. [Босиком по облакам: Три драмы / сост. и перев. Янош Пустай. – Бадаченьтомай, 2015. 252 с.].

Paljajalu pilvedel. Valik soome-ugri rahvaste näidendeid / tõlkinud Arvo Valton. – Tallinn, 2016. – 560 lk. [Босиком по облакам: подборка пьес финно-угорских народов / перев. на эст. Арво Валтон. – Таллинн, 2016. – 560 с.].

УДК 821.512.145-31.04(045)

Г. Ф. Каюмова
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

G. F. Kayumova
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПСИХОЛОГИЗМА В РОМАНЕ «САИД САКМАНОВ» Т. Н. ГАЛИУЛЛИНА

ON SOME FEATURES OF PSYCHOLOGISM IN THE NOVEL «SAID SAKMANOV» BY T. N. GALIULLIN

Аннотация. Рассматриваются некоторые психологические приемы изображения личности главного героя романа-трилогии Т. Н. Галиуллина «Саид Сакманов». Это произведение вызывает дискуссии в научной среде и вместе с тем признается вершиной творчества писателя как романиста. Анализ форм и приемов психологизма в романе помогает лучше понять отношение героя к действительности, к самому себе, а также авторскую оценку героя.

Abstract. The article is devoted to the analysis of some psychological techniques that reveal the personality of the protagonist of the novel-trilogy by T. N. Galiullin «Said Sakmanov». This work causes discussions in the scientific community, but is also recognized as the pinnacle of the writer's work as a novelist. The assessment of Said Sakmanov as a national hero of modern reality is ambiguous. An analysis of the writer's psychologism techniques helps to understand the hero's deep attitude to reality, to himself, as well as the author's assessment of the hero. These techniques are analyzed in the proposed article.

Ключевые слова: психологизм, речевой портрет, сон, подсознание, криминализация, Т. Н. Галиуллин.

Keywords: psychologism, speech portrait, sleep, subconsciousness, T. N. Galiullin.

Т. Н. Галиуллин – один из самых читаемых современных авторов. Вершиной его творчества как романиста является трилогия «Саид Сакманов», состоящая из романов «Покаяние», «Петля», «Ночные дороги». Критики отмечают, что «роман-трилогию читатели полюбили за психологически точное и мастерское изображение сегодняшней действительности. Умело используя достижения детективного жанра и психологического романа, автор предрекает печальный конец «сильных мира сего» – олигархов, денежных магнатов. Главного героя породило современное общество, оно же привело его к трагическому концу» [https://rt-online.ru/predannost-klassiku/].

Образ Саида Сакманова наиболее спорный в татарском литературоведении. С одной стороны, сама реальность провоцирует выдвижение подобных героев – новых русских / новых татар, авторитетов криминального мира. Преступный мир и криминальный «положительный» герой, по замечанию Н. Ю. Зверевой, «оказываются востребованными не только в детективных сериалах, но и <…> в тех жанрах, формулы которых, в общем-то, не должны включать в себя какие-либо отсылки к миру криминала» [Зверева 2015, с. 51]. Автор трилогии представляет этих героев как порождение начала 90-х годов прошлого века и «на фоне перестроечной реальности, часто граничащей с абсурдом, пытается понять внутреннюю логику поступков главного героя, его превращения из вчерашнего комсомольского вожака, преданного интересам государства советского офицера, в мафиози и олигарха» [https://rt-online.ru/p-rubr-kult-35821/]. На самом деле Саид Сакманов – весьма сложный, сотканный из противоречий герой. Тем интереснее анализировать приемы психологизма, раскрывающие его образ. В рамках одной статьи невозможно детально проанализировать все

аспекты создания психологического портрета героя, используемые писателем, поэтому мы остановимся на речевом портрете героя и «технологии» сновидений. В первом случае раскрываются особенности социального портрета героя, во втором – столкновение сознательного и бессознательного в его психике и поведении.

Речевой портрет – достаточно сложное литературоведческое понятие. А. Гафарова считает, что «речевая характеристика персонажа художественного произведения не ограничивается его прямой речью, то есть речью, передаваемой дословно в виде самостоятельного предложения и, соответственно, выделяемой знаками препинания. Речевой портрет персонажей создается посредством прямой, косвенной и несобственно-прямой речи и их смешанными формами» [Гафарова 2006, с. 7]. В работе мы характеризуем не только реплики Саида в диалоге, но и косвенную, смешанную и другие формы речи. Речевая характеристика литературного героя передается при помощи соответствующего выбора лексико-фразеологических, грамматических и фонетических выразительных средств языка и может характеризовать его как: члена определенной социальной среды; представителя определённой профессии; представителя определённой нации, народа; представителя определённой исторической эпохи; жителя определённой местности, территории.

«Диалогическая речь особенно значима в идейно-тематическом и фабульном содержании художественного произведения» [Домашнев 1989, с. 104].

Чаще всего, говоря о речевом портрете, используется термин «категория социолингвистической обусловленности», она основывается на постулате о том, что речь персонажа всегда социально обусловлена. Такие важные составляющие образа персонажа как социальный статус, возраст, образование и профессия выражены в речи эксплицитно (вербально) или имплицитно (через манеру речи как таковую, особенности произношения, интонацию, акцент и т. п.). Относительно Саида Сакманова привлекают внимание противоречия в его разговорах. С одной стороны, он – глава фирмы,

хорошо знаком с миром криминала, соответственно, в его речи данная социальная обусловленность отражается весьма ярко. Например:

«Машинаңны бу якка бора башла! Тиз килеп җитегез, минем ишек төбендә ниндидер *тип* пәйда булды. Кулында чемоданы, тагын нәрсәседер бар... *Шартлаткыч* булуы ихтимал» [Галиуллин 2005, с. 225].

В речи он раскрывается и как сын народа, беспокоящийся за его будущее. Например:

«Киресенчә, башкалада, үзегез турында гына кайгыртып, сукыр ябалаклар кебек качып-посып утырасыз. Мәскәү татарлары, чаң сугып, безне яклап, тавыш күтәрсә, *Татарстанга суверенитет* юлына чыгарга җайлырак булыр иде, – диде Сәет, кызмаска тырышып» [Галиуллин 2005, с. 233].

Его самой благородной и высоконравственной чертой является милосердное отношение к страждущим и нуждающимся. Несмотря на жизнь в криминальной среде, ему небезразличны духовные законы мироздания, что отражается в речи:

«– Соң *тәһарәт* алмыйча, өстәл артына утырырга ярамый, дигән *Коръәндә*» [Галиуллин 2005, с. 208].

«– Мин әле бу! Сәет Яруллович, мин берни аңламыйм.

– Нәрсәне? Аңламасаң, кат-кат укырга, белмәсәң оялмыйча сорарга, дип язып калдырган *пәйгамбәребез*» [Галиуллин 2005, с. 211].

Итак, речевой портрет героя раскрывает его как человека сильного, внутренне находящегося под непосредственным влиянием криминального мира, ставшего его центром. В то же время Саид раскрывается как сын нации, беспокоящийся о судьбе татар, сострадательный, добросердечный. Автора и читателя интересует вопрос, насколько жизнеспособна такая противоречивая личность. Здесь представляет интерес прием сновидений, используемый в произведении. После катастрофы Саид попадает в больницу (роман «Петля»), где во сне-бреду к нему является давно умершая мама. Мама упрекает сына в неправильном образе жизни; все доводы Саида о том, что он занимается благотворительностью

(издает религиозную и историческую литературу, помогает школам и мечети), мама не принимает, велит идти не по проторенной другими дороге, а искать собственный путь. С одной стороны, архетип матери в литературе часто используется как некая «путеводная звезда», указывающая герою верные пути направления. Однако, с точки зрения психоанализа, мы можем предположить, что в образе матери к Саиду обращается его собственное бессознательное. То есть сознательно Саид считает свое дело правым, осознанно занимается благими делами, чтобы его «правота» была убедительной, прежде всего для самого. В условиях дикого капитализма герой старается жить и не потерять себя и как личность, и как сына нации. Однако подсознание «знает», что такое расщепление невозможно: нельзя одновременно быть героем нации и героем своего времени, живя в криминальной среде. Даже если автор упускает некоторые детали из жизни героя, читателю очевидно, что Саиду не раз приходилось отступать от духовно-нравственных правил, предавать и вновь «возвращаться» к себе. Подсознание в образе матери, а также погибшего друга-коллеги напоминает ему, что он идет по не хорошей дороге. Саид находится в той точке, откуда уже нет возврата в обычную среду. Можно было бы предположить, что, не прислушиваясь к собственному бессознательному, Саид подписывает себе смертный приговор. Критики говорят о том, что общество дикого капитализма порождает, но оно же и убивает таких героев как Саид. Можно предположить, что трагический финал произведения объясняется не только внешними факторами (зверскими законами мира криминала), но и глубинным неприятием героем существующей реальности. Возможно, умный Саид бессознательно проявил излишнюю доверчивость, неосторожность, но и изменить себя не в силах; именно его бессознательное выбирает смерть.

Речевой портрет и сны Саида говорят о противоречивости героя. Саид – герой времени. В его речи много заимствованной лексики, характерной для криминальной среды. Он еще – и сын своей нации; часто использует религиозную, духовную лексику.

Такое сочетание говорит о сложном, противоборствующем характере героя. Анализ снов Саида показывает, что бессознательно герой понимает невозможность жизни как сына нации в условиях криминального мира, а вне криминала, без авторитетного влияния невозможно принимать хоть какое-то действенное участие в жизни народа. Бессознательно предлагает поиски некоего собственного пути, однако общество не готово вступить на новый путь. Финал трилогии трагический, произведение заканчивается смертью главного героя.

ЛИТЕРАТУРА

Адель А. Саид Сакманов – герой или антигерой? Размышления о трилогии Талгата Галиуллина «Саид Сакманов». – URL: https://rt-online.ru/p-rubr-kult-35821/ (дата обращения: 17.01.2023).

Бадигый Х. Маннан Р. Преданность классику. – URL: https://rt-online.ru/predannost-klassiku/ (дата обращения: 17.01.2023).

Галиуллин Т. Сәет Сакманов. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2005. – 656 б.

Гафарова А. С. Речевой портрет. Социолингвистические характеристики: автореферат дис. … канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 25 с.

Домашнев А. И. Шишкина И. П., Гончарова Е. А. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.

Зверева Н. Ю. Конструирование образа криминального авторитета в современной медиакультуре // Артикульт. – 2015. – № 4 (20). – С. 51–58.

Юсупов, Ф. Бәширова, И. Әйдә, халыкка хезмәткә // Ватаным Татарстан. – 1998. – 22 июль. – Б. 3.

УДК 801.73:398(=511.131)(045)

В. К. Кельмаков
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

V. K. Kel'makov
Udmurt State University, Izhevsk

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ УДМУРТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

TEXTOLOGY PROBLEMS OF UDMURT FOLKLORE

Аннотация. Автор в своей статье на основе анализа некоторых текстов из трех удмуртских фольклорных сборников (ВК 1971; Ганькова 2015; Борисов 2015) демонстрирует те ошибки и неточности, которые допускают, вопреки требованиям текстологии, современные удмуртские фольклористы и любители фольклора как при сборе произведений удмуртского фольклора (напр., мифологических сказок, песен, частушек), так и при подготовке их к изданию, т. е. известным образом портят тексты. Такие «искалеченные», по выражению П. Г. Богатырева, тексты, если и дают определенный материал для исследования произведений фольклора со стороны их содержания, однако мало пригодны для анализа художественных особенностей творений устной народной прозы и поэзии.

Abstract. The author in his article, based on the analysis of some texts from three Udmurt folklore collections (ВК 1971; Ганькова 2015; Борисов 2015), demonstrates the mistakes and lapses that modern Udmurt folklorists make, contrary to the requirements of textual science, both when collecting works of Udmurt folklore (e.g., mythological fairy tales, songs, ditties) and when preparing them for publication, that is, they spoil the texts in a certain way. The so called «crippled» texts, as P. G. Bogatyrevputs it, can provide certain material for the study of

folklore works as their content concerns. However, they are not suitable for analyzing the artistic features of the creations of oral folk prose and poetry.

Ключевые слова: текстология, мифы, сказки, песни, частушки, художественные особенности фольклорных текстов.

Keywords: textology, myths, fairy tales, songs, ditties, artistic features of folklore texts.

0.1. Долг каждого из современных удмуртских ученых-исследователей – это не только «творить, выдумывать, пробовать» свое от себя лично, но и предельно бережно, с надлежащим пиететом относиться к творческому наследию своих предшественников. Дань искреннего уважения к нашим предшественникам – к просветителям и деятелям вербальной культуры – и любовь к ним можно выразить по-разному, в том числе и через трепетно-уважительное освоение их творческого наследия и скрупулезно-точную передачу его через издания нашего времени своим современникам и будущим последователям.

За этим в последние десятилетия пытается следить наука, называемая ***текстология***; при этом положительных результатов она добивается лишь там, где ее ждут, принимают и уважают, но не в удмуртской, к сожалению, филологической науке и издательском деле, о чем свидетельствуют такие факты, как:

1) испорченные в языковом и посему в художественном отношении тома в 6-томном (в 13 книгах) издании собрания сочинений первого удмуртского ученого и литератора Г. Е. Верещагина, опубликованные в 1995–2020 гг. [Верещагин I–VI 1995–2020] (несколько подробнее о них см.: [Кельмаков 2017, с. 147–264; 2022]) – отв. редактор проф. В. М. Ванюшев;

2) варьирование от издания к изданию стихов классика удмуртской литературы Кузебая Герда (уже после его ухода в мир иной), так что некоторые двустишия уже имеют от 5 до 7 вариантов, включая авторский в издании 1922 г. и цитаты в научных

работах литературоведов [см.: Кельмаков 2017, с. 347–351]) – бессменный составителем и отв. редактором был проф. Ф. К. Ермаков;

3) литературный язык *вчерашнего дня* стихотворений Ашальчи Оки, опубликовавшей свой первый сборник в 20-е гг. прошлого столетия;

4) масса ляпсусов орфографического и текстологического характера в однотомном собрании стихотворений и поэм Н. С. Байтерякова, изданном в 2003 г. (Байтеряков 2003) [подробнее см.: Кельмаков 2017, с. 395–406]) – составитель Л. Д. Айтуганова, ответственный за выпуск проф. К. И. Куликов. И т. д., и т. п.

Как можно заметить, **удмуртскую** художественную литературу, науку о ней и издательскую практику текстология пока еще, кажется, и не посетила, поскольку одним удмуртским деятелям науки, культуры и искусства она вообще не известна или ими не по́нята; другими воспринимается хуже, чем матерное ругательство, ибо *мат*, получивший в последние десятилетия весьма широкое распространение не только в быту, но и в печати, ни к чему вроде бы не обязывает, а *текстология ставит* перед работниками вербального искусства, науки и печати *весьма серьезные требования*. А кто любит тех, кто/что от кого-то что-либо требует? Разумеется, таковых крайне мало; потому и многим нашим филологам, редакторам и издателям легче и проще не замечать такой области науки как *текстология,* а ее апологетов объявлять врагами № 1 для себя (что у нас и делается).

0.2. Весьма тревожно обстоит дело также и с языком и художественными особенностями публикуемых фольклорных текстов из-за обилия ляпсусов в них, как *невзначай ошибочно* допущенных при записи, так и зачастую *сознательно* введенных в них – в результате переправки/переделки в (пере)изданиях их современными удмуртскими специалистами, именно *удмуртскими* фольклористами и псевдо-фольклористами. Многие из них, к сожалению, до сих пор еще не дошли до понимания и использования заложенных ранними зарубежными лингвистами (Бернатом Мункачи, Ю. Вихманном и др.) лучших традиций сбора, эдиционной подготовки к печати и издания фольклорно-диалектологических текстов, с одной

стороны, и освоения элементарных требований современной текстологии в этом направлении, – с другой.

Характеризуя пренебрежительное отношение русских фольклористов 70-х гг. XX в. к языковой (фонетической, в особенности) стороне песен при их записи и издании, П. Г. Богатырев писал:

«Здесь придется признать, что бóльшая часть сборников не представляет вполне доброкачественный материал. Приходится с сожалением констатировать, что как раз записи последнего времени стали значительно менее точными, чем записи, производимые в начале XX в. – например, записи фольклорных произведений Григорьева, Ончукова, братьев Соколовых, **не говоря уже о записях лингвистов – А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново** (выделение жирным шрифтом мое. – *В. К.*) и др. Несомненно, на неточность записи фольклорных произведений влияет тот факт, что точные записи трудны для публикации и обычно при публикации теряют свою точность; особенно это следует сказать о периферийных издательствах, где прямо калечат фольклорный текст. Если подобный искалеченный текст может дать известный материал для анализа содержания фольклорных произведений, то для анализа художественных средств фольклора такой материал мало пригоден. Многие издательства (я бы от себя добавил: составители и редакторы. – *В. К.*) боясь того, что их издание будет недостаточно популярно, массово, отказываются печатать точную запись фольклора» [Богатырев 1978, с. 108].

Не о **нас** ли **современных** писал русский ученый, многоуважаемые господа удмуртские фольклористы / «фольклористы» (лингвистов я, как и П. С. Богатырев, сюда не отношу – они свое дело выполняют куда качественнее, нежели фольклористы)? Только с тем отличием, что мы, во-первых, живем уже в 20-е гг. XXI века, и, во-вторых, владеем мощнейшими техническими средствами для качественного типографского исполнения текстов любого уровня трудности и точности. Тем не менее мы, к великому сожалению, даже в компьютерный век продолжаем калечить фольклорные тексты, точно записанные и адекватно опубликованные нашими предшественниками; и нами – тоже…

В подтверждение своей безрадостной мысли об этой стороне удмуртской фольклористики приведу несколько примеров.

1. Основное различие между мифом и сказкой заключается в том, что (1) мифы как рассказы, «порожденные народной или религиозной фантазией, в которых дается в художественно-образной форме объяснение различных явлений природы либо осмысление, обоснование явлений культуры или религиозных обрядов» [Сл. лит. терм. 1974, с. 220], «мыслятся первобытным сознанием вполне р е а л ь н ы м и», позднее же они «при включении в новые структуры», своеобразно переосмысляются, «переживают вторую жизнь», трансформируясь «в лит[ературном] творчестве» [Лит. энц. сл. 1987, с. 222]; (2) сказка же – это «преимущественно прозаический художественный устный рассказ фантастического, авантюрного или бытового характера *с установкой на вымысел*» (курсив мой. – *В. К.*) [Сл. лит. терм. 1974, с. 356]. Следовательно, носитель и информант мифа вполне может *верить* в его содержание, а реальность же сказки, помимо малых детей, едва ли кто воспринимает всерьез. Поэтому при записи мифа исключительно важно, как пишет об этом В. Я. Пропп, внимание на «мельчайшие детали, частности, оттенки, часто важен даже тон рассказа, а вместо них собиратели и издатели дают лишь тексты и больше ничего» [Пропп 2021, с. 181] – и то порою с серьезными, к сожалению, ляпсусами и ошибками.

1.1. Так, очень красивое, с моей точки зрения, мифологическое произведение удмуртского фольклора «Почему только у пчелы меда много, у шмеля – мало, а у осы вовсе и нет», записанное венгерским финно-угроведом Бернатом Мункачи от талантливого молодого человека Николая Иванова в 1885 году в Казани, куда закинули их экспедиционные пути-дорожки, начинается так:

– ***Pereśjosländ veram-śeänĺzi Inmar kińigaĺn taǯi goždämĺn.*** *odĺg-pol Inmarländ*	’– **По рассказам стариков, в божественной книге записано так.** Однажды Инмару (Богу) захотелось

ta muźem-vĺlĺn ulĺśjosĺz todämez-adʒämez potäm. tapɒnna inmĺśtĺz vaśkĺsa kot'kĺti vetlä vĺläm.

проведать-узнать, как пребывают жители на этой земле. Для этой цели он, спускаясь со своих небес, бродил по всяким местам'.

[Munkácsi 1887, с. 57]

Однако при включении этого произведения в сборник удмуртских мифов, легенд и преданий «Ватка но Калмез» [ВК 1971, с. 22] удмуртские фольклористы П. К. Поздеев и Н. П. Кралина начальное предложение: «*По рассказам стариков, в божественной книге записано так*» – устранили. Убрали так убрали, разве это беда? Однако (мини-)беда все же случилась: миф потерял важнейшую свою сущность – *правдоподобность* своего содержания для рассказчика и слушателя, превратившись в заурядную сказку. Ведь удмуртские информанты, как мне известно, рассказывая что-либо чрезвычайно для них важное, требующее безусловной веры в него, как правило, имели привычку ссылаться на некую мифическую «*божественную (священную) книгу*», типа: В божественной (*инмар*) или священной (*вӧсь*) книге написано (или сообщается), что **вся земля будет опутана железными тенетами** (это *будто бы предвидение того, что в будущем во все стороны будут протянуты телеграфные и электрические провода*), а **по небу будут летать железные птицы** (это *якобы предсказание появления самолетов и иных летательных аппаратов*) и пр. В детстве я думал, что об этих вещах, впрямь, написано в «Евангелии» – у нас в семье был экземпляр «Четвероевангелия», изданного на удмуртском языке в 1912 году (Св. Еванг. 1912), но ведь оно для наших рассказчиков, в их числе и для меня в детстве, было недоступно по причине банальной безграмотности. А впрочем эта *божественная (священная) книга* сама была своеобразной мифической вещью, которую нельзя было увидеть и потрогать, но устная ссылка на которую автоматически удостоверяла истинность содержания любого последующего повествования.

1.2. Типологической общностью многих жанров прозаического фольклора (чаще сказок, частично легенд, преданий, мифов) является наличие в них некоей троицы – многие элементы, действия и положения повторяются *трижды*, т. е. для русской сказки, напр., характерно «*трехступенчатое* строение сюжета» – «положения, в которые попадают герои, повторяются: *три брата три раза* ходят ловить Жар-птицу, *три раза* бьется герой со Змеем, *три препятствия* встречает он при достижении своей цели, *три волшебных предмета* бросает он при бегстве» и пр. [Кравцов 1983, с. 92, 109]. На *трехкратность* одного и того же действия сказочного героя, участие в его судьбе *трех* верных помощников обратил свое внимание и В. П. Аникин: «*Трижды* поит Иван Кощея», и тот, набравшись сил, уносит Марью. <…> «Иван пришел в царство Кощея и *трижды* пробует бежать с Марьей, но Кощей неизменно нагоняет их. Он изрубил Ивана, сложил его тело в бочку и бросил в море, а Марью вернул себе. Ивану помогли чудесные родственники» [Аникин 2004, с. 461] – *трое* зятьев: Орел, Сокол, Ворон. При этом *троица* персонажей, предметов и вещей в повествовательном тексте нередко выстраивается по принципу градации вверх или вниз в зависимости от лучшего или худшего их качества. Просто и доходчиво написал об этом, к примеру, П. Ершов в сказке «Конек-горбунок», согласно которой у «старика в одном селе» были *три* сына:

Первый [Данило] ***умный*** *был детина,*
А второй [Гаврило] *был* ***так и сяк,***
Третий [Иван] *вовсе был* ***дурак.***

Мотив тройственности характерен и для ряда удмуртских народных сказок: *трехкратная* попытка уничтожить сказочного персонажа богачами [Кельмаков 1981, с. 48–49]; Иван *трижды* роняет с ели на чертей определенные предметы [Кельмаков 1990, с. 208]; у умирающего старика *трое* сыновей; у супружеской четы были *три* дочери, все *три* попали в лесу к страшной Ляко-Бабе, *две*

старшие дочери смогли от нее освободиться, а *третья*, младшая, была вынуждена оставаться у нее в заложницах, а когда она вернулась домой, *трое* членов ее семьи (мать, отец, брат), не узнав ее по голосу, не открыли ей двери [Кельмаков 2015, с. 211, 145–147]; и т. д.

Этот же классический мотив тройственности представлен и в рассматриваемой удмуртской легенде-мифе: здесь имеются *три* персонажа (*шмель*, *оса* и *пчела*), обладающие *тремя* уровнями количества определенного достояния – меда: 1) *so-dȯrja majsȯlän tuž uno čečiez vȯläm* (’В те времена меду **у шмеля было очень много**’); 2) у осы, как она сама сообщила: *«čečiä odȯg śin-kȯl'i bȯdǯa-no ѳvѳl, kѳs śuśä-gȯnä vań»* (’Меду у меня нет даже со слезинку, **лишь сухие соты имеются**’); 3) *mušlän so-dȯrja kot'-kinlänleś čečiez ѳžȯt vȯläm* (’у пчелы в те времена меду бывало **меньше всех**’).

Но составители сборника «Ватка но Калмез» Н. П. Кралина и П. К. Поздеев этой троичной градацией пренебрегли: по доброй воле или злому умыслу либо по тяпляпству ввели в фольклорный текст свой корректив относительно шмеля: «*Со дыръя майсылэн уно чечыез вылымтэ»* [ВК 1971, с. 22]. «В то время **у шмеля большого количества меду не было**», т. е. по их подаче у всех персонажей, даже у шмеля, меду было почти одинаково мало. Все бы ничего, но:

– во-первых, текст мифологической сказки удмуртские фольклористы по своему произволу уже 2-й раз испортили – убрали количественную градацию меда у трех героев-насекомых: до встречи с Инмаром, количество меда у всех медоносных персонажей почти выравнялось;

– во-вторых, при таком раскладе Божье наказание/поощрение в зависимости от поведения всех трех персонажей оказалось в отношении шмеля бессмысленным: если Бог присудил пчеле, чтобы ее мед весь мир ел, да еще и нахваливал за сладость, и никогда не мог съедать полностью, то шмелю сказал, чтобы у него меду было так мало, чтобы его еле хватало лишь на то, чтобы обманывать своих деток. В результате меду у шмеля, по вине соста-

вителей сборника, уже изначально было мало, почти в таком же количестве он остался у него и по Божьему наказанию. Но какое же это наказание, если чтó было, почти тó же самое и осталось?!

В итоге новый вариант фольклорного произведения, представленный составителями в своей книге «Ватка но Калмез» под названием «Малы мушлэн чечыез трос, майсылэн ӧжыт, дуринчилэн кабзэ ӧвӧл» [ВК 1971, с. 22], сравнительно с первичным, представленным в книге Берната Мункачи под заголовком «Malî mušlän**gînä** čečiez tîros, majsîlän ɵzît, durińčilän kabzä ɵvɵl» (’Почему **только** [этого слова современные удмуртские издатели в тексте Б. Мункачи не заметили. – *В. К.*] у пчелы меду много, у шмеля мало, у осы вовсе нет’), оказался дважды испорченным. Тем не менее именно этот испорченный вариант пошел гулять по страницам других сборников, разнося неправду об изначально недостаточном количестве меда у шмеля (тем самым и отсутствие трехступенчатой градации по определенному признаку трех персонажей), напр.: «Шмель все лето сновал, заготавливая мед, но соты так и не успел заполнить, остались еще пустые ячеи. Если он теперь еще и с Инмаром поделится, то мало останется меду» [Мифы удм. народа 1986, с. 181].

2. Книга частушек «Кырӟалэ, кырӟась эшъёсы», изданная в 2015 году, также оказалась во многих отношениях ущербной. Как сообщает ее составитель Л. Л. Ганькова, в сборник включено около 1700 частушек, якобы **собранных ею** на своей малой родине – **в Алнашском районе** Удмуртской Республики [Ганькова 2015, с. 2], и 628 единиц народной паремии. Вроде бы не хило! Однако эта книга вызывает серию недоуменных вопросов и замечаний (речь пойдет преимущественно о частушках из этого сборника)…

2.1. Все же, сколько частушек было записано собственно в Алнашских краях Л. Л. Ганьковой? Согласно заявлению составителя, они были собраны, начиная с 2005 г., от 11 информантов, проживающих в трех населенных пунктах Алнашского района [Ганькова 2015, с. 4]. По моим грубым подсчетам, получается так: если от каждого информанта было записано (и то по весьма завышенному представлению!) в среднем по 100 частушек, то всего получается

1100. А остальные 600 (или куда больше!) частушек «откуда, Зин»?! Ясно, что еще из двух печатных источников, как она незаметненько сообщает [Ганькова 2015, с. 4]: (1) из ее же книги «Ӟуння кырӟа, эктэ, вера» [Ганькова 2012] (сколько и какие?), да и (2) из сборника «Удмурт калык кырӟанъёс (ньыльчур‘ёс)» (сколько и какие?), составленного и опубликованного в 1936 году коллективом составителей и издателей во главе с поэтом и писателем М. П. Петровым [Укк. 1936], где большинство текстов отнюдь не алнашские(!)

2.2. Полное отсутствие паспортизации текстов уже само по себе является нарушением требований фольклористики при записи текстов, с одной стороны; с другой же стороны, оно предоставляет собой весьма доступную лазейку для фальсификации фольклорных произведений (при желании собирателя и издателя, разумеется). Этим как раз и не преминула воспользоваться добровольная помощница фольклористов: по моим предварительным подсчетам, свыше 60 так называемых «алнашских» *частушек* представляют собой короткие *песни казанских удмуртов*, втихаря заимствованных Л. Л. Ганьковой из книги Б. Гаврилова «Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880], да не прямо, ибо она, думаю, этой книги в глаза не видела, а через посредство того же самого сборника «Удмурт калык кырӟанъёс (ньыльчур‘ёс)»); к тому же в существенно переделанном виде. Что же алнашского-то в них, помимо переделки их алнашским составителем?

2.3. В качестве примера незаконной переделки ранних фольклорных записей «псевдо-фольклористкой» Л. Л. Ганьковой приведу лишь одну из множества имеющихся в моем распоряжении песен-частушек:

Çалайосыдлэн кыржамзы
Орямэ бордэ шуккиçкоз;
***Каӈсар** нылйослэн кыржамзы*
***Каӈсар** вӱосад шуккиçкоз*
[Гавриловъ 1880, с. 18].

’Пѣніе рябчиковъ отдается въ прибрежныхъ кустахъ.
Пѣніе **Коньсарскихъ** дѣвушекъ отдается на **Коньсарской** водѣ’
[Гавриловъ 1880, с. 87].

(Гаврилоръ)→	Сялаосыдлэн кырӟамзы Арама борды шуккиськоз. **Канисар** ныл‘ёслэн кырӟамзы **Канисар** вуосад шуккиськоз [Укк. 1936, с. 136].	*Сялаослэн,* ***ой,*** *кырӟамзы* *Арама кузя шуккиськоз.* ***Ӟуння*** *нылъёслэн кырӟамзы* ***Туймы*** *вуэ шуккиськоз* [Ганькова 2015, с. 343].

Может быть, страстная алнашская патриотка от фольклористики Л. Л. Ганькова и права: коли в ее родном Алнашском районе нет *канисарских* девушек и *Канисарской* речки, то они непременно должны стать *ӟуннинскими* девушками и речкой *Тоймой*! Иначе как же прописать песню казанских удмуртов современного Кукморского района Республики Татарстан в Алнашском районе Удмуртской Республики?!

И подобный случай, к сожалению, не единственный (см., напр.: [Кельмаков 2020, с. 499–503]).

2.4. Доморощенная фольклористка Л. Л. Ганькова указала еще на один весьма оригинальный способ увеличения количества алнашских частушек: разбить удмуртские народные песни на отдельные строфы, приписать каждой из них статус частушек, присвоив отдельные номера – и новоявленные частушки готовы! Этим Л. Ганькова продемонстрировала свое полное безразличное отношение к двух поэтическим жанрам удмуртского народного творчества: частушкам и песням. Таким образом, частушки, представленные на с. 170–171 под номерами 116–119, по существу представляют собой удмуртскую народную песню или ее возможную имитацию, составленную/переделанную ею самой, см.:

116. Зарни дуно поскесъёсын Мар каром на табере? Нулдэм потэм, ой, вакытам Басьтэме öз лу бере.	116. С дорогими золотыми браслетами Что мне делать теперь, Коль когда, ой, хотелось их надевать, Не было возможности купить?

117.	Кезьыт ошмес, ой, вуосыз Малы юом на таре? Юэм потон, ой, вакытам Сектасез öз лу бере.	117. Студеную родниковую, ой, воду, Зачем мне пить теперь, Коль когда, ой, хотелось мне пить, Некому было напоить?
118.	Ческыт зыно сяськаосын Мар каром на табере? Шудон-серектон вакытам Кузьмасез öз лу бере.	118. Ароматно пахнущими цветами Что мне делать теперь, Коль когда мне хотелось веселиться, Не было, кто бы подарил?
119.	Сьöд йырсиё воргоронэн Малы улом табере? Улэм потон, ой, вакытам Со вöзам öй вал бере.	119. С черноволосым мужиком- красавцем Зачем мне жить теперь, Коль когда мне хотелось дружить, Его не было рядом со мной?

[Ганькова 2015, с. 196].

Кстати, эта несомненная народная/авторская(?) **песня** из книги Л. Л. Ганьковой, представленная ею в виде четырех частушек, имеет далеко идущие параллели/подражания в качестве удмуртской народной песни или авторских стихов:

1) как один из вариантов **народной песни** в современном «массовом» издании она звучит так:

Кезьыт ошмесэн	’Что ж мне теперь делать
Мар каром на мон,	**С холодным родником**,
Юэм потыку,	Коли его не было,
Со öй вал бере.	Когда хотелось пить?
Чебер сяськаен	Что ж мне теперь делать
Мар каром на мон,	**С красивым цветком**,

Бичам потыку,	Коли его не было,
Со ӧй вал бере.	Когда хотелось рвать?
Зарни зундэсэн	Что ж мне теперь делать
Мар каром на мон,	**С перстнем золотым**,
Нуллэм потыку,	Коли его не было,
Со ӧй вал бере.	Когда хотелось носить?
Мусо туганэн	Что ж мне теперь делать
Мар каром на мон,	**С милым пареньком**,
Улэм потыку,	Коли его не было,
Со ӧй вал бере	Когда хотелось дружить?’

[Вай кырӟалом 1993, с. 238].

Эту известную и до ее публикации в сборниках народную песню переложили на (или по ее мотивам составили свои собственные) стихи поэты Кузебай Герд, Н. С. Байтеряков (назвав свое стихотворение «Апайлэн кырӟанэз» (’Песня старшей сестры’) [Байтеряков 2003, с. 365]) и Ф. И. Васильев – каждый на свой лад в соответствии с потребностями своего времени, но сохранив общее в композиции – кумуляцию (близких или частично отдаленных) образов по нарастающей градации, ср.:

1) Кузебай Герд:

*Маро карод **малпаськемен**,*	’Что же делать **с раздумьями**,
Чик нэкиньлы верамтэ бере?	Коль никому их не высказать?
*Маро карод **гожьяськемен**,*	Что же делать **с написанным**,
Чик нэкиньлы лыдюымтэ бере?	Коль никому их не читать?
*Маро карод **бадӟым визьмын**,*	Чтоже делать **с большим разумом**,
Чик калыкез визьмамтэ бере?	Коль народ не просвещать?
*Маро карод туж **пэсь сюлмын**,*	Что же делать **с горячим сердцем**,
Куанер калыкез гажамтэ бере?	Коль не любить бедный народ?’

[Герд 1922, с. 18].

2) Н. С. Байтеряков:

*Ой**, кезьыт но ошмес**,*
Мар каром мон тонэн?
Ву юэм потыку,
Мон ӧй шедьты тонэ.

Алача дэремен
Ма каром табере?
Нуллылэм потыку,
Со ӧй вал но бере.

Ой, бен ма мон каро
Чиборо чулкаен*?*
Кутчаме потыку
Мон ӧй шедьты сое.

*Ой, **малпан туганэ**,*
Ма понна на туннэ?
Ас дыраз-вакытаз
Тон ӧд шедьты монэ

[Байтеряков 2003, с. 365].

’Ой, **холодный, да, родник**,
Что мне делать с тобой?
Когда пить я хотела,
Не нашла я тебя.

Платьем из пестряди
Что мне делать теперь?
Когда хотелось носить,
Ведь не было его.

Ой, как же мне поступить
С узорчатыми чулками?
Когда хотелось надевать,
Не нашла я их.

Ой, **суженый мой друг**,
Для чего мне сегодня?
Ведь в свое время-пору
Не нашел ты меня’.

3) Ф. И. Васильев:

***Марлы-о шапыкъёс кулэ**,*
*Уг сектало ке **инвожо сяськаосыз**?*

*Марлы-о **сяськаос** кулэ,*
Возез чебермaтэк эутско ке
возьёсын*?*

*Марлы-о **чеберзы** нош **возьёслэн**,*
*Ноку уг шулдырто ке **синъёсты***
соос?

*Марлы-о нош **синъёс** кулэ,*
*Уг адюо ке ноку но **чеберез** соос?!*

[Васильев 1995, с. 127].

’Для чего же капельки дождя,
Коль они цветов не поят?

Для чего же нужны луга,
Коль на них не растут цветы?

Для чего же нужны цветы,
Коль они не радуют взгляд?

Для чего же нужны глаза,
Коль не видят они красоты?’

[Васильев 2003, с. 120].

Все эти материалы, вне всякого сомнения, доказывают, что ганьковские четыре частушки – это разобранная ею по строфам удмуртская народная песня – правда, пока мне трудно судить: в оригинальной записи или откорректированная по частушечным канонам и/или также в языковом отношении самой Л. Л. Ганьковой. Кроме этого случая, еще ряд других песен (рекрутских, гостевых, свадебных) разложены Л. Л. Ганьковой на самостоятельные частушки (№№ 134–141 (с. 34–35); №№ 113–119 (с. 90–91); №№ 116–121 (с. 196–197), №№ 2–34 (с. 210–216) и др.

2.5. В данном случае не считаю нужным обратиться к тем орфографическим, пунктуационным, смысловым ошибкам, которые в изобилии встречаются в сборнике «Кырӟалэ, кырӟась эшъёсы» (они имеют место даже в вышеприведенных четырех четверостишиях, в которых сложноподчиненные предложения незакономерно разбиты на две самостоятельные части), наглядно свидетельствуя о неграмотности Л. Л. Ганьковой не только в текстологическом отношении, но и в удмуртском письме (несколько подробнее об этом см. в книге «Кырӟам-верамед кылёз»: [Кельмаков 2020, с. 493–510]).

3. Далее, несколько слов о переиздании сборника **Т. К. Борисова** «Песни южных вотяков» [Борисов 1929] Л. С. Нянькиной и М. С. Петровой в книге под названием «Душа плачет, Душа поёт» [Борисов 2015]. Эта книга примечательна тем, что ее составители, включая южноудмуртские песни, собранные и изданные Т. К. Борисовым, или не удосужились прочитать последний абзац напутственного предисловия первичного составителя книги, или ума не хватило понять слова самого Т. К. Борисова, прозвучавшие следующим образом:

«Окончательное редактирование песен принадлежит автору. **Запись песен оставлена по возможности фактическая, хотя она и шла вразрез принятым в последнее время правилам правописания на вотском языке** (выделение жирным шрифтом мое – *В. К.*). Это сделано с той целью, чтобы придать данному труду

значение не только как популярной, народной книге для распространения среди самой народной массы, но и значение научно-лингвистического труда по изучению пока что неизученного вотского языка» [Борисов 1929, с. 3].

Переиздание песен и частушек, собранных Т. К. Борисовым в большинстве своем в Алнашском и Можгинском районах УР в 1913 г., в составе современной книги «Душа плачет, Душа поет» (даже тут ляпа: прописная буква после запятой в инициали нарицательного имени существительного *душа*!), в языковом отношении в полностью переделанном-перелатанном в соотвествии с архисовременными нормами удмуртского литературного языка *нянькинско-петровского разлива* – это ярчайший пример абслютной текстологической безграмотности в удмуртской фольклористике. Этим переизданием Л. С. Нянькина и М. С. Петрова грубо нарушили завет выдающегося удмуртского просветителя Т. К. Борисова и совершили святотатство над его творческим наследием и памятью. В этой связи самое для меня умилительное в том, что они, вкупе с их покровителем и консультантом *N*, в голубом глазу, кажется, не замечают, за что́ их ругают. Просматриваю тексты удмуртских песен, не в оригинальной (Борисовской) записи переизданных в книге под названием «Сюлмы бӧрдэ, Сюлмы кырӟа» / «Душа плачет, Душа поет» [Борисов 2015, с. 31–166], и *сюлмы мынам* / *душа моя* (т. е. автора данной статьи, разумеется!) впрямь ***плачет***, но почему-то *не имеет никакого желания пет*ь!

4. В завершение доклада/статьи хочу обратиться к удмуртским фольклористам:

«Почему же вы, уважаемые господа современные удмуртские фольклористы, имеющие в своем составе докторов и кандидатов наук, полуграмотным в области удмуртской фольклористики лицам и абсолютным профанам относительно текстологии **позволяете браконьерить** на вашей научной ниве, тем самым кощунствовать над творческим наследием ряда удмуртских просветителей, памяти и творческому наследию которых посвящена наша конференция?!»

А для начала, некоторым из вас самим, по всей видимости, необходимо быть более аккуратными в этом отношении (см. об этом, напр: [Кельмаков 2015, с. 34–37]) и на пушечный выстрел не подпускать полуграмотных удмуртских поэтов (= оказиональных фольклористов) к изданию произведений народного творчества удмуртского народа…

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Аникин 2004 – *Аникин В. П.* Русское устное народное творчество: учеб. для вузов. – М.: Высш. Шк., 2004. – 735 с.

Байтеряков 2003 – *Байтеряков Н. С.* Жин азвесь крезьгуръёс: Кылбуръёс но поэмаос = Серебряная мелодия: Стихотворения и поэмы / Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН. – Ижевск, 2003. – 656 с.

Богатырев 1973 – *Богатырев П. Г.* Язык фольклора // Вопросы языкознания. – 1973. – № 5. – С. 106–116.

Борисов 1929 – *Борисов Т. К.* Песни южных вотяков. – Ижевск: Удкнига, 1929. – 102 с.

Борисов 2015 – *Борисов Т. К.* Сюлмы бӧрдэ, сюлмы кырӟа: Кырӟанъёс, выжыкылъёс, статьяос, тодэ ваёнъёс, эссеос, сценарийёс, кылбуръёс = Душа плачет, Душа поёт: Песни, сказки, статьи, воспоминания, эссе, сценарии, стихи / сост. Л. С. Нянькина, М. С. Петрова. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 224 с.

Вай кырӟалом 1993 – Вай кырӟалом, эшъёс!: Кырӟанъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 288 с.

Васильев Ф. И. Кылбуръёс / Люказ, поттыны дасяз, азькыл, валэктонъёс гожтӥз А. Ермолаев. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 848 с.

Васильев Ф. И. Стихотворения. Переводы с удмуртского. – Ижевск, 2003. – 664 с.

Верещагин I–VI 1995–2002 – *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений в 6 т. / Удмурт. ин-т ист., яз и лит. УрО РАН. – Ижевск, 1995–2020.

ВК 1971 – Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданиос / Удмурт АССР-ысь Министръёслэн Советсылэн ист.,

экономикая, лит. но кылъя удмурт НИИ-эз. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 163 б.

Гавриловъ 1880 – Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены *Борисомъ Гавриловымъ* во время командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

Ганькова 2012 – Ӟуння кырӟа, эктэ, вера: Удмурт калык / Люказ но радъяз Л. Л. Ганькова. – Алнаши, 2012. – 132 б.

Ганькова 2015 – Кырӟалэ, кырӟась эшъёсы! Такмакъёс, визьмо верам кылъёс но меӵкытъянъёс / Люказ-радъяз Л. Л. Ганькова. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 416 б.

Герд 1922 – *Герд К.* Крезьчи. – Ижевск, 1922. – 225 + 5 б.

Кельмаков 1981 – *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры = Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы: Уйпал кылвыл но шор вераськетъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 297 с.

Кельмаков 1990 – *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры = Удмуртъёслэн вераськон сямъёссы 2: Шор вераськетъёс / АН СССР, УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., Удмурт. гос. ун-т; науч. ред. И. В. Тараканов. – Ижевск, 1990. – 364 с.

Кельмаков 2015 – *Кельмаков В. К.* Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры I: Научное издание / Удмурт. гос. ун-т. Фак. удмурт. филол. Каф. общ. и финно-угор. языкозн.; Удмурт. ин-т ИЯЛ. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 424 с.

Кельмаков 2017 – *Кельмаков В. К.* Удмурт кылосбурлэн йылсо сэрегъёсыз = Острые углы удмуртской филологии / Удмурт. гос. ун-т. Ин-т удмурт. филол., финно-угровед. и журналистики. Каф. общ. и финно-угор. языкознания. – Ижевск: Удмуртия, 2017. – 555 с.

Кельмаков 2020 – *Кельмаков В. К.* «Песни и сказы твои останутся…» II: «Я гусли беру золотые…»: (из письменной истории некоторых удмуртских выражений и слов). – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2021. – 572 с.

Кельмаков 2022 – *Кельмаков В. К.* Примечания к статье В. М. Ванюшева «Собрание сочинений Г. Е. Верещагина и вопросы текстологии» // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литератур и фольклора: сб. ст. / Мин-во науки и высш. образования РФ. ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». Ин-т удмурт. филол., финно-угровед. и журналистики. – Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2021. – С. 67–79.

Кравцов 1977 – *Кравцов Н. И., Лазутин С. Г.* Русское устное народное творчество: учеб. для фил. спец. ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1983. – 448 с.

Лит. энц. сл. 1987 – Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А, Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 752 с.

Мифы удм. народа 1986 – Мифы, легенды и сказки удмуртского народа: Литературная обработка Н. Кралиной / Послесловие канд. филол. наук Т. Г. Перевозчиковой. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 202 с.

Пропп 2021 – *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. – М.: КоЛибри, Азбука Аттикус, 2021. – 640 с.

Св. Еванг. 1912 – Господа нашего Іисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1912. – 327 с.

Сл. лит. терм. 1974 – Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 512 с.

Укк. 1936 – Удмурт калык кырӟан‘ёс (ньыльчур‘ёс). Сборникез дасяз М. Петров / Удмурт соцкультураез научно-эскерон институт; отв. ред. Д. И. Корепанов. – Ижевск: Удгиз, 1936. – 176 б.

Munkácsi 1887 – *Munkácsi, B.* Votják népköltészeti hagyományok / B. Munkácsi. – Budapest, 1887. – 335 1.

УДК 821.511.132-1:398(045)

Н. С. Коровина
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар

N. S. Korovina
Institute of Linguistics, Literature and History of the FRC Komi Scientific Centre UB RAS, Syktyvkar

О ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЯХ В КОМИ ПОЭЗИИ

ABOUT FOLKLORE TRADITIONS IN KOMI POETRY

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть типологические соответствия между фольклором и литературой в области стиля. Задача – показать истоки возникновения, оригинальность, национальное своеобразие художественно-изобразительных средств, которыми коми поэты пользуются при создании поэтического портрета женщины.

Annotation. The purpose of this article is to consider typological correspondences between folklore and literature in the field of style. To achieve the goal, the following task was chosen: to show the origins of education, originality, national identity of artistic and visual means that Komi poets used when creating a poetic portrait of a woman.

Ключевые слова: литературный фольклоризм, фольклорные традиции, поэзия, коми поэт.

Key words: literary folklorism, folklore traditions, poetry, Komi poet.

Проблема изучения взаимоотношения устной традиции и прочно фиксированных литературных памятников остается одной из актуальных проблем в современном литературоведении и в современной фольклористике. Указанная проблема привлекала внимание исследователей коми фольклора и литературы (работы А. К. Микушева [Микушев 1973], Ю. Г. Рочева [Рочев 1990], В. А. Латышевой [Латышева 1990] и др.). Хотя разработка названной проблемы имеет свою историю, тем не менее, она продолжает интересовать исследователей и не утрачивает перспективности, т. к. имеет множество аспектов исследования.

В коми фольклоре часто используется простая формула *«мича ныв»* (красивая девушка), представляющая собой констатацию красоты, не осложненную никакими другими характеристиками.

Общеизвестно, что *«мича»* (красивая), *«муса»* (милая) – самые употребительные художественные средства коми народной лирики. Ср.:

Мича Марпаэй	Красавица Марфа,
Муса Марпаэй,	Милая Марфа,
Зэв вед тэ мича,	Очень ты красивая,
Зэв вед тэ муса <...>	Очень ты милая <...>

[Микушев, Чисталев 1993, с. 158].

Однако в фольклорных произведениях встречаются стереотипы и более сложные по своей структуре. Такое сложное построение сказочного образа приводит к клишированной стабилизации довольно больших по объему текстовых фрагментов, в которых отражены эстетические вкусы коми народа, его представления о красоте, доброте, нравственных ценностях.

Среди всех формул красоты в коми фольклорных произведениях наибольшей популярностью пользуются три основных с общим значением: **1. «прозрачность» тела; 2. светила как части тела; 3. «формулы-сравнения»**, созданные на основе художественного уподобления природным явлениям.

Значительный интерес представляет формула со значением «прозрачность» тела», свидетельствующая о сохранении ранней

атрибутивной изобразительности у коми. Данная формула у коми появилась, по-видимому, в то историческое время, когда уже сформировались пермские народности, так как она не встречается у удмуртов и лишь спорадически появляется в фольклоре коми-пермяков. Из других финно-угорских народов рассматриваемый стереотип встречаются в севернокарельских и хантыйских сказках. Используется спорадически она и в русских сказках. «Мотив «прозрачных костей», – по мнению Е. Н. Дувакина, – получил широкое распространение в северных районах Евразии во многом благодаря русской колонизации, однако у самих русских вполне может быть проявлением финно-угорского субстрата» [Дувакин 2017, с. 24].

Семантику данной формулы красоты исследователи связывают с существованием в искусстве так называемого «скелетного», «рентгеновского» стиля, когда наряду с внешними деталями воспроизведены и внутренние органы. Первоначально этот прием использовался для символизации души животного, выступавшего в качестве тотемного предка. По мнению В. Косарева, лось (и олень) считался символом чистоты, поэтому «на древних уральско-западно-сибирских петроглифах он издревле изображался в «ажурном» («скелетном») стиле с просвечивающимися ребрами, а иногда и внутренностями. «Прозрачность» означала чистоту и красоту тела, и нередко «прозрачный» лось изображался под знаками солнца и небосвода, чем подчеркивалось его особое место в миропонимании местных народов. Видимо, в этом и заключался смысл почитания лося как наивысшего блага, ниспосланного небом, чтобы дать людям жизнь и пищу. Здесь лось ассоциируется с солнцем, которое, в общем, выполняет ту же самую роль» [Косарев 1991, с. 142].

Большой популярностью пользуются в фольклорных произведениях формулы красоты, в которых солнце, луна, звезды оказываются непосредственной «частью тела».

К примеру, *«шондібанӧй»* (солнцеликий) – один из наиболее употребительных эпитетов в коми фольклоре; в лирических песнях о молодости поют как о *«шондібанӧй олӧмӧй»* (жизни, подобной

ясному солнцу). Именно с этого эпитета начинаются архаичные масленичные песни: *«Шондібанӧй гажа валяйӧй»* (Солнцеликий радостный валяй) и *«Гӧгыль, пӧ гӧгыль»* (Круг ли, мой круг), которые исполнялись во время весеннего календарного обряда, связанного с представлениями о пробуждающемся солнце. В коми рекрутских причитаниях мать называет своего сына *«югыд шондіӧй менам дай зарни пиӧй»* – «светлое солнышко мое дай золотой сынок» [НА КНЦ, л. 106].

Одной из характерных особенностей фольклора является неразрывная связь человека с природой. В коми поэзии она чаще всего представлена в виде уподобления персонажей природным явлениям, в форме слияния образа героя с объектом природы.

Кӧлач ныр вомей,	Как калач лицо,
Сӧчен вом дорей,	Словно сочень губы,
Оз тусь койд вирей,	Как земляника кровь,
Кӧч гӧн койд яей <...>	Как мех зайца тело <...>
	[Микушев, Чисталев 1993, с. 158].

Материалом для исследования фольклорных традиций в коми поэзии (формулы красоты) послужили произведения известного коми поэта XIX в. И. А. Куратова, а также современных коми поэтов XX в. А. Е. Ванеева, И. М. Вавилина, В. Г. Лодыгина, А. В. Некрасова, С. А. Попова.

При анализе места коми фольклорных формул красоты в литературных произведениях нельзя, конечно, забывать, что после перехода в литературу тот или иной фольклорный стереотип теряет своё первоначальное содержание, – он уже становится элементом нового художественного строя. Поэтому для «его нового смысла и функции необходимо реставрировать фольклорное содержание, смысл фольклорного образа в сферах его собственного функционирования» [Жукас 1982, с. 8]. Другими словами, фольклорный материал должен быть рассмотрен в качестве базы для развития национальных литератур.

Показательным при рассмотрении этой проблемы является портрет женщины, созданный И. А. Куратовым в сказке *«Микул»* (1862). Она была написана им в устьсысольский период творчества на сюжет довольно распространенной сказки «Разрушенные мечтания» (СУС 1430): человек мечтает о том, как он разбогатеет, продав зайца, в которого прицеливается, но, увлеченный своими мечтами, пугает его и остается ни с чем. О народных истоках сказки *«Микул»* говорит уже тот факт, что автор специально вынес в заголовок ремарку: *важ мойдкыл* (старинная сказка). Герой произведения И. А. Куратова, так же, как и в народной сказке, увидев дремлющего в ложбине зайца, размечтался вслух о том, как он поймает зайца, продаст его. Вот он видит себя горожанином, запросто беседующим с протопопом и судьей; у него будет жена-красавица: *«Ӧмидз ва кодь вир! Шонді яй-лы пыр нылыслӧн тыдалӧ!»* [Куратов 1989, с. 363] («Кровь, похожая на малиновую воду! Солнце сквозь тело (букв.: мясо-кости) у девушки просвечивает!»).

На данном этапе влияние фольклора на литературное произведение осуществлялось преимущественно по линии однотипных жанров: народная сказка – литературная сказка. На этом фоне появление куратовской формулы красоты, основой которой является атрибутивная формула со значением «прозрачность» тела», в данном произведении вполне объяснимо.

В дальнейшем куратовская формула красоты, заимствованная из фольклора, индивидуализируется. Поэт использует ее и в других своих произведениях, например, при описании женской красоты в лирическом стихотворении *«Том зон»* («Молодой парень»). Довольно оригинально звучит этот отрывок в переводе самого поэта: «У нее малиновая кровь, и солнце просвечивает сквозь тело и косточки ее, как сквозь пальцы ребенка!..» [Куратов 1989, с. 375]. Таким образом, фольклорная формула красоты наполняется в поэзии И. А. Куратова новым содержанием.

Художественно-изобразительным средством, истоки которого кроются в коми фольклоре, пользуются и современные поэты. К примеру, И. М. Вавилин включил формулу «прозрачности»

в качестве символа красоты в поэму *«Тарас дед»* («Дед Тарас») при создании портрета трактористки Оли Белых:

<...> Шондi кодь жӧ том,	<...> Подобная солнцу молодая,
бур ичмонь,	хорошая невестка,
Лыяс пырыс тӧдчӧ вем,	Сквозь кости у нее виден костный мозг,
Сыкӧд бура овсяс нэм	С такой можно век прожить*.

[Вавилин 1959, с. 58].

Одним из самых употребительных как в коми фольклоре, так и в коми литературе является эпитет: *«шондiбанӧй»* (солнцеликая). И. А. Куратов писал: *«югыд шондi»* (светлое солнце), *«йӧн дзоридз»* (шиповный цвет) составляют постоянные и роскошнейшие краски зырянской поэзии, в существовании которой нельзя сомневаться, потому, как говорит латинская пословица, где народ, там и поэзия» [Куратов 1939, с. 44–45]. Очень часто указанный троп сочетается с простыми эпитетами *«мича»* (красивая), *«муса»* (милая, дорогая). Наиболее гармонично представлен образ молодой девушки в стихотворении И. А. Куратова *«Том ныв»* («Девушка», 1865), посвященном А. И. Поповой:

Шондiбанӧй,	Солнцеликая,
Бур таланӧй,	Счастье мое,
Муса, мича ныв!	Милая, красивая девушка!

[Куратов 1989, с. 247].

Активно пользуются этим эпитетом современные поэты. Так, сборник стихов Александра Некрасова, вышедший в 1987 г., называется *«Шондiбан»* («Лик солнца»). В стихотворении *«Зырянка»* Василий Лодыгин пишет: *Ой, зырянка, тэ, зырянка, – шондi бана коми ныв* [Лодыгин 2013, с. 177] («Ой, зырянка, ты, зырянка, – солнцеликая коми девушка»).

* Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – Н. К.

При создании женского портрета И. А. Куратов довольно часто пользуется традиционным художественным приемом, в основе которого лежит уподобление персонажей природным явлениям. Стремясь точнее и убедительнее передать женскую красоту, коми поэт находит порой достаточно экзотичные сравнения. Так, в своих стихотворениях кровь девушки он сравнивает с малиновой водой – *«ӧмидз ва кодь вир»* [Куратов 1989, с. 249], тело девушки с белым цветом перьев куропатки – *«лыяс байдӧгӧс, тэ кодь еджыдӧс* [Куратов 1989, с. 230], волосы девушки с мягкой шерстью бобра – *«юрсисӧ сетӧма нылыслы мой»* [Куратов 1989, с. 249]. В рассмотренных произведениях гармония природы и лирического героя, прежде всего, связана с понятием красоты и нравственности, для И. А. Куратова такая связь была очевидной.

Анализ стихотворений показывает, что современные поэты остаются приверженцами естественной природы, сельского ландшафта. В системе ключевых образов природы большую концептуальную нагрузку в их произведениях при описании женской красоты несут образы лесных ягод: *ӧмидз* (малина), *оз* (земляника), *чӧдлач* (голубика), которые в коми поэзии выступают как символы романтических и в то же время земных чувств:

Быдтор вӧчан зэв пелька,
Биысь пӧсьджык на сыв <...>.
Кыдз нӧ тэнӧ ог лелькуйт,
ӧмидз вом дора ныв?
[Попов 1988, с.27].

Все ты делаешь очень ловко,
Объятья твои жарче огня <...>.
Как же тебя не лелеять,
Девушка с губами цвета малины?

Сылӧн синъясыс – лысваа чӧдлач,
Сылӧн бандзибыс – эрдвывса оз
[Ванеев 1999, с. 247].

Ее глаза – как покрытая росой голубика,
Ее щёки – цвета полевой земляники.

1) А вом дор – быттьö гожöмын кисьмöма оз	1) А губы ее – цвета созревшей летом земляники.

[Некрасов 1983, с.75].

2) Эн дзеб тэ кисьмöм вом дор ömидзтö	2) Не прячь ты губы цвета созревшей малины.

[Некрасов 1987, с.68].

Довольно часто встречаются и развернутые художественные стереотипы. Пример из стихотворения В. Г. Лодыгина *«Педöр Анна»* («Анна Федоровна»):

Мича жö и Педöр Анна,	Красивая же эта Анна Федоровна,
Кöть и ситеч сарапана.	Хоть и в ситцевый сарафан одета.
Олö-вылö кывдыд помас –	Живет-поживает она в нижнем конце села –
Шонді бана, ömидз вома,	Солнцеликая, губы ее цвета ягод малины,
Енэж синма, шабді юра <...>.	Глаза ее цвета неба, волосы льняные <...>.

[Лодыгин 2013, с.164].

Цели, ради которых авторы обращаются к фольклорному наследию, бывают разными, но одной из главных, на наш взгляд, «является подсознательное желание писателей найти опору в апробированном временем и подтвержденном традицией материале» [Богатырева 2017, с. 90].

Рассмотренный материал свидетельствует, что фольклор как вечный источник непрерывно развивающегося искусства неисчерпаем. Устная народная традиция хранится не в одном лишь фольклоре, она веками впитывается литературой, и если этого не учитывать, то многие литературные явления остаются непонятными и необъяснимыми. Иначе говоря, непрерывно возрастают возможности «скрытого» фольклоризма.

В области стиля фольклорные импульсы особенно активны, устойчивы и долговременны. Поэтому есть все основания предполагать, что в процессе дальнейших исследований в поле зрения ученых, наряду с традиционными, будут попадать незамеченные или недостаточно освещенные формулой «прозрачности»).

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что влияние фольклора на коми литературу приобретает различные формы. Это живой, развивающийся процесс, обогащающий литературу, а выявление роли народного словесного творчества в истории коми литературы, разработка проблем фольклоризма в ней является, на наш взгляд, позитивным явлением развития теоретической мысли на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

Богатырева И. С. Фольклорные элементы в современной русской литературе // Педагогика искусства. – 2017. – № 2. – С. 89–95. – URL: http://www.art-education.ru/electronic-journal (дата обращения: 10. 02. 2023).

Вавилин И. Тарас дед (Дед Тарас). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. – 64 с.

Ванеев А. Гыяс (Волны). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 368 с.

Дувакин Е. Н. Прозрачные люди: ареальное распространение некоторых представлений о красоте в Старом Свете // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 4. – С. 24–39.

Жукас С. О соотношении фольклора и литературы // Фольклор. Поэтика и традиция. – М.,1982. – С. 8–20.

Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. – М.: Наука, 1991. – 302 с.

Куратов И. А. Лингвистические работы. – Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1939. – Т. 2. – 136 с.

Куратов И. А. Коми гор (Коми напевы). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 158 с.

Куратов И. А. Коми гор (Голос коми). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. – 439 с.

Латышева В. А. Фольклор в поэзии И. Куратова // Куратовские чтения. – Сыктывкар, 1990. – Т. 6. – С. 109–114.

Микушев А. К. И. А. Куратов и фольклор // Куратовские чтения. – Сыктывкар, 1973. – Т. 1. – С. 43–51.

Микушев А. К. Чисталев П. И. Коми народные песни. – Сыктывкар: Шыпас, 1993. – Т. I. – 287 с.

НА КНЦ (Научный архив Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук») Ф. 1. Оп. 11. Д. 94.

Некрасов А. Гӧрд тугъяса пелысь (Красногроздная рябина). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 95 с.

Некрасов А. Шондібан (Лик солнца). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 128 с.

Попов С. Вой кыа улын (Под северным сиянием). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 191 с.

Рочев Ю. Г. Народный вариант куратовской сказки «Микул» // Куратовские чтения. – Сыктывкар, 1979. – Т. 3. – С. 64–67.

Рочев Ю. Г. Мифологическая лексика в художественных произведениях И. А. Куратова // Куратовские чтения. – Сыктывкар, 1990. – Т. 6. – С. 141–150.

УДК 821.511.151-14.09(045)

Н. И. Любимов
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
Научный руководитель: Р. А. Кудрявцева, д-р филол. наук, проф.

N. I. Lyubimov
Mari state university, Yoshkar-Ola
Scientific adviser: R. A. Kudryavtseva, dr. of philology, sciences, prof.

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА НАДЕЖДЫ ЭМЫКАН: ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

MORAL AND PHILOSOPHICAL LYRICS OF NADEZHDA EMYKAN: FEATURES OF ARTISTIC TIME AND SPACES

Аннотация. Рассматриваются особенности художественного времени и пространства в нравственно-философской лирике современного марийского поэта Надежды Эмыкан, представленной в ее поэтическом сборнике «Я дочь весны» (2016). Автором статьи определены и прокомментированы основные составляющие поэтического времени и пространства, выявлена их художественная функция.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of artistic time and space in the moral and philosophical lyrics of the modern Mari poet Nadezhda Emykan, presented in her poetry collection «I am the Daughter of Spring» (2016). The author of the article defines and comments on the main components of poetic time and space, reveals their artistic function.

Ключевые слова: современная марийская поэзия; Надежда Эмыкан; время и пространство; лирика; лирический герой.

Keywords: modern mari poetry; Nadezhda Emykan; time and space; lyrics; lyrical hero.

Важнейшим компонентом художественной структуры поэтического текста в философской лирике является «времяпространство» (М. М. Бахтин). Через время и пространство объективируются авторские мысли, личностная позиция, художественные смыслы.

Цель статьи – в рамках изучения типологических разновидностей современной марийской поэзии проанализировать и определить особенности художественного времени и пространства в нравственно-философской лирике современного марийского поэта Надежды Эмыкан. Эмпирическим материалом для статьи послужили стихотворения, вошедшие в её авторский сборник «Мый шошын ӱдыржӧ улам» («Я дочь весны», 2016).

Основные составляющие художественного времени и пространства в лирическом тексте – это переплетающиеся друг с другом временные координаты и пространственные формы, предстающие в произведении как мотивы и образы, важные для понимания авторской концепции мира и личности и почти всегда имеющие глубокий философский смысл.

Образы и мотивы, составляющие художественное время, у Надежды Эмыкан чаще всего личностно значимые, они запечатлевают какие-то важные моменты ее биографии и имеют календарно-суточное обрамление. Лирическая героиня вспоминает и рассуждает о событиях своей жизни, произошедших в разное время года или время суток.

Один из таких мотивов в календарном оформлении в ее лирике – рождение человека; яркий, долгожданный и запоминающийся момент для родителей, однако самим родившимся, как правило, осознаваемый в его ценностном значении только по происшествии большого количества времени. Надежда Эмыкан в стихотворении «Я раннею весною родилась», размышляя о рождении человека, переносит читателя в день своего собственного рождения:

Мый шошо кечын тольым
мландыш,
А кечыже кузе куаныш!
Ӱпем гыч ныжылгын ниялтыш,
Шке шокшыж дене капем
авалтыш,
Осал деч аралаш товатлыш

Я в весенний день пришла
на землю,
А как солнышко обрадовалось!
Нежно погладило волосы,
Своим теплом охватило моё
тело,
Поклялось оберегать от зла*.

[Эмыкан 2016, с. 16].

День ее рождения был связан с весной, это был весенний солнечный день. Образная основа этого времени – солнце, источник света («солнышко обрадовалось»), тепла («теплом охватило тело»), нежности («нежно погладило волосы») и добра («поклялось оберегать от зла»). Рождение человека соотносится с периодом пробуждения природы; как и в природе, это начало новой жизни. Автор называет это время волшебным.

Это волшебство повторяется в ее жизни, но уже в виде подарка для нее и для мира: рождается ее «белый сын» – как продолжение света, чистоты, безгреховности и добра, что заключены в образе солнца. Свет придают стихотворению и другие образы, выраженные прилагательными: *ал, той, вӱргене* (розовый, бронзовый, медный).

Но чаще всего Надежда Эмыкан все-таки пишет о летнем времени. В сборнике – 11 стихотворений, связанных с этим временем года. Лето у поэта «весёлое» [Эмыкан 2016, с. 28], «красное» [Эмыкан 2016, с. 36], «прелестное» [Эмыкан 2016, с. 80], «прекрасное» [Эмыкан 2016, с. 82], «алое» [Эмыкан 2016, с. 88]. Меньше всего упоминаний в стихотворениях о зиме – 4 [Эмыкан 2016, с. 52, 88, 108, 116]. Зима представляется большей частью в любовной лирике поэта – как символ холода и равнодушия в любовных

* Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – Н. Л.

взаимоотношениях, сопровождает мотивы разочарования и молчания. Такие временные ориентиры образной структуры стихотворений Надежды Эмыкан вполне гармонировали с нравственно-философской направленностью ее любовной лирики. Ее лирическая героиня – человек, готовый к противоречиям природы, к неожиданным поворотам жизни, верящий в светлое и доброе будущее:

Телымат, ӱшанем мый, йӱр йӱрын кертеш
Ӱчашен ош лум пырче-влак дене
[Эмыкан 2016, с. 116].

И зимой, верю я, может дождь полить,
Споря с белыми снежинками.

По времени суток Надежда Эмыкан отдает предпочтение утру, которое у нее «алое» [Эмыкан 2016, с. 16], «светлое» [Эмыкан 2016, с. 20], «доброе» [Эмыкан 2016, с. 24], «тихое» [Эмыкан 2016, с. 84], «бронзовое» [Эмыкан 2016, с. 90]. Утро предстает не только как начало дня, но и как начало жизни, новые шаги по преодолению себя, реализации своей личности, возвышению души.

Значительное место в лирике Надежды Эмыкан занимает архетипический пространственный образ, который можно было бы обозначить как топос родного (родового) места: родная деревня, родной дом, родители. Соответственно максимально актуализирован в ее произведениях мотив возвращения в родные места. Любое соприкосновение с ними (приезд в деревню, встреча с «атрибутами» родной природы, с родственниками, земляками) – это бесконечно желаемое, радостное и в определенной мере даже торжественное событие, причем, это событие долгожданно не только для поэта, но и для всего того, что формирует живое пространство этого деревенского мира:

Вуй ӱмбалне чевер кече
Мыйым шыргыжын онча.
Ял мучаште ош суртпече
Шукертсек толмем вуча.
[Эмыкан 2016, с. 24].

Яркое солнце над головой
Смотрит на меня, улыбаясь.
В краю деревни белый дом
Давно ожидает моего прихода.

Лирическую героиню, ласково улыбаясь, ожидает солнце, ждет любимый родительский дом, по марийской народно-поэтической традиции названный белым. Надежда Эмыкан ощущает онтологическое родство со всем, что составляет деревенский мир. Автор представляет целый ряд пространственных образов: тропинка, лесная опушка, родник, серебряная вода, цветущий луг, сочные ягоды и плоды, воздух – зрительно воспринимаемый и необычайно свежий. В контексте этих пространственных реалий зарисовываются / упоминаются соседи, родственники. Онтологичность пространства и слияние лирической героини с этим пространством подчеркнуты ощущением остановившегося (никуда не спешащего) времени, некоего покоя и душевного умиротворения, испытываемого ею:

Тыште жап нигуш ок вашке,
Тыште чонлан пеш ласка.

Время здесь никуда не спешит,
Здесь душе очень приятно.

[Эмыкан 2016, с. 24].

Мотив возвращения домой очень часто встречается в стихотворениях Надежды Эмыкан, при этом возможны разные смысловые и пространственно-образные вариации и нюансы. Так, в стихотворении «Дорога домой» на первый план выходит другой пространственный образ – образ ветра, ждущего гостью и неспокойно отбивающего деревенские ворота. Но снова связываются воедино мотив возвращения домой и мотив ожидания; постепенно это единство, наполняясь новыми пространственными образами, разворачивается в картину счастливой встречи человека и родового мира:

А каваже могай канде-канде!
Кечыжат таче утыр чевер!
Поро кече, йӧратыме мланде,
Поро лийже, эн лишыл садер!

А какое небо синее-синее!
И солнце сегодня особенно яркое!
Добрый день, любимая земля,
Приветствую, самый близкий сад!

[Эмыкан 2016, с. 38].

В стихотворении «Не видала таких мест» главенствующим становится мотив долгожданной встречи. Надежда Эмыкан пишет о своей поездке в южную часть Республики Марий Эл, а именно, в деревню Шарибоксад, где она предстает как гостья, знакомящаяся с новыми местами:

Шӧртньӧ нур да шӧртньӧ кече,	Золотое поле и золотое солнце,
Шӧртньӧ кид да шӧртньӧ шӱм,	Золотые руки и золотое сердце,
Шӧртньӧ – ялысе суртпече,	Золотое – сельское подворье,
Шӧртньӧ – Калыкын чап лӱм	Золотое – Народа славное имя.

[Эмыкан 2016, с. 26].

Золотой цвет, который определяет природно-пространственные образы (золотое поле, золотое солнце, золотое подворье / дом) и выражает яркую позитивную коннотацию, автор постепенно переводит в абстрактную плоскость: золотым называется славное имя народа мари, пронесенное через века, запечатленное в подвигах марийских богатырей (Надежда Эмыкан упоминает в стихотворении Онара и Чоткара) и безмерно дорогое лирической героине. В конечном итоге, все золотые образы (и конкретно-пространственные, и абстрактные) начинают работать не только на выражение авторских эмоций, связанных с восприятием мира, но и на выражение неких аксиологических (универсальных и этнозначимых) установок автора (настоящее не существует без прошлого, вне традиций; золото – это не драгоценный металл, а славное имя народа и добрая слава человека; единство человека и природы; человек силен своей связью с природой, родиной и традицией народа и т. д.).

Очень важна открытость человека к общению с природой, миром, людьми, позитивная направленность к ним, готовность к добру. В одном из своих стихотворений Надежда Эмыкан пишет о том, что она готова соревноваться в добре и жизненной силе с самой природой, что, будучи с ней единой и равной, способна воздействовать на природу и на человеческий мир. В связи с этим возникает, во-первых, уже знакомый нам по другим стихотворениям образ

солнца, представляющий природное пространство художественного текста (на этот раз антропоморфный образ солнца, задремавшего, как человек, на своем привычном жизненном пути), во-вторых, образ радуги (символ многоцветья, многообразия и красоты мира, а также выражение стремления человека к активности, к познанию мира). Лирическая героиня готова разбудить и оживить природу, изменить условия человеческого существования, если это необходимо, решиться на добрый / сильный поступок:

ЫлыжтемнералшекечымШонанпылымсӱретлем.Ваштареш пошкудын печымТой капка ден алмаштем	Разбужу уснувшее солнце,Радугу нарисую,Заменю забор соседаНа бронзовые ворота.

[Эмыкан 2016, с. 28].

На рассуждения о возможностях человека, его месте в жизни через пространственные образы Надежда Эмыкан выходит и в других своих стихотворениях. Так, в стихотворениях, помещенных в сборнике «Дочь весны» в разделе «Бывает так, когда смеюсь, я плачу...», художественное пространство ее лирики дополняется образами неба и звезд:

Тек илыш шолеш мландӱмбалне,А мый кава южым шӱлем,Келша мылам шӱдыр коклаште,Ош суксо пелен илынем.	Пусть жизнь кипит на земле,А я дышу воздухом в небе,Мне нравится среди звёзд,С белым ангелом жить хочу.

[Эмыкан 2016, с. 38].

Небо и звезды – это признаки романтико-философского мироощущения поэта. Небо – это место обитания белого ангела, то есть высокой нравственности и постоянной работы (рефлексии) души. Звезды символизируют жизнь духа и разума.

Итак, в лирике Надежды Эмыкан многочисленные пространственно-временные образы и связанные с ними мотивы являются средством нравственно-философской рефлексии автора. Большей частью они представляют часть природного мира и родного топоса; абстрактные образы, как правило, отражают романтико-философские аспекты концептуального мира поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Эмыкан Н. Мый шошын удыржӧ улам: почеламут-влак. – Йошкар-Ола: Стринг, 2016. – 122 с.

УДК 821.511.131.09(045)

О. М. Максимова
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

O. M. Maksimova
Udmurt State University, Izhevsk

СОВРЕМЕННЫЕ УДМУРТСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ О ВОЙНЕ

MODERN UDMURT PUBLICISTS ABOUT THE WAR

Аннотация. Рассматриваются особенности современной удмуртской публицистической прозы, посвященной новым локальным войнам; большое внимание уделяется проблеме авторского присутствия в тексте изучаемых писателей – Г. Грязева (1964) и Эрика Батуева (1969–2002).

Abstract. The features of modern Udmurt journalistic prose dedicated to new local wars are considered; much attention is paid to the problem of the author's presence in the text of the studied writers – G. Gryazev and Eric Batuev.

Ключевые слова: современная удмуртская проза, публицистический текст, военная тематика, автор, адресат.

Keywords: modern Udmurt prose, journalistic text, military theme, author, addressee.

В удмуртской литературе последних десятилетий имеются произведения, играющие особую роль в развитии прозы, посвященной военной теме. Важно заметить, что есть писатели, которые обращаются к такой актуальной проблеме современности, как локальные войны. Здесь, прежде всего, нужно назвать имена журналистов и писателей Г. Г. Грязева и Эрика Батуева. Обоих

авторов-публицистов, особенно последнего, можно считать специалистами в области «горячих точек». В их документальных, художественно-документальных, очерковых произведениях находят отражение драматические события 1979–1989-х гг., связанные с Афганистаном, а также чеченская война. Для воссоздания реалий тех лет эти авторы умело используют документальный материал, помогающий расширить границы и возможности национальной документальной публицистики, обогатить историзм удмуртской литературы в целом.

Следует отметить, что сам Г. Грязев не принимал участия в боевых действиях, а образы подлинных героев воссоздавал по воспоминаниям их родных, друзей и сослуживцев, архивным документам и т. д. В предисловии к грязевскому сборнику «Кирень куректон» («Горе горькое», 1996) известный в республике прозаик-пулицист Петр Куликов пишет: «именно работа тележурналиста способствовала появлению у Г. Грязева документальных произведений, помогла ему увидеть как красоту окружающего мира, так и черные оттенки жизни» [Куликов 1996, с. 6].

Особенностью произведений Г. Грязева является то, что автор-повествователь открыто и откровенно выражает личную боль и свои переживания за судьбы людей и страны, зачастую вступает в прямой диалог с читателем. Литературоведы верно фиксируют: «В современной публицистике образ автора соотносится не только с особенностями индивидуального стиля творца высказывания, но и с его личностным мировосприятием текущих событий. Если раньше в публицистических произведениях автор выступал в качестве “беспристрастного повествователя”, то сегодня он становится не только идейным рупором своих героев, но и выразителем собственных мнений, оценок, суждений и позиций» [Иовва 2017, с. 121].

Тон размышлений автора над событиями той эпохи в грязевских текстах драматически напряжен: «Малы кулэ вал со войнаез пуромытыны?...» [Грязев 1996, с. 5]; («Кому было выгодно

развязывать эту войну?»[*]); «Кинлы кулэ со? Ма понна? Мар отын асьмелэнэз?» [Грязев 1996, с. 73]. («Кому это нужно? Какой в этом смысл?»). Г. Грязев практикует разные формы присутствия автора в тексте (например, действующее лицо, комментатор событий, нейтральный повествователь и др.). Чаще публицист склонен к выражению собственных эмоций, выстраиванию собственных версий ответов на злободневные вопросы современности: «Паймисько одйгезлы: малы тачё югдуръёсты уг чаклало бадзым политикъёс? Малы соослэн вамышъёссы понна улонзэс сётоно луо огшоры адямиос?» [Грязев 1996, с. 25]. («Удивляюсь: почему столь серьезные ошибки, допускаемые на войне, не контролируются высокопоставленными чиновниками? Почему за неразумные поступки одних жизни отдают простые люди?»). Или другой пример: «Кинлы со шумпотон ваиз? Кинлы ке ваиз, дыр, нош огшоры улйсь калык, кызьы вал, озьы ик куасалскыса кылиз. Кунгожез пытсан интые, ужась калыклэсь ымзэ пытсазы» [Грязев 1996, с.73]. («Кому это приносит удовольствие? Возможно, кому-то и приносит, но простому человеку приходится прогибаться везде и всюду. Вместо того, чтобы закрыть границы, закрыли рты у рабочего люда»).

Высокая мера правдивости в изображении современных локальных войн характерна и для другой книги Г. Грязева – «Вамыш» («Шаг», 2014). Говоря об особенностях этой книги, Т. Зайцева и О. Максимова пишут: «… стремление автора сопоставить современную войну с прошедшей прослеживается в том, что под одной обложкой оказались очерки, посвященные разным войнам. Общность военной тематики, с одной стороны, связывает все произведения книги в единый текст; с другой – композиционно противопоставляет значимость прошлой и современной войн в истории народа» [Зайцева 2021, с. 121]. Действительно в книгу «Вамыш» включено 3 очерка об участниках Великой Отечественной войны.

[*] Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – О. М.

Наиболее интересным из этого сборника по содержанию и структуре является очерк «Дима». Произведение построено на основе воспоминаний матери и друзей Дмитрия Вахрушева, уроженца деревни Гондырвай Шарканского района. Во время службы парня в Москве начинается вторая Чеченская кампания, куда и направляют его подразделение. 7 сентября 1999 года Дима героически погибает. И снова в тексте в монологе героя открыто проявляют особенности авторского самосознания, отражающего личностное мировосприятие текущих событий Г. Грязевым: «Малы сомында егит, таза мугоро пиос Чечен музъем вылын быро? Малы меда вылӥ кивалтйсьёс асьме егитъёсты вож долларлы но сьӧд зарниен вошто?» [Грязев 2014, с. 175]. («Почему молодые, здоровые парни погибают в Чеченской войне? Кто из высшестоящих меняет жизни наших ребят на зеленые доллары и черное золото?»).

До сих пор масштаб и ужасы афганской и чеченской войн до конца не осмыслены. Пожалуй, к одним из ведущих художественно-публицистических «осведомителей» чеченской войны в современной удмуртской прозе является Эрик Батуев (настоящее имя – Валерий Николаевич Батуев) – поэт, писатель, журналист, прямой свидетель и участник тех событий. В годы учебы на факультете журналистики в Московском Государственном Университете имени М. В. Ломоносова он параллельно работал в издании «Аргументы и факты», где освещал международные проблемы. Трудился в издании «Московского комсомольца», часто публиковался в газете «Новое время»; освещал события, происходящие в Палестине, Израиле, Чечне, Афганистане, Ингушетии, Косово, Северной Осетии и т. д. Основными темами батуевской публицистики были межнациональные и внутри национальные конфликты. Примечательны отзывы об этом журналисте его коллег: «Он просто чувствовал несправедливость, чужую боль и умел слушать. И те же чеченцы позже писали, что Батуев – самый честный журналист в России [Лазарева 2009, с. 337].

Реальные человеческие истории и сюжеты составляют основу батуевских миниатюр, очерков, рассказов, повестей. Высокую

оценку в читательской среде получил рассказ «Лейла», напечатанный в 2002 г. в журнале «Кольцо А». В небольшом по объему произведении сделана попытка изображения существенных сторон повседневной жизни чеченского народа. Как и в очерках Г. Грязева, ведущей становится мысль о бесчеловечности войны: «Эти два грачевских часа уже растянулись на два года» [Батуев 2005, с. 203]. Заметим, что Российский министр обороны тех лет Павел Сергеевич Грачев хотел навести конституционный порядок в Чечне за очень короткое время, однако расчеты генерала не оправдались.

Поднимая в своей публицистике жизненно важные для страны вопросы, Эрик Батуев называет в своих произведениях конкретные имена высокопоставленных руководителей, фактические географические названия описываемых событий и др. Это дает право считаться рассказу документальным произведением, отражающим историю страны в «девяностые».

Батуев считал себя свободным, независимым («эрико») журналистом, писал так, как видел и понимал войну. Сам не носил военной формы, чтобы Международное гуманитарное право могло защищать его как журналиста; согласно этим правилам он также не имел право носить оружие, вступать в боевые действия, передвигаться в военном транспорте. Безусловно, все это увеличивало риск быть убитым; но Эрик Батуев впервую очередь думал о долге журналиста. Его близкий друг, удмуртский актер Евгений Андреев, после смерти журналиста делился с критиком и литературоведом А. Г. Шкляевым: «Валерийлы федерал частьёс дорысь потоно чечен боевикъёс доры. Отысь солы басьтоно информация, тодоно, мар понна, соос ожмасько, кыче куронъёс пукто но мар. Соосызлэн но таосызлэн окопъёссы куспын – ог жыны километр. Валерийлы шуо, потод ке пот, но ми тыныд нокыче гарантия ум сётйське, асьмелэнъёсыз тонэ мышласянь уз ыбе шуыса: соос ведь малпалозы, асьме солдат озьы тушмонъёс пала пегзе шуыса. Гарантия ӧвӧл, тонэ чечен боевикъёс уз ыбе шуыса: малпалозы, та кыче ке шпион яке провокатор шуыса. Озьы ке но, Валера выжоно кариське со 500 метръем межаез. Но выжон куспетйз солэн

йырсиосыз пурысьтало…» [Шкляев 2014, с. 93]. («Валерию, чтобы узнать требования чеченских боевиков, нужно было перейти из федеральных частей к ним. Между окопами федералов и чеченцев – примерно полкилометра. Валерию сказали, что он может переходить, однако при этом предупредили, что нет никакой гарантии, поскольку свои же могут выстрелить в спину, так как могут подумать – их соотечественник перебегает к врагу. Нет гарантии и в том, что в тебя не выстрелят чеченские боевики: подумают, что это какой-то шпион или провокатор, подставляющий их. Несмотря на это, Валера преодолевает межу в 500 метров, однако за время, что потратилось на дорогу, он поседел…»).

Большой интерес у читателей вызвала и другая книга Эрика Батуева – «Ребристые берега души = Сюлэмлэн сэрего яръёсыз» (2009), в которую вошли его стихи, рассказы, новеллы, публицистические тексты, а также воспоминания и рассказы о нем (Эрике Батуеве). Если Г. Грязев знакомит читателя с образами героев-земляков, то публицистика Батуева воссоздает образы людей разных национальностей (русских солдат, чеченских боевиков). Эрику Батуеву удается описать жестокость войны, сказать о том, что ее бесчеловечность проявляется в духовном падении людей. На чеченской войне используются разные способы пыток человека, один из безжалостных видов насилия – «увядающий мак». «Пленного, накачав наркотиками, подвешивают за руки и делают под ребрами надрезы, точно так же, как наркоман надрезает головку мака. Когда же у подвешенного пройдет наркотическое опьянение, его ожидает долгая и мучительная смерть. Многих лишают возможности продолжить свой род – кастрируют» [Батуев 2009, с. 86–87]. Однако и боевики проявляли порой гуманность по отношению к солдатам срочной службы, ибо они «только выполняют приказ командира, а контрактники и омоновцы воюют из-за денег» [Батуев 2009, с. 87].

В «Незаконченной главе» достаточно четко проявляется авторская оценка происходящего, призванная напомнить читателю о вечных законах жизни: «Не вини весь народ. Войны затевают

политики, а всегда страдает народ» [Батуев 2009, с. 91]. Таким образом, и Эрик Батуев, и Георгий Грязев осуждают войну как явление противоестественное, отбирающее красоту окружающего мира. Батуев одним из первых в современной удмуртской литературе сделал попытку воссоздать противоречия войны, ее непростой, двойственный характер.

Для произведений периода Великой Отечественной войны было характерно соблюдение цензуры, например, скрывались или менялись имена героев, опускались координаты движения войск, а в современной удмуртской прозе, обращенной к проблеме локальных войн, большую роль играет документализм, то есть в текст активно включаются письма, боевые приказы, точные географические названия и т. д. Все это способствует раскрытию основных черт характеров героев. Авторы также охотно включают в свои тексты фотографии, в точности передающие внешние детали и приметы героев. Изображая образ исторически конкретного человека, рассмотренные в статье писатели не просто передают информацию о войне, но стремятся активизировать читателя, обращаясь к приему анализа описываемых событий на уровне диалога между автором и адресатом. В конечном счете именно это и повышает роль автора в произведениях Г. Грязева и Эрика Батуева.

ЛИТЕРАТУРА

Батуев Эрик. Ночная радуга = Уйшор вуюись: поэзия, проза, публицистика / ред.-сост. С. В. Матвеев. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 367 с.

Батуев Эрик. Ребристые берега души = Сюлэмлэн сэрего яръёсыз: художественные произведения, публицистика, о Валерие Батуеве / ред.-сост. С. В. Матвеев. – Ижевск: Удмуртия, 2009. – 406 с.

Грязев Г. Г. Вамыш: очеркъёс. – Ижевск: Удмуртия, 2014. – 192 с.

Грязев Г. Г. Кирень куректон: очеркъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 280 с.

Зайцева Т. И., Максимова О. М. Жанр очерка в удмуртской литературе второй половины XX в.: монография. – Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2021. – 232 с.

Иовва Н. Н. Авторские ресурсы публицистического высказывания // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – 2017. – № 3. – С. 212–125.

Куликов П. В. Азькыл // Грязев Г. Г. Кирень куректон: очеркъёс, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – С. 5–6.

Лазарева Н. Даже враги называли его единственным честным журналистом в России // Батуев, Эрик. Ребристые берега души = Сюлэмлэн сэрего яръёсыз: художественные произведения, публицистика, о Валерие Батуеве / ред.-сост. С. В. Матвеев. – Ижевск: Удмуртия, 2009. – С. 336–338.

Шкляев А. Г. Эрик Батуев – эрико кылбурчи но журналист // Арысь аре. Удмурт литература даурлэн кожъесаз: статьяос, обзоръёс, диалогъёс, очеркъёс, портретъёс, рецензиос, тодэ ваенъёс. – Ижевск: Удмуртия, 2014. – С. 92–95.

УДК 821.511.13-1(092).09(045)

Е. М. Матвеева
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

E. M. Matveeva
Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm

ПОЭМА С. И. КАРАВАЕВА «АННА ХОМЯКОВА»: ОТ ЗАМЫСЛА К ВОПЛОЩЕНИЮ

«ANNA KHOMYAKOVA» POEM BY S. I. KARAVAEV: FROM CONCEPTION TO IMPLEMENTATION

Аннотация. Статья посвящена изучению поэмы коми-пермяцкого писателя С. И. Караваева «Анна Хомякова» (1967). Рассматривается творческая история произведения, внимание фокусируется на сличении двух вариантов текста, хранящихся в ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив» в г. Кудымкаре. Устанавливается, что в обоих вариантах поэмы героями являются представители государственных органов, в основе текста – исторические события, связанные с революцией и Гражданской войной. Отличия двух вариантов касаются жанра. В черновом наброске автор обратился к эпическому жанру, а в окончательном варианте – к поэме. Замысел в своем первоначальном варианте претерпел существенные изменения, сверенные с героем и с жанром.

Abstract. The article is devoted to the study of the poem «Anna Khomyakova» (1967) by the Komi-Permyak writer S. I. Karavaev. The creative history of this work of art is considered. Research attention is focused on the comparison of two versions of the text stored in the State Budgetary Institution «Komi-Permyatsky District State Archive» in the city of Kudymkar. It is established that in both versions the heroes are

representatives of state bodies, in both works the historical events associated with the revolution and the Civil War are based. It is noted that the differences between the two options relate primarily to the genre. In a rough draft, the author turned to the epic genre, and in the final version, to a poem. It is emphasized that the idea in its original version has undergone significant changes regarding both the hero and the genre.

Ключевые слова: коми-пермяцкая литература, С. И. Караваев, поэма «Анна Хомякова», творческая история, архивные материалы.

Keywords: Komi-Permyak literature, S. I. Karavaev, poem, «Anna Khomyakova», creative history, archival materials.

«Анна Хомякова» – одна из самых известных поэм не только в творчестве С. И. Караваева (1908–1974), но и в коми-пермяцкой литературе в целом. Впервые на коми-пермяцком языке поэма была опубликована в газете «По ленинскому пути» в 1967 г. в разных номерах. Через год она была переведена на русский язык (переводчик – А. Крашенинников) и издана отдельной книгой в Пермском книжном издательстве под таким же названием «Анна Хомякова» (1968). Поэма получила большую популярность, печаталась на страницах как региональных («Иньва»), так и центральных («Урал») журналов.

1967 г. – год публикации «Анны Хомяковой» и пятидесятая годовщина Советской власти. Даты совпали не случайно. С. И. Караваев долгое время искал идею, чтобы показать «становление нового коми-пермяка», «схватку нового со старым» [Караваев 1960–1970, л. 10]. Как видно, социалистические идеи совпадали с художественными идеями автора, поэтому С. И. Караваев не мог не откликнуться на юбилейную дату. О том, что поэт собирается написать произведение, связанное с Советской властью, свидетельствуют записи в его сохранившихся черновиках. Эти материалы хранятся в ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный

архив» (Фонд № Р-13. Опись № 1. Дело № 9) в г. Кудымкаре. Они впервые вводятся в научный оборот.

Следует отметить, что образ Анны Хомяковой возник не сразу. В черновых набросках сохранился план будущего произведения. Этот план имеет заголовок «К прозе». С. И. Караваев действительно выбирал и литературный род, и жанр, посредством которых смог бы наилучшим образом показать исторические события. Одна из первых идей, как видим, была связана с написанием прозаического произведения. В набросках предложен следующий план будущего художественного текста:

1) Чекист (или милиционер) – вымышленный молодой герой.

2) Он действует в первые годы советской власти в округе, начиная с 1918 г. Он явится как бы связующим элементом между ~~отдельными событиями,~~ отдельными действительно происходившими событиями, героями и бандитами.

3) Представится возможным показать:

а) Хомякова Дм. Ег. (Педóсь зон) – кочёвск.;

б) Курая;

в) Василиско Пашко;

г) Колчака (местный)?;

д) неразборч. Анна;

е) Караваева Антона Ф. (Шавырин, Бархатова, Андреюшко);

ж) Распутина Гришу (местный) и др.

4) Подросток с хорошей зрительной памятью. Поможет опознать на базаре бандитку. *(А, может, он и станет Чекистом?). – «Хорошо!»*

5) Идея – становление нового коми-пермяка. Схватка нового со старым.

6) Национальное, самобытное. Традиции. Отсталость. Стремления [Караваев 1960–1970, л. 10].

В наброске отчетливо прослеживаются выбор героя, идеи, некоторые сюжеты. Они совпадают с ранее высказанными мыслями автора.

В пунктах «плана» можно увидеть неоднократное обращение поэта к проблеме выбора героя. Так, главным героем, по мнению С. И. Караваева, может стать чекист (или милиционер). И тот и другой связаны с государственными органами безопасности. Разница в том, что чекист боролся с контрреволюционными настроениями в стране, а милиционер поддерживал общественный порядок. В четвертом пункте плана писатель уточняет, что главным героем будет не просто молодой человек, а «подросток с хорошей зрительной памятью». Эта, на первый взгляд, совершенно ненужная характеристика оказывается определяющей в выборе будущего героя. По мнению С. И. Караваева, именно хорошая память поможет ему «узнать бандитку» и свяжет его жизнь с государственными органами. В этом же пункте имеется автокомментарий, писатель ставит вопрос: «А, может, он и станет чекистом?». И впоследствии дает на него утвердительный ответ, вписав в план слово: «Хорошо!».

Следует отметить, что кроме профессии героя обозначены и другие детали, связанные с ним. Важным представляется то, что писатель не просто называет главного героя, а еще обозначает природу его появления: героем станет *вымышленный молодой* человек. Писатель на первый план вынес две основные характеристики героя: он – вымышленный (нет прототипов, это не историческое лицо), и он – молод. Молодость – одна из черт советских героев, которые строили «новое», «молодое» государство.

В черновом наброске «обнаруживают» себя и эпизодические герои. Их достаточно много; внимание акцентируется на пометах, оставленных автором. В них значится «кочёвский» или «местный». Данные пометы позволяют говорить о том, что у эпизодических героев были прототипы. Среди них мы можем найти разные имена, указывающие на национальные особенности. Сейчас установить их личность достаточно сложно. С. И. Караваев, будучи избачом, имел возможность побывать на многих территориях Коми-Пермяцкого округа, услышать разные истории от местных жителей, поэтому неудивительно, что некоторые из героев вобрали в себя характеристики «местных» жителей.

Кроме героев, писатель указал на хронотоп. Время действия – «первые годы советской власти», «начиная с 1918 г.». Действия разворачиваются в «округе», то есть на территории Коми-Пермяцкого округа. Можем предположить, что это будет Кочёвский район, поскольку автор и в пометах указывал так называемых «местных» («кочевских»). Выбор такого хронотопа не случаен; с одной стороны, связывается с идеей произведения, которая четко обозначена в одном из пунктов плана, как «становление нового коми-пермяка», «схватка нового со старым». С другой – с предназначением произведения, которое посвящается пятидесятой годовщине Советской власти. С. И. Караваев акцентирует внимание на том, что он показывает в своем произведении не просто становление нового героя, а героя коми-пермяка. Поэтому выбор места действия в планируемом произведении оказывается вполне очевидным. Писатель указывает точную дату, когда будут происходить основные события в художественном тексте – это 1918 г. В авторской идее этот год отражается как «схватка нового со старым», что непосредственно отсылает к Гражданской войне, во время которой в том числе боролись и с пережитками старого мира.

Таким образом, «план» отчетливо позволяет увидеть, во-первых, главного героя произведения – чекиста, являющегося представителем «новой» власти, устанавливающего «новую» социалистическую жизнь; во-вторых – исторические события, разворачивающиеся после 1918 г.; в-третьих – национальные традиции и самобытную обстановку в Коми-Пермяцком округе в начале XX века. Все это свидетельствует о том, что перед нами «план» исторического произведения (романа или повести). О том, что С. И. Караваев задумал именно историческое произведение, говорят, в том числе, и правки, сделанные писателем во втором пункте наброска. В первом варианте С. И. Караваев написал следующее: «Он (герой – Е. М.) явится как бы связующим элементом между ~~отдельными событиями,~~ героями и бандитами». Затем он вычеркнул словосочетание «отдельными событиями» и написал так: «Он (герой – Е. М.) явится как бы связующим элементом между отдельными действительно происходившими событиями, героями и бандитами».

Новой, по сравнению с первым вариантом, является вставка «действительно происходившими». Она указывает на смену ориентиров автора, его установку на изображение реальных событий. Хотя герой остается вымышленным.

Возможно, этот «план» был бы реализован. Однако все изменилось после того, как автор прочитал статью в газете «Звезда». В ней музейный сотрудник из Чердыни описывал героическую историю об Анне Хомяковой, которая пожертвовала своей жизнью ради счастливого будущего деревенских жителей. Как признается С. И. Караваев, после прочитанного он не мог не думать «о героине Пармы». Поэтому все свои силы направил на то, чтобы хорошо изучить историю жизни Анны Хомяковой. Для этого, как утверждал автор в своих интервью, он не раз посещал место рождения Анны Хомяковой – деревню Борино (тогда Чёрный Мокин) Кочёвского района. Во время своих визитов он общался с местными жителями, соседями Анны Хомяковой, ее родственниками. Кроме этого, С. И. Караваев тщательно изучил документы, описывающие происходившие события на севере Коми-Пермяцкого округа во время Гражданской войны. В ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив» сохранились некоторые материалы, собранные автором статьи во время поездок. Вот одна из них: «Кочёвскӧй районын эм деревня Борино, кӧда важся годдэзӧ шусис Сьӧд Мокинӧн. Керкуэз унажыксӧ вӧлісӧ сьӧдӧсь, трубатӧмӧсь, и, горрез лонтісикӧ, тшыныс петіс ӧтӧрас учӧтик ӧшыннэзӧт, петӧ ыбӧсӧт. Стенаэз тырлісӧ саӧн.

Эта Сьӧд Мокин деревняын оліс кӧркӧ крестьянин Хомяков Ефим Егорович. Оліс сія беднӧя, семья вӧлі ыджыт – квать зон да куим ныв. Уна вын ковсис пуктыны Ефим Хомяковлӧ, медбы учӧтжык нывсӧ, кӧда шусис Аннаӧн, велӧтны Чердынскӧй женскӧй гимназияын. Анна лӧсьӧтчис уджавны сельскӧй учительницаӧн.

Но лэбтісис Октябрьскӧй революция, и Анна Хомякова перво уджаліс машинисткаӧн чрезвычайнӧй комитетын, сыбӧрын агитаторӧн крестьяна коласын.

<…> Агитатор Анна Хомяковаöс, кыдз коми-пермячкаöс, иньдісö уджавны мöдöдз участокö – Юрлинскöй, Гайнскöй, Кочёвскöй да Косинскöй волосттезö.

Сразу жö, кыдз только локтіс аслас участокö, Анна Ефимовна кутчис энергичнöя уджавны крестьяна коласын. Перво организуйтіс партийнöй ячейкаэз, а сэсся и деревенскöй бедностьлісь комитеттэз (комбеддэз). Партийнöй ячейкаэз решительнöя лэбтісисö пессьыны деревенскöй буржуазияköт – кулаккезköт» [Караваев 1967, л. 53 – л. 53 (об.)]. («В Кочёвском районе есть деревня Борино, которая в прошлом называлась Черный Мокин. Дома в большей степени были черные, без труб, и во время топки печи дым выходил на улицу из маленьких окон, выходил через дверь. Стены были в саже.

В этой деревне Черное Мокино жил когда-то крестьянин Хомяков Ефим Егорович. Жил он бедно, семья была большая – шесть сыновей да три дочери. Много сил потребовалось Ефиму Хомякову, чтобы младшую дочь, которую звали Анной, выучить в Чердынской женской гимназии. Анна готовилась работать сельской учительницей.

Но началась Октябрьская революция, и Анна Хомякова сначала работала машинисткой в чрезвычайном комитете, потом – агитатором среди крестьян.

<…> Агитатора Анну Хомякову как коми-пермячку отправили работать на второй участок – в Юрлинскую, Гайнскую, Кочёвскую да Косинскую волости.

Сразу же, как только пришла на свой участок, Анна Ефимовна стала энергично работать среди крестьян. Сначала организовала партийные ячейки, а потом и комитеты деревенской бедноты (комбеды). Партийные ячейки решительно стали бороться с деревенской буржуазией – кулаками»[*]). В этом документе дано описание коми-пермяцкой деревни из глубинки, охарактеризована большая семья

[*] Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – Е. М.

Анны Хомяковой, приведены данные о ее учебе в школе и в Чердынской гимназии, материалы о борьбе с местными кулаками. Эти сведения, так или иначе, вошли в поэму «Анна Хомякова». В черновых записях, относящихся к данной поэме, имеется помета, подтверждающая установку автора на факт: «Поэмаас ~~выдуманнӧйные~~ вымышленнӧйыс абу нем. Событиеэз и морттэз босьтӧмась оланісь» [Караваев 1967, л. 53 (об.)]. («В поэме ~~выдуманного~~ вымышленного ничего нет. События и люди взяты из жизни»). В раздумьях автора можно найти и причину выбора жанра поэмы: «Сувтіс вопрос: мый гижны – очерк али повесть? Нето пьеса? Позис гижны и ӧтсӧ, и мӧдсӧ, и куимӧтсӧ. Но Хомяковалӧн подвигыс, ме сьӧрті, ӧддьӧнжыксӧ корсис поэмаӧ. Ме и решіті гижны поэма» [Цит. по: Караваев 2011, с. 73]. («Встал вопрос: что написать – очерк или повесть? Или пьесу? Можно было написать и первое, и второе, и третье. Но подвиг Хомяковой, по моему мнению, больше всего подходил для поэмы»). Писательское чутье подсказало ему обратиться к лирическому жанру, который позволил бы не только описать жизнь и агитаторскую деятельность Анны Хомяковой, но и показать чувства и эмоции, возникающие при передаче трагических событий. Кроме этого, С. И. Караваев по своей творческой натуре был поэтом. Им не написаны эпические произведения большого объема. В данном случае совпали и материал, и авторские предпочтения, касающиеся литературного рода. Не нужно забывать и о том, что именно жанр поэмы был наиболее востребован в Советское время.

В ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив» сохранился автограф поэмы «Анна Хомякова». Он написан карандашом в отдельной общей тетради. Автограф представляет собой 53 тетрадных листа. На лицевой стороне первого листа рукой автора написано: «Поэма “Анна Хомякова” на коми-пермяцком языке». Автограф является черновой рукописью, содержащей многочисленную авторскую правку. Имеется датировка: на первом листе указано время написания поэмы – «1967 г.». Локализация

документа отсутствует. Планов и черновых набросков нами пока не найдено, хотя автор в своих воспоминаниях о данной поэме не раз утверждал, что они были (и, как видно, немало): «Сувтіс мӧдік вопрос – мый висьтавны эта произведеннёын? Мӧднёж – кытшӧм идея пуктыны поэмаас? Кери не ӧтік план, понді уджавны. Но поэмасӧ гижикӧ менам планнэз быдӧс вежсисӧ. Менам юрам вӧлісӧ Анналӧн делоэз, ме нійӧ сьылӧті сьӧлӧмсянь, и шогмис поэмалӧн аскодь сюжет. И петіс, Аннулісь подвигсӧ сьылӧтӧмӧн, ме мымдакӧ висьталі, кыдз жӧ миян крайӧ локтіс да крепамис Советскӧй власть» [Караваев 2011, с. 73]. («Встал другой вопрос – что сказать в этом произведении? По-другому – какую идею положить в основу поэмы? Сделал не один план, стал работать. Но во время написания работы все мои планы изменились. В моей голове были дела Анны, я их воспел от сердца, и получился у поэмы своеобразный сюжет. И получилось, воспевая подвиг Анны, я немного рассказал, как же в наш край пришла и укрепилась Советская власть»). Эта цитата, как выше приведенные цитаты, интересна тем, что частично воссоздает творческий процесс работы над поэмой. В этом варианте героем становится молодая девушка Анна Хомякова (работала машинисткой в чрезвычайном комитете, в начале 1918 г. отправляют агитатором в северные районы Коми-Пермяцкого округа, участвует в организации партийных ячеек).

Итак, идея автора, фигурирующая в первом наброске, – «становление нового коми-пермяка», «схватка нового со старым», – сохраняется. В черновом наброске главным героем должен был быть чекист Всероссийской чрезвычайной комиссии, в окончательном варианте им оказалась машинистка Всероссийской чрезвычайной комиссии. И в том, и в другом произведении героями становятся представители государственных органов. Как в варианте «К прозе», так и в «Анне Хомяковой» автор стремился показать становление героя, его путь к новой социалистической жизни. В основе обоих произведений – исторические события, связанные с революцией и Гражданской войной. Отличия двух вариантов касаются, прежде всего, жанра. В черновом наброске «К прозе»

автор собирался обратиться к эпическому жанру. «Анна Хомякова» – поэма, воспевшая героический подвиг коми-пермячки. Интересен и выбор героя. В прозаическом тексте выбор пал на вымышленного молодого человека, а в лирическом произведении – на реальное лицо, история которого стала основой для написания поэмы.

ЛИТЕРАТУРА

Караваев С. И. Планы, черновые наброски. 1960–1970 гг. // ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив». – Фонд № Р-13. – Опись № 1. – Дело № 9. – 68 л.

Караваев С. И. Поэма «Анна Хомякова» // Коми-пермяцкая литература. 7 класс / сост. Т. А. Васькина, Л. А. Косова, М. В. Четина. – Кудымкар: КГАОУ ДПО «Коми-Пермяцкий институт усовершенствования учителей», 2011. – С. 71–106.

Караваев С. И. Поэма «Анна Хомякова» на коми-пермяцком языке. 1967 г. // ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив». – Фонд № Р–13. – Опись № 1. – Дело № 3. – 53 л.

УДК 821.511.152”19/20”.09(045)

О. И. Налдеева, Э. Е. Николаева
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

O. I. Naldeeva, E. E. Nikolaeva
Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Saransk

ЖЕНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ И МОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУР

WOMEN'S NATIONAL CHARACTER: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND MORDOVIAN LITERATURE

Аннотация. Предметом анализа в данной статье стал феномен женского национального характера в русской и мордовской литературе XX и XXI вв. На примере осмысления научных и критических статей, философских трактатов, рецензий, исследований ученых и литературоведов, произведений А. Солженицына, В. Распутина, К. Абрамова, М. Брыжинского, В. Гадаева авторы статьи выясняют схожесть в изображении художниками слова образов русской и мордовской женщины. Важность проблемы заключается в традиционности взаимосвязей мордовской и русской культур. Подчеркивается обусловленность близости историческими судьбами, территориальным единством, хорошим знанием быта, культуры, психологии соседствующих народов.

Abstract. The subject of analysis in this article is the phenomenon of the female national character in Russian and Mordovian literature of the 20th and 21st centuries. On the example of comprehending scientific and critical articles, philosophical treatises, reviews, studies of

scientists and literary critics, the works of A. Solzhenitsyn, V. Rasputin, K. Abramov, M. Bryzhinsky, V. Gadaev, the authors of the article find out the similarity in the depiction of the word by the artists of the images of Russian and Mordovian women. The importance of the problem lies in the traditional nature of the relationship between Mordovian and Russian cultures. The dependence of proximity on historical destinies, territorial unity, good knowledge of life, culture, psychology of neighboring peoples is emphasized.

Ключевые слова: национальный характер, женские образы, русская душа, женский национальный характер, русская литература, мордовская литература.

Keywords: Russian national character, female images, russian soul, female national character, Russian literature, Mordovian literature.

Какова она – природа русского человека? Ответ на этот вопрос искали многие отечественные и зарубежные философы. По их многочисленным исследованиям, как по крупицам, вырисовывается образ русской души, загадочной и многогранной.

У каждого мыслителя свое видение этого вопроса. Однако все, кто размышлял о природе русского человека, единогласно пришли к выводу, что первая и определяющая черта его – это *широта души*.

А. Д. Шмелев в своей статье «Широта русской души» замечает, что «словосочетание “широта русской души” стало почти клишированным, но смысл в него может вкладываться самый разный…» [Шмелев 2000, с. 357]. Это может быть доброта, щедрость, открытость, *«мудрое терпение, тихое трудолюбие*», это устремленность души ввысь, это побуждение дарить любовь.

Однако существуют и другие трактовки. В той же статье Шмелева мы находим: «Однако выражение “широта души” может обозначать *тягу к крайностям*, к экстремальным проявлениям какого-то качества» [Шмелев 1998, с. 49]. Русская душа бросается

часто из крайности в крайность: от бунта к покорности, от пассивности к героизму, от расчетливости к расточительству.

Огромный вклад в изучение природы русской души внес И. А. Ильин. Основной духовно-творческой силой русской души философ считал *любовь и веру*, без которых русский человек становится пустым существом. Представляя русскую душу, И. А. Ильин указывает, прежде всего, на ее *доброту, ласковость и гостеприимство*. Достойное внимание философ уделяет присущей русскому человеку *свободе* характера и души, которая чувствуется во всем: в медлительной плавности русской речи, в походке и жестикуляции, в одежде, пище и русском быту [см.: Ильин 2004].

Огромный вклад в изучение русской души, женского национального характера внес Вальтер Шубарт. Его интересовала природа русской женщины, ее мировоззрение. Немецкий философ-русофил утверждает: «Никакая другая женщина, по сравнению с русской, не может быть одновременно возлюбленной, матерью и спутницей жизни». Шубарт восхищается нашими женщинами, считает их неповторимыми, особенными и искренне надеется, что «русский народ спасет именно русская женщина» [Шубарт 1997, с. 184–186].

Отечественные философы с гордостью вторят мнению западного коллеги. Так, Н. О. Лосский уделял серьезное внимание изучению русской души. Итогом его исканий стало сочинение «Характер русского народа», где глава «Доброта русского народа» посвящена исследованию особенностей русских женщин.

Философ опирается на исторический опыт России. Он приводит в пример достоверные факты и реальных женщин, чья деятельность заслуживает уважения. Ученый восхищается боярыней Морозовой, которая презрительно относилась к своему привилегированному положению и ухаживала за больными, выполняя самую грязную работу. «В XVIII веке заслуживает внимания княгиня Наталия Борисовна Долгорукая…», – пишет Н. Лосский. Девушка, несмотря на уговоры родных и близких, вышла замуж за князя

Долгорукого, который в то время «был в немилости» [Лосский 1957, с. 73].

Лосский уделяет много внимания женским образам в литературе. «Великие русские писатели дали незабываемые образы нравственной силы русской женщины». «Возвышенный характер любви, верность долгу, самоотверженность…» мыслитель призывает искать в произведениях Пушкина, Достоевского, Тургенева, Некрасова. Он верит в наших женщин: «Русская женщина, полюбив человека, смело борется с препятствиями и не боится потерять удобства своей прежней обеспеченной родителями жизни. Она проявляет при этом любовь к свободе и независимость от предрассудков» [Лосский 1957, с. 75].

Проблема женского национального характера нашла широкое отражение в различных литературных произведениях. Художники слова всегда упорно искали пути познания глубины и широты женской души. Шаг за шагом они раскрывали тайны женской психологии, удивлялись глубине мировоззрения женщин, восхищались их силой воли и высокой нравственностью.

Русская литература отобразила ведущие черты женского национального характера. Произведения классиков представляют галерею ярких, самобытных образов женщин, отражающих силу и мощь России. Это и «милый идеал» А. С. Пушкина Татьяна Ларина, и Ольга Ильинская И. А. Гончарова, и тургеневские девушки, и княжна Марья Болконская из романа-эпопеи Л. Н. Толстого, и Соня Мармеладова Ф. М. Достоевского… Все они – воплощение качеств женского национального характера: доброты, религиозности, патриотизма, духовности, талантливости, свободолюбия, бунтарства, решительности.

Однако полагаем, что наиболее глубоко проблему женского национального характера в русской литературе осветил А. И. Солженицын в рассказе «Матренин двор».

Матрена Васильевна – это самая обычная женщина, с обычными радостями и невзгодами. Но именно она является воплощением духовного начала в национальном характере. Ее облик подобен иконе, жизнь – житию святой.

Нет в ее внешности ничего от «величавой славянки», не назовешь ее «красавицей, миру на диво». Она скромна и неприметна. Настоящая красота крестьянки кроется в глубине души. Всю свою жизнь Матрена прожила для других. На долю старухи Матрены выпало «много обид, много несправедливостей» [Солженицын 2013, с. 161]. Но она не обижается на мир. Говорит с «лучезарной улыбкой», доброжелательно, «с теплым мурчанием» [Солженицын 2013, с. 170]. В бескорыстии и кротости Матрены писатель усматривает долю праведности. «Есть такие прирожденные ангелы – они как будто невесомы, они скользят как бы поверх этой жизни, нисколько в ней не утопая, даже не касаясь стопами ее поверхности? Каждый из нас встречал таких, их не десятеро и не сто на Россию, это – праведники», – пишет Солженицын об этом образе. А в конце своего рассказа он говорит: «Не стоит село без праведника» [Солженицын 2013, с. 196]. Матрена для писателя – идеал, пример, к которому нужно стремиться и на который следует равняться.

«У нее было верное средство вернуть доброе расположение духа – работа» [Солженицын 2013, с. 162]. Она была трудолюбива, всегда помогала соседям и ничего не просила взамен. Матрена лишена корыстолюбия и зависти. Женщина просто получала удовольствие от работы, видела в ней избавление от хандры.

По Солженицыну, главные черты женского национального характера – это доброта, открытость, простота, искренность, трудолюбие, доброжелательность, сила духа и внутренняя красота.

Другой автор В. Г. Распутин также мучительно ищет ответы на острые вопросы, поставленные жизнью. В пределах столь небольшого жанра, как рассказ, писатель смог точно передать глубину человеческой души, ее огромную силу и связь с окружающим миром. Его взгляд на сущность женского национального характера ярко просматривается в произведении «Дочь Ивана, мать Ивана», где изображена простая женщина, счастье семьи которой оказалось под угрозой. Главная героиня – Тамара Ивановна – воспитывалась отцом, который учил ее всему: «и плотничать, и слесарить, и выгнуть лодку, и управляться с любыми машинами…» [Распутин

2006, с. 33]. Характер женщины был упрямый и вспыльчивый. «И все же там, внутри, находился кремень…» [Распутин 2006, с. 34]. Однажды отец «с подступившей самотеком тревогой» сказал: «Одна ты в парня пошла… хорошо ли это?» [Распутин 2006, с. 35].

Выпорхнув из родительского гнезда, Тамара Ивановна быстро определилась со своей ролью в этой жизни. Оказавшись в большом городе, она твердо решила не уподобляться окружающему обществу. Вскоре она выходит замуж, появляются дети – сын Иван и дочь Света.

И вот когда уже счастье достигнуто, в семье уют и спокойствие, в их жизнь без стука вторгается страшная беда. Однажды вечером дочь не пришла домой. Простояв полночи у окна, женщина поняла, что ждать больше не может и поехала искать. Она искала маленькую, беззащитную, невинную девочку, а нашла взрослую, испуганную, отчаявшуюся девушку. Света с подругами искала работу на рынке, когда к ним подошел мужчина кавказской национальности и начал разговор. Потом были цепкие руки, не хотевшие отпускать Свету, неизвестное темное общежитие, странный старик, грубость, изнасилование, удары. Тамара Ивановна не могла поверить, что это произошло с ее дочерью.

Но даже в таком состоянии из глаз Тамары Ивановны не выкатилось ни единой слезы, вся борьба, вся боль была внутри. Далее последовало расследование, преступника нашли, Свету и ее подруг допросили. Казалось бы, следует наказать кавказца за его бесчеловечный поступок, и всем станет легче! Однако сотрудники прокуратуры готовят освобождение под залог.

Сердце матери не могло вынести второго удара, и она совершает поступок, который сделал ее героиней в моих глазах, – она мстит за свою дочь. Тамара Ивановна решает убить кавказца. Осталось только выждать момент и нажать на курок. В душе женщины не было места сомнению, неуверенности, была только горькая обида, злость, ненависть.

Тамара Ивановна совершила задуманное, вызвав удивление у близких и благодарность у дочери. Намного позже ее муж

Анатолий говорил: «А ведь это я, Демин, должен был сделать… что она сделала… Это мужик должен был сделать, отец. А мужика не оказалось…» [Распутин 2006, с. 116].

На суде женщина признается, что готова «ответ держать», но чувства раскаяния за содеянное не испытывает. В городе ее жалели и втайне оправдывали: «Она у вас героиня, – говорила Егорьевна, – раньше рожать надо было, рожать и рожать каждый год, чтоб стать мать-героиней… А теперь вот: защитить их, роженых, надо…» [Распутин 2006, с. 118].

На наш взгляд, В. Г. Распутин с особым мастерством показал силу и решительность женского национального характера. Писатель нарисовал образ матери-героини, готовой на все.

По Распутину, главные черты женского национального характера – это стойкость, внутренний стержень, решительность, горячее сердце, безграничная любовь к детям, готовность бороться за счастье своих близких, искренность, сила воли.

Исходя из проанализированных произведений русских писателей, можно сделать вывод, что и Солженицын, и Распутин видят огромную силу в русских женщинах. Их самоотверженность, их нравственная глубина и высокие моральные ценности заслуживают уважения. Это сила России, ее прошлое, настоящее и будущее.

Однако нельзя не заметить изменения в трактовке женского национального характера. В XXI веке в связи с ожесточенностью общества ожесточился и характер русской женщины. В ней меньше доброжелательности, открытости, радости. Большую ценность стали представлять решительность, сила воли, обостренное чувство справедливости.

Изучая вопрос о женском национальном характере, нельзя обойти стороной литературу мордовского народа. Выдающийся голландский ученый-путешественник Николай Вигсен еще в конце XVII века обращал внимание на несомненные национальные достоинства мордвы: «…гостеприимные и хорошие… Они живут мирно… Они красиво и опрятно одеты…». Подобные характеристики находим у русского демократа-революционера В. В. Берви.

Отмечая, что «мордва имеют все свойства поэтических душ», он акцентирует внимание, прежде всего, на том, что в обществе мордвы «…нет недостатка сил и способностей, между мордвами и мордовками встречается достаточно красивых, сильных и энергических личностей» [Мокшин 1993, с. 25–26].

Мордовские женщины очень заботятся о своем внешнем виде, об украшении своего костюма и старательно вышивают свои рубашки и головные уборы. Они проявляют большую широту потребностей. Женщины Мордовии очень трудолюбивы, смекалисты, сообразительны.

Любовь к родному дому, окружающей природе, народной культуре, счастье, достаток, единство семьи и рода, чувство гордости за свой народ, осознание себя мордвином, уважение и почтение к родителям, честность и правдивость, особого рода гостеприимство, бережливость, запасливость, скромность, послушание – вот неполный свод нравственных норм, которые определяют сущность женского мордовского национального характера.

В мордовской литературе, описывая национальный характер, писатели и поэты проявляют глубокое уважение к женщине-матери. На данной теме заострено особое внимание.

Подтверждение нашим словам мы видим у Кузьмы Абрамова в его романе «Степан Эрьзя». Писатель воплотил черты национального характера в восхитительном и глубоком образе Марьи Ивановны, матери Степана Эрьзи. Разговорчивая, общительная, любительница попеть, мастерица шить и вышивать, отбеливать холсты, скромная, отзывчивая на чужую беду, справедливая, она, являясь олицетворением чистоты и духовности, красоты и доброты, несет в себе все лучшее, что сформировано веками в национальном мордовском характере [Абрамов 1977].

У В. М. Макушкина в книге «Обретение зрелости» находим подтверждение этим словам: «Образ матери Эрьзи – новая творческая удача автора. Сколько моральной чистоты, нравственного совершенства, мудрости народной педагогики воплощено в этом образе! Она как бы олицетворяет в себе лучшие черты национального характера» [Макушкин 1984, с. 176].

Образ матери красной нитью проходит через большую часть произведений В. А. Гадаева. Поэт считает себя неотъемлемой частью своей земли и малой родины, которые для него синонимичны образу матери. И, действительно, «формат» сознания поэта – материнский. Все, что он видел, весь это мир он видел прекрасными добрыми глазами мамы. Оттого этот мир такой теплый, красивый и притягательный. Неслучайно в стихотворении «Колыбельная сыну» он рисует баюкающую ребенка мать, в чьей колыбельной поется о доме, отчем крае [Гадаев 2004, с. 242]. Женщина просит сына во что бы то ни стало всегда возвращаться к родному очагу. Так, лирический герой с малых лет чувствует необъятную любовь к своей Родине, которую привила ему мама:

…И, как зимней этой стынью
Голос мамы над тобой,
Сердце пусть всегда светлынью
Озаряет дом родной
[Гадаев 2004, с. 242].

Много подвигов совершили матери во времена войн. И самый главный из них – это жертвенность, способность благославить сынов своих на подвиг во имя Родины, пусть даже ценою гибели. В стихотворении Виктора Александровича «Женщина в слезах, как из тумана…» повествуется о матери, получившей известие о смерти сына Саши, воевавшего в Афганистане. Автор говорит, что без сына все для матери становится бессмысленным:

Грусть-тоска немыслимая гложет.
Краски выцвели, стал серым дом
[Гадаев 2004, с. 390].

Портрет матери-труженицы В. А. Гадаев рисует в целой серии стихов и рассказов. Произведение «Мама доит корову» – яркое воспоминание из детства поэта о том, как женщина без устали работала в хлеву, а он, тогда еще мальчишка, «любовался» ее белой косынкой и голубой цветастой кофточкой:

Не придешь больше с поля устало.
Не подоишь корову золотым вечерком.
И на стол никогда не поставишь,
Улыбаясь, ведро с молоком
[Гадаев 2004, с. 467].

В стихотворении поэт вспоминает маму как раз в те дни детства, потому что именно тогда под ее крылом он ощущал, как свет наполнял его изнутри, именно тогда было ему особенно хорошо, «легко-легко».

Материнский образ для поэта Гадаева – непреходящая ценность. Он сакрален и в творческом наследии автора несет значительный смысл, является ядром поэтических размышлений о смысле жизни и смерти, любви и ненависти, патриотизме, Родине, великой России.

Особый интерес вызывает чтение и анализ повести «Ради братий своих», где Михаил Брыжинский показывает присущие женщине-мордовке черты характера, ищет в родословной Алены мордовские «притоки».

Писатель рисует в повести картину совместной борьбы поволжских народов в крестьянской войне под предводительством Степана Разина. Главная героиня Алена Арзамасская (Темниковская) – монахиня из крестьян, возглавившая крупный отряд беглых и крепостных людей. Этот образ удивительно смелой и отчаянной русской женщины вызывает ассоциации с некрасовскими женщинами, солженицынской Матреной. Действительно, много общего. Алена, красивая, умная девушка, до прихода в монастырь испытала все муки: ее высекли на барском дворе за то, что не стала наложницей барина, за непокорность до смерти замучен ее муж Степан, оставленный без присмотра сын Яшенька был съеден свиньями. Откуда столько терпения у молодой девушки? Ее стойкость и непоколебимость духа поражают [Брыжинский 1986].

Решительность, энергичность, острый ум, смекалка, доблесть, обостренное чувство справедливости, честность, стойкость,

жертвенность и безграничная любовь, отраженные писателями в образах матерей, позволяют еще раз утвердиться в мысли о непреходящих духовных ценностях русского и мордовского национального характера.

Таким образом, в произведениях русских и мордовских авторов прослеживается мысль, что женщины – это спасение для всего мира; их сила, мудрость, доброта, любовь способны возродить дух, культуру, самобытность народов.

Сопоставив женские национальные характеры в трудах русских и мордовских художников слова, мы отметили тот факт, что комплекс качеств во многом схож. Ведущими чертами являются *решительность, энергичность, острый ум, смекалка, доблесть, обостренное чувство справедливости, честность, самоотверженность, нравственная глубина, высокие моральные ценности, стойкость, горячее сердце, безграничная любовь к детям, готовность бороться за счастье своих близких, искренность, доброта, открытость, простота, трудолюбие, доброжелательность*.

Можно сделать вывод, что женский национальный характер мордовского народа и русского народа – это синонимы, между которыми можно поставить знак равенства. Единственное отличие мордовской женщины от русской, на которое обращают внимание этнографы, – это порой излишнее упрямство и близость к земле, труду.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов К. Степан Эрьзя. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. – 448 с.

Брыжинский М. И. Ради братий своих. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. – 278 с.

Гадаев В. А. Мое мироздание: Стихотворения, баллады, притчи, поэмы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – 512 с.

Ильин И. А. О русской идее: сб. произведений русских мыслителей. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 512 с.

Лосский Н. О. Характер русского народа. – М.: Посев, 1957. – 151 с.

Макушкин В. М. Обретение зрелости. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1984. – 224 с.

Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. – 239 с.

Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы. – М.: Эксмо, 2006. – 640 с.

Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича: Рассказы и крохотки. – СПб.: Лениздат, 2013. – 384 с.

Шмелев А. Д. «Широкая» русская душа // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 48–55.

Шмелев А. Д. Широта русской души // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 357–359

Шубарт В. Европа и душа Востока / перев. З. Г. Антипенко. – М.: Русская идея, 1997. – 446 с.

УДК 821.511.132-1.09(045)

Е. В. Остапова
Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

E. V. Ostapova
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРЕНИЙ В. В. ТИМИНА О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

POETIC FEATURES IN V. V. TIMIN'S POEMS ABOUT THE NATIVE LANGUAGE

Аннотация. В статье рассмотрены три стихотворения В. В. Тимина, посвященные родному языку. Любовь и уважение к родному краю, коми языку, коми народу поэт выражает посредством образа златокрылой птицы, рассуждений о святости земли Коми, божественности языка Коми. Авторский стиль характеризуется сочетанием афористичности и образной насыщенности, гимнически возвышенной тональности, художественной выразительности и разговорной речи лирического героя. Все три стихотворения можно рассматривать как единый текст, в конце которого прием ретроспекции возвращает лирического героя в детские годы, ко времени получения им сакрального знания о божественном происхождении родного коми языка.

Abstract. The article considers three poems by V. V. Timin dedicated to the native language. The works reflect love and respect for the native land, the Komi language, the Komi people, expressed in the images of the golden-winged bird, the holy land of Komi, the God-given language. The poetic style is characterized by a combination of aphoristic and figurative richness, exalted, hymn tonality, artistic

expressiveness and colloquial speech of the lyrical hero. All three poems can be considered as a single text, at the end of which the method of retrospection returns the lyrical hero to his childhood, by the time he received sacred knowledge about the divine origin of his native Komi language.

Ключевые слова: В. В. Тимин, стихотворение, коми язык, афористичность, образная насыщенность, сакральность.

Keywords: V. V. Timin, poem, komi language, aphorism, figurative richness, sacredness.

Владимир Васильевич Тимин (1937–2015) – народный писатель Республики Коми, член Союза писателей России, общественный деятель. Всего на сегодняшний день издано более пятнадцати сборников его стихов и прозы. Коми поэт и писатель известен своей социально активной жизненной позицией, которая отражена и в творчестве. Поэтическое творчество В. В. Тимина охватывает более 50 лет развития коми литературы.

Образы родной земли, родного языка, коми народа – стержневые в поэтическом творчестве В. В. Тимина. Среди его произведений о родном языке привлекают внимание три стихотворения – «Чужан кыв» («Родной язык»), «Кывным миян сёрнитігӧн олӧ» («Язык наш живёт в разговоре») и «Вӧлі мелі да строг ыджыд мамӧй» («Была ласкова и строга моя бабушка»). Они близки тематикой, отношением к родному языку как к важнейшей, жизненно необходимой основе существования народа, развития самосознания личности. В то же время они во многом различны: тональностью, образностью, художественными средствами. Эти различия не противоречат, а дополняют друг друга. Написанные в разные периоды, тексты отражают движения души лирического героя по отношению к родному языку.

Стихотворение «Чужан кыв» («Родной язык», 1971) звучит как гимн родному языку, в котором центральный образ – птица с золотыми крыльями:

Зарни бордъяса,	Златокрылая,
Медся мыла,	Звонкая радость,
Чужан кыв – менам олӧм да вӧт,	Родной язык – моя жизнь и сон.
Позьӧ сёрнитны	Можно разговаривать
Любӧй кылӧн,	На любом языке.
Сӧмын ӧтдортны ассьым	Только от своего языка отчуждаться
Ог мӧд.	Не буду.
Войвыв эрдъяслӧн	Северных просторов
Повтӧм лэбач, –	Вольная птица.
Сетiс вын сылы	Дала силу языку
Коми му,	Коми земля.
Но, а сӧстӧмлун сетiс,	Ну, а чистоту дала,
Дерт жӧ,	Конечно же,
Сылы матушка-Эжва ю.	Ему Вычегда матушка-река.
Сiйӧ тiянлӧн,	Он ваш,
Пӧльяс, пӧчьяс,	Наши дедушки-бабушки,
Сiйӧ тiянлӧн,	Он ваш,
Ныв да зон.	Девушки и парни,
Мӧвпыд ас кывйӧн	Мысль на своем языке
Кык пӧв стӧчмӧ,	Вдвое точнее.
Мортыд ас кывйӧн	Человек с родным языком
Кык пӧв ён	Вдвое сильнее*

[Тимин 2004, с. 112].

Здесь явственна связь с гербом Республики Коми в его мифопоэтической образности. Кульминация произведения – полёт ввысь бесстрашной птицы-языка, обладающей могуществом Коми земли и чистотой реки Эжвы – ее сердцевины. Развитие лирического сюжета таково: первая строфа выражает отношение лирического

* Подстрочный перевод на русский язык автора стихотворения – В. Т.

героя к родному языку («менам олöм да вöт» / «моя жизнь и сон»); вторая строфа – ода родному языку; третья строфа – обращенность к старшему и младшему поколению народа коми и афористическое завершение:

Мöвпыд ас кывйöн	Мысль на своем языке
Кык пöв стöчмö,	Вдвое точнее.
Мортыд ас кывйöн	Человек с родным языком
Кык пöв ён.	Вдвое сильнее.

Итак, родной язык обладает качествами в превосходной степени – златокрылый, с самым красивым голосом, бесстрашный, сильнейший, чистейший, он знает не только жизненные проблемы человека, но и его скрытые желания и мечты, которые являются во сне.

Следующее стихотворение «Кывным миян сёрнитiгöн олö» и по теме, и по тональности – словно продолжение третьей строфы предыдущего стихотворения:

Кывным миян	Язык наш
Сёрнитiгöн олö,	В разговоре живет,
Кодыр гижан комиöн	Когда пишешь по-коми
И лыддян.	И читаешь.
Йöз водзын и гортын	Перед людьми и дома
Сiйöс колö	Его надо
Сьöлöмсяньыд	От сердца
Пуктыны век пыдди.	Уважать всегда.
Сiйö йиджис тэö	Он вошел в тебя
Чужан мусянь,	От родной земли,
Кöнi ассьыд нэмтö олан öтчыд,	Где свой век живешь однажды,
Тэ кö быттьö коми мортöн шусян,	Если ты коми человеком зовешься,
Колö, медым тайö	Надо, чтобы это
Тэын тöдчис.	В тебе было видно.
Вежа Коми мунымлöн ныв-пиян!	Святой Коми земли дочери-сыновья!
Кывным миян	Язык наш,

Шонді дзирд кодь мича.	Как солнца блеск, красив.
Кутчысямӧй ас кывйӧ,	Будем держаться за свой язык,
Ӧд сійӧ	Ведь он
Асьнымӧс на	Нас самих
Медся ёна видзӧ	Всего сильней хранит*.

[Тимин 2004, с. 112].

Это доверительный монолог лирического героя с понимающим его слушателем об уважительном отношении к родному языку в повседневной жизни, в речи коми, о связи языка с родной землей, о родном языке как связующей нити человека с его родиной. В завершающей третьей строфе лирический герой вновь обращается к детям земли Коми подобно эпическому сказителю. Его речь также характеризует высокий стиль, выраженный эпитетами и сравнениями, передающими священность Коми земли: «Вежа Коми му» / «Святая Коми земля»; принадлежность родного языка к обожествляемому древними людьми светилу «Шонді дзирд кодь мича» / «Как блеск солнца красив»; несущего роль покровителя и защитника: «Медся ёна видзӧ» / «Всего сильней бережет». Стихотворение В. В. Тимина состоит из трёх строф, характерной чертой которых является стиховой перенос, заключающийся в несовпадении метрического и синтаксического членения стиха. Перенос является художественно рассчитанным диссонансом, нарушающим читательские ожидания, передающим эмоционально насыщенную речь и являющимся «своеобразным актом поэтической свободы, проявлением стремления к более индивидуальным, не связанным композиционно формам» [Жирмунский 1975, с. 157]. Разрыв стиха образует строчки различной длины, речь становится более прерывистой, тяготеющей к разговорности. Стихотворение насыщено традиционными для поэзии художественными средствами: метафорой, эпитетом, сравнением. Они маркируют значение святости Коми земли: «*вежа*» / «святая», родного языка: «*Шонді дзирд кодь мича*» / «Как солнца блеск красив».

* Подстрочный перевод на русский язык автора статьи – Е.О.

Оба рассмотренных нами произведения широко известны коми читателю, их строки стали афоризмами, используются в качестве цитат в сочинениях, в названиях книг, мероприятий. Есть и третье стихотворение, не столь известное, но, по нашему мнению, подкупающее и необычностью для коми лирики сюжетом, и тихой тональностью:

«Вöлі мелі да стрöг ыджыд мамöй,
Ен да молитва пуктыліс пыдди.
Кевмömъяс, мыйта тырмыліс сямöй,
Ме важ роч кывйöн сы бöрся лыдди.
Ог тöд, кевмömöй ёна-ö туйис,
Коми ног эськö бурджыка кужи…
«Кевмысь коми ног, – ыджыд мам шуис, -
Кывным миян öд – Енсянь жö чужис».

Была ласкова и строга бабушка,
Бога и молитву почитала.
Мольбу, сколько хватало умения,
Я на старорусском языке вслед за ней читал.
Не знаю, мольба моя сильно ли подходила,
На коми я бы лучше сумел…
«Молись по-коми, – бабушка сказала, –
Язык наш ведь – тоже от Бога произошел»*
[Остапова 2012, с. 14–15].

При подготовке учебного пособия «Художествоа гижöд вуджöдöм» в ответ на нашу просьбу написать, как у поэта происходит переводческий процесс, было получено именно это стихотворение с небольшим комментарием, подстрочником и переводом на русский язык, выполненным А. В. Суворовым. Значит, и стихотворение «Вöлі мелі да стрöг ыджыд мамöй», и его перевод «Ласково и строго у иконы» дороги поэту, хотя в прижизненные сборники стихов данное произведение не включено.

* Подстрочный перевод на русский язык автора стихотворения – В.Т.

Стихотворение – о признании родного коми языка как данного Богом, о робком желании лирического героя-ребенка обратиться к Богу прямо, без посредников, на родном языке. В нем утверждается высокий статус коми языка не в официальной сфере, как стало привычным думать, а, наоборот, в самой интимной, доверительной сфере. Такая мысль перекликается с мыслью основоположника коми литературы И. А. Куратова, выраженной в стихотворении «Коми кыв»: «Вунӧдас ен мыжӧс, кодыр сійӧн кора» / «Забудет Бог мой грех, когда на нем попрошу» [Куратов 1979, с. 19]. Если предположить, что это автобиографическое произведение В. Тимина, то время происходящего – военное или послевоенное, и, скорее всего, бабушка и внук молятся Богу дома. Интересно, что подобная история произошла, по словам пастора коми церкви Д. В. Попова, в жизни его отца, Благовестника Евангелия, основателя Коми Христианской Церкви евангельской веры, автора первого перевода полной Библии на коми язык В. И. Попова, более известного у коми как Висер Вась. В. В. Тимин и Висер Вась много общались, тесно сотрудничали – об этом написано в воспоминаниях коми поэта [Тимин 2014, с. 73–75]. Возможно, данное стихотворение создано по мотивам рассказа уважаемого поэтом собеседника.

По частотности ключевые слова в тексте распределены таким образом: *кевмӧм* / молитва – повторяется 3 раза, *Ен / Бог* – 2 раза, *коми ног* / по-коми – 2 раза. В круг ключевых слов входят также *ыджыд мам /досл.* «большая, старшая» мама (бабушка по материнской линии*), молитва, важроч* – древнерусский*, кыв* – язык**.** Ореол образа бабушки создают эпитеты *мелі – ласкова, стрӧг – строга,* а также *ен – Бог, молитва,* с помощью которых лаконично, даже можно сказать, объективно, без эмоций раскрывается характер бабушки – большой / старшей мамы. В художественном и мифопоэтическом плане определение *ыджыд – большой* становится эпитетом с сакральным значением. Так, Великий пост по-коми звучит «Ыджыд видз» – «Большой пост», Пасха – «Ыджыд лун» / «Большой день». В этом ряду *ыджыд мам* входит в ближний круг образа Бога, являясь связующим звеном между лирическим героем и Богом, заменяющим в данном случае священника или духовника.

В рассмотренных стихотворениях В. В. Тимина о родном языке отражены любовь и уважение к родному краю, коми языку, коми народу, обладающим наивысшими качествами в образах златокрылой птицы, святой земли Коми, языка, данного Богом. Поэтический стиль характеризуется сочетанием афористичности и образной насыщенности, художественной выразительности и разговорной речи лирического героя. По отношению к читателю произведения характеризуется гармоническим «сплавом» доверительности и назидательности.

Как нам видится, рассмотренные стихотворения выстраиваются в единую систему, в один текст, который завершается приемом ретроспекции – обращённостью в прошлое, в детство. Происходит своеобразная смена ролей персонажей. В первых двух стихотворениях лирический герой – мудрый и авторитетный наставник, в третьем – мальчик, стоящий перед иконой, постигающий божественное происхождение родного языка. Роль наставника принадлежит бабушке. Таким образом, мы перемещаемся к начальному событию, предтече, в котором раскрываются архетипы мудрой старухи, обладающей тайным знанием о божественном происхождении коми языка и передающей его внуку, воплощающему собой архетип божественного ребенка. Благодаря этому фрагменту бытия героя в период детства читатель проникает в «связь времён». С помощью ретроспекции раскрывается глубина откровения, которая стала движущей силой в течение всей жизни лирического героя, ставшего проводником полученной содержательно-концептуальной информации – священного знания о родном языке. Нам словно приоткрывается завеса, каким образом у лирического героя выработалось отношение к родному языку как первооснове народной жизни, сформировался образный мир, в котором коми язык отождествляется с явлениями высшего порядка. Причастность к сакральным знаниям, полученным в детстве, взрастила поэта, в образе которого явственны архетипические черты мудрого старца, умелого транслятора необходимого знания о родном языке растущему поколению.

ЛИТЕРАТУРА

Жирмунский В. М. Теория стиха. – Л.: Сов. пис. (Ленингр. отд-е), 1975. – 664 с.

Куратов И. А. Менам муза. Художественной гижöд чукöр / Моя муза. Собрание художественных произведений. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 608 с.

Остапова Е. В. Художествоа гижöд вуджöдöм / Пер. художественного произведения: велöдчан небöг. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. госун-та, 2012. – 132 с.

Тимин В. В. Тэöн ола. Кывбуръяс (Серия «Звёзды Севера»). – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2004. – 328 л.б.

Тимин В. В. Коми вичколöн бурвисьталысь Висер Вась йылысь кыв // Войвыв кодзув. – 2014. – № 2. – 73–75 л.б.

Тимин В. В. Чужан кыв (Родной язык) – URL: https: // www. finnougoria.ru/logos/poetry/1680/15088/ (дата обращения: 17.03. 2023).

УДК 930.253:821.511.131(470.51)(045)

Т. В. Пантюхина
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск

T. V. Pantyukhina
Udmurt Institute of History, Language and Literature
UdmFRC UB RAS, Izhevsk

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ФОНДА З. А. БОГОМОЛОВОЙ, ХРАНЯЩИЕСЯ В НАУЧНОМ АРХИВЕ УИИЯЛ УДМФИЦ УРО РАН

DOCUMENTS OF THE PERSONAL FUND OF Z. A. BOGOMOLOVA, STORED IN THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE UDMURT INSTITUTE OF HISTORY, LANGUAGE AND LITERATURE UDMURT FEDERAL RESEARCH CENTER OF THE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Аннотация. Комплектование Научного архива УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН документами личного происхождения является одним из основных направлений деятельности. Документы личного происхождения Богомоловой Зои Алексеевны, кандидата филологических наук, литературоведа, критика, профессора УдГУ, члена Союза писателей СССР (РФ), заслуженного работника культуры УАССР, лауреата Государственной премии, представляют большой научный интерес как источник изучения истории литературоведения и критики в Удмуртии, роли З. А. Богомоловой в литературной жизни республики. Хранящиеся в Научном архиве материалы отражают ее профессиональную (научную, литературную, педагогическую) и общественную деятельность. Черновые варианты

статей, очерков, выступлений, рецензии на литературные произведения, сборники, отзывы на дипломные работы студентов УдГУ, тексты лекций по русской литературе XIX в., план работы Союза писателей Удмуртии, план работы федерации женщин творческих профессий Удмуртии, отчеты о работе – это малая часть богатого наследия ученого, педагога и активного общественного деятеля З. А. Богомоловой.

Abstract. Completing the Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences with documents of personal origin is one of the main activities. Documents of personal origin of Zoya Alekseevna Bogomolova, Candidate of Philological Sciences, literary critic, professor of Udmurt State University, member of the Union of Writers of the USSR (RF), Honored Worker of Culture of the UASSR, laureate of the State Prize, are of great scientific interest as a source of studying the history of literary criticism and criticism in Udmurtia, the role of Z. A. Bogomolova in the literary life of the republic. The materials stored in the Scientific Archive reflect professional (scientific, literary, pedagogical) and social activities. Draft versions of articles, essays, speeches, reviews of literary works, collections, reviews of the graduation papers of students, texts of lectures on Russian literature of the XIX century, the work plan of the Union of Writers of Udmurtia, the work plan of the Federation of Women of creative Professions of Udmurtia, work reports are a small part of the rich heritage of the scientist, teacher and active public figure Z. A. Bogomolova.

Ключевые слова: архивное дело, личный фонд, состав документов, литературоведение, З. А. Богомолова.

Keywords: archive activity, personal fund, composition of documents, literary studies, Z. A. Bogomolova.

Бóльшая часть документов личного происхождения З. А. Богомоловой хранится в ГКУ ЦГА УР, куда документы Зои Алексеевны были переданы по договору, заключенному самой дарительницей. Согласно изданию «Центральный государственный архив Удмуртской Республики: путеводитель по фондам и коллекциям документов личного происхождения» в ее личном фонде насчитывается 654 ед. хр. за 1938–2009 гг. [ЦГА УР 2014].

В Научный архив документы З. А. Богомоловой поступили по воле случая. В 2021 г. через сотрудника УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН А. П. Сидорову к нам обратилась близкая подруга, помощница Зои Алексеевны Т. К. Вахрушева, чтобы сотрудники отдела библиотечных и архивных фондов УИИЯЛ ознакомились с оставшимися рукописями опубликованных книг, черновыми вариантами статей, фотографиями известного литературоведа и критика. После изучения содержания документов нами были отобраны дела, представляющие интерес в области истории литературоведения, истории литературы республики за 1960–2010 гг. и роли З. А. Богомоловой в литературной жизни Удмуртии. В июне 2021 г. материалы переданы в Научный архив УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Нужно сказать, что семейных фотографий, различных свидетельств, дипломов и других личных документов в нашем архиве нет. Большая часть переписки Зои Алексеевны была отправлена Т. К. Вахрушевой родственникам в Москву. Из писем и поздравительных открыток остались лишь официальные приглашения, обращения и поздравления.

На данный момент научно-техническая обработка документов практически завершена, количество дел в личном фонде Зои Алексеевны составляет порядка 120 ед. хр. Это документы профессиональной (научной, литературной, педагогической) и общественной деятельности.

В документах о защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук представлены автореферат диссертации с правкой автора, выписка из протокола заседания кафедры советской литературы Московского областного педагогического института (МОПИ), доклад, зачитанный диссертантом

на защите. Отдельным делом оформлена газета «Вечерняя Москва» от 25 мая 1953 года, на странице которой имеется извещение о защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук З. А. Богомоловой на тему «Романы П. А. Павленко». В фонде учтены отдельными единицами хранения рекомендация научного сотрудника Института мировой литературы им. Горького АН СССР, д.ф.н. К. Л. Зелинского от 1966 г. для поступления З. А. Богомоловой в докторантуру; варианты незащищенной докторской диссертации «Тенденции развития и становления советской литературы Удмуртии (история романа)»; замечания к.ф.н. Д. А. Яшина к докторской диссертации З. А. Богомоловой.

Также отобраны рукописи книг З. А. Богомоловой «Песня над Чепцой и Камой», «Как эхо долины родной», «Русские поэты Удмуртии: Литературные портреты», «Восхождение». У книг «Песня над Чепцой и Камой», «Как молния в ночи» найдены первые варианты рукописей. По ним можно увидеть, какой колоссальный труд вкладывает автор монографии или составитель сборника статей, очерков, воспоминаний при подготовке книги. Тщательный отбор материала, скрупулезность редактирования текста, деликатная корректировка стиля статей – это не только принципы работы З. А. Богомоловой, через них раскрывается и характер видного ученого, литературоведа и критика.

З. А. Богомолову особо интересовало творчество удмуртских писателей Кузебая Герда, Кедра Митрея, Г. Д. Красильникова, Ф. И. Васильева, Т. А. Архипова, С. А. Самсонова. Статьи, посвященные творчеству этих писателей, также поступили к нам на хранение. Особенно интересен черновой вариант совместного отзыва З. А. Богомоловой и А. Н. Уварова о трудах Ф. К. Ермакова и его исследовательских работах, посвященных творчеству К. Герда (24 ноября 1977 г.). Справка была представлена на комиссию партийного контроля при ЦК КПСС, рассматривавшей «дело» К. Герда и Ф. Ермакова. Данная справка помогла отстоять честные имена двух видных сынов удмуртского народа.

Среди статей разных авторов о Кузебае Герде, воспоминаний о нем, которые собрала Зоя Алексеевна для книги «Как молния в ночи», были найдены оригиналы писем марийского писателя А. И. Крылова (Александра Тока), адресованные Н. А. Герд, и воспоминания (машинопись) Н. А. Герд о муже. В той же папке хранилась рукопись Зои Алексеевны с воспоминаниями о встрече с дочерью К. Герда Айно Кузебаевной (19 августа 1982 г.). Данные документы были выделены в отдельные архивные дела.

Рецензии и отзывы на литературные произведения, диссертации, сценарии к юбилейным датам писателей, вечерам памяти, записи, сделанные на пленумах, съездах Союза писателей СССР, РСФСР, тексты радиопередач о творчестве писателей Удмуртии – все это является частью богатого литературного и научно-критического наследия З. А. Богомоловой.

Педагогическая деятельность З. А. Богомоловой представлена семью томами лекций (1953–1954 гг.) по русской литературе XIX в. и материалами к лекциям, дипломными и курсовыми работами студентов УдГУ (УГПИ), научным руководителем которых была Зоя Алексеевна.

Также представлены несколько коллективных фотографий со съезда СП СССР (1971 г.) и различных мероприятий.

Кроме того, в личном фонде З. А. Богомоловой собраны посвященные ей стихи, сочинения, приветственные адресы к юбилеям литературоведа.

В документах личного фонда З. А. Богомоловой отражены не только ее научная деятельность, достижения, интересы, жизненные приоритеты, но и целая эпоха, в которой она жила и творила.

ЛИТЕРАТУРА

Центральный государственный архив Удмуртской Республики: Путеводитель по фондам и коллекциям документов личного происхождения. – Ижевск: Ин-т комп. исследований, 2014. – 280 с.

УДК 394(=512.111)(045)

К. В. Петров
Стерлитамакский филиал
Уфимского университета науки и технологий, г. Стерлитамак

K. V. Petrov
Sterlitamak branch of the
Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕЛА ТЯТЕРБАШ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

DIALOGUE OF CULTURES IN A MULTINATIONAL ENVIRONMENT (BY THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF TYATERBASH OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Аннотация. Целью статьи является ознакомление с культурой и обычаями чувашей села Тятербаш Стерлибашевского района Республики Башкортостан; в центре внимания их взаимодействие с культурами других народов, проживающих в этом населенном пункте. Проведены параллели с праздниками иных народов, при этом использованы не только воспоминания старожилов села, но и приведены собственные примеры участия в общенациональных праздниках.

Annotation*:* The purpose of the article is to get acquainted with the culture and customs of the Chuvash village of Tyaterbash, Sterlibashevsky district of the Republic of Bashkortostan in a dialogue with the cultars of peoples living together in the same locality. The value of this article lies in the fact that the author introduces us to the peculiarity of the interweaving of cultures of different peoples. The author draws parallels of the holidays of peoples similar to the Chuvash,

uses not only the memories of old-timers of the village, but also gives his examples of participation in the dialogue of cultures.

Ключевые слова: культура, диалог культур, чуваши, село Тятербаш, Стерлибашевский район, старожилы.

Keywords*:* culture, dialogue of cultures, Chuvash, Tyaterbash village, Sterlibashevsky district, old-timers.

Россия – государство, в котором проживают различные народы, нации с ярко выраженным характером жизненного уклада, традициями, обычаями, культурой. Проблема межнациональных отношений и межэтнической толерантности в современной России относится к числу актуальных. Наиболее остро это проявляется в молодежной среде. Взаимодействие одного народа с другим предполагает установление социальных связей и взаимоотношений, что будет продуктивно влиять на дальнейшее развитие культур. В диалоге культур представители разных национальностей лучше узнают и понимают друг друга. Диалог культур – это совокупность непосредственных отношений и связей, которые складываются между различными культурами, а также их результатов, взаимных изменений, возникающих в ходе этих отношений. В процессе диалога культур происходят изменения форм социальной организации и моделей социального действия, систем ценностей и типов мировоззрения, идет становление новых форм культуротворчества и образа жизни [см.: Идельбаев, Сулейманов 1996].

Примером взаимодействия культур является Тятербаш, который находится в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан. В деревне численностью 250 человек проживает более 10 национальностей, преобладающее большинство – чуваши. Об этом свидетельствуют записи местного сельсовета.

Культура чувашей существует в тесном переплетении с культурой башкирского, русского, татарского и многих других народов, проживающих в этой маленькой деревне. Чувашский народ имеет

много общих праздников с русскими, так как у них общее вероисповедание. На каждом празднике звучат соответствующие его характеру песни, под которые водят хороводы, играют в народные игры. В жизни чувашей музыка занимает важное место. В простых по звучанию и напевности мелодиях народ выражает свои мысли, чувства, мечты, переживания. Песни выражали настроение людей в разные исторические периоды. Многие праздничные представления сохранились до сегодняшних дней. Старожилы и взрослые стараются сохранить и передать подрастающему поколению древние обычаи и обряды. Они организуют различные мероприятия, чтобы передать культурное наследие народа молодым людям.

Ярким проявлением сохранения традиционных праздников и диалога культур является проведение в деревне Тятербаш таких праздников, как старинный весенний чувашский праздник «Çăварни». Это проводы зимы и встреча весны; соответствует русской Масленице и татарской «Карга боткасы». Эти праздники и раньше, и сейчас имеют огромное значение в жизни народов. Данный праздник и раньше, и сейчас приурочивается к периоду весеннего равноденствия. Проводятся соревнования на тройках лошадей. Выигрывают те, у которых с саней доносится самая яркая, самая мелодичная песня. После всех состязаний сжигают символический образ зимы, прыгают через костер, приговаривая, чтоб огонь забрал все болезни, все плохое. По мнению старожилов, благодаря этому происходит своеобразное очищение. Завершается праздник чаепитием с блинами, которые хозяйки пекут для конкурса. Татарский праздник «Корга боткасы», также приуроченный ко дню весеннего равноденствия, чаще проводится в детском саду и в начальных классах школы. Это делается для приобщения детей к традиционной культуре народа. Этот праздник организуется ранней весной, с прилетом грачей. В основе праздника лежит почитание высших сил с целью получения их благословения и богатого урожая в предстоящем году. Согласно обряду, в один из дней ранней весны, чаще всего с появлением проталинок, дети отправляются по домам собирать крупу, молоко, масло, яйца. Из собранных продуктов

готовятся каша, блины для коллективного угощения людей после проведения состязаний.

Другим праздником, объединяющим жителей села, является чувашский праздник «Мăнкун». Это встреча весеннего нового года по древнечувашскому календарю. Название переводится как «Великий день» и совпадает с христианской Пасхой. В этот день родственники собираются и ходят по домам, распевая песни, раздавая, обмениваясь разными лакомствами. Этот праздник тоже отмечается всей деревней, независимо от вероисповедания людей.

«Акатуй» – весенний праздник чувашей, посвященный земледелию. Он совпадает с «Сабантуем» татар и башкир. Этот праздник объединяет и собирает всех, для того чтобы посоревноваться в силе, ловкости, смекалке и музыкальном таланте.

«Çимĕк» – летний праздник, посвященный поминовению усопших родственников с посещением кладбища. Он соответствует христианской Троице. Заключительным праздником считался «Питрав» – «Петров день». В этот вечер люди ходили по улицам и распевали хороводные песни. В основном звучала грустная задушевная песня. По окончании праздника улицы по вечерам замолкали, молодежь уже не выходила на гуляния. Начиналась жаркая пора – сенокос. Замолкали песни. В народе говорят: «После Петрова дня и кукушка не поет».

Чувашский праздник «Сурхури» раньше отмечался в период зимнего солнцестояния, когда день начинал удлиняться. Сейчас этот национальный праздник совпадает с христианским Рождеством «Раштав» и продолжается до Крещения «Кăшарни». В эти дни разнонациональная молодежь деревни собирается в доме и устраивает гадания на кольцах: чье кольцо ведущий вылавливает из ведра с водой, тому предназначается песенный куплет с особым смыслом. Также проводятся гадания с зеркалом, бросаются валенки через забор и многое другое.

Вышеописанные праздники, обычаи объединяют все народы, проживающие в д. Тятербаш, которая является малой родиной автора статьи. В этом заслуга предков, родителей, учителей, воспитателей, которые донесли до молодежи красоту обычаев и обрядов,

отражающих мудрость чувашского народа, его судьбу за многие столетия. В Республике Башкортостан в мире и согласии проживают люди разных национальностей, которые свободно могут общаться на своем родном языке. Каждый уважающий себя человек, какой бы национальности он ни был, должен уважать и ценить свой родной язык как бесценное богатство. Ведь его предки многое испытали и пережили, чтобы через годы и века донести до нас его величие, его уникальность[*].

ЛИТЕРАТУРА

Идельбаев М. Х., Сулейманов А. М. Живые родники: История, литература и культура Башкортостана. – Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1996. – 159 с.

[*] В статье использован личный архив автора статьи – К. П.

УДК 392(=512.157)(045)

Е. А. Рожина
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск

E. A. Rozhina
North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ОБЕРЕГИ В КУЛЬТУРЕ САХА

ORNAMENTAL CHARMS IN THE CULTURE OF THE SAKHA

Аннотация. В настоящее время на рынке отмечается большой спрос на товары с национальным колоритом. Чтобы удовлетворить потребности населения, производители в некоторых случаях, не разбираясь в значениях орнаментов, изготавливают различные виды «ходовых» товаров. Между тем каждый узор, орнамент имеют свои значения, которые по внутреннему свойству знаковой среды (семиосферы) своеобразны и изменчивы. Знания об этом очень важны, необходимо понимать, что означают узоры, где и как должны быть использованы, каково правильное расположение узоров, сочетание разных по смыслу видов орнаментов и т. п. Орнаменты могут быть использованы не только для красоты, но и как оберег с защитными функциями.

Abstract. At present, there is a great demand on the market for goods with a national flavor, in order to satisfy this kind of needs of the population, manufacturers in some cases, not understanding the meanings of ornaments, produce various types of popular goods. Meanwhile, each pattern, ornament has its own meaning, which, according to the internal property of the sign environment (semiosphere), is peculiar and changeable. And knowing it in our time is very important,

but people do not attach importance to what they mean, where and how they should be used. For example, the correct arrangement of patterns, a combination of different types of ornaments, etc. Also, ornaments can be used not only for beauty, but also as a talisman with protective functions – this is typical of all ethnic cultures.

Ключевые слова: традиционные обереги, канон, код культуры, прикладная культура.

Keywords: traditional amulets, canon, culture code, applied culture.

У каждого человека, независимо от образования и других статусных положений, в той или другой мере проявляются этнонациональные идентификационные порывы, что склоняют его к знанию культурных традиций своего народа и их почитанию. Сегодня особо актуальна проблема, связанная с необходимостью приобщения подрастающего поколения к духовному наследию народа. Знакомство с народными обычаями, их усвоение обуславливает развитие новых способностей ребенка. К сожалению, современные производители, не придавая значения национальным канонам орнаментики и безмерно фантазируя, изготавливают и выставляют на продажу различные украшения-обереги, не имеющие соответствующего смыслового содержания или же, напротив, нарушающие и искажающие их. Последнее же, как искаженный, «сломанный» текст, несет в себе информацию, вносящую хаос и смуту в духовный мир личности.

Оберег, наряду с другими элементами культуры личности, относится к обязательным атрибутам повседневности, не теряя своей важности и востребованности по сей день. Это объясняется глубокими корнями данного феномена культуры, который имеет как свои национальные особенности, так и общие для всех культур элементы и функциональную сферу. В этнокультурном мире саха сохранились как основные понятия об обереге, так и технология их изготовления, получившие новый виток развития в наше время.

В связи с духовным возрождением нации началось обращение народа к своим культурным истокам, к традиционным ремеслам, к корневому религиозному верованию, что отразилось в творческом производстве и активном использовании оберегов с национальным колоритом. В данное время на рынке товаров народного потребления торговля оберегами занимает устойчивое место.

Обереги можно классифицировать по смыслу и назначению:

1) обереги сакрального смысла, используемые и носимые при себе длительное время; их обычно передают из поколения в поколение;

2) обереги на случай опасного предприятия, к примеру, дальней дороги, решающего события в жизни, от которого зависит дальнейшая судьба человека и т. п.; их используют событийно, ситуативно, по надобности;

3) обереги на память о знаменательном событии; их дарят человеку при особо важных событиях, при бракосочетании, прощании, поступлении на учебу, работу и т. п.

Все три указанных класса оберегов наличествуют в художественно-прикладном искусстве саха, обретая своеобразную «печать» времени, обусловленную и социально-экономическими условиями существования. Каждый из названных классов оберегов имеет национальный канон, гендерное и событийное предназначение, в достаточной мере описанное в этнографической литературе. Также обереги можно разделять на словесные, предметные и ритуальные [Сертакова 2013], что наблюдается и в якутской культуре. Мы обратили внимание на предметные обереги в орнаментальном оформлении.

Современная этническая личность предпочитает использование традиционных канонических оберегов, но при этом у нее недостаточно компетенций в области понимания смыслового содержания и назначения тех или иных видов оберегов, а мастера-прикладники по причине недостатка знаний и из-за стремления бесконечно фантазировать и создавать нечто оригинальное допускают различного рода трансформации в орнаментальном оформлении оберегов, ведущие к смысловым нарушениям. Эта проблема

должна решаться, к примеру, культурологами-экспертами, которым следует реализовывать планомерное обучение и просвещение населения, что можно эффективно осуществлять методами креативной индустрии и творческого проектирования.

Изучение трансформаций, допускаемых мастерами-прикладниками при изготовлении оберегов личного пользования, показывает, что:

1) чаще всего ошибаются в использовании национальной орнаментики;

2) допускаются гендерные нарушения в украшении и декоре национальной одежды, оберегов;

3) путают направление расположения узоров и орнаментов (верх-низ, перед-зад, правое-левое, вращение по часовой и против часовой стрелки и т. п.);

4) начинают самостоятельно изобретать узоры, которые, не имея определенного смысла, не создают цельных текстов, выполняющих подобающие оберегам функции.

Анализируя результаты проведенных опросов, выявили, что опрошенные путем анкетирования студенты знают о символике оберега и его защитной функции, но не осведомлены в значениях символики оберегов традиционной культуры народа саха. Вполне допустимо, что в магазинах традиционных украшений/одежды молодые люди могут приобретать обереги/украшения – с нарушениями в орнаментике. Опрос же в восьми магазинах г. Якутска показал, что 75 % покупателей, не зная о сакральном значении оберегов, придерживаются советов продавцов.

Таким образом, обереги в системе традиционных знаковых элементов способны выступать средством передачи и сохранения кодов культуры и культурной памяти, при условии грамотного их включения в контекст социальной и культурно-образовательной деятельности.

Авторы статьи готовы предложить покупателям и соответствующим инстанциям следующие рекомендации:

– использовать идею разработанного нами творческого проекта и организовать обучение как мастеров-прикладников, так

и частных лиц, желающих приобрести и/или самостоятельно изготовить себе определенный оберег;

– культурологам рекомендуем разработать методические пособия, атласы, справочники по оберегам саха и производить профессиональную экспертизу реализуемых на рынке сбыта оберегов на предмет соответствия традиционному канону;

– студиям и мастерским по изготовлению оберегов следует получить соответствующий сертификат, который может выдавать специальная Комиссия при кафедре культурологии СВФУ им. М. К. Аммосова.

ЛИТЕРАТУРА

Сертакова И. Н., Мудрецова Т .В. Символика и культурно-историческое значение украшений в традиционной культуре // Аналитика культурологии. – 2013. – № 23. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-i-kulturno-istoricheskoe-znachenie-ukrasheniy-v-traditsionnoy-kulture (дата обращения: 04.05.2021).

УДК 821.161.1-1=511.112.09(045)

Н. В. Чикина
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», г. Петрозаводск

N. V. Chikina
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЦИКЛА «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С. ЕСЕНИНА Т. СУММАНЕНОМ *

FEATURES OF T. SUMMANEN'S TRANSLATION OF S. YESENIN'S THE «PERSIAN MOTIFS» CYCLE

Аннотация. Статья посвящена творчеству финноязычного поэта и переводчика Карелии Т. Сумманена (1931–1988). Предметом исследования стали переводы цикла «Персидские мотивы» С. Есенина на финский язык. Научное значение исследования заключается в изучении переводческой деятельности Т. Сумманена, его приемов выражения авторского сознания. Цель: определить переводческие стратегии Т. Сумманена. Актуальность исследования особенностей перевода лирики С. Есенина в аспекте передачи субъектных форм определяется как значимостью его поэзии, так и возможностью изучить специфику авторской системы переводчика. Анализ переводов поэзии С. Есенина на финский язык, выполненный Т. Суммаменом, осуществлен впервые.

* Обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 121070800089-0

Abstract: The article deals with the works of the Finnish-speaking poet and translator living in Russian Karelia T. Summanen (1931–1988). The subject of the study was the translation of the cycle «Persian Motives» by S. Yesenin into Finnish. The scientific significance of the study lies in the study of the translation activity of T. Summanen, his methods of expressing the author's consciousness. Purpose: to determine the translation strategies of T. Summanen. The relevance of the study of the features of the translation of S. Yesenin's lyrics in the aspect of the transfer of subjective forms is determined both by the significance of his poetry and the opportunity to study the specifics of the author's system of the translator. Analysis of the translations of S. Yesenin's poetry into Finnish, performed by T. Summanen, was carried out for the first time.

Ключевые слова: Т. Сумманен, С. Есенин, поэзия, перевод, литература Карелии.

Keywords: T. Summanen, S. Yesenin, poetry, translation, literature of Karelia.

На протяжении многих лет Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва) проводятся исследования творчества великого русского поэта С. А. Есенина [Малыгина 2020], ведётся подготовка коллективного академического труда Большой Есенинской энциклопедии, в создании которой принимают участие Т. К. Савченко, Е. А. Самоделова, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. И. Шубникова-Гусева и др. Зарубежные исследователи М. Никё, Р. Банерджи [Банерджи 2018], О. В. Далкылыч, П. Маккарей [McCarey 2018] занимаются анализом переводческой деятельности и интерпретацией художественных текстов С. А. Есенина. Финноязычная литература Карелии, представителем которой является Т. Сумманен, служит объектом исследований российских – Э. Г. Карху, Э. Л. Алто, М. В. Казаковой [Казакова 2021] и зарубежных – Т. Курки [Kurki 2018], Й. Нюмана [Nyman 2019] учёных.

До настоящего времени переводческая деятельность Т. Сумманена не становилась объектом отдельного исследования, несмотря на то, что он перевел на финский язык стихи А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Заболоцкого, А. Ахматовой, Я. Райниса, К. Кулиева и др. Изучение переводческих стратегий, использованных Т. Сумманеном для передачи сюжетно-композиционной, проблемно-тематической и образной системы поэзии С. Есенина посредством финского языка, представляется новым, актуальным и перспективным.

Материалом исследования стали двенадцать переводов стихотворений С. Есенина, включая произведения из цикла «Персидские мотивы», опубликованные в коллективном сборнике «Uuden runon Venäjä: 40 neuvostovenäläistä runoilijaa» («Новые стихи России: 40 советских русских поэтов») и журналах «Punalippu» («Красное знамя»), «Carelia» («Карелия»). В основу исследования положены образно-семантический, контекстуальный, системно-субъектный методы, которые интегрируются в едином сравнительно-сопоставительном анализе оригинала и переводов.

Первые три стихотворения в переводе Т. Сумманена – «Выткался на озере алый свет зари…», «Песнь о собаке» и «Запели тесаные дроги…» – были опубликованы в 1965 году. Всего поэт перевел двадцать два произведения С. Есенина. Сумманен не мог обойти вниманием общепризнанный шедевр лирической поэзии Есенина «Персидские мотивы» и перевел пятнадцать стихотворений цикла: «Улеглась моя былая рана…»; «Я спросил сегодня у менялы…»; «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»; «Ты сказала, что Саади…»; «Никогда я не был на Босфоре…»; «Свет вечерний шафранного края…»; «Воздух прозрачный и синий…»; «Голубая родина Фирдуси…»; «В Хороссане есть такие двери…»; «Глупое сердце, не бейся!..»; «Голубая да веселая страна…»; «Отчего луна так светит тускло…»; «Золото холодное луны…»; «Быть поэтом – это значит то же…»; «Руки милой – пара лебедей…».

Как отмечала Е. М. Дьяконова: «Формы, которые принимает Восток в России, отличаются разнообразием, эта тема представлена

во многих видах и жанрах литературы, она отразилась в описаниях Востока, имитациях, интерпретациях, подражаниях, переводах, в которых «свое» содержание воплотилось в экзотическую форму» [Дьяконова 2020, с. 127].

В цикле «Персидские мотивы» образы Востока, приметы восточного быта (чайхана, красный чай, шаль, ковер, черная чадра и т.п.), топонимы (Тереган, Хороссан, Шираз) одновременно принадлежат миру Азии и Персии или обозначают границу между ними, как Ефрат в стихотворении «Ты сказала, что Саади…». Здесь Восток – это целительное место, цветущий сад («Улеглась моя былая рана…»), пространство любви и страсти («Я спросил сегодня у менялы…»), мир поэтической мечты («Никогда я не был на Босфоре…»), который навсегда покидает путник («Воздух прозрачный и синий…») [Савченко 2020, с. 55].

В стихотворении «Отчего луна так светит тускло…» Сумманен опустил некоторые слова и фразы, которые незначительно меняют смысл произведения (например, не указывает место действия – Хороссан). Героиня Лала также исчезла из перевода, а лирический герой обращается к неизвестному третьему лицу. Образ кипарисов у Есенина представлен ратью, Т. Сумманен же заменяет безмолвных защитников и сравнивает деревья с немыми и безголосыми людьми. Луна светит тускло и грустно, потому что, по мнению переводчика, сама является чужестранкой, а измену Шаганэ объясняет отсутствием любви.

В переводе стихотворения «Улеглась моя былая рана…» автор точно передал смысл и структуру произведения, подобрал точные определения для некоторых явлений. Например, удачно заменил слова чайханщик, шаль, калитка. Т. Сумманен использует слово isäntä (хозяин) вместо чайханщик, что соответствует ему по значению и хорошо встраивается в рифму. Лирический герой С. Есенина дарит девушке шаль из Хороссана, а переводчик решил «подарить» платок (huivi). Такая замена, видимо, вызвана желанием сохранить рифму, т. к. шаль по-фински звучит как hartialiina /

hartiahuivi, но существует и вариант saali/šaali. Также Т. Сумманен использует вместо слова teetupa (чайхана) транслитерацию tsaihana.

Завершает стихотворение переводчик строкой «löydän polun tarhaasi» («найду тропу в твой сад»), в то время как у Есенина «калитка есть в саду». Особенно интересен перевод есенинской строки «поцелуям учимся без денег». Здесь Т. Сумманен при описании чувства любви, так же как и в стихотворении «Отчего луна так светит тускло…», использует понятие lempi (лемпи). В данном случае переводчик использует слово lempioppi – любимый урок, точнее можно сказать, «урок любви», которым в России обучаются без денег и коварных кинжалов.

Перевод стихотворения «Я спросил сегодня у менялы…» содержит несколько изменений в конструкции, хотя смысл передан полностью. У С. Есенина два предложения повторяются: «Я спросил сегодня у менялы» и «Как сказать мне для прекрасной Лалы». Т. Сумманен отходит от этого повтора и пишет в обоих случаях два разных предложения.

Переводчик уточняет, что его «меняла» – «обменщик денег» (rahanvaihtaja), а не просто «обменщик» (vaihtaja). Т. Сумманен использует различные слова-синонимы, избегая повторов, тем самым, показывая свое мастерство. Например, глагол «сказать» у него обозначен финскими глаголами «sanoa» и «virkkaa». У С. Есенина в четвертой строфе использован глагол «ответил». На наш взгляд, Т. Сумманен также мог взять слово «vastata», не нарушая тем самым ритм произведения и более точно переведя его.

Переводя стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», Т. Сумманен полностью сохранил конструкцию произведения, хотя вновь внес отдельные смысловые изменения, которые начинаются уже с названия «Шаганэ, прекрасная, Шаганэ!..». Обращает на себя внимание то, что Т. Сумманен заменил при переводе слово «поле», которое встречается у С. Есенина, на «рожь», а «рожь» на «зерно». О рязанских полях он напишет во второй строфе. Изменяет Т. Сумманен и концовку. Если лирический герой С. Есенина сомневается в том, что его ждет любимая в России, то персонаж Т. Сумманена

уверен – его в России ждет северная красавица, внося тем самым личную эмоциональную составляющую в текст.

Перевод стихотворения «Никогда я не был на Босфоре…» претерпел достаточно сильные изменения. С. Есенин просит девушку: «Наклонись своим красивым станом», а Т. Сумманен – «Руками нежными возьми мое сердце», т. о. Есенин обращает внимание на внешний облик, а Сумманен готов отдать ей свое сердце. Лирический герой позволяет девушке взять его жизнь в свои руки.

В стихотворении С. Есенин дважды упоминает тальянку, а Т. Сумманен в первом случае заменяет ее на гармонь. Интересные эпитеты Т. Сумманен подобрал для персянки (дева Персии), ночи (востока чудо-ночь). Глаголы отрицания действия: «Не вздыхал, не думал, не скучал» не переведены совсем, но смысл их передан («Дева Севера, по которой я скучаю»). Несмотря на это, Т. Сумманен точно транслирует есенинскую антитезу, контрастность состояний и образов.

При переводе стихотворения «Свет вечерний шафранного края…» Т. Сумманен максимально сохранил конструкцию и смысл произведения, хотя фразу, начинающую стихотворение и повторяющуюся в нем несколько раз, он перевел как «Розами тихо волнуется край». В первой и третьей строфах Т. Сумманен повторяет первую и пятую строки, создавая кольцевую композицию.

Третья строфа у С. Есенина состоит из двух вопросительных предложений, заканчивающихся фразой: «Закрывая телесную медь?». Т. Сумманен опускает данное сравнение, строфу начинает и завершает выражением: «Они не красавиц же прячут», ставя в конце пятой строки третьей строфы знак вопроса. Однако согласно грамматике финского языка при вопросе меняется конструкция предложения, чего здесь мы не видим.

В четвертой строфе переводчик призывает девушку к активным действиям: «Сними, дорогая, прочь с лица чадру». У С. Есенина – «Дорогая, с чадрой не дружись». А во второй и пятой строках благодаря изменениям в грамматической конструкции Т. Сумманену удается сделать необходимый акцент – жизнь

коротка, а моменты счастья еще короче. Сравни: «Sinä tiedäthän elämänlain» («Ты же знаешь закон жизни») и «Sinä tiedät tuon elämänlain» («Ты знаешь этот закон жизни»).

Перевод стихотворения «Голубая родина Фирдуси…» Т. Сумманен начинает с описания далекой родины Фирдуси красивой и дорогой Персии, которая осталась в памяти русского мечтателя. Четвертую строфу С. Есенин начинает вопросом: «Но тебя я разве позабуду?» и завершает утвердительным предложением: «И тебя навеки не забуду». Т. Сумманен же несколько меняет смысл вопроса и дважды повторяет его в начале и конце четвертой строфы: «Как мне тебя забыть?». В качестве талисмана лирический герой Т. Сумманена дарит Шаганэ русскую песню, исполняя которую она будет вспоминать о нем.

При переводе стихотворения «В Хороссане есть такие двери…» Т. Сумманен вносит уточнение «В Хороссане есть одна дверь…», которая никогда не открывается. Слово «пери» он заменяет на «дева востока». Как и в предыдущих случаях, например, в стихотворении «Свет вечерний шафранного края…», Сумманен опускает сравнение с металлами.

Практически во всех стихотворениях цикла переводчик оставляет заданную конструкцию, но заменяет некоторые слова, фразы, а порой и целые строки, подчас даже изменяя смысл оригинала. Так, в стихотворении «Глупое сердце, не бейся!..» в пятой строфе вместо повтора первой строки в пятой строке он вновь пишет: «Успокойся уже, сердце бедняга!», а в последней строфе вообще опускает это предложение, тем самым, не только изменив конструкцию С. Есенина, но и сократив стихотворение на одну строку.

После смерти переводчика было опубликовано еще одно стихотворение из цикла «Персидские мотивы», выполненного Т. Сумманеном, – «Быть поэтом – это значит то же…». Словосочетание «Быть поэтом» в первой строфе переведено как «Судьба не жалует поэта…», а во второй – «Поэт широк и свободен…».

Причин, по которым переводчик опускает ту или иную информацию, есенинские сравнения и др., может быть несколько:

неопытность поэта, грамматические особенности финского языка, незнание культуры Востока. Главной, на наш взгляд, является сложная образная система русского поэта, поскольку даже известным переводчикам не всегда удавалось точно передать специфику национального мышления и образного видения мира С. Есенина.

Переводы стихотворений из цикла «Персидские мотивы» позволили Т. Сумманену обратиться к совершенно новой лексике, связанной с другой культурой. По сути, мы сталкиваемся «с феноменом эстетической интерференции, когда система художественных координат родной культуры, изначально определяющая формирование ценностных ориентиров писателя-акцептора, накладывает отпечаток на характер усвоения чужого наследия. <…> Различия в образно-поэтическом строе препятствуют абсолютно идентичному воспроизведению внутренней (семантической) и внешней формы художественного произведения на другом языке» [Кудрявцева 2020, с. 195].

Несколько искаженная картина «чужого» мира, воспринятая Т. Сумманеном сквозь призму собственных социокультурных реалий, рождала при этом образ «другого» мира, обогащала литературу Карелии, способствуя, тем самым, и трансформации национально-художественной модели.

Самой большой художественной работой Сумманена стал перевод революционно-романтической «Balladi kahdestakymmenestä kuudesta» («Баллады о двадцати шести»), опубликованной в журнале «Красное знамя» в 1971 году. С Азербайджаном и Баку у Есенина установились тесные связи, поэтому известие о гибели 26 бакинских комиссаров в молодой героической республике болью отозвалось в душе поэта. Именно в газете «Бакинский рабочий» впервые были опубликованы стихи из цикла «Персидские мотивы».

Перевод цикла «Персидские мотивы» С. Есенина показал интерес карельского автора к лирике русского поэта. Основными методами перевода Т. Сумманена стали: перестановка (изменение порядка слов в предложении), замены (компенсация, антонимический перевод), опущение и добавление.

Произведения Т. Сумманена способствовали расширению лексического запаса, развитию образной системы. В финноязычную литературу Карелии были введены образы Востока (чайхана, чадра, шелк, Фирдуси, Босфор); приемы сравнения (например, сравнение дыни с луной, этого образа не было в национальной литературе). Введение объектов другой культуры в литературу Карелии выполняет и просветительскую функцию. Трансформация поэтических образов С. Есенина переводчиком позволяет сделать вывод о том, что Т. Сумманен использовал в качестве переводческой стратегии – форенизацию. За счет этого осуществлялось сохранение элементов «чужого слова», что было наиболее целесообразно для воспроизведения реалий, особенно в цикле «Персидские мотивы».

Финну Т. Сумманену удалось достаточно точно передать поэтические образы русского поэта С. Есенина в широком культурном контексте. Переводы поэзии С. Есенина на финский язык представляют существенный интерес, как для современной практики перевода, так и для сопоставительной стилистики. Необходимо продолжить исследования переводов поэзии русского поэта на финский язык, выполненных в Карелии, востребованность которых определяется активной межэтнической коммуникацией, сохранением на территории республики финской национальной культуры, что является важным фактором в условиях глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

Банерджи Р. Тема «малой» и «большой» родины в лирике Сергея Есенина и Рабиндраната Тагора // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха: сб. науч. тр. – Ч. III. – М.: Константиново; Рязань, 2018. – С. 168–182.

Дьяконова Е. М. «Экзотизм» как способ постижения Востока в русской поэзии рубежа XIX–XX вв. // Встреча Востока и Запада: взаимодействие литератур и традиций. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – С. 127–164.

Казакова М. В. Билингвальная картина мира в творчестве А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) (на примере

авторского перевода) // Studia Litterarum. – 2021. – Т. 6. – № 1. – С. 338–353.

Кудрявцева Т. В. Образ Китая в литературе Германии на рубеже XIX–XX веков // Встреча Востока и Запада: взаимодействие литератур и традиций. – М.: ИМЛИ РАН, 2020. – С. 165–198.

Малыгина Н. М. Сюжеты будущей истории русской литературы XX века в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» // Филологический класс. – 2020. – Т. 25. – № 1. – С. 209–213.

Савченко Т. К. Восток // Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1. Памятные места и литературная география / науч. отв. ред. Н. И. Шубникова-Гусева; ред. М. В. Скороходов, С. И. Субботин. – Константиново, 2020. – С. 55.

Kurki T. Border Crossing Trauma Seen Through Hyper-Naturalist Prose and Surreal Forms of Narration // Mobile culture studies. – 2018. – Vol. 4. – Pp. 39–56.

McCarey P. Russian Poetry Live and the Language Barrier. Multilingualism and Russia's Ethnic Cultures through English, French, German, Russian and Other Languages. – St. Petersburg: Herzen University Press, 2018. – Pp. 90–102.

Nyman J. Borders, Borderscapes, and Border-Crossing Romances in Contemporary Migrant Writing in Finland by TaoLin and Arvi Perttu // Journal of borderlands studies. – 2019. – Vol. 34 (1). – Pp. 105–120.

УДК 821.512.145-2(091)(045)

А. С. Шарипова
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

A. S. Sharipova
G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

ПРОБЛЕМА ИНВАРИАНТА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

THE INVARIANT PROBLEM IN THE STUDY OF THE HISTORY OF TATAR DRAMA

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы инварианта татарской драматургии. Автором рассматриваются теоретические аспекты понятия «инвариант» в отечественном литературоведении и предлагается его использование при изучении истории татарской драматургии. Доказывается, что изучение истории развития татарской сценической литературы с опорой на понятие «инвариант» позволяет определить векторы исследования и воссоздать целостную картину ее эволюции. Этот аспект подхода к материалу также дает возможность установить матрицы, обеспечивающие единство в многообразии тенденций ее художественного развития. Определяются направления поисков, приводящие к трансформациям инварианта, прослеживается влияние на него историко-культурных факторов и ситуаций. Устанавливается, что трансформация сформированного в начале XX века инварианта татарской классической драматургии произошла три раза: в послереволюционный период, в период «оттепели» и постсоветский период.

Abstract. The article is devoted to the study of the invariant problem of Tatar drama. The author examines the theoretical aspects of the concept of «invariant» in Russian literary studies and suggests its use in the study of the history of Tatar drama. It is proved that the study of the history of the development of Tatar stage literature based on the concept of «invariant» makes it possible to determine vectors and recreate a holistic picture of its evolution, as well as to establish matrices that ensure unity in the diversity of trends in its artistic development. The tendencies leading to transformations of the invariant are determined, the influence of historical and cultural factors and situations on it is traced. It is established that the transformation of the invariant of Tatar classical drama formed at the beginning of the XX century occurred three times: in the post-revolutionary period, during the «thaw» and the post-Soviet period.

Ключевые слова: татарская драматургия, инвариант, трансформация, конфликт, идея, персонаж, тема, проблема.

Keywords: tatar drama, invariant, transformation, conflict, idea, character, theme, problem.

Термин «инвариант» употребляется в различных областях науки, в том числе и в гуманитарных; конкретное значение этого понятия зависит от той сферы, в которой оно используется. В литературоведении оно применяется при исследовании и анализе различных художественных явлений и процессов и, в основном, служит для обобщения представлений об их устойчивых моделях или свойствах. Эту проблематику изучали такие известные ученые, как Юрий Лотман [Лотман 1970], Натан Тамарченко [Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004], Александр Жолковский, Юрий Щеглов [Жолковский, Щеглов 1975; 1996], Юрий Доманский [Доманский 2006] и др.

Известный ученый Юрий Михайлович Лотман в понимании «инварианта» использует структурно-семиотический подход («Структура художественного текста»). То есть он рассматривает любой

текст как определенную иерархическую структуру, и, по мнению ученого, эта структура, сохраняя свои основные особенности, может проявляться в явлениях, причем в разностадиальных и разновременных. Выражаясь словами ученого, «инвариант» – это «общее для различных взаимо-эквивалентных вариантов», или же «неизменная часть изменяющихся состояний, позволяющая их идентифицировать как варианты одного явления» [Лотман 1970, с. 20]. По этому принципу ученым проанализированы поэтические тексты классиков русской литературы.

Одними из первых термин «инвариант» в связке с понятием «поэтический мир» использовали русско-американские ученые Александр Жолковский и Юрий Щеглов. По мнению исследователей, инвариант является основной чертой (то есть темой) поэтического мира – отдельного поэта или писателя, или художественной литературы определенного периода [Жолковский, Щеглов 1975, с. 150–163]. Литературоведом Натаном Тамарченко термин «циклический инвариант» используется по отношению к устойчивым характеристикам универсальных сюжетных схем многих жанров – фольклорных и литературных, эпических, драматических и лирических. Под понятием «инвариант структуры литературного произведения» им подразумевается «идеальный» тип или логически сконструированная модель произведения, основанные на сравнении конкретных литературных произведений [Тамарченко, Тюпа, Бройтман 2004, с. 266]. Юрий Доманский исследует проблему вариативности художественного текста на примере пьес А. П. Чехова и авторской песни, а также рок-поэзии [Доманский 2006, с. 16].

Термин «инвариант» достаточно активно применяется и при исследовании различных литературных жанров. Защищены кандидатские диссертации на темы: «Поэтика исторического романа: проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века» [Малкина 2001], «Жанровый инвариант и генезис классического детектива» [Киреленко 2016], «Жанровые инварианты и поэтика «рождественской

прозы»: на материале английской и русской литератур» [Меретукова 2017] и др. Это понятие используется также и в исследованиях, затрагивающих переводческие аспекты литературного текста [Альбеков 2020, с. 694].

Основываясь на теориях Ю. Лотмана и Ю. Доманского, понятие «инвариант» мы рассматриваем применительно к национальному историко-литературному процессу на примере татарской драматургии. Инвариант – это структурная основа (устойчивая модель) литературного процесса (в нашем случае – процесса развития драматургии), которая формируется под воздействием внутренних и внешних факторов и с течением времени переживает постепенные изменения. Инвариант художественной литературы принадлежит словесному искусству определенной эпохи в целом, а не творчеству отдельного писателя (драматурга) или конкретному произведению, вместе с тем, непосредственно наблюдаемым становится только в составе конкретных текстов. Лишь в результате анализа отдельных произведений, творчества отдельных авторов и их сопоставления можно прийти к выводам о становлении или трансформации инварианта художественной литературы. В контексте сказанного можно обратиться к наблюдениям Ю. Лотмана, что неизменность и изменчивость соотнесены и невозможны друг без друга [Лотман 1967].

Анализ творчества таких ведущих драматургов периода становления татарской сценической литературы, как Г. Камал, Г. Исхаки, Г. Кулахметов, Ф. Амирхан, С. Рамиев, М. Файзи и др., позволяет установить, что инвариант татарской классической драматургии формируется в начале XX века. Его характерными свойствами являются ориентированность на моделирование судьбы татарского народа, повышенный интерес к этническим проблемам и к изображению национальной татарской действительности, нравственным ценностям, призванным изменить сознание окружающих. Концепция героя, сюжетно-композиционная организация текста, художественные приемы изображения в драматических произведениях этого периода подчиняются теме судьбы этноса.

Новый герой – физически и духовно свободная, образованная, способная к критической оценке социально активная личность с ярко выраженным стремлением к борьбе за интересы окружающих – становится центром данной модели. В становлении инварианта, с одной стороны, немаловажную роль сыграли традиции тюрко-татарского поэтического мира, хранившегося в памяти татарской литературы, а с другой, – просветительские тенденции в словесном искусстве, влияние восточной и русско-европейской художественно-эстетической мысли и становление татарского профессионального театра.

После Октябрьской революции 1917 года происходит трансформация инварианта. Этот процесс отражается на всех его уровнях – в тематике, в конфликте, основанном на классовой борьбе; характерно художественное сочетание реалистических тенденций с элементами революционной романтики. Типичными особенностями инварианта татарской советской драмы становятся сфокусированность внимания на изображении картины строительства социалистической жизни и событий государственной значимости, преобладание конфликта, основанного на противопоставлении двух враждебных лагерей – буржуазии и пролетариата, классовой борьбе, «освобождение» хронотопа от этнических очертаний, его интернациональность. «Новый советский герой» предстает в традиционном амплуа борца за счастье других людей, своего народа, страны. Подчинение формы идее приводит к отрыву от классических художественных приоритетов, «основная тема – строительство новой жизни – уводит сценическую литературу от этнической направленности, как в содержании, так и в поэтике» [Шарипова 2021, с. 2967]. Необходимо отметить, что в период Великой Отечественной войны наблюдается в определенной степени рост авторитета общечеловеческих и гуманистических ценностей, но, вместе с тем, драматургия военного времени также не сумела преодолеть искусственности в изображении действительности. Расхождение декларируемых государством призывов

с действительностью в 1950-е годы приводит к появлению «бесконфликтной» драматургии.

В 1960-е годы происходит ослабление соцреалистического канона, отмечается трансформация инварианта татарской драматургии: предметом изображения становится действительность (как общечеловеческая, так и этническая), рассматриваемая через призму нравственности; в центре внимания драматургов оказывается духовный мир человека, особенности менталитета и жизненного уклада татарского народа; конфликт пьес начинает основываться на серьезном противоречии между взглядами героев – представителей разных поколений, – на такие ценности, как любовь, семья, преемственность поколений, смысл жизни, честный труд. Приоритетной становится идея сохранения в человеке гуманистического начала, а также нравственных ценностей, передаваемых от поколения к поколению; образ нового героя начинает определяться не идеологическими, а нравственно-эстетическими критериями – преданностью народным устоям, национальным традициям, нравственным принципам; авторами активно используются приемы символической типизации, классического романтизма, создания скрытого смысла, подтекста.

На рубеже XX–XXI веков в татарскую драматургию вновь возвращается идея возрождения национальной идентичности и этнического самосознания. Этот период «характеризуется существенным обогащением тематики за счет обращения к ранее табуированным темам и мотивам, расширения круга проблематики, а также экспериментов в отношении подачи сюжета и композиции, разнообразия характеров» [Шарипова 2022б, с. 128]. Пьесы Ильдара Юзеева, Туфана Миннуллина, Зульфата Хакима, Мансура Гилязова, Ильгиза Зайниева позволяют сделать вывод о том, что инвариант татарской постсоветской драматургии выводит на передний план национальное и общечеловеческое в противовес общественному началу. Особенностью инварианта татарской драматургии постсоветского периода становится повышенный интерес к табуированным мотивам, направленным на переосмысление советского

прошлого с критических позиций. В центре произведений оказываются темы сохранения этнических и общечеловеческих ценностей, родного языка и традиций, преемственности поколений и др. А. М. Закирзянов верно отмечает, что «достижения в сценической литературе начала XXI века связаны с созданием многопластовых образов современного героя, носителя национального характера» [Закирзянов 2022, с. 137].

Процесс развития сценической литературы не сводится к тому, что возникающие на определенных периодах национального историко-литературного процесса инварианты обособлены. На каждом этапе татарские драматурги находятся в диалоге с предшественниками, отдельные периоды развития татарской драматургии связаны между собой диалогическими отношениями. Исследование взаимосвязи инварианта и вариативности позволяет выявить элементы диалога между отдельными периодами развития татарской драматургии, включая творческие переклички произведений отдельных авторов, а также определить универсальную фундаментальную основу инварианта татарской драматургии, присущую всем периодам ее развития, – «структурирование сюжета вокруг проблемы судьбы народа, сфокусированность внимания на идее пробуждения самосознания отдельного человека и народа в целом, и ориентированность на концепцию героя, основанную на изображении активного типа человека-борца» [Шарипова 2022а, с. 288].

ЛИТЕРАТУРА

Альбеков Н. Н. Инвариант в переводе текста // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 6 (85). – С. 692–694.

Доманский Ю. В. Вариативность и интерпретация текста (парадигма неклассической художественности): автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2006. – 44 с.

Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. К понятиям «тема» и «поэтический мир» // Ученые записки Тартуского ун-та. – Тарту, 1975. – Вып. 365. – С. 150–163.

Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

Закирзянов А. М. Татарская драматургия начала XXI века: поиск современного героя // Ислам в России: история, культура, экономика: материалы XI Международной тюркологической конференции. – Казань, 2022. – С. 135–138.

Киреленко Н. Н. Жанровый инвариант и генезис классического детектива: дис. … канд. филол. наук. – М., 2016. – 252 с.

Лотман Ю. М. Литературоведение должно быть наукой // Теория литературы. – 1967. – № 1. – С. 90–100.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста – М.: Искусство, 1970. – 382 с.

Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века: дис. … канд. филол. наук. – М., 2001. – 216 с.

Меретукова М. М. Жанровые инварианты и поэтика «рождественской прозы»: на материале английской и русской литератур: дис. … канд. филол. наук. – Краснодар, 2017. – 206 с.

Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 512 с.

Шарипова А. С. Особенности инварианта татарской советской драматургии 1920–1930-х годов (на примере пьес Г. Ибрагимова и К. Тинчурина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 10. – С. 2963–2967.

Шарипова А. С. Татарская драматургия XX – начала XXI века: проблема инварианта. – Казань: ИЯЛИ, 2022а. – 336 с.

Шарипова А. С. Художественное воплощение темы судьбы народа в пьесе «Бичура» («Домовой») Мансура Гилязова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 1 (114). – С. 127–136.

УДК 821.511.152-3.09(045)

С. В. Шеянова
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск

S. V. Sheyanova
Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk

ФУНКЦИИ ИМЕНИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНАХ Е. ЧЕТВЕРГОВА

FUNCTIONS OF THE NAME OF THE CHARACTER IN THE NOVELS BY E. CHETVERGOV

Аннотация. Описываются функции имени персонажа в поэтической структуре романов Е. Четвергова «Ванечка» и «Здесь и Там»; изучаются художественные возможности антропонима, способы авторской номинации персонажей, принципы конструирования антропонимической системы текстов. Прозаик использует различные вариации и формы антропонима, что обусловлено творческим замыслом произведения, а также индивидуально-авторской концепцией мира и человека. Имя в романах Е. Четвергова полифункционально, оно становится важным компонентом поэтики образа, конструктивным фактором моделирования художественного пространства, национальной картины мира, средством отражения индивидуального стиля писателя.

Abstract. The article examines the functions of the name of the character in the poetic structure of E. Chetvergov's novels «Vanechka», «Here and There», the artistic possibilities of the anthroponym, determines the methods of author's nomination of charactersthe, principles for constructing the anthroponymic system of texts. We arrive at the conclusion that the prose writer uses various variations of the

anthroponym, which is due to the creative concept of the work, as well as the individual author's concept of the world and man; name in novels is polyfunctional, becomes an important component of the poetics of the image, a constructive factor in modeling the artistic space, the national picture of the world, a means of reflecting the individual style of the writer.

Ключевые слова: современный мордовский роман, Е. Четвергов, имя, семантика имени, функция имени, литературный антропоним.

Keywords: modern Mordovian novel, E. Chetvergov, name, name semantics, name function, literary anthroponym.

В мордовском литературоведении изучение художественных возможностей литературного антропонима находится на периферии научного интереса. Опорой для нас могут стать работы Н. В. Васильевой [Васильева 2009], Ю. А. Карпенко [Карпенко 1986], В. Н. Михайлова [Михайлов 1965], О. И. Фоняковой [Фонякова 1990] и других ученых, разрабатывающих теорию макротекстологии имени, изучающих его текстовую стратегию, функциональную семантику в поэтическом пространстве.

В процессе осмысления замысла произведения, конструирования его сюжетно-композиционной модели, обрисовки взаимодействия и взаимосвязей между персонажами автор, безусловно, обращает внимание на разнообразные фамилии, имена, прозвища, анализирует их и подбирает такие вариации и сочетания, которые отражают концептуальную идею текста, обладают эмоционально-смысловой, оценочной, характеризующей функциональностью. Особенно важна коммуникативная нагрузка имени – его способность оказывать эмоционально-чувственное воздействие на читателя, рождать в его сознании определенные ассоциации, вызывать рефлексию, побуждать к декодировке обобщенно-концептуального смысла произведения, раскрытию авторского мировидения. По утверждению исследователей, имя – «стилистически

маркированный элемент» [Ибрагимова 2010, с. 11], обладающий «большим социально-типологическим и художественно-изобразительным потенциалом» [Ибрагимова 2010, с. 3]; «имена – это целая знаковая система, характеризующая внутренний мир героев и их взаимоотношения» [Фролов 2005, с. 21], «полифункциональные знаки» [Габышева 2020, с. 143], отличающиеся «семантической многоплановостью» [Габышева 2020, с. 143], определяющие содержательно-семантический модус текста. Кроме текстообразующей функции поэтический антропоним содержит характерологическую, этническую, культурно-историческую, общественную информацию, становится «вербальным средством воплощения авторских интенций и мировоззрения» [Габышева 2029, с. 143]. В романе Е. Четвергова «Ванечка» [Четвергов 2011] и «Здесь и Там» [Четвергов 2013] наблюдаются разнообразные принципы и способы авторской номинации персонажей, формулы и вариации имени.

Представленный в составе заглавия антропоним находится «в самой сильной позиции», – считают ученые [Фонякова 1990, с. 57]. В романе «Ванечка» вынесенная в заглавие уменьшительная форма имени персонажа становится текстовой доминантой, концептуальной идеей произведения, эпицентром творческого замысла. Отказ от «монументальной формы имени» (П. А. Флоренский) является осознанным авторским решением, становится символическим приемом нивелирования в отдельном человеке и обществе в целом этических основ и принципов. Выбор формы имени главного героя романа обусловлен не только сферой его жизнедеятельности, не только коммуникативной ситуацией (желанием автора донести до читателя трагическую историю семьи), но и особым мировосприятием писателя, его вниманием к вопросам нравственно-этического содержания.

Героиня романа Акулина называет своего единственного, долгожданного сына Ванечкой. Такое обращение между членами семьи воспринимается как естественная норма, однако «имена уменьшительные, выходя за пределы, где подразумеваются чувства

особой близости, приобретают вкус явно слащавый и свидетельствуют в таком случае о каком-то размягчении духовного стана культуры» [Флоренский 2007, с. 144]. Обращение Ванечка ко взрослому мужчине представляется ироничным, раскрывает авторское негативное отношение к герою, становится средством отрицания его образа жизни. Это с одной стороны. С другой – демонстрирует статичность образа, деградацию персонажа. Следует отметить, что автор не называет фамилию Ванечки, подчеркивая, таким образом, что он не достоин носить фамилию своего отца, трагически погибшего в день рождения сына.

Кроме оценочной функции имя главного персонажа в романе «Ванечка» наделяется символико-информационной нагрузкой – семантически маркированное имя становится символическим отражением негативных реалий второй половины 1980-х – начала 1990-х годов (развал страны, переформатирование общественного строя, разрушение колхозной системы, безработица, алкоголизм и др.). Автор проецирует маргинальность отдельного индивида на социум в целом. В романе «проводится» мысль, что безнравственность и аморальность поведения Ванечки не являются результатом его воспитания в семье, мать стремилась привить ему принципы народной этики: трудолюбие, добродушие, ответственность, заботу о близких, на своем примере хотела воспитать в нем глубоко нравственные черты. Характер мужчины, образ его жизни детерминированы обстоятельствами и условиями «переломной» эпохи, судьба героя воспринимается читателем как воплощение общественного хаоса. Автор открыто обозначает свою позицию: внешние социальные факторы являются определяющими в формировании личности, человек является порождением среды и времени, в одиночку он не способен противостоять социуму, кардинально изменить его. Авторские рассуждения наполняют повествование онтологическим содержанием, актуализируют философские вопросы о смысле жизни и предназначенности человека. Таким образом, в романе прослеживается взаимосвязь между именем персонажа, онтологическим и аксиологическими дискурсами текста.

В иной тональности раскрыт образ матери Ванечки – Акулины, в которой воплощены лучшие черты эрзянки, женщины-труженицы, женщины-матери. Несомненно, героиня является авторским идеалом духовной красоты, чистоты помыслов, о чем свидетельствует и наделенная характерологической нагрузкой фамилия Валдаева (производная от эрз. слова «валдо» (свет / светлая). Романист нарекает ее малоупотребительным в настоящее время именем Акулина (ранее распространенным среди крестьянского сословия), что обусловлено авторской идеей воссоздания образа традиционного деревенского мира, а также стремлением подчеркнуть уникальную нравственность женщины, ее глубокую приверженность народно-этическим канонам. Семантика имени Акулина («подверженная мучениям») определяет трагичность судьбы героини – раннее вдовство, гибель второго мужа, воспитание ребенка в одиночку, беззащитная старость, отсутствие поддержки и защиты со стороны сына. Писатель использует модель именования «фамилия + имя», несущую семантически бинарные заряды – оптимистическую и трагическую.

В эпистолярном романе Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там») воссоздается беспрецедентная коммуникативная ситуация – общение живого мужчины Валдая и умершей женщины Вияны. В романе описываются мифопоэтические картины загробной жизни; прослеживаются жанровые признаки романа-мифа. Авторский замысел направлен на воспроизведение национального культурного мира, традиционной обрядовой сферы эрзян, их эсхатологических воззрений, этнического миропонимания, ментальности. В изображении всего этого определенная функция отводится именам персонажей. Имя в романе определяет этническую принадлежность героев, а семантика имени отражает особенности национального менталитета – добродушие, приветливость, отзывчивость, силу воли, душевную крепость.

Романист использует классицистический принцип именования – антропоним обладает открытой «говорящей» внутренней формой, что придает ему характерологическую, оценочную

нагрузку. Имена переписывающихся героев семантически близки, что символически подтверждает их духовную близость: Валдай (от эрз. «валдо» – свет, светлый) – добрый, открытый мужчина, Вияна (от эрз. «вий» – сила, сильная) – не сломленная духом, способная преодолевать жизненные трудности. Таким образом, этимологически обнаженная семантика лексической основы имени выполняет характеризующую функцию, раскрывает нравственно-психологическую сущность персонажей, их рефлексию автором.

Интересен вопрос о том, являются ли имена персонажей произведения аутентичными эрзянскими именами, или они возникают в творческом сознании писателя и конструированы им в соответствии с творческим замыслом романа. На наш взгляд, Валдай и Вияна – это вымышленные имена, однако посредством эрзянской основы прозаик имитирует обращение к восходящим к древнеэрзянскому антропонимикону именам, что обусловлено его стремлением реанимировать этнокультурную традицию, мировоззрение древних эрзян, передать ментальные особенности народа. Отмечаем, что в романе «Здесь и Там» Е. Четвергов использует лишь односоставную модель именования персонажей (только имя), что отражает специфику национального сознания (у древней мордвы не было отчеств, фамилий). Таким образом, имя способствует расширению сюжетно-композиционной структуры текста за счет включения мифологического, национально-культурного контекста.

В литературном произведении как вариация номинации персонажа используется прозвище, которое наделяется не только оценочной нагрузкой, но и коммуникативной – побуждает читателя к интерпретации, расшифровке семантически многозначной единицы. Включение прозвища в антропонимическую цепь романа «Здесь и Там» читателю представляется маловероятным в силу сюжетно-тематической специфики произведения, его пространственно-временного контекста. Однако в одном из своих писем Валдай рассказывает о Негритянке – так мужчина называет свою любовницу, отношения с которой скрывает от знакомых

и близких. Данное прозвище, на наш взгляд, не имеет внутренней мотивировки, лишено социальных коннотаций, не отражает поведенческие характеристики статичного персонажа второго плана, но создает фонетическую экспрессию, способствует восприятию женщины с экзотической внешностью, поддерживает ситуацию скрытности, интимности, недосказанности.

Антропонимическое пространство романной прозы Е. Четвергова смоделировано в соответствии с творческим замыслом произведения, концептуальными целями, содержательно-эмоциональным смыслом текста. В структуре его романов присутствуют разнообразные вариации именования – женские и мужские имена, нейтральные и стилистически окрашенные, официальные и прозвища; есть односоставная модель (имя) и двусоставная (фамилия + имя). Представлены имена, активные в настоящее время и архаизированные, соответствующие и не соответствующие реальному древнему и современному антропонимикону мордвы. Выбор имени персонажа обусловлен мировосприятием писателя, его индивидуально-авторской концепцией мира и человека, при этом он руководствуется принципом достоверности и целесообразности. Имя в романах Е. Четвергова становится полифункциональным компонентом поэтики текста: отражает концептуальную идею произведения, наполняет его символическим, порой онтологическим смыслом, является характеромоделирующим и сюжетоструктурирующим средством, выражает авторское отношение к персонажу, способствует отражению традиционной культуры народа, этнофилософии, ментальных особенностей эрзян, расширяет коммуникативный дискурс текста.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.

Габышева Л. Л. Антропонимическое пространство повести «Волки не дремлют» Л. Габышева, И. Зозули: семантика и функции имени // Litera. – 2020. – № 9. – С. 142–150.

Ибрагимова А. М. Антропонимы в произведениях С. Т. Романовского: структурно-функциональный анализ: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2010. – 19 с.

Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. – 1986. – № 4. – С. 34–40.

Михайлов В. Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. – Луцк: [б. и.], 1965. – 54 с.

Флоренский П. Имена. – М.: Эксмо, 2007. – 400 с.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. – Л.: [б. и.], 1990. – 104 с.

Фроло Н. К. Избранные работы по языкознанию. В 2 т. Т. 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. – 512 с.

Четвергов Е. Ванине. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. – 204 с.

Четвергов Е. Тесэ ды Тосо. – Саранск: [б.и.], 2013. – 180 с.

УДК 821.511.131.04(045)

В. Л. Шибанов
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск

V. L. Shibanov
Udmurt Institute of History, Language and Literature
UdmFRC UB RAS, Izhevsk

УДМУРТ ЛИТЕРАТУРАЫН МАКСИМ ПРОКОПЬЕВЛЭН ОБРАЗЭЗ

THE IMAGE OF MAXIM PROKOPYEV IN UDMURT LITERATURE

Аннотация. Восприятие образа Максима Прокопьева в удмуртской литературе постоянно меняется. Повесть Алексея Никитина «Максим» (1973) написана по канонам социалистического реализма, оттенено противостояние нового и старого миров, излишне героизирована и гибель Прокопьева. Поэма Петра Поздеева «Стремнина» (1979), вступающая в творческий диалог с поэмой А. Блока «Двенадцать», зиждется на синтезе реализма и символизма, что способствует более глубокому раскрытию образа Прокопьева. Книга Никифора Павлова «Максим Прокопьев» (1993) опирается на архивные материалы и определяется нами как научно-популярное исследование. Эта книга на сегодня является лучшей публикацией о жизни и деятельности Прокопьева. Магический реализм лежит в основе романа Ульфата Бадретдинова «Завтра начинается – сегодня» (2022). Фигура Прокопьева предстает в двух ипостасях – реально человеческом и невидимо фантомном, наблюдающем за жизнью удмуртов. Роман отличается сложной архитектоникой, актуализацией мира удмуртской диаспоры. Итак, каждый из авторов выделяет в образе Максима Прокопьева такие

его стороны, которые помогают ему ответить на актуальные вопросы своего исторического времени.

Abstract. The perception of the image of M. Prokopiev is constantly changing in Udmurt literature. Akexey Nikitin's story «Maxim» (1973) is written according to the canons of socialist realism. The confrontation between the new and the old worlds is emphasized brightly, the death of Prokopiev is strongly heroized. Petr Pozdeev's poem «Vizyl» (1979) enters into a dialogue with A. Blok's poem «The Twelve». Realism and symbolism form a synthesis and help to reveal the image of Prokopiev more deeply. Nikifor Pavlov's book «Maxim Prokopiev» (1993) is based on archival materials and is a popular science study. This book is by far the best about the life and work of Prokopiev. Magical realism underlies Ulfat Badretdinov's novel «Tomorrow Begins – Today» (2022). The figure of Prokopyev appears in two guises – a real human and an invisibly phantom, observing the life of the Udmurts. The novel is notable for its complex architectonics, the actualization of the world of the Udmurt diaspora. So, each of the authors actualizes in the image of Maxim Prokopiev such aspects of him that help him answer the pressing questions of his historical time.

Ключевые слова: Максим Прокопьев, социалистический реализм, магический реализм, Никифор Павлов, Петр Поздеев, Ульфат Бадретдинов.

Keywords: Maxim Prokopiev, socialist realism, magical realism, Nikifor Pavlov, Petr Pozdeev, Ulfat Badretdinov.

Максим Прокопьевлэн образэз Удмуртиысь литератураын шӧдскымон инты басьтэ. В. С. Хазиахметова но Э. Н. Утеева та революционер но кылбурчи сярысь узыр библиография люказы, солэсь улонзэ, Т. К. Борисовлэн но И. А. Наговицынлэн улонэнызы артэ пуктыса, возьматӥзы [Хазиахметова, Утеева 2018, с. 215–221]. Котьма ке но, та статьяын висъямын быдӟалазыя бадӟымесь чеберлыко но документальной ужъёс, кудъёсаз Максим Прокопьев огез

валтйсь героез луэ. Озьы азьпал радэ пото журналистлэн А. Никитинлэн, тодосчиослэн Н. Павловлэн но П. Поздеевлэн, прозаиклэн У. Бадретдиновлэн книгаоссы, озьы ик П. Поздеевлэн «Визыл» поэмаез. Тунсыко соиз: 1910-тй аръёс сярысь гожъямезъя, коткудйз та автор ас вакытэзлы тупась кысык юанъёсты сэрттыпертчыны тырше. Со сяна, удмурт литератураысь воштйськонъёс но коткудаз учыре яркыт шараясько.

Алексей Никитинлэн «Максим» (1973) книгаез жанрезъя «страницы из жизни трибуна, революционера» шуыса пусъемын. Татын М. Прокопьевлэн улонысьтыз берпуметй арез возьматэмын – 1918-тй арлэн гужемысеныз 1919-тй арлэн гужемозяз, яке Удмуртъёслэн нырысетй съездысенызы Прокопьевлэн ожын бырон нуналозяз. Историклэн Н. Павловлэн пусъемезъя, дас укмысэтй аръя документъёсты архивъёсысь шедьтыны туж шуг, уката ик Восточной фронтлэн ожмаськемез сярысь [см.: Павлов 1993], соин ик Никитинлэсь гожтоссэ чеберлыко (художественной) шуыны кулэ, татын историлэн зэмлыкез авторлэн шӧдонэз пыр поттэмын.

Гожтослэн валтйсь амалэз – социализмо реализм. Тросэз удмурт югдытйсьёс Максим Прокопьевлэн тушмонъёсыз чотын суредамын (И. Михеев, В. Крылов, К. Яковлев), матысь эшез – Трофим Борисов. К. Герд сярысь номыр но йӧскадь гожтэмын ӧвӧл, шуом, Цыпьяын возьматэм «Югыт сюрес вылэ» пьеса сярысь кылпум потылэ, нош авторез верамтэ [см.: Никитин 1973]. Повестьын паймымон трос диалогъёс, геройёслэн вераськемзы пыр Россия но улосвыл сярысь огъя югдурен тодматскиськом. Со югдур, валамон ини, 1960–1970-тй аръёслэн идеологизы пыр валэктэмын.

А. Никитинлэн гожтосаз огез тунсыко учыр – со Максимлэн самолётын тушмонъёс вадьсытй лобемез – Сарапулысен Красноуфимск пала. Социализмо реализмын «самолёт» мотивез данъян бадзым инты басьтэ, уката ик «милитаризация лирики» валатонэн валче [см.: Васильев, Шибанов 1997]. Сюжетын Прокопьев тодмо улосвылъёсты (Янаул, Гондыр, Куеда, Бирск, Оса) вылйысен нырысьсэ адзе. Лётчиклэн йырыз кур, малы-о бомбаос басьтыны ӧз лэзе, пе, угось тушмонъёс кырым пыдсын сямен усьтйськемын.

Нош Прокопьев ас сьӧраз бомбалэсь кышкыт мае ке нуэ – удмурт кылын листовкаосты, соос дас сюрс быртык (экземпляр). Отын тӧдьыос палан ожмаськись удмуртъёслы вазиськон, кузёоссы-офицеръёссы соосты алдаса возё шуыса. Самолётысь кагазъёс тӧдьы дыдык выллем пазьгиськыса лобзӧ. Ужез быдэстэм бере, самолёт Оса вӧзы лымы вылэ пуксе, Прокопьев татысен семьяеныз адзиськыны дыртэ, зэм, солэсь азьвыл дивизилэн штабаз кожылэ [см.: Никитин 1973]. Мечак шуом, Н. Павловлэн книгаысьтыз иворт-одэтъёсын ӵошатоно ке, А. Никитин татын чеберлыко асмалпанзэ суреда. Максим Прокопьевлэн быремез озьы ик 1970-тӥ аръёсысь пафосэн возьматэмын: «С восточного берега раздается зычный голос Рысьева: “В атаку!” Его подхватывают сотни других: “Ура-а-а!” Плот Прокопьева уже пересек середину реки <…> И в это время, в секунду еле заметного, очень нежного июльского рассвета, происходит непоправимое» [Никитин 1973, с. 283]. Нош Н. Павловлэн эскеремезъя, югдур мукетгес вал: тӧдьыос Прокопьевлэн разведчикъёсыз вылэ мышласянь лушкем ожалско, ассэ комиссарез куто но жоген ыбо [см.: Павлов 1993].

Мукетыз яркыт гожтос – со Н. Павловлэн но П. Поздеевлэн ӵошен дасям «Максим Прокопьев» (1983) книгазы, сӥземын поэт-революционерлэн 100 ар тырмонэзлы. Жоген Никифор Павлов ас гожтэмзэ уката но муромытэ, трос улосвылъёсысь архивъёсын ужа, кепыратэк ялэ, азьвыл гожъямъёсаз тырмыт гинэ янгышъёсыз пумиськыло шуыса [см.: Павлов 1993]. Озьы туннэ понналы тужгес но мур, оскымон очерк-книга гожтэ (1993). Жанрезъя со «документальной очерк» нимамын, но Т. И. Зайцева пусъе, та книгаез очерк-биография но шуыны луэ, пе. «Поэтому, думается, в “Максиме Прокопьеве” нет искусственно выстраиваемой фабулы, нет вымышленных персонажей, все представления о внутреннем мире героя и окружающих его людях, духовной атмосфере эпохи, а также композиционная основа произведения следуют из соответствующим образом организованных и прочитанных документов» [Зайцева 2009, с. 211]. Озьы Т. И. Зайцева нон-фикшн нимаськись

литературалэсь валтйсь тодметъёссэ пусъе. Но тодосчилы та термин уг кельшы бере, «рассказывание документа» валатонэз уже кутэ.

Н. Павловлэн гожтосэз зэмзэ но тодослыко «монографилэн» куронъёсыз сьӧры потэ. Сюжетэз тунсыко, «улэпгес» карон понна, Н. Павлов вакчи диалогъёс пыртылэ, шуом, поездын бандитъёсын пумиськемез бере Максимлэсь Евгения кузпалэныз вераськемзэ (кыче луыны быгатэ вал со):

«– Женя, – вазиз воргорон. Евгения Васильевна куалектйз.

– Максим? <…>

Картэз ул дйсь коже гинэ сылэ вал.

– Мар тазьы тонэныд, Максим?

– Поездын бандитъёс вылам ожалскизы. Виыны медо вал. Вань дйсьме, вань котырме талазы» [Павлов 1993, с. 57].

Йыружчиос сярысь мадён интые, Н. Павлов вакчи реплика пыр кышкыт югдурез син азе оскымон возьматэ. Яке эшшо тунсыко учыр, таиз мукет амалэн кылдытэмын. Прокопьевлэсь удмурт эктонъёс сярысь «Тэк улыкулы» кылбурзэ эскерыку, автор Г. Р. Державинлэсь «Русские девушки есть» кылбурзэ лыдзӥсьёслы тодазы вайытэ [см.: Павлов 1993], кудзэ, оло, удмурт поэт син азяз уг но возьы вал.

Пётр Поздеев М. Прокопьевлэн творчествоеныз тунсыкъяськонзэ «Визыл» (1979) поэмаяз шараяз. Текстысь геройёс пӧлын висъясько куинез – куанер вукочи Серга, солэн кузёез узыр Обран но горд агитатор Максим Прокопьев. Поэт Поздеев, социализмо реализм амалэз уже кутэм сяна, сое символизмлэн тодметъёсыныз узырмытэ. Узыр удмуртъёсты зэмос улонлы матэ карыса, автор соосты карикатура амалэн шараянлэсь но ултйянлэсь палэнске. Озьы, Обран кулаклэн верам кылъёсыз 1979-тй ар понна туж лэчытэсь луо: «Удмуртэн удмурт вазен / Тэрыса улйз. / Большевик тулляськемен, / Со ваньзэ ыштйз. <…> Адями уз лу ноку / Огкадь ваньбуро. / Лэсьтыны коммуна кун – / Со юнме вырон…» [Поздеев 1979, с. 56]. Кескич но визьмо ӧй луысал ке, Обран ас медозэ большевикъёслы пумит жутыны ӧй быгатысал. Озьыен, нардоме

лыктэм Прокопьевез Серга наганэн ыбыны кулэ. Югдур бен чылкак мукет пала берытске: комиссарез кылзон дыръяз – Сергалэн сюлмыз тэтчиз:

«Ыбоно-а?.. Уг!
Кычёсэ уг пыр ачим,
Мон чалмыт уг пук!..»
[Поздеев 1979, с. 68].

Озьы Серга тушмонъёслэсь кескич малпанзэс вань люкаськем калык азьын шарая. Ачиз Максим Прокопьев сярысь поэмаын трос ик гожтэмын ӧвӧл, но кык-куинь детальёс пыр П. Поздеев сое син азе пуктымон яркыт суреда. «Сэзь пыре со. Мыйыко. / Шинельзэ пертчем. / Изьыез лемлет чуко. / Пальпотэ ӟечен. / Саблязэ пуртэ-сэныз / Ӝӧк вылэ куштӥз». Геройлэн нылпиосыз сярысь тодйськом: «Геназэ но Людазэ / Со вайиз тодаз», озьы ик «Гондырысь Гаврил братсэ, / Кузпалзэ малпаз» [Поздеев 1979, с. 66–67]. Максимлэн калык азьын вераськемез солэсь лул-мылкыдзэ, выль улон понна сюлмаськонзэ мур но котыр ласянь усьтэ.

«Визыл» поэмаын символизм амал но бадӟым инты басьтэ. Котькудӥз реализмо деталь но зэмос характер – со огдыре ик мае ке, кинэ ке огазеясь символ. П. Поздеев лыдӟисезлы ялан тодаз вайытэ Александр Блоклэсь «Двенадцать» поэмазэ. Удмурт гожтослэн кутсконаз ик «Ветер, ветер – на всем Божьем свете» малпан чузъяське, собере люкетысь люкетэ выже:

Дуннеын сильтӧл берга,
Куашетэ сильтӧл,
Йыгаське котькуд корка,
Уй-нунал уг кӧл.
Русь-Россия пурӟемын,
Петроград зурка…
[Поздеев 1979, с. 51].

Вылаз ик, «Визыл» поэма 12 люкетлэсь пӧрмемын, та лыдпус озьы ик А. Блоклэн поэмаеныз герӟетъёс кылдытэ.

Ульфат Бадретдиновлэн «Туннэ – ӵуказелэн кутсконэз» (2022) романэз трос аспӧртэмлыкъёсыныз висъяське. Соос пӧлын азьпал радэ пото Максим Прокопьевлэсь яркыт образзэ кылдытон, соин сэрен гожтослэсь пушсузьетсэ тунсыко радъян, палэнын улйсь удмуртъёслэн диаспоразы сярысь сюлэмшуго малпаськон. У. Бадретдинов роман жанр борды шуак ӧз кутскы, талэсь азьло кузьмадёс-повестьлэсь луонлыкъёссэ котыр ласянь эскериз, нош Максим Прокопьевен тунсыкъяськемзэ 2009-тй аре «Герд» газетын шарая з, М. Прокопьев сярысь нимысьтыз статья гожтыса [см: Бадретдинов 2009].

Романлэсь пуштроссэ валан понна, нимысьтыз чакланы кулэ сюжетэз «уретылон» интыосты, мар муген автор ӵапак та яке музон вакытэ аслэсьтыз мадён ӧрзэ воштылоно кариське. Угось Бадретдинов романзэ мукет амалэн но радъяны быгатэ вал, шуом, нырысь Максим Прокопьев сярысь мадьыса, собере Светлана Куноевалэсь но Серафим Николаевлэсь улонзэс возьматыса. Но текст соку троссэ ыштысал. Авторлэн огез валтйсь малпанэз: толло нунал пушкын ини туннэ нунал улэ, нош туннэын – огдыре толлоез но ӵуказеез шӧдйське, романлэн нимыз но та сярысь вера: «Туннэ – ӵуказелэн кутсконэз». Сюжетэз уретылон, одйг хронотопысь мукетаз выжылон – со дауръёслэсь ог-огзы пушкы ватскемзэс шараян.

Максим Прокопьевлэсь образзэ суреданын бадзым инты басьтэ магической реализм амал, уката ик романлэн кыкетй жыныяз. Но Максимез (дышетйсез, кылбурчиез, комиссарез) улэп адямиез сямен возьматон дыръя ик ини реализмо учыръёслэсь палэнскылонъёс ӵем гинэ пумисько. Кылсярысь, пӧртмаськись тыпы, чебер нылъёсты адзонтэм карись туно-воргорон, Сылыбейлэн кулэм Таскираен уйвӧтын пумиськемез но о. а. Максим Прокопьев, граждан ожын быремез бере, гожтосэ Прокопьев-урт (лул) карись-кыса потэ но XX даурысь шаерысьтымы ваньзэ сямен учыръёсты чакла. Со лул огназ ӧвӧл, соин артэ Ланга ветлэ но Прокопьев-уртлы пӧртэм юанъёс сётъя. Малпан вордске: кыӵе муген-о та образзэ кылдытоно но романлэн пумозяз азинтоно на вал?

Таче юанлы ачиз ик урт валэктон сётэ, Евгения кузпалэзлэн уйвötаз пырыса: «Табере мукет фронт возьма монэ» [Бадретдинов 2022, с. 152]. Со фронт мечак валэктэмын öвöл, но романэз лыдзёмъя со ялан но ялан шöдскымонгес-валэктымонгес луэ: Удмурт Элькунлэн сьöраз кылем удмуртъёс медаз вылэм кыкетй йöсъем адямиослы пöрмелэ. Тани Серафим Николаев Прокопьевлы памятник пуктон муген удмуртъёслэн тöрозылы вазиське, Кузьма Валентинович бен солы тазьы валэктэ: «Вот, Серафим, тйляд Татарияды асьтэлэн вылй кивалтйсьты вань. Солы вазиське, юрттэт курыса. Ми асьмелэнъёсыз сярысь сюлмаськыны кулэ. Наговицын, Борисов но мукетъёсыз…» [Бадретдинов 2022, с. 190].

Гожтослэн пумаз шуак «палэнэ кожон» кылдэ, действие выже Румыниысь Клуж-Напока каре. Та интыос Максим Прокопьевлэн улонэныз герзаськымтэ бере, сюжетлэн кожонэз романлэсь мукет пуштроссэ кужмоятыны öдъя. Со – *диаспора* валатон пумысен сюлмаськонъёс. Финн-угор писательёслэн огез конгрессы зэмзэ но Румыниын, Клуж-Напока карын ортчиз (2019), та интыосын трос мадьяръёс уло бере, диаспора ужпум азьпал радэ потйз. Удмуртъёслэсь данзэс отын Ирина Самигулова «Зангари пальпотон» кылбур бичетэныз утиз, татысен валаськом, «Туннэ – ӵуказелэн кутсконэз» романысь геройлэн Светлана Куноевалэн прототипез И. Самигулова луэ шуыса.

Ульфат Бадретдинов возьматэ: диаспора шуон Максим Прокопьев улэп дыръя *удмуртлыклэн* шорсюлэмыз вал (туала Татарстанэ, Башкортостанэ, Марий Элэ, Пермь улосвылэ пырись интыос). Табере со шорсюлэм Ижкаре выжиз, котьма ке но, удмуртлыклэн утиськемез но азинскемез потэ ке, валляла выжыосты нокызьы вунэтыны уг яра.

Озьыен, Максим Прокопьевлэн образэз синучкон сямен возьматэ удмурт литературалэсь 1970–2020-тй аръёсы азинскемзэ, пумен воштйськемзэ. Социализмо реализм (А. Никитин) узырме мукет амалъёслэн тодметъёсынызы (П. Поздеев «Визыл»). 1990-тй аръёсы архивъёс паськытгес усьтйськемен валче Н. Павловлэн синмаськымон тодослыко-популярной мадёсэз кылдэ. Нош туннала вакытэ

реализмлэн мукет палыз – магической реализм – азьпал радэ потэ (У. Бадретдинов), удмурт югдытйсьлэсь образзэ выль тодметъёсын узырмытыса.

ЛИТЕРАТУРА

Бадретдинов У. Ш. О Максиме Прокопьеве: (поэт, публицист, гос. деятель) // Герд. – 2009. – № 9/10 (сент., окт.). – С. 7.

Бадретдинов У. Ш. Туннэ – ӵуказелэн кутсконэз: роман. – Ижевск: МарШак, 2022. – 242 с.

Васильев С. Ф., Шибанов, В. Л. Под тенью зэрпала: дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1997. – 304 с.

Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начало XX1 века: национальный мир и человек. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. – 376 с.

Никитин А. И. Максим. Страницы из жизни трибуна, революционера. – Ижевск: Удмуртия, 1973. – 286 с.

Павлов Н. П. Максим Прокопьев. Документальный очерк. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 160 с.

Павлов Н. П., Поздеев, П. К. Максим Прокопьев. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – 96 с.

Поздеев П. Визыл: Кылбуръёс, балладаос, поэма. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 72 с.

Хазиахметова В. С., Утеева Э. Н. Три комиссара: архивные документы повествуют…: Хрестоматия. – Казань: ИД «МеДДоК», 2017. – 240 с.

УДК 821.161.1-1.09+821.511.131-1.09(045)

М. И. Юркеева
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа села Средний Кумор»
Кукморского муниципального района Республики Татарстана,
с. Средний Кумор РТ

M. I. Yurkeeva
Municipal budgetary educational institution
«Secondary school of the village of Sredny Kumor»
Kukmor municipal district Republic of Tatarstan,
v. Sredny Kumor RT

ТВОРЧЕСКИЕ СУДЬБЫ С. А. ЕСЕНИНА И АШАЛЬЧИ ОКИ

THE CREATIVE FATES OF S. A.YESENIN AND ASHALCHI OKI

Аннотация. В статье обозначены некоторые параллели творческих судеб основоположницы удмуртской поэзии Ашальчи Оки и русского поэта, яркого представителя новокрестьянской поэзии С. А. Есенина в сравнительном аспекте. Особое внимание обращено на описание общих и индивидуальных черт в творчестве названных авторов, рассмотрено одинаковое и отличительное в их взглядах на окружающий мир, литературу, историю народа.

Abstract. This article is devoted to the study of such creative destinies of Russia as Ashalchi Oki and Sergey Yesenin. Ashalchi Oki and S. A. Yesenin are poets of Russia, representatives of the poetry of the Silver Age. Ashalchi Oki, the first poet of Udmurtia, is the author of lyrical masterpieces. S. Yesenin is a great Russian lyric poet. Special attention in the article is paid to the identification of common and

individual in the work of poets, in their views on the world around them, literature, history. Their creative biographies also coincide in many ways.

Ключевые слова: Сергей Есенин, Ашальчи Оки, биография, творчество, общее, индивидуальное.

Keywords: Ashalchi Oki, Sergey Yesenin, life, creativity, general, individual.

На уроках литературы важное место занимает сравнительное изучение истории русской и национальных литератур на примере творчества конкретных авторов. Известно, что всю жизнь для Ашальчи Оки, как человека и поэтессы, любимым поэтом-современником был Сергей Есенин. Их творческие биографии во многом схожи. Стихи о Родине, о любви у обоих поэтов написаны через призму деревенского человека, эти тексты глубоко гуманны, некоторые из них стали народными песнями.

И Ашальчи Оки, и Сергей Есенин написали ряд произведений, навеянных воспоминаниями о детстве. К таковым, к примеру, относится стихотворение Ашальчи Оки «Малыш Микаль», где автор ведет разговор с целеустремленным мальчиком Микалем, которому можно доверить будущее народа.

Произведения на тему детства С. Есениным в основном написаны на раннем этапе его творчества. Это стихотворения «Матушка в купальницу», «В хате» и др. Центральное место здесь занимают описания деревенской жизни, ярко воссоздан образ природы.

И Ашальчи Оки, и Сергей Есенин проявляли глубокий интерес к творчеству классиков русской и зарубежной литератур. Так, С. Есенин увлекался творчеством А. Кольцова, Н. Некрасова, Н. Гоголя; Ашальчи Оки интересовал литературный опыт зарубежного писателя Э. Войнича. Она читала произведения этого автора по несколько раз.

Сердцевиной всей поэзии Есенина, как он отмечал сам, является тема Родины. В трудные периоды жизни и творчества поэт

«припадал» к родной рязанской земле, которая давала ему животворную внутреннюю силу, приводя к рождению бессмертных стихов и поэм о России. Главная мысль в произведениях Есенина – любовь к отчизне, пронизанная болью за ее судьбу:

… Я люблю родину,
Я очень люблю родину…
[см.: Есенин 1973].

Как и у Есенина, основным мотивом лирики Ашальчи Оки является любовь к родному краю, к ее природе. Творчество поэтессы проникнуто мыслью о гармонии человека и природы:

Край ты наш родимый,
Край ты наш родной,
Ты для нас любимый,
Милый край давно!
<…>
И о нем тоскуем
На чужбине мы.
И в родимый край наш
Все мы влюблены
[Ашальчи Оки 1998, с. 125–126].

Лирика Ашальчи Оки пронизана ощущениями деревенского человека. Она, как и С. Есенин, воспринимает большой город глазами сельского жителя. Здесь душа увядает:

Здесь, в больших городах,
По ночам никогда
Почему-то уснуть
Я никак не могу…
[Ашальчи Оки 1998, с. 135].

Для стихотворений поэтов характерна внутренняя диалогичность. Авторы «разговаривают» то с читателем, то с природой,

то с окружающей стихией. К примеру, стихотворение Ашальчи Оки «Ты спросил у меня…»:

Ты спросил:
– Для чего ты слагаешь стихи?
Для чего ты расходуешь силы свои?
А спросил ли ты, милый,
У спеющей ржи,
Для чего шум колосьев?
Спросил ли, скажи!
[Ашальчи Оки 1998, с. 35].

Или как в стихотворении Есенина «Зеленая прическа»:

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О, тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
И мне в ответ березка:
«О, любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух».
[см.: Есенин 1973].

Особое место в русской литературе занимает любовная лирика С. Есенина. Он пишет о своей любви к женщине проникновенно и трогательно, воссоздает всеохватывающее чувство влюбленного сердца. Многие произведения о любви написаны в последние годы жизни поэта. Эти стихи наполнены страстью, заставляют задумываться о радостях и трудностях жизни:

Ты меня не любишь, не жалеешь
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.
<…>

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, –
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь
[см.: Есенин 1973].

В поэтическом творчестве Ашальчи Оки также особо важное место занимает тема любви. Лирическая героиня у Ашальчи Оки – белая береза, стоящая у большой дороги. Она стройная, гибкая, красивая; ее косы – как шелковые травы, глаза – васильки. Береза у поэта является олицетворением молодой женщины:

У большой дороги
Белая береза –
Это стан мой стройный,
Гибкий и красивый.
У прохладных речек
Шелковые травы, –
Это мои косы
Пышные, большие
[Ашальчи Оки 1998, с. 41].

Ашальчи Оки удается передать тончайшие нюансы любовных чувств и переживаний. Многие ее стихи наполнены мечтой девушки о большой и настоящей любви, эта любовь направлена к тому единственному, кто ответит ей таким же движением души и сердца.

Оба поэта прожили далеко не простую жизнь. Их лирика бессмертна. Новые поколения читателей будут заново открывать для себя их необычные литературные судьбы и богатое творческое наследие.

ЛИТЕРАТУРА

Ашальчи Оки. Чыртывесь = Ожерелье: кылбуръёс. Стихи. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 152 с.

Есенин С. А. Стихи и поэмы. – М.: Современник, 1973. – 435 с.

Раздел II. Вопросы лингвистики и перевода. Образование, методика, краеведение

УДК 372.8:811.511.131(045)

Ю. Т. Байтерякова
Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики, г. Ижевск

Yu. T. Bayteryakova
Scientific Research Institute of National Education of Udmurt Republic, Izhevsk

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ РЕЧЕВОЙ ГОТОВНОСТИ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К ИЗУЧЕНИЮ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

DIAGNOSTICS OF THE FORMATION OF SPEECH READINESS OF FIRST-GRADERS TO STUDY THE UDMURT LANGUAGE

Аннотация. Рассматриваются принципы проведения диагностики стартового уровня владения или невладения удмуртским языком будущих первоклассников с целью выбора программы изучения удмуртского языка (для владеющих родным языком и для не владеющих родным языком). Анализируется содержание контрольно-измерительных материалов по выявлению уровня развития речи детей, поступающих в 1 класс: диагностика фонетики, лексики, грамматического строя речи, владения основами диалогической и монологической речи.

Abstract. The article is devoted to the issue of studying the diagnostics of the initial level of proficiency or non-mastery of the

Udmurt language. The diagnostics is for teachers of future first-graders in order to choose a program for studying the Udmurt language (for those who speak their native language and for those who don't speak their native language). The article reveals the content of control and measuring materials for identifying the speech development of children entering the 1st grade: phonetics, vocabulary, grammatical structure of speech, mastering the basics of dialogic and monological speech.

Ключевые слова: удмуртский язык, развитие речи, диагностика, уровни владения языком, выбор программы.

Keywords: the Udmurt language, speech development, diagnostics, language proficiency levels, program selection.

В Удмуртской Республике преподавание учебного предмета «Родной (удмуртский) язык» ведется по двум вариативным программам: 1) для учащихся, владеющих родным языком; 2) для учащихся, не владеющих родным (удмуртским) языком. По статистическим данным Министерства образования и науки УР с 2019 г. по 2021 гг. в общеобразовательных организациях ежегодно уменьшается количество детей, изучающих удмуртский язык по программе для учащихся, владеющих удмуртским языком, однако при этом увеличивается доля школьников, изучающих удмуртский язык по программе для учащихся, не владеющих данным языком. Согласно последнему статистическому мониторингу, в образовательных учреждениях Удмуртской Республики по программе для владеющих удмуртским языком обучается 46 % школьников, по программе для не владеющих – 54 % школьников. Одна из причин этой тенденции выбор образовательными учреждениями учебно-методических комплектов по предмету «Родной (удмуртский) язык» без учета уровня владения детей родным (удмуртским) языком. Школьники, свободно владеющие и не владеющие удмуртским языком, обучаясь в одном классе, изучают удмуртский язык по одной программе без учета принципа дифференцированного подхода [Текущее состояние… 2020, с. 56]. Практика показывает, что в ситуации, когда в одном классе сидят

дети с разным уровнем владения языком, обучать всех школьников на одинаковом уровне практически невозможно. В связи с этим становится актуальной разработка контрольно-измерительных материалов для проведения диагностики стартового уровня владения родным (удмуртским) языком детей, поступающих в 1 класс, с целью выбора одной из вариативных программ изучения удмуртского языка на ступени начального общего образования: программы, предназначенной для учащихся, владеющих удмуртским языком; программы, предназначенной для учащихся, не владеющих удмуртским языком, но выбравшим в качестве родного языка удмуртский язык.

Для решения данной проблемы по поручению Министерства образования и науки Удмуртской Республики в КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования» разработаны контрольно-измерительные материалы (далее по тексту – КИМ), предназначенные для проведения процедуры диагностики стартового уровня владения устной удмуртской речью детей к моменту поступления в 1 класс (высокий, средний, низкий).

При составлении содержания КИМ авторы исходили из требований федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (далее по тексту – ФГОС ДОУ) и целевых ориентиров программы «Зарни бугор» («Золотой клубок») к речевому развитию дошкольников. В соответствии с ФГОС ДОУ главной задачей в развитии речи детей на этапе завершения дошкольного возраста является владение речью как средством общения и культуры, что предусматривает обогащение активного словаря; развитие связной, грамматически правильной диалогической и монологической речи; развитие звуковой и интонационной культуры речи, фонематического слуха; формирование звуковой аналитико-синтетической активности как предпосылки обучения грамоте [Приказ… 2013]. В Программе «Зарни бугор» («Золотой клубок»), разработанной по требованиям ФГОС ДОУ, главными задачами в области развития родной (удмуртской) речи являются воспитание звуковой культуры речи, обогащение и активизация словаря, формирование грамматического строя речи,

развитие связной речи дошкольников [Николаева, Бородина, с. 97–102].

С учетом основных задач речевого развития дошкольников контрольно-измерительные материалы направлены на выявление таких сторон развития речи, как фонетическая, лексическая, грамматическая, связная речь.

Есть смысл в статье кратко проанализировать типы заданий с условно обозначенными задачами:

«Звуковая культура речи». Задача – выявить умения:

– отчетливо произносить специфические звуки удмуртского языка;
– дифференцировать на слух звуки в словах;
– вычленять необходимые звуки в словах;
– отчетливо произносить фразы, используя интонацию предложения;
– слушать с пониманием читаемый текст.

«Словарный запас ребенка». Задача – выявить умения:

– называть предметы, изображенные на картине;
– объяснить значение слова;
– называть признаки или действия предметов;
– понимать противоположное значение заданных слов;
– дать обобщающее понятие для группы слов.

«Грамматический строй речи». Задача – выявить умения:

– строить свою речь в соответствии с лексико-грамматическими нормами удмуртского языка;
– вставлять в предложение подходящее по смыслу слово;
– найти ошибку в предложении;
– образовывать множественное число заданных слов;
– составлять предложение с заданными словами.

«Связная речь». Диалогическая речь. Задача – выявить умение вступить в диалог со взрослым и рассказать о себе по вопросам. Например:

– Скажи, как тебя зовут.

– Сколько тебе лет?
– Где ты живешь?
– С кем живешь?
– Чем любишь заниматься?

Монологическая речь. Задача – выявить умение:
– составить небольшой рассказ по картине.

Контрольно-измерительные материалы разработаны в 8 вариантах. Учитель по своему усмотрению может использовать любой из представленных вариантов.

Уровень речевого развития дошкольников может выявляться как при выпуске из дошкольного образовательного учреждения, так и в начале учебного года. Обследование могут проводить воспитатели ДОУ, учителя начальных классов. Проверка осуществлется индивидуально с каждым ребенком. Установлено, если дети хорошо знакомы со взрослым, опрашивающим их, они легко идут на контакт и охотно отвечают на вопросы. Если обследование ведет незнакомый взрослый, то ему следует заранее познакомиться с детьми, наладить эмоциональный контакт. Задания из пособия надо давать в выразительной форме. Правильные ответы должны вызывать одобрение, поддержку; в случае затруднения не стоит показывать ребенку, что он не справился, а просто предложить свой ответ (например, ребенок не смог назвать обобщающее слово, и взрослый говорит ему: «Это можно назвать словом “одежда”»), а в протоколе отметить – «невыполнение» [Развитие речи… 2017, с. 253–254].

Оценка по всем заданиям дается в качественном (записываются ответы детей) и количественном выраженииях (в баллах). В зависимости от сложности задания каждый вид работы оценивается в 4-х, 3-х, 2-х или 1 балльной системе. При условности количественных оценок за высказывания разной полноты и правильности оценки в баллах помогают выявить уровни речевого развития детей: I – высокий, II – средний (достаточный) и III – ниже среднего (низкий).

Если выполнено 2/3 заданий (75 %–100 %) – высокий уровень; больше половины заданий (50 %–74 %) – средний уровень; меньше половины заданий (0 %– 49 %) – низкий уровень.

Детям с высоким и средним уровнем развития языка для изучения предлагается программа для владеющих родным языком; детям с низким уровнем развития языка – программа для не владеющих родным языком.

Контрольно-измерительные материалы прошли апробацию в сетевых инновационных площадках Института.

Апробация показала, что контрольно-измерительные материалы позволяют осуществить диагностику стартового уровня владения устной удмуртской речью детей к моменту поступления в 1 класс (высокий, средний, низкий), объективно оценить речевые умения будущих первоклассников и, в зависимости от владения удмуртской речью, выбрать для каждого обучающегося соответствующую программу изучения предмета «Родной (удмуртский) язык».

Результаты апробации свидетельствуют о соответствии содержания контрольно-измерительных материалов заявленным целям, надежности измерительных материалов в получении объективных результатов в аудировании и говорении на удмуртском языке, возможности их применения в образовательной деятельности.

Диагностика стартового уровня владения или невладения удмуртским языком будущих первоклассников с целью выбора программы, на наш взгляд, является одним из способов решения проблемы сохранения контингента учащихся, изучающих предмет «Родной (удмуртский) язык» по программе, разработанной для детей, владеющих родным языком.

ЛИТЕРАТУРА

Николаева Е.А., Бородина А.Е. Зарни бугор: Нылпи садын удмуртлыкез азинтонъя программа (проект) / III-тй ёзэт. 3–7 аресъем нылпиослэсь кылзэс азинтон. – URL: http://www.udmniino.ru/docs/ Nikolajeva_Borodina_zarni%20bugor.pdf (дата обращения: 9.03.2023).

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: – URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-do/ (дата обращения: 9.03.2023).

Развитие речи детей 5–7 лет / под ред. О. С. Ушаковой. – М.: ТЦ Сфера, 2017. – 268 с.

Текущее состояние и динамика этноязыковой ситуации в сфере образования Удмуртской Республики. – Вып. 2. – Ижевск, 2020. – 56 с.

УДК 811.511.1:378(470.21)(045)

В. Б. Бакула
Мурманский арктический государственный университет,
г. Мурманск

V. B. Bakula
Murmansk Arctic State University, Murmansk

СААМСКИЙ ЯЗЫК В МУРМАНСКОМ АРКТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ *

SAMI LANGUAGE AT MURMANSK ARCTIC STATE UNIVERSITY

Аннотация. В статье говорится об истории исследований саамского языка в Мурманском арктическом государственном университете. Представлена работа Лаборатории саамского языка в области исследования лексики, работа кафедры иностранных языков в области саамского переводоведения, работа кафедры филологии и медиакоммуникаций в области ревитализации языка. Обоснована необходимость подготовки преподавательских кадров из среды саамов. Автор статьи знакомит со структурой магистратуры по технологиям передачи саамского языка. Рассмотрено современное положение саамского языка и условия его успешной ревитализации.

Abstract. The article talks about the history of Sami language research at Murmansk Arctic State University. The work of the Sami Language Laboratory in the field of vocabulary research, the work of the Department of Foreign Languages in the field of Sami translation studies, the work of the Department of Philology and Media

* Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 122061400030-3.

Communications in the field of language revitalization is presented. The necessity of training teaching staff from the Sami environment is substantiated. The author of the article introduces the structure of the Master's degree in Sami language transfer technologies. The situation of the Sami language today and the conditions for its successful revitalization are considered.

Ключевые слова: саамский язык, ревитализация языка, технологии передачи языка, проблема преподавательских кадров, коренной малочисленный народ Севера.

Keywords: Sami language, language revitalization, language transfer technologies, the problem of teaching staff, indigenous small-numbered people of the North.

История Мурманского государственного педагогического университета, первого и старейшего вуза на Кольской земле, – это целая эпоха не только в истории народного образования города, но и всей Мурманской области. Вуз ведет свой отсчет с 13 октября 1939 года, когда Оргкомитет Президиума Верховного Совета СССР по Мурманской области принял решение о создании в Мурманске вечернего двухгодичного Учительского института. Трижды за свою многолетнюю историю вуз менял свой статус, сегодня это МАГУ. Несмотря на то, что все этапы своей истории вуз готовил специалистов не только для народного образования, но и для других сфер деятельности, решающих политические, научно-технические, социальные, культурные задачи нашего региона, исследования саамского языка в нем начали проводиться сравнительно недавно. Кроме того, в университете никогда не было преподавания саамского языка.

Первые шаги в изучении языка коренного народа Севера были сделаны в рамках научно-исследовательской Лаборатории саамского языка, созданной при кафедре межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики Мурманского государственного педагогического университета 22 мая 2008 г. Цель лаборатории –

проведение научных исследований лексики саамского языка. Участниками Лаборатории с 2008 г. стали Иванищева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Лаборатории и заведующий кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики Мурманского государственного гуманитарного университета (МГГУ); Бакула Виктория Борисовна, в то время старший преподаватель той же кафедры; Бутылёва (Эрштадт) Александра Михайловна, соискатель МГГУ; Митина Елизавета Алексеевна, магистрант МГГУ. Под руководством Иванищевой О. Н. участники Лаборатории защитили кандидатские диссертации по лексике духовной и материальной культуре, магистерские диссертации по лексике природного мира [Митина 2012; Бакула 2013; Эрштадт 2014]. Исследования Лаборатории выполнялись в рамках нескольких грантов РГНФ, гранта Генерального Консульства Королевства Норвегии, а также федеральной целевой программы Министерства образования и науки Российской Федерации. Научной продукцией участников Лаборатории стали монографии, учебные пособия, словари[*].

В 2011 г. на базе университета была проведена Международная научная конференция «Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере» [Саамская идентичность 2012]. Уже в тот период лабораторию интересовали вопросы сохранения саамского языка, было написано несколько статей о состоянии языка коренного народа.

К исследованию саамского языка подключилась кафедра иностранных языков, которая занялась переводческим аспектом и в 2015 году провела региональный семинар «Национально-культурные реалии саамской культуры: переводческий аспект» [Национально-культурные реалии 2015] в рамках международной конференции «Языковое и культурное взаимодействие в условиях Арктического региона»; в том же году – научный семинар

[*] См.: https://studylib.ru/doc/4144431/laboratoriya-saamskogo-yazyka

с международным участием «Доминанты концептуальной картины мира жителей Крайнего Севера» [Доминанты 2015].

Таким образом, научные исследования саамского языка в стенах МАГУ продолжались достаточно регулярно.

Важно отметить, что с 2013 года работа участников Лаборатории саамского языка сосредоточилась на обработке полученных результатов в исследованиях саамской лексики, лексикографической работе, исследовании истории преподавания саамского языка. Саамский язык уже в то время находился в группе риска из-за различных проблем его функционирования, к которым относились как лингвистические, так и экстралингвистические факторы: положение саамского языка в Мурманском регионе (не имеет статуса государственного), катастрофическое старение носителей языка (людям, хорошо владеющим языком, уже за 60 лет), отсутствие межпоколенческой передачи (в семьях почти не говорят на родном языке), проблемы с преподаванием языка в школе (только в форме факультатива), другие.

О положении саамского языка за последние 40 лет написано немало статей, в которых рассматривается та или иная проблема. В основном говорится о преподавании языка, о существовании разных графических систем, о качестве учебно-методического материала. Однако такое «топтание на месте» не помогает возрождению языка, для которого требуются решительные и безотлагательные меры.

В сентябре 2021 года в Мурманском арктическом государственном университете была проведена Международная научно-практическая конференция «Сохранение саамского языка в современных условиях» и в ее рамках – международный семинар «Опыт преподавания саамского языка в России и Скандинавских странах»; в ходе мероприятий участники рассмотрели перспективы развития саамского языка в России.

В резолюции конференции было сказано, что для сохранения саамского языка необходимо его незамедлительное преподавание

в детском саду, как обязательного предмета – в общеобразовательной средней школе, подготовка кадров высшей квалификации на базе МАГУ.

Самым доступным шагом для высшей школы оказалась подготовка кадров высшей квалификации. С этой целью решено было на базе МАГУ открыть магистратуру «Технологии преподавания саамского языка» по направлению подготовки 45.04.01 «Филология».

Цель магистратуры – подготовка квалифицированных кадров в области исследования языка, технологий его передачи и ревитализации. Актуальность и необходимость открытия магистерской программы с таким направлением не вызывала сомнений.

Несомненно, МАГУ обладает необходимыми ресурсами для реализации такой магистратуры. Во-первых, еще в 2009 и 2010 гг. в университете началась подготовка магистров филологического образования по направлениям «Языковое образование», «Теория и практика межкультурной коммуникации в полиэтнической и поликультурной среде», «Обучение русскому языку в полиэтнической и поликультурной среде». Во-вторых, второй год при кафедре филологии и медиакоммуникаций действует магистратура по направлению 44.04.01 «Педагогическое образование», направленность (профиль) «Образование в области родного языка и литературы». Опыт подготовки специалистов в этой области показал, что саамскому языку уделяется недостаточно внимания в рамках такой магистратуры, кроме того, положение саамского языка таково, что требует его незамедлительной ревитализации путем применения специальных технологий и методик.

На магистратуру выделили четыре бюджетных места. В приоритете было знание саамского языка, хотя заявление подали и абитуриенты без его минимального знания. В результате поступили 5 человек: 4 – на бюджет и один – на платной основе. Магистранты имеют разный уровень владения языком, но все имеют опыт работы с ним. Важно, что они достаточно мотивированы – это внушает

надежду на успешную ревитализацию языка, хотя только желания будущих магистров будет для этого мало. Необходимо, чтобы и российское общество, и сами этнические группы приложили необходимые усилия и предприняли определенные шаги. Магистратура – только один из них.

Программа магистратуры выстроена таким образом, чтобы подготовить, во-первых, исследователей саамского языка, для чего введены дисциплины теоретического цикла: методология филологического исследования, саамская этнолингвистика, введение в финно-угорское языкознание, филологические исследования саамского языка – перспективы и история; во-вторых, дисциплины социолингвистической направленности: введение в социолингвистику, положение языков мира и саамского языка, знакомство с мировым опытом и программами ревитализации языков под угрозой исчезновения, языковой сдвиг: мировой опыт, программы ревитализации; в-третьих, дисциплины методической направленности: современные методы и технологии обучения (передачи) саамскому языку, обучение саамскому языку (начальный этап, школа), языковые технологии, грамматика и орфография саамского языка, практика устной и письменной саамской речи, дидактические свойства сети Интернет и методика ее использования в обучении саамскому языку; методика разработки учебников по саамскому языку. Важным направлением, с точки зрения составителей программы, является переводческая направленность некоторых дисциплин, в рамках изучения которых магистранты будут владеть методикой подготовки и редактирования саамских текстов.

Важным блоком дисциплин в подготовке специалистов по саамскому языку является Практика – их пять, что соответствует образовательному стандарту магистратуры по направлению Филология, и они направлены на закрепление знаний, полученных в ходе изучения теоретических дисциплин, и напрямую связаны с ними. Поскольку основными технологиями при передаче саамского языка являются технологии «мастер-ученик» и «языковое гнездо (языковое погружение)», то на практики, направленные на усвоение

этих технологий, отводится максимальное количество времени, кроме того, они являются рассредоточенными. Так, отработка технологии «мастер-ученик» проводится в течение всего времени обучения в магистратуре еженедельно по 3 часа.

Таким образом, для выработки оптимальных методик и технологий передачи/обучения саамскому языку используются как традиционные, так и новаторские идеи.

Получение степени магистра предполагает написание магистерской диссертации – научной работы по выбранной магистрантом теме: методико-педагогической, социолин-гвистической, теоретической в области исследования языка, переводческой. Таким образом, магистр филологического образования – выпускник магистратуры по направлению «Технология преподавания саамского языка» – будет владеть навыками теоретического исследования саамского языка в области грамматики, языковых технологий, подготовки дидактических материалов, разработки учебников по саамскому языку, методики их преподавания, технологиями межпоколенческой передачи родного языка, письменной саамской речи, навыками перевода.

К особенностям внедрения программы магистратуры по языку коренного малочисленного народа Севера относится также ее реализация в сетевой форме и привлечение высококлассных специалистов из филиала Федерального института родных языков народов Российской Федерации (г. Якутск), Института лингвистических исследований РАН; Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена; сектора языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Кроме того, организовано сотрудничество с Карельской региональной общественной организацией «Дом карельского языка» в лице Натальи Антоновой – методиста Дома карельского языка, специалиста по технологии передачи языка «Языковое гнездо».

В 2022 г. руководитель магистратуры Бакула В. Б. победила в грантовом конкурсе для преподавателей магистратуры 2021/2022 Стипендиальной программы Владимира Потанина. В декабре

2022 г. МАГУ выиграл конкурс на создание Федеральной инновационной площадки – Центра поддержки языков коренных малочисленных народов Российской Федерации (саамский язык). Это подразумевает создание инновационного центра для специалистов, в том числе молодежи из числа коренного народа, по передаче и ревитализации языка посредством проведения образовательной практико-ориентированной программы, включающей в себя создание уникальных образовательных продуктов. В первую очередь, проект направлен на подготовку кадров для преподавания и исследования саамского языка, находящегося под угрозой исчезновения, с целью его ревитализации.

Нельзя не согласиться с лингвистом А. А. Кибриком в том, что сейчас есть «исторический шанс затормозить процесс исчезновения языков, если российское общество и сами этнические группы будут готовы приложить необходимые усилия и предпринять определенные шаги» [Кибрик 2020, с. 21].

Нельзя не согласиться с ученым и в том, что языковое возрождение возможно лишь на основе трех необходимых условий: ключевого участия местных активистов, административно-финансовой поддержки и научной обоснованности методологии. «Это три кита языкового возрождения. Отсутствие любого из этих условий делает проект, связанный с конкретным языком, невыполнимым» [Кибрик 2020, с. 24].

Из трех условий, необходимых для языкового возрождения, МАГУ создает одно – научную обоснованность методологии. Надо понимать, что это первый серьезный шаг в ревитализации саамского языка – языка коренного малочисленного народа Севера.

ЛИТЕРАТУРА

Бакула В. Б. Лексика духовной культуры кольских саамов: на материале кильдинского диалекта саамского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2013. – 215 с.

Доминанты концептуальной картины мира жителей Крайнего Севера: (материалы научно-практического семинара с международным участием «Доминанты концептуальной картины мира жителей Крайнего Севера», 20.11.2015 г.) / отв. ред. Н. И. Курганова, глав. ред. Е. А. Тюркан. – Мурманск: ФГБОУ ВПО «Мурманский арктический государственный университет», 2015. – 155 с.

Кибрик А. А. Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы // Социолингвистика. – 2020. – № 1. – С. 17–28.

Митина Е. А. Лексикографирование природной лексики в двуязычных электронных словарях (на примере саамско-русского словаря) (магистерская диссертация, защищена 03.07.2012). – URL: https://studylib.ru/doc/4144431/ laboratoriya-saamskogo-yazyka

Национально-культурные реалии саамской культуры: переводческий аспект: материалы регионального семинара, 24 сентября 2014 года / редкол.: Е. А. Тюркан, А. В. Копылов, Е. В. Александрова. – Мурманск: МГГУ, 2015. – 154 с.

Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: материалы Международной научной конференции, 10–11 марта 2011 г. / отв. ред. О. Н. Иванищева, В. Б. Бакула. – Мурманск: МГГУ, 2012. – 124 с.

Эрштадт А. М. Лексика традиционных хозяйственных занятий кольских саамов: на материале кильдинского диалекта саамского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Мурманск, 2014. – 320 с.

УДК 372.882:821.161.1:811.511.131(045)

Л. А. Богданова, О. Ю. Овченкова
Глазовский государственный педагогический институт
имени В. Г. Короленко, г. Глазов

L. A. Bogdanova, O. Yu. Ovchenkova
Glazov State Pedagogical Institute
named after V. G. Korolenko, Glazov

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕМА ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л. Н. ТОЛСТОГО И КУЗЕБАЯ ГЕРДА

RESEARCH ACTIVITY AT THE LESSON OF LITERATURE: THE THEME OF WAR IN THE WORKS OF L. N. TOLSTOY AND KUZEBAY GERD

Аннотация. В статье представлен опыт реализации элективного курса регионального содержания для обучающихся 10–11 классов. Занятие посвящено аналитическому сопоставлению произведений удмуртского поэта Кузебая Герда и классика русской литературы Л. Н. Толстого с применением технологии исследовательской деятельности.

Annotation. The article presents the experience of implementing an elective course of regional content for students of grades 10–11. The lesson is devoted to the analytical comparison of the works of the classic of Udmurt literature K.Gerd and the genius of Russian literature L. N. Tolstoy with the use of research technology.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, читательская грамотность, приемы анализа текста.

Keywords: research activity, reader literacy, text analysis techniques.

Актуальная задача формирования читательской грамотности на уроке литературы может решаться благодаря дидактическому потенциалу технологии исследовательской деятельности. Умение видеть проблему, формулировать цели и задачи исследования, планировать их достижение, работать с текстом, сопоставлять и анализировать факты – эти навыки необходимы обучающимся как в учебной, так и во внеучебной деятельности [см.: Овченкова 2009].

На занятиях элективного курса регионального содержания нами апробирована технология исследовательской деятельности на примере произведений классиков удмуртской и русской литературы – Кузебая Герда и Л. Н. Толстого. Цель такого урока – понять видение войны людьми искусства.

Учащимся предлагается вспомнить такие произведения писателей, как «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого и «Царская война» Кузебая Герда. На этапе формирования мотивации необходимо отметить, что война как социальное явление, как ситуация психологической и нравственной проверки человека, с ее вселенским горем и удивительной способностью обнажать чувства и мысли привлекала художников на протяжении всей истории. От гомеровской «Илиады» до произведений Л. Н. Толстого и В. М. Гаршина, Ремарка и Барбюса, да и многих других выдающихся художников последних столетий можно проследить логику отношения к войне [Богданова 2011, с. 18–21].

Для проведения исследования учитель может предложить вопросы, направляющие внимание учеников:

– Как соотносятся картины человеческих страданий и природы в рассказах Л. Н. Толстого? (Учащиеся делают вывод: неприятие войны наиболее ярко отразилось в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого, посвященных событиям Крымской войны середины XIX века. В трех небольших произведениях мы видим не только почти натуралистические сцены кровопролития и смерти,

но и противопоставление безумия человеческого мира прекрасному равнодушию вечной природы).

– Как проявляется «диалектика души» в рассказах Л. Н. Толстого? (Учащиеся отметят, что в рассказах показаны глубочайшие исследования человеческой психики в ситуации потрясения, опасности, смерти).

– Как осмысливает писатель такое явление как война? (В начале рассказа «Севастополь в мае» писатель дает определение как войны, так и состояния общества: «Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать» [Толстой 1984, с. 21]. Художник дает философское обоснование природы войны, которое станет впоследствии основой его «Войны и мира».

– Приведите примеры авторских оценок, выделите ключевые слова. (В первом же рассказе Л. Толстой обращается к читателю: «…увидите ***ужасные, потрясающие душу*** зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите ***войну в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти…»)*** [Толстой 1984, с. 11].

– Какая война, по мнению Л. Н. Толстого, священна? (Учащиеся выдвинут предположение, что только война в защиту Отечества оправдывает страдания и гибель людей).

– Подтвердите свои мысли словами писателя («Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть ***чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине»)*** [Толстой 1984, с. 19].

К теме войны обратился и классик удмуртской литературы Кузебай Герд. Он не мог обойти вниманием трагическую тему Первой мировой войны. Предложим ученикам проблемный вопрос: каково место толстовских традиций в повествовании о судьбе удмуртского крестьянина?

В название поэмы вынесено определение характера этой войны: «Царская война» – не народная, не отечественная.

– Как воспринимает войну герой Микта? (Герой произведения чувствует сердцем антинародный характер войны):

Как два ведра на коромысле,
В мозгу Микты качались мысли:
Окопы людям не нужны…
Забросить бы ружье в крапиву,
Домой вернуться.
Там – красиво…
Весной луга цветов полны…
Сидеть в грязи? Что за отрада…
Видать, царям лишь это надо –
Чужой землицы прихватить,
Чужие страны и народы
Лишить покоя и свободы,
Навечно в рабство обратить.
– А коли так, отныне сами
Дерутся пусть цари с царями, –
Сказал Микта…*

[Кузебай Герд 1997, с. 53–56].

– Какой прием использует поэт для того, чтобы показать трагическую природу событий? (Два мира сталкиваются в сознании Микты: трудная, но наполненная радостями жизнь в родной семье, широкие, красивые, веселые луга, плодородные поля и – картины жестокой битвы):

Трах-тах! –
Винтовки тарахтели,
Шмели свинцовые гудели,
Летали, голову сломя.

* Здесь и далее перевод на русский язык В. Емельянова.

Чуть зазевался –
Пуля в теле.
Упал сосед –
На штык надели…
Прощай, любимая семья!
Жди весть о гибели «героя».
… Еще один хватает,
Воя,
Рукою белой – красный снег…
Как зверя зверь
В горячке боя
Бьет человека – человек…

[Кузебай Герд 1997, с. 53–56].

– Что общего в описании войны и природы мы видим в произведениях Л. Н. Толстого и Кузебая Герда? (Гердовские строки напоминают описания Толстого: «… различные звуки пуль – жужжащие, как пчела, быстрые, свистящие или визжащие, как струна, – слышится ужасный гул выстрела…»).

Учителю важно обратить внимание учащихся на близость приемов психологического анализа в произведениях Толстого и Герда. Так, гибель героев представлена не в сжатом мгновении, но словно в замедленной съемке современного фильма.

Праскухин, один из героев Толстого, увидев в аршине от себя крутившуюся бомбу, испытывает ужас, охвативший все его существо. Секунда, отделявшая его от гибели, вместила в себя целый мир чувств, мыслей, надежд, воспоминаний… «Потом какие-то красные огни запрыгали у него в глазах, – и ему показалось, что солдаты кладут на него камни; огни всё прыгали реже и реже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Он сделал усилие, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видел, не слышал, не думал и не чувствовал. Он был убит на месте осколком в середину груди» [Толстой 1984, с. 52].

Гердовскому герою перед смертью тоже приходится пройти через мучительную боль:

В Микту стреляли –
Не убили…
Очнулся…
В небе тучи плыли…
Вдруг их закрыли тени птиц.
Нацелив клювы ножевые,
Глаза Микты –
Еще живые –
Они рванули из глазниц…
[Кузебай Герд 1997, с. 53–56].

В ходе анализа важно обратить внимание не только на состояние персонажей, не менее значим в произведениях образ природы. Учитель обращает внимание на пейзажные зарисовки.

– Как описана природа в моменты страданий людей? Сопоставьте картины природы в произведениях Л. Н. Толстого и Кузебая Герда. (Невыносимые страдания человека сопровождаются восходом «веселого» солнца; смотрят на поле битвы равнодушные синие облака… Из рассказов Л. Н. Толстого: «…сотни людей – с проклятиями и молитвами на пересохших устах – ползали, ворочались и стонали, – одни между трупами на цветущей долине, другие на носилках и на окровавленном полу перевязочного пункта: а все так же, как и в прежние дни, загоралась зарница над Сапун-горою, побледнели мерцающие звезды, потянул белый туман с шумящего темного моря, зажглась алая заря на востоке, разбежались багровые длинные тучки по светло-лазурному горизонту, и все так же, как и в прежние дни, обещая радость, любовь и счастье всему оживившему миру, выплыло могучее прекрасное светило…») [Толстой 1984, с. 56].

В результате проведенного исследования учащиеся придут к выводу: художественное пространство поэмы Кузебая Герда (как и «Севастопольских рассказов» Л. Толстого) – это вечная природа

и мир людей, который сливается с нею, если основывается на таких же вечных принципах: любви, добра, продолжения жизни. Но если люди начинают вести себя противоестественно: убивать друг друга, порождая таким образом мир злобы и ненависти, природа отчуждается от человека, перестает сочувствовать ему, ибо общество само виновно в собственном уничтожении; веселое солнце и равнодушные холодные облака наблюдают за человеческим горем, не понимая и не принимая его.

Тема войны актуальна сегодня, как никогда. Поэтому важно донести до юных читателей мысль, что война – это горе, страдания, смерть. Но единственная священная война – это защита Отечества, война за други своя. Этому учит нас великая русская литература, об этом говорит и основоположник удмуртской литературы Кузебай Герд.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова Л. А. Поэмы Кузебая Герда // Италмас. – 2011. – № 1 (9). – С. 18–21.

Кузебай Герд. Царская война / Пер. В. Емельянова // Луч. – 1997. – № 9–10. – С. 53–56.

Овченкова О. Ю. Педагогические ситуации в художественной литературе. – Глазов: ГГПИ, 2009. – 68 с.

Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце. Севастополь в мае. Севастополь в августе 1855 года // Собр. соч. в 12 т. – М.: Правда, 1984. – Т. 2. – 496 с.

УДК 372.8:811.511.131(045)

Н. П. Боталова
Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики, г. Ижевск

N. P. Botalova
Scientific Research Institute of National Education of Udmurt Republic, Izhevsk

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО УДМУРТСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ 10 КЛАССОВ, НЕ ВЛАДЕЮЩИХ УДМУРТСКИМ ЯЗЫКОМ

STRUCTURE AND CONTENT CONTROL AND MEASURING MATERIALS IN THE UDMURT LANGUAGE FOR STUDENTS 10 CLASSES WITHOUT UDMURT LANGUAGE

Аннотация. Рассматриваются вопросы комплексного подхода к отбору содержания, разработке структуры контрольно-измерительных материалов по удмуртскому языку для обучающихся 10 классов, не владеющих удмуртским языком. Комплексность формирования контрольно-измерительных материалов предполагает включение заданий по аудированию, чтению, лексике, фразеологии, грамматике, письму. Данный подход к формированию структуры и содержания контрольно-измерительных материалов предполагает объективную проверку результатов обучения по удмуртскому языку и пути повышения качества обучения.

Abstract. This article discusses the issue of an integrated approach to the selection of content, the development of the structure of control and measuring materials in the Udmurt language for students of the 10th grade who study Udmurt as a foreign language. The complexity of the formation of control and measuring materials involves the

inclusion of tasks on listening, reading, vocabulary, phraseology, grammar, writing. This approach to the formation of the structure and content of control and measuring materials involves an objective verification of the results of training in the Udmurt language and ways to improve the quality of training.

Ключевые слова: контрольно-измерительные материалы, среднее общее образование, контроль знаний, удмуртский язык.

Keywords: control and measuring materials, the level of secondary general education, knowledge control, Udmurt language.

Контроль знаний, умений и навыков обучающихся является важной составной частью процесса обучения. Цель контроля – определение качества усвоения обучающимися программного материала, диагностирование и корректирование их знаний и умений.

В педагогической литературе выделяют следующие виды контроля: текущий, сопровождающий повседневную учебно-познавательную деятельность учащихся на каждом уроке; тематический, охватывающий систему уроков по определенной теме программы; периодический, относящийся к содержанию материала, изученного в определенный период обучения (четверть, полугодие); итоговый, охватывающий весь материал учебного предмета.

Проверка знаний и умений у обучающихся осуществляется на базе контрольно-измерительных материалов (далее КИМ). Они представляют собой стандартизированные инструментарии оценки уровня и качества освоения обучающимися государственного стандарта общего образования [ПООП СОО 2016; ПОПУП СОО 2021].

Контрольно-измерительные материалы включают в себя инструкцию для учителя, в которой раскрыты цель работы, порядок проведения, спецификация с перечнем проверяемых умений, три варианта заданий для обучающихся, оценивание и ответы к заданиям.

Содержание КИМ предполагает словарные и контрольные диктанты, лексико-грамматические тесты, комплексные работы. Словарные и контрольные диктанты, лексико-грамматические

тесты преподаватель по удмуртскому языку может использовать как инструмент текущего или тематического контроля. Комплексная работа предназначена для итогового контроля, на выполнение которой отводится 45 минут. На содержании данной работы остановимся подробнее.

В комплексной работе отражены задания на выявление речевых компетенции по аудированию, чтению, письменной речи, орфографических, пунктуационных, лексико-грамматических знаний и умений, знаний и умений по лексике и фразеологии.

Работа состоит из шести разделов, включающих в себя 30 заданий. В первом разделе, где размещены задания на аудирование, предлагается прослушать текст и озаглавить его; прослушать текст и выполнить 7 заданий на понимание основного содержания текста.

Второй раздел содержит 8 заданий на понимание прочитанного текста. В этом разделе проверяется сформированность умения читать текст на удмуртском языке с извлечением информации из прочитанного. Задания к тексту ориентированы на проверку знаний и навыков детального понимания содержания.

Третий раздел состоит из 5 заданий, которые позволяют проверить у обучающихся лексико-грамматические навыки употребления нужной морфологической формы слова в коммуникативно-значимом контексте.

В четвёртом разделе содержатся задания по орфографии и пунктуации. Выполняя данные задания, обучающиеся показывают свои знания в правописании слов, демонстрируют умение определять виды сложносочинённых предложений, также знания в постановке знаков препинания в сложных предложениях, предложениях с однородными членами и деепричастными оборотами.

В пятом разделе предлагаются задания, проверяющие у обучающихся знания и умения по лексике и фразеологии.

В разделе шесть дано задание, предполагающее написать эссе по предложенной теме.

Все элементы контрольно-измерительного материала связаны между собой. Они представляют комплекс заданий, отражающих

требования к образовательным результатам среднего общего образования.

Тексты, используемые для заданий всех разделов, учитывают возрастные особенности обучающихся 10 классов, они не перегружены информативными элементами: терминами, именами собственными, цифровыми данными. С точки зрения содержания тексты подобраны так, что они имеют большую значимость для образовательного, познавательного и воспитательного потенциала учащегося.

Выполнение заданий КИМ для 10 классов предоставляет обучающимся возможность самостоятельно и объективно оценить свой уровень знаний и умений по учебному предмету «Родной (удмуртский) язык».

Опираясь на «Примерную образовательную программу учебного предмета «Родной (удмуртский) язык» для 10–11 классов среднего общего образования (базовый уровень)», педагогу можно самостоятельно составить кодификатор и при помощи контрольно-измерительных материалов проверить знания и умения, которые его интересуют.

Кодификатор может быть представлен в виде таблицы, где указан код проверяемого раздела, темы и непосредственно проверяемого учебного элемента (см. таблицу 1).

Таблица 1

Код раздела	Код темы	Код наименования проверяемого учебного элемента	Наименование проверяемого учебного элемента
1.			Грамматическая сторона речи
	1.1.		Синтаксис
		1.1.1.	Сложносочинённые предложения

Таким образом, содержание КИМ по предмету «Родной (удмуртский) язык» для обучающихся 10 классов, не владеющих

удмуртским языком, включает в себя материалы, позволяющие провести объективный комплексный контроль знаний, умений и навыков. Выполнение заданий КИМ поможет сделать подготовку выпускников десятого класса к итоговой работе по удмуртскому языку более качественной.

ЛИТЕРАТУРА

ПООП СОО 2016 – Примерная основная образовательная программа среднего общего образования (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 28.06.2016 N 2/16-з). – URL: https://fgosreestr.ru/poop/primernaya-osnovnaya-obrazovatelnaya-prog rma-srednego-obshhego-obrazovaniya (дата обращения: 16.03. 2023).

ПОПУП СОО 2021 – Примерная образовательная программа учебного предмета «Родной (удмуртский) язык» для 10–11 классов среднего общего образования (базовый уровень) (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 28 сентября 2021 г. № 4/21). – URL: https://fgosreestr.ru/oop/primernaia-obrazovatelnaia-programma-uchebnogo-predmeta-rodnoi-udmurtskii-iazyk-dlia-10-11-klassov-srednego-obshchego-obrazovaniia-bazovyi-uroven (дата обращения: 16.03. 2023).

УДК 372.8:811.511.131:811.151.131.09(045)

Л. В. Бусыгина
Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики, г. Ижевск

L. V. Busygina
Scientific Research Institute of National Education of Udmurt Republic, Izhevsk

КУЗЕБАЙ ГЕРДЛЭСЬ ТВОРЧЕСТВОЗЭ ТУАЛА ШКОЛАЫН ДЫШЕТОН

CREATIVITY OF KUZEBAY GERD IN MODERN SCHOOL EDUCATION

Аннотация. Рассматриваются вопросы изучения творчества Кузебая Герда в школе в свете новых федеральных государственных образовательных стандартов. На основе анализа текстов, вошедших в учебники удмуртского языка и литературы с 1 по 11 классы, автор утверждает, что произведения писателя выполняют познавательную, нравственно-воспитательную и эстетическую роль в воспитании учащихся. Они воздействуют на формирование гражданских чувств школьников, их нравственные и эстетические убеждения, самосознание, повышают мотивацию к изучению родного языка. Произведения Кузебая Герда и сегодня сохраняют свою актуальность.

Abstract. The article discusses the issues of studying the creativity of Kuzebai Gerd according to new federal state educational standards. Based on the analysis of texts included in textbooks of the Udmurt language and literature from grades 1 to 11, the author argues that the writer's works perform a cognitive, moral, educational and aesthetic role in the education of students. They influence on the

formation of civic feelings of schoolchildren, their moral and aesthetic beliefs, self-awareness, increase motivation to learn their native language. The works of Kuzebai Gerd are still relevant today.

Ключевые слова: творчество Кузебая Герда, учебники удмуртского языка и литературы, нравственно-воспитательная роль, мотивация, успешность ученика.

Keywords: creativity of Kuzebai Gerd, textbooks of the Udmurt language and literature, moral and educational role, motivation, student's success.

Выль федерал кун стандартлэн куронъёсызъя туала школа азьын бадзымесь визьнодан ужпумъёс пуктэмын: нылпилэсь асваланзэ жутоно, солы вордскем шаерзэ, Россилэсь историзэ но Россиысь калыкъёсты гажан мылкыд пыӵатоно; адями кусыпъёс, дунне дунлыкъёс сярысь валан сётоно но нылпилэсь лулпуш дуннезэ узырмытоно, солэсь удмуртлыксэ жутоно; вордскем калыксэ но кылзэ гажан мылкыд пыӵатоно, нылпилэсь вераськон но гожъяськон кылзэ (коммуникативной быгатонлыкъёссэ) волятоно, творческой быгатонлыкъёссэ азинтоно, котыр чеберлыкез валаны, инкуазез но тазалыкез утьыны, ужез яратыны дышетоно (ФГОС НОО, ФГОС ООО, ФГОС СОО).

Дышетйсьёс азе пуктэм ужпумъёсты Кузебай Гердлэн дышетон удыслы сйзем ужъёсыныз герӟано ке, Герд даур талэсь азьло но та выллем ужпумъёсты ик жутэ вылэм ини. Кылсярысь, «Малы удмурт кыл кулэ?» (1924), «Вордскем удмурт кыл сярысь» (1924), «Вотские дети и родной язык» (1920) статьяосаз тодосчи кыккылъемлыко дышетон сярысь вера, нош «Задачи социального воспитания и роль педагога» (1921), «Мар-о со нылпи утён?» (1920), «Нылпи садъёс удмурт пушкын» (1920) статьяосаз адямиосын кусыпъёсты радъяны (коллективын улыны), пӧртэм ужпумъёсты ӵошен сэрттыны-пертчыны дышетэ, огъя ужын котькуд нылпилы нимысьтыз саклык висьяса (дифференцированной подход), нылпиез будэтон сярысь вера.

Покчи школаын дышетскись нылпиослы дасям «Шуныт зор» (1924) но «Выль сюрес» (1931) хрестоматиосаз автор нылпиосты выль улонэн тодматэ, калыкен ӧош ужаны, калык пӧлын улыны дышетэ, вордскем кыллэсь дунзэ валэктэ, дунне дунлыкъёсты валаны дышетэ, котыр инкуазез утён но трос мукет ужпумъёсты сэрттэ.

Нош туннэ Кузебай Гердлэн кыче меда произведениосызъя нылпиосты дышетйськомы? Та цифровой вакытэ кыче меда мылкыдын дышето нылпиос Кузебай Гердлэсь творчествозэ? Та юан, мон сямен, нырысь ик сылыны кулэ анай-атайёс но дышетйсьёс азьын. Нылпилэн мылкыдыз луытэк, сое кужмысь уд косы кылбурез яратыны, кылсуредъёсты валаны, гожъясьчилэсь пушдуннезэ шӧдыны. Со валанэз кӧкыысен ик анай кылын но кӧкы кырӟанэн пычатыны кулэ.

Институтэн ортчытэм анкетирование возьматэ, удмурт кылэз дышетйсь нылпиослэн лыдзы синэ ке но, соос удмуртлыкенызы но удмурт кылзэс тодэменызы данъясько. 10–11-тй классын дышетскисьёс яратоно гожъясьчиоссы пӧлын – А. Пушкин, С. Есенин, М. Булгаков, Рэй Бредбери, Джером Сэлинджер, Флор Васильев, М. Петров но мукетъёсыз – 74% процентэз пусйизы Кузебай Гердэз. Озьыен, туала нылпиос лыдӟисько, лыдӟо пӧртэм литератураез, пӧртэм авторъёсты. Бадӟым ужпум султэ удмурт кыл но литература урокъёс азе: нылпиез валаса книга бырйыны но валаса лыдӟиськыны дышетоно. Малы ке шуоно, книгаысь басьтэм тодон-валанъёссэ со улоназ, дышетсконаз азинлыко кутыны быгатыны кулэ.

Азинлыко нылпиез будэтонын бадӟым инты басьтэ Кузебай Гердлэн творчествоез. Кызьы верамы ни, дауръёс пыр потыса но, со визьнодан кужымзэ ыштымтэ на.

Покчи классъёсысен ик Гердлэн «Лыдӟон книгае» пырем произведениосыз пыр нылпиосты улон дунлыкъёсын тодматйськом. Нырысь фольклор жанръёслы матын луись гожтосъёсыз пыр – лыдъяськонъёс но мадиськонъёс, выжыкылъёс но дауркылъёс. Кылсярысь, Гердлэн мадиськонъёсыз, «малпаськытйсь веранъёсыз», нылпилэсь йырвизьзэ сынам сяна, котыр улонлэсь пӧртэмлыксэ возьмато но нылпилэсь дунлыкъёссэ шараяло. Уноез соос кельшо

поэтической ӧошатонлы яке метафоралы. Озьы нылпи каллен кылчеберман амалъёсты шӧдыны кутске.

Яке тани «Палтури» лыдъяськонзэ пиналъёс ас кожазы лыдзо, учкытэк вераны дышетско но шудоназы куто. Соос пӧртэм кылсуредъёсын малпаськыны но шудйсьёс пӧлын рольёсты люкыны дышетско.

«Бадяр тысь» но «Пужымо тэльын» выжыкылъёсаз огшоры инкуазь суредъёс пыр мур философской малпанъёс чильпырало, бадзым ужпумъёс жутйсько. Нылпиослы валамон кылын автор улонлэн азинскон катъёсыз сярысь вера. Ӧошатонъёс но метафораос пыр, подтекст пыр автор нылпи азе лэчыт юанъёс пуктэ, улонысь лэчыт ужпумъёс сярысь малпаськытэ. Дышетйсьлэн ужпумез – нылпилэсь аресэ чакласа, жутэм ужпумъёсъя огъянъёс лэсьтыны дышетон.

Валамон, чеберлыко произведениез авторезлэсь улон шоры учкемзэ, улонваланзэ, улэм вакытсэ чаклатэк эскероно ке, со палдурес луэ. Гожъясьчилэн улон но ужан сюресэныз тодматскыса гинэ, рос-прос валаны но валэктыны луэ солэсь чеберлыко дуннезэ, геройёссэ, сюжетъёссэ но кылсуредъёссэ. Соин покчи классъёсысен ик нылпиос пыр-поч тодматско ни Кузебай Гердлэн биографиеныз.

Со сяна, нылпиос, А. Комаровлэн Кузебай Герд сярысь «Лызгырлыос-шыркунъёс» повестьысьтыз люкетсэ но Г. Ходыревлэсь «Гердлэн пуныез» вероссэ лыдзыса, писательлэсь пушдуннезэ но мылкыдъёссэ шӧдыны кутско. Соку инкуазь лирикаез но, кылсярысь, «Сйзьыл», «Туриос», «Беризь» кылбуръёсыз, выль сямен чузъяськыны кутско. Кылчеберман амалъёсыз но бадзым пуштросэн тырмо. Куараен шудон, нылпилэсь кылзэ азинтэм сяна, улонваланзэ но азинтэ, йӧспӧртэм (нестандартно) малпаськыны но дышетэ.

Вордскем шаердэ яратон, анай кылдэ гажан, зэмос эшъяськон, инкуазез утён, покчи эшъёсыд сярысь сюлмаськон но мукет ужпумъёсты жутэ Кузебай Герд «Лыдзон книгае» пырем произведениосаз.

Нош Кузебай Гердэн поттэм «Муш» журналэн тодматскыса, 1920-тй аръёсы татын печатласькем произведениосты лыдзыса,

нылпиос валэктонъёс шедьтозы асьсэлэн туж пӧртэм юанъёссылы: кызьы тысь выжы лэзе? малы пушнер куртчылйське? малы тӧл шундылэсь но, кезьытлэсь но кужмогес? но мукет. Познавательной сяна, та текстъёс визьнодан ужпумъёсты но быдэстыны луонлык кылдыто.

Озьыен нылпиос инъет ёзо школае Кузебай Гердэн умой-умой тодматскыса мыно ни.

Со сяна ньыль ар ӧоже «Удмурт кыл» учебникъёсы пырем Кузебай Гердлэн произведениосыз пыр нылпиос удмурт кылмылэсь узырлыксэ но чеберлыксэ «шӧмъяло», кылэз шӧдыны дышетско, кылын ортчись тунсыко процессъёсты чаклало. Кылсярысь, 4-тй классын нылпиос Гердлэн текстъёсызъя шонер гожъяськон правилоосты дышето, кушето предложениосты эскеро. Со сяна дышетйсь тунсыко эскерон уж ӵектыны быгатэ. Нылпиос Гердлэн кылчуръёсысьтыз удмурт кылын туннэ шер кутйськись кыл формаез пумитало:

Гужем ортчиз,
Сйзьыл вуиз,
Писпу куаръёс куашкало,
Лымшор пала *туриосыд*
Кесяськыса кошкыло
[Байтерякова 2015, с. 86].

Туриосыд кыллэн *-ыд* кылйтэтэз чик но кыллэсь притяжательной формазэ, кинлэн ке луэмзэ уг возьматы. Татын та кылйтэт висъясь функциын, оло нош кужмоятон функциын но кутйське. Туала нылпиосмы удмурт кылмылэсь таӵе лушкем, ватйськем пуштросъёссэ шӧдыны быгатйзы ке, вераськон кылазы кутыны кутскизы ке, малпасько, дышетйсьлэн со туж бадзым вормонэз луоз. Озьы будозы вуоно кылчиосмы, тодосчиосмы.

Нош макем узыр Кузебай Гердлэн кылтйрлыкез, макем пӧртэм кылчеберман амалъёсыз! Соин но, дыр, солэн кылбуръёсыз удмурт кылъя учебникъёсы пӧртэм темаосъя ужан материал луыса пыремын. Кылсярысь, 6-тй классын вераськон ужпӧр темая урокын

Кузебай Гердлэн кылбураз огшоры кадь пуктэм юанъёс куараен но кылын шудон пыр нылпилэсь творческой ужан мылкыдзэ жуто но мур малпаськыто:

Малы дуно
Та удмурт кыл? <…>
Оло, мукет уно кыллэсь
Жингрес солэн жингреслыкез?
Оло, мусо чеберлыкез?
Оло, чебер куаралыкез?
[Вахрушева 2016, с. 24].

Кылбурын пуктэм юанъёсъя нылпиос сочинение-рассуждение гожто. Юанъёсты котыр ласянь бергато. Малпанъёссэс но мылкыдъёссэс, Кузебай Гердлэсь адзем карыса, сыче ик яркыт, чебер, вольыт кылын гожтыны тыршо. Кылбурчиен сётэм мылкыд нылпиослы тунсыко огъянъёс но лэсьтыны юрттэ.

Кузебай Гердлэн произведениосызъя нылпиос дышетско пышкылонкылъёсты но вазёнкылъёсты тодманы, глаголъёслэсь мукет вераськон люкетэ выжемзэс валэктыны. Малы ке шуоно шаерын ортчись воштйськонъёс но кылбурчилэн мылкыдъёсызсюлэмвисёнъёсыз кылбурчуръёсаз тужгес но та вераськон люкетъёсын кисьтйськемын. Соосты дышетэм улсын гожъясьчилэсь улонваланзэ но шӧдйськом, шаермылэсь историзэ но тодамы ваиськом. Озьы Кузебай Гердлэн кылбур чуръёсаз но чурвисъёсаз пычам малпанъёсыз нылпилэсь асваланзэ жуто но дунне дунлыкъёсты валаны дышето.

Дунне дунлыкъёсты мургес валаны юртто литература урокъёсын пӧртэм калыкъёслэсь произведениоссэс ӵошатон ужъёс (компаративистика амалъёс). Кылсярысь, Кузебай Гердлэсь «Гондыръёссэ» А. С. Пушкинлэн «Сказка о рыбаке и рыбке» выжыкылэныз ӵошатон. Яке «Эльбай» кылбурзэ – немец кылбурчилэн Генрих Гейнелэсь «Лореляй» кылбуреныз. Кык пӧртэм вакытэ, пӧртэм интыосын будэм-улэм гожъясьчиослэсь кылбур чуръёссэс, кылсуредъёссэс но сюжетъёссэс ӵошатыса, пиналъёс ноку быронтэм

сюжетъёс сярысь («вечные сюжеты») валан басьто. Та уж чотын нылпиослэн кыл шӧдонзы туж ӟеч азинске. Собере пӧртэм литератураосты но лулчеберетъёсты пӧлэстыса, интеграция амалэн дышетон нылпиослэсь улонваланзэс, улон шоры учконзэс паськытатэ, кылъёсты дышетон мылкыдзэс ӝутэ но нылпиосты кылысь кылэ берыктон уже кыске.

7–9-тӥ классъёсын нылпиос литература урокъёсын тодматско Кузебай Гердлэн пӧртэм жанръем произведениосыныз: кылбуръёсын, поэмаосын, сонетэн, басняен, памфлетэн, веросэн но повестен. Соос пыр дышето вакытлэсь аспӧртэмлыкъёссэ но литератураысь валтӥсь ӧръёссэ – романтизмез, реализмез, футуризмез, символизмез но соцреализм амалэз. Озьы Кузебай Гердлэн вакчи улон дауразы, ог 20 ар ӧоже гинэ кылдытэм произведениосаз мукет литератураослэн азинскемзылэн быдэс вакытсы тэремын. Кылбурчилэн шумпотонэз но бӧрдонэз, ӝожомонэз, сюлмаськонэз но данъяськонэз котькуд чураз пыӵамын, котькуд кылаз шуккиське. Соин, Кузебай Гердлэн гражданской мылкыдо кылбуръёсыз нылпилэсь асваланзэ, удмуртлыксэ ӝутыны юртто, пушкужымзэ юнмато, улонын шугсекытъёсты вормыны дышето. Инкуазь лирикаез пыр автор нылпиослы шаерез яратон мылкыд, ас калыктэ но артэ улӥсь калыкъёсты гажан мылкыд пыӵатэ, дунне дунлыкъёсты валаны дышетэ.

Гожъясьчилэсь ужъёссэ дышетон мылкыдзэс нылпиослэсь ӝутон понна дышетӥсьёс туж пӧртэм тунсыко технологиосты, амалъёсты ужазы куто. Нош Институтмы дышетӥсьёс понна электрон учебникъёс дася.

Вань произведениос вылэ нимысьтыз дугдылытэк, вераны кулэ, 9-тӥ класслы электрон учебнике ватсэт материал чотын Кузебай Герд сярысь фильм пыртэмын (авторъёсыз В. Пантелеева, А. Чермных, режиссёрез Л. Вахитов). Мон ӵектысал фильмез быдэс классэн ӵош учкыны но соя обсуждение ортчытыны, угось, кенешонэ пыриськыса, нылпиос мылкыдъёссэс вераны дышетско, огъянъёс лэсьто, споръяськыны дышетско. Таӵе дышетон амал нылпиослэсь коммуникативной но психологической компетен-циоссэс азинтэ, секыт югдурысь потон луонлыкъёс капчиен шедьтыны

дышетэ, огъя вераса, федерал кун дышетон стандартъёслэсь куронъёссэ улонэ пычатыны юрттэ.

10-тй классын Кузебай Гердлэсь творчествозэ дышетонэз йылпумъяса, огъяса, удмурт литературая электрон учебникъёсын нылпиос тодосчиослэн-критикъёслэн, Ф. К. Ермаковлэн, А. Г. Шкляевлэн, П. Домокошлэн но А. А. Ермолаевлэн, статья-осынызы тодматско. Тачэ статьяосын ужаса, нылпиослэн, ӟуч сямен вераса, критической мышленизы азинтйське. Тодосчиослэсь произведение сярысь пӧртэм малпанъёссэс, учконъёссэс тодыса, нылпиос асьсэлэсь малпанъёссэс радъяны дышетско. Соос критикъёсын соглаш карисько яке споръясько, ченгешо. Туж умой луысал, дышетйсь урок-исследование яке урок-диспут радъясал ке. Тачэ ужрадъёсын нылпиос озьы ик дышетско споръяськонъёс, полемика шонер нуыны. Туала улонын со туж кулэ луись быгатонлыкъёс.

Та быгатонлыкъёссэс нылпиос азинто удмурт кылъя урокъёсын, 10–11-тй классъёсын текстлэсь пӧртэм стильёссэ дышетыку. Тунсыко соиз но: стильёслэсь котыр ласянь (кылтйрлык, синтаксис, стилистика ласянь но) аспӧртэмлыкъёссэс туж яркыт возьмато Кузебай Гердлэн текстъёсыз. Но таин валче вераны кулэ, дыр ортчемъя стильёс воштйськыны быгато, одйг стильлы тупась кылъёс но явлениос мукетаз потыны быгато. Нош Кузебай Гердлэн текстъёсыз дауръёслы кылдытэмын. Дауръёс ортчыса но, соос уг вужмо, оло, уз но вужме. Кузебай Гердлэн текстъёсыз вылын дауръёсын дышетомы удмурт кылмес!

Пусъеме потэ: туннэ нылпиос, Кузебай Гердлы сйзьыса, тунсыко эсseос, аспӧртэм кылбуръёс, дневник, интервью я гожтэт формаен сочиниос гожъяло. Гожтосъёсазы кылбурчилы пӧртэм юанъёс сётъяло. Нылпиослы тунсыко, кызьы меда кылбурчи улэм вакытсэ туннэ дунъясал? Нош мар каре вал меда со аслыз кельшымтэ гожтосъёсыныз? Кылбур гожъян мылкыд кин сётэ вал меда? Маин герӟаськемын гожъясьчилэн вормонэз? Нылпиослы яке мӧйыослы гожъяны капчигес? но мукет юанъёс.

Нылпиослэн Кузебай Гердлэн творчествоеныз тачэ тунсыкъяськемзы нырысь ик дышетйсьёс бордысь, малпасько, потэ. Малы

ке шуоно, анкетирование пыриськем дышетйсьёслэн верамзыя, нылпи садысь школае пиналъёс Кузебай Гердлэсь нимзэ, солэсь произведениоссэ тодытэк лыкто ай. Дышетйсьёслэн малпамзыя, Гердлэсь кылбуръёссэ но выжыкылъёссэ, лыдъяськонъёссэ но мадиськонъёссэ нылпи садысен дышетыны кулэ ни. Нош мон сямен, Гердлэн кылбурет дуннеяз нылпиосты пыртыны кулэ нырысь ик анай-атайёс, семьяын! Со понна Институтысьтымы öнерчиосын кылдытэмын но поттэмын туж узыр но чебер «Зарни бугор» хрестоматиос, кытчы пыремын Кузебай Гердлэн нылпиослы сйзем произведениосыз но.

Озьыен, Кузебай Гердлэн творчествоез, дауръёс пыр потыса но, туннэ но визьнодан кужымзэ ыштымтэ на. Дышетйсьёслэн малпанъёсынызы соглаш кариськыса, шуиськом: «Кузебай Герд – со удмурт калыклэн, удмурт кылмылэн, удмурт культурамылэн толло, туннэ но ӵуказе нуналыз. Кузебай Герд – дышетйсьёслэн дышетйсьсы, нодъясьсы. Нылпиосмылы адзем карымон батыр, солэн улон сюресэз возьматэ, кыӵе луэ зэмос патриот но герой».

ЛИТЕРАТУРА

Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 4-тй классы учебник. Кык люкетэн. 1-тй люкетэз. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 112 б.

Удмурт кыл. 6-тй классы / Л. В. Вахрушева, Г. В. Горбушина, Н. А. Ермокина но мукетъёсыз; огъясь редакторез Л. В. Вахрушева. – Ижевск: Удмуртия, 2016. – 240 б.

Герд Кузебай. Вотские дети и родной язык // Рабоче-крестьянские думы. – 1920. – 4 февр.

Герд Кузебай. Мар-о со нылпи утён? // Гудыри. – 1920. – 3 мартэ.

Герд Кузебай. Нылпи садъёс удмурт пушкын // Гудыри. – 1920. – 18 мае.

Герд Кузебай. Задачи социального воспитания и роль педагога // Ижевская правда. – 1921. – 18 окт.

Герд Кузебай. Вордскем удмурт кыл сярысь // Гудыри. – 1924. – 29 июне.

Герд Кузебай. Малы удмурт кыл кулэ // Гудыри. – 1924. – 30 июне, 28 июле.

Герд Кузебай. Шуныт зор: 3-тй арзэ дышетскись пиналъёслы лыдзон-ужан книга. – Муско: СССР-ысь музъемысь вань калыкъёслы книгапоттонни, 1924. – 180 с.

Герд Кузебай. Выль сюрес (Новый путь): Книга для чтения. – Ижевск: Удкнига, 1931. – 224 с.

ФГОС НОО – Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (с изменениями на 8 ноября 2022 года) [утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 года № 286]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/607175842 (дата обращения: 05.02.2023).

ФГОС ООО – Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (с изменениями на 8 ноября 2022 года) [утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 года N 287]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/607175848 (дата обращения: 05.02.2023).

ФГОС СОО – Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (с изменениями на 12 августа 2022 года) [приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 года N 413]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902350579 (дата обращения: 05.02.2023).

УДК 372.8:811.511.152.1(045)

Л. П. Водясова
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

L. P. Vodyasova
Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evsevyev, Saransk

РОЛЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО (ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКА

THE ROLE OF PROVERBS AND SAYINGS IN THE FORMATION OF ETHNO-CULTURAL COMPETENCE OF LEARNERS AT THE LESSONS OF THE NATIVE (ERZYA) LANGUAGE

Аннотация. В статье рассматривается роль пословиц и поговорок в формировании этнокультурной компетентности учащихся на уроках родного (эрзянского) языка. Отмечается, что пословицы и поговорки содержат в себе правила воспитания детей. Изучая и анализируя их, учащиеся приобщаются к историческому пролому, судьбе, жизни народа, узнают о национальных особенностях его характера. Устнопоэтические тексты помогают формировать уважительное отношение к старшим, любовь к труду. Многообразие пословиц и поговорок позволяет успешно включать их в учебный процесс на разных этапах урока, на всех ступенях обучения (младшей, средней, старшей) с разным уровнем языковой подготовки детей.

Abstract: The article discusses the role of proverbs and sayings in the formation of ethno-cultural competence of learners in the lessons

of their native (Erzya) language. It is noted that proverbs and sayings carry the rules of raising children. Studying and analyzing them, students become familiar with the historical past, fate, life of the people, learn about the national characteristics of the character of the people. They help to form a respectful attitude towards elders, love for work. The variety of proverbs and sayings allows them to be successfully included in the educational process at different stages of the lesson, at all levels of education (junior, middle, senior) with different levels of language training of children.

Ключевые слова: этнокультура, этнокультурная компетентность, формирование этнокультурной компетентности, фольклор, пословицы и поговорки.

Keywords: ethnoculture, ethnocultural competence, formation of ethnocultural competence, folklore, proverbs and sayings.

Формирование этнокультурной компетентности обучающихся является важной проблемой этнокультурного образования.

Термин *этнокультурная компетентность* в науку был введен сравнительно недавно, поэтому пока не имеет единого толкования. Так, Н. Н. Семененко определяет его как признак личности, способствующий «эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию» [Семененко 2011, с. 23]. С точки зрения Г. Р. Восканян, это «совокупность знаний о той или иной этнической общности и ее культуре» [Восканян 2014, с. 71]. Н. А. Боженова рассматривает его как «… свойство личности, выражающееся в освоении совокупности представлений, знаний о родной культуре, а также о неродных этнокультурах, их месте в отечественной и мировой культуре, опыте овладения этнокультурными ценностями, способности к диалогу культур, их сопоставлению, что проявляется в знаниях, умениях, навыках, моделях поведения в моноэтнической и полиэтнической среде» [Боженова 2015, с. 83]. Мы под этнокультурной компетентностью понимаем свойство

личности, выражающееся в знании языка, обычаев, быта, исторического прошлого своего народа и, самое главное, в умении применять их в повседневной жизни [Водясова 2017; Водясова 2022].

Формирование этнокультурной компетентности закладывается еще в детском возрасте, прежде всего через произведения фольклора. Учащиеся с малых лет знают колыбельные песни, загадки, считалки, скороговорки. Некоторые из них уместно используют в своей речи пословицы и поговорки, услышанные от взрослых дома, в детском саду или в школе, значение которых могут объяснить и использовать на уроках родного (в нашем случае – эрзянского) языка.

Пословицы (эрз. *валмеревкст*) имеют глубокий смысл, помогая рассказчику яснее выразить мысль, полнее аргументировать доводы. Они показывают духовное богатство народа, являясь неотъемлемой частью его языка. По мнению Т. Р. Аникеевой, «это автобиография народа», «зеркало культуры», являющееся сильным приемом в воспитании патриотической и творческой личности [Аникеева 2014, с. 311]. К пословице близка по своей жанровой природе поговорка (эрз. *валъёвтавкс*). Она обычно находит свое конкретное выражение в контексте речи. Часто употребляется в переносном значении, метко подмечая сущность предметов, явлений, образно характеризуя их: *Чиемс прянь-полдань синдезь* (Бежать сломя голову), *Чинетькак илязо уле* (Чтоб и духу (букв.: запаху) [твоего] не было); *Тенстьсэ тенсевсь* (Очень быстро (букв.: веником выметался)); *Шумбрачись – сюпавчи* (Здоровье – богатство).

Мордовский народ имеет древнюю культуру, обычаи, традиции, которые передаются из поколения в поколение. Им накоплен богатейший опыт воспитания подрастающего поколения средствами народной педагогики, культивирующей любовь к Отечеству, к родителям, культуре, традициям и обычаям своего народа. Знание своей культуры, истории способствует пониманию и принятию культуры другого народа, а значит, учит проявлять толерантность к инокультурным традициям.

Опыт народного воспитания активно используется на урочных и внеурочных занятиях. В соответствии с принципом природосообразности мордва обращала серьезное внимание на необходимость обучения детей к труду с малолетства, что подтверждается множеством поговорок и пословиц. В семейном кругу часто использовались поговорки и пословицы, в которых подчеркивалась роль труда и его важность в жизни каждого человека: *Трудось ды славась вейсэ якить* (Труд и слава вместе ходят), *Капшазь паро тев а теят, ансяк раксемат неят* (Торопясь хорошее дело не сделаешь, только насмешку увидишь), *Скотинань ванат мель, саят ярсамопель* (За скотиной ухаживаешь, имеешь еду).

Пословицы и поговорки несут в себе правила воспитания детей. С их помощью приучают обдумывать процесс выполнения любой работы: *Тунда а видят, сёксня мезеяк а пидят* (Весной не сеешь, осенью не варишь), *Сельмтне пелить, кедтне теить* (Глаза боятся, руки делают), *Кизна теветь коли ёрат – тельня морот морат* (Летом дела если делаешь – зимой песни поешь); учат не бояться трудностей: *Кизна кутьмереть лоподи – тельня пекеть топоди* (Летом спина намокнет – зимой живот наполнится); внушают, что труд облагораживает человека, делая его внутренний мир чище, красивее и богаче: *Ансяк трудязь вадрялгадат, седей ёндо сюпалгадат* (Только в труде хорошеешь, духовно богатеешь), *Сырнень кедть – сырнень тевть* (Золотые руки – золотые дела).

Уважительное отношение к старшим, послушание родителей и уважительное отношение к ним воспринимается как нечто обязательное, святое: родителей нужно любить, беречь и дорожить ими. Такое отношение воспитывают у детей пословицы и поговорки. Важна и роль родителей в воспитании детей, т. к. ребенок впитывает в себя то, что видит и слышит, а потом полностью повторяет. Недаром в пословицах говорится: *Кодамо умаринась, истямо умареськак* (Какова яблоня, таково и яблоко), *Кодат чачтыйтне, истят кастыйтне* (Какие родители, такие и воспитатели), *Маштыть чачтомо – машт эйкакшонь кастомо* (Умеешь детей родить – умей их и вырастить).

Пословицы и поговорки содержат вековую народную мудрость, поучают и в ненавязчивой форме предостерегают от неприятностей в жизни, беды. Недаром говорится: *Ломанень парочисэ сюпав а улят* (На чужом добре богатым не будешь) или *Паро мельть арсят – паро валт марсят* (Хорошие мысли имеешь – хорошие слова слышишь). Они учат обдумывать всю свою жизнь: *Од шкась юты апак неяво, сыре шкась сы апак маряво* (Молодость (букв.: молодая пора) пройдёт незаметно – старость (букв.: старая пора) придёт внезапно (букв.: не слышно), *Кодамо эрямо-аштема, истямо пень маштома* (Каково житьё-бытье, такова и смерть).

Народ понимает, что воспитание – это главный фундамент будущего, и оно неразрывно связано с обучением. Эффективность учебно-воспитательной работы зависит от их гармоничного единства, т. е. процесса познания новых знаний и от его воспитательного воздействия на ребенка.

Современная методика преподавания языка развивается в области поиска более эффективных форм обучения, особое внимание при этом уделяется его функциональным сторонам. Изучение стилей, языковых особенностей тех или иных текстов устного народного творчества, их использование на уроках является средством обогащения словарного запаса учащихся и способствует расширению их кругозора. Для формирования этнокультурной компетентности сегодня большое значение приобретает научно обоснованный отбор учебных текстов для упражнений.

Текст должен быть:

а) концептным (концепт – это «лингвоментальная единица», изучающая единство языка и культуры; это «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее) [Belova 2019, Vodyasova 2019]. Всякий концепт многомерен: в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так и этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное. В тексте

должны содержаться концепты, отражающие общечеловеческие ценности (народ, Родина, язык, патриотизм, семья, дом, любовь и др.);

б) дидактическим (текст должен иметь воспитательный потенциал для работы с учащимися);

в) сензитивным (содержание текста должно соответствовать возрастным и психофизиологическим особенностям развития учащихся и типу их ведущей деятельности);

г) информативным (текст выполняет обучающую и познавательную функции).

Изучая и анализируя пословицы и поговорки, учащиеся приобщаются к историческому прошлому, судьбе, жизни народа, узнают о национальных особенностях характера народа. В результате у них обогащается словарный запас, расширяется кругозор, развивается логическое мышление, интеллект, память, формируется этническая идентичность, следовательно, развивается этнокультурная компетентность.

Многообразие пословиц и поговорок позволяет успешно включать их в учебный процесс на разных этапах урока, на всех ступенях обучения (младшей, средней, старшей) с разным уровнем языковой подготовки детей.

Будучи кратким и ёмким выражением, пословица может использоваться:

1) во вступительной части урока: сообщение темы урока, плавно переходящее в речевую зарядку (подготовительный этап урока);

2) в основной части урока как: а) прием ознакомления с новыми лексическими единицами и грамматическими структурами; б) средство совершенствования фонетических навыков; в) вступление к чтению или слушанию текста; г) обобщение на основе прочитанного / как результат прочитанного / прослушанного текста, беседы или дискуссии; д) составляющая речевой ситуации; е) тема для написания сочинения / изложения; ж) средство расширения лингвострановедческих знаний;

3) в заключительной части урока, на этапе рефлексии, в качестве средства подведения итогов или оценки деятельности учащихся.

Так, пословица как вступление к уроку позволяет решить ряд задач: заинтересовать учащихся, мотивировать их к дальнейшему обсуждению проблемы урока, служить средством предречевой подготовки (в виде фонетической зарядки). Следующий этап предполагает дословный перевод пословицы и подбор к ней русского эквивалента.

На основном этапе урока пословица может использоваться как основа для организации дискуссии. Примерная постановка проблемы: Народная мудрость гласит – *Ломанень паро лангс кургот иляк автне* (На людское добро рот не развевай) (эквивалент в русском языке: «На чужой каравай рот не разевай»). Как вы думаете, в чём заключается смысл пословицы? Есть ли в русском языке похожая?

В основной части урока пословицы используются максимально широко. Их ввод в канву урока производится ситуативно, т. е. ученикам они даются не изолированно, а вводятся как своеобразная проблема. Исходя из этого, ученики могут выразить свое мнение и отношение к данным пословицам и ситуациям. Принимая во внимание то, что поговорка несет в себе определенный подтекст, то и работа над ней требует не простого воспроизведения, а умения высказывать свое отношение к ней. Задания для учащихся на данном этапе становятся более сложными. Они могут быть такими:

Выразите согласие или несогласие с предложенной пословицей.

Прослушайте рассказ, подберите пословицу, которая будет наиболее подходящей концовкой для него.

Составьте ситуацию, которая подтвердила бы смысл предложенной пословицы.

Прослушайте ситуацию и свяжите ее с соответствующей пословицей.

Опишите иллюстрацию к пословице.

Послушайте диалог и скажите, какой пословицей его можно было бы закончить.

При работе с пословицами можно применить различные методические приемы. Так, при работе в парах каждый ученик получает карточку с пословицей и инструкционный лист «Как работать с пословицами». С помощью ключевых слов и выражений, данных на карточке, учащиеся составляют диалоги с пословицами. Можно использовать также работу в малых группах. Учащиеся образуют группы по четыре человека и получают задания:

Группа 1: Составьте рассказ, используя пословицу.

Группа 2: По заданной ситуации составьте диалог; используя пословицу, драматизируйте его.

Группа 3: Составьте ситуацию по иллюстрации, которая подтвердила бы данную пословицу.

Группа 4: К данной пословице нарисуйте иллюстрацию, объясните ее.

С целью дальнейшего совершенствования практики использования пословиц можно предложить в качестве домашнего задания начать собирать материал для подготовки проекта; в частности, пользуясь необходимой литературой, подобрать пословицы и поговорки в эрзянском и русском языках по предложенной теме.

Пословицы и поговорки можно использовать не только на начальном этапе обучения родному (эрзянскому) языку, но и на среднем этапе обучения, когда их использование стимулирует речевую деятельность. Прежде всего, лексико-грамматическая насыщенность пословиц и поговорок позволяет удачно использовать их как для обогащения лексического запаса, так и при объяснении и активизации многих грамматических явлений [см.: Бутяева 2006**]**. Являясь, с одной стороны, средством выражения мысли, а с другой, – заключая в себе изучаемые формы или конструкции в речи, пословицы и поговорки как нельзя лучше способствуют автоматизации и активизации применения данных грамматических форм и конструкций. Так, повелительное наклонение выполняет

в общении побудительную функцию, и с его помощью можно выразить заключающиеся в пословицах и поговорках просьбу, совет, предложение, пожелание, разрешение, запрет, предостережение: *Пазонть пельде учок, а тонсь иля удо* (От бога жди, а сам не спи); *Иля капша кельсэ – капшак тевсэ* (Не спеши языком – торопись делом); *Арсек аволь кулядонть, арсек кулянь нолдыцядонть* (Думай не о сплетне, думай о сплетнике). Более того, поскольку пословицы и поговорки способствуют активизации и автоматизации применения отдельных грамма-тических форм и конструкций, постольку их целесообразно использовать для иллюстрации новых грамматических явлений, а также в ходе тренировочных упражнений. Например, в пословицах широко представлена такая категория глагола, как повелительное наклонение, выполняющее в общении побуди-тельную функцию (просьбу, совет, предложение, пожелание, разрешение, запрет, предостережение): *Арсек аволь кулядонть, арсек кулянь нолдыцядонть* (Думай не о сплетне, думай о сплетнике); *Пазонть пельде учок, а тонсь иля удо* (На бога надейся, а сам не плошай); *Иля стувтне ялгат, тоньгак а стувтадызь* (Не забывай товарищей, и тебя не забудут) и т. п.

Пословицы и поговорки широко используются при изучении имен числительных, так как в подобающем контексте цифры запоминаются лучше: *Вейке ладсо чачома, а вейке ладсо кастома* (Одинаковое рождение, да неодинаковое воспитание); *Манят вейке, кавто ломанть, народось а маняви* (Обманешь одного, двух людей, а народ не обмануть) и т. п.

Эффективными при изучении пословиц и поговорок являются также такие приемы, как подбор рифмы: *Вадрясто порьсак – валанясто нильсак* (Хорошо прожуешь – гладко проглотишь); подбор пропущенных слов: *Часиясь аволь варака: кедьсэ... (а кундави)* (Счастье не ворона: руками ... (не поймать); создание иллюстрации к пословице: *Пешксе пекесь вачочиде а арси* (Сытый о голодном не думает) и т. п.

Для формирования у школьников необходимых грамматических умений и навыков, в целях осмысления и сознательного усвоения грамматического и лексического материала целесообразно использовать разнообразные подстановочные, трансформационные упражнения, а также упражнения в переводе.

Изучение лексики родного (эрзянского) языка с помощью пословиц и поговорок является методом совершенствования лексических навыков. Формирование данной компетенции школьников на основе пословиц и поговорок нацелено не только на освоение новых лексических единиц, но и на практическое их использование в речевых ситуациях. В основном, пословицы построены на общенародной лексике и открывают большие возможности. При изучении отдельных лексических тем они служат иллюстративным материалом, поэтому можно подобрать целую серию соответствующих пословиц и поговорок:

Тема: Монь семиям (Моя семья): ...
Тема: Тонавтнемась (Учеба): ...
Тема: Монь ялгам (Мои друзья): ...

Для формирования у школьников необходимых умений и навыков в том или ином виде речевой деятельности можно применять разнообразные типы упражнений с использованием пословиц и поговорок, включать игровые элементы в задания: 1) из предложенных ученикам слов составить знакомую пословицу или поговорку или отгадать ее по одному названному слову; 2) составить небольшую ситуацию, иллюстрирующую предложенную пословицу или поговорку; 3) провести «Аукцион» – кто больше назовет пословиц и поговорок на заданную тему; 4) игра «Салат из пословиц» – даны эрзянские пословицы и поговорки и отдельно их русские эквиваленты, учащиеся должны найти пары.

Таким образом, многообразие и богатство содержания пословиц и поговорок в сочетании с их емкостью, эмоциональностью предоставляют огромные возможности для их использования на уроке

на различных его этапах и в различных целях, что позволяет решить большой круг как образовательных, так и воспитательных задач. Работа с пословицами и поговорками формирует языковую культуру обучающихся, знакомит их с обычаями и традициями родного народа, соответственно формируя этнокультурную компетентность.

ЛИТЕРАТУРА

Аникеева Т. Р. Обман и правда в русских пословицах и поговорках // Концепт. – 2014. – № 26. – С. 311–315.

Боженова Н. А. Работа с пословицами как средство формирования межкультурной коммуникативной компетенции // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2015. – № 1. – С. 87–87.

Водясова Л. П. Формирование у студентов ценностных представлений о языковом эстетическом идеале // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 3 (31). – С. 20–25.

Водясова Л. П. Методика обучения студентов межфразовым связям в условиях билингвизма // Гуманитарные науки и образование. – 2022. – Т. 13. – № 3 (51). – С. 34–38.

Восканян Г. Р. Жизнь паремиологических единиц в языке // Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов России. – М.: МГУ, 2014. – С. 67–89.

Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. … докт. филол. наук. – Белгород, 2011. – 46 с.

Belova N. A. Solving professional tasks in the format of methodical workshop as a means of training a mobile teacher // International Journal of Applied Exercise Physiology. – 2019. – Т. 8. – № 2. – P. 846.

Vodyasova L. P. Enhancing intercultural competence of the russian language teacher of multi-ethnic school in the system of further education // International Journal of Applied Exercise Physiology. – 2019. – Т. 8. – № 2. – P. 888.

УДК 372.8:811.511.152.1(045)

Л. П. Водясова, И. С. Попова
Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск

L. P. Vodyasova, I. S. Popova
Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Saransk

ИНТЕРАКТИВНАЯ ДОСКА КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОСЛЕЛОГОВ НА УРОКАХ РОДНОГО (ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКА

INTERACTIVE BOARD AS A MEANS OF ACTIVATION OF SCHOOLCHILDREN'S COGNITIVE ACTIVITY WHEN STUDYING POSTPOSITION IN NATIVE (ERZYA) LANGUAGE LESSONS

Аннотация. В статье представлены методические рекомендации по изучению послелогов на уроках родного (эрзянского) языка в 7 классе. Предлагается рассмотрение послелога в системе. Описаны особенности использования интерактивной доски; характеризуются такие функции, как движение объектов, различные виды анимации. Материал урока создан в программе Microsoft PowerPoint.

Abstract. The article presents guidelines for the study of postpositions in the lessons of the native (Erzya) language in the 7th grade. The article proposes consideration of the postposition in the system. Active use finds such a means of information and communication technologies as an interactive whiteboard. Its functions such as

the movement of objects, various types of animation are used. Lesson material was created in Microsoft PowerPoint.

Ключевые слова: родной язык, послелог, методика изучения послелогов, информационно-коммуникационные технологии, интерактивная доска.

Keywords: native language, postposition, method of studying postpositions, information and communication technology, interactive board.

Значение послелогов, их морфологические и синтаксические особенности являются предметом изучения в школе. Наиболее подробные сведения об этой части речи учащиеся получают в 7 классе. Имея в виду, что на изучение послелога выделяется всего 3 часа, предлагаем методические рекомендации, которые по-могут организовать работу педагога с обучающимися. Продуктивно выстраивать процесс обучения помогает электронная интерактивная доска. На уроках родного языка в большинстве случаев используются такие функции интерактивной доски, как рисование (письмо), перетаскивание объектов и анимация. Исследователи пишут, что интерактивная доска выступает важным средством активизации познавательной деятельности школьников при обучении родному языку [см.: Натуральнова 2022].

Материал по изучению послелогов, который даётся с помощью интерактивной доски, создан посредством программы Microsoft PowerPoint и предлагается обучающимся на слайдах.

Педагогу необходимо познакомить обучающихся со значением послелога, научить определять группы послелогов по характеру выражаемого грамматического содержания, научить их находить в тексте и использовать в практической (речевой) деятельности [Водясова 2021; Vodyasova 2017].

На первом уроке при изучении темы на интерактивной доске предложен текст стихотворения И. Калинкина:

Мелявтсь –
Войнасо цёрат прасть,

А сыть сонензэ пенге мельга.
Зярдо тетят, мирдеть, брат арасть –
А ютыть сынь раськест икельга.

Обучающиеся вначале читают стихотворение про себя. При чтении вслух им предлагается опустить слова *мельга, икельга* и проанализировать, насколько изменится смысл стихотворения без этих слов. Затем они отвечают на вопросы педагога: *Для чего нужны в стихотворном тексте эти слова? Какую роль они играют?* (Эти слова используются для связи слов в предложении). *Какие отношения выражают послелоги в рассматриваемых предложениях?*

С обучающимися проводится творческая работа: на интерактивной доске представлены предложения, являющиеся пословицами:

Кува ломанесь а яки, кудов велявты.
Косо берянь ава, тосо кудось чаво.
Кувать эрят – ламо неят.
Парсте эрят, бути ломаннень ки а пирят.
Кие моли саламо, сень превензэ аламо.
Косо саламо, тосо коламо.

Учащиеся должны дать толкование пословицам, причем, таким образом, чтобы в процесс комментирования были включены послелоги. Предложениям-пословицам необходимо сделать грамматический анализ, проанализировав постановку знаков препинания.

Закрепление нового материала проводится с опорой на учебник. Обучающиеся самостоятельно читают параграф и выполняют несколько упражнений устно и письменно, а затем им предлагается самостоятельная работа: в предложенном тексте вместо точек поставить необходимые по смыслу послелоги, определить их значение (текст проецируется на интерактивной доске):

Од матростнэнь самодост ... ютасть колмошка таргот. Аламонь-аламонь од ломантне теевсть иневедьга алкуксонь

уйкшницякс, пильгест чиде чис седе кеместэ нежедсть, чалгсесть лымбакстниця венчкияксонтень.

Юртай Ванёяк вадрясто тонадсь эрьва мезень тееме, невтизе чарькодеманзо, ёроков кедьчелькензэ (теевксэнзэ) ды аравтозель боцманокс. Ней сон чинь чоп пивтсь иневенченть неренэ ..., секе тев чопавтнесь такелажонь ванстома таркантень ды кувать котьмась эрьва кодамо карькс, пикс, цёко ды артомапель .... Боцманонь истямо тевесь: кодак, урядак ды артт. Цёрась курок тонавтнинзе иневедень весе сюлмотненьгак, пильгалонь-венчкияксонь кумбинетненьгак, тонадсь пикссгэ кустемань анокстамояк.

Сельмень кериця тундонь чись курок тюжалгавтызе чамакиськензэ, олавтынзе сельмечирькензэ, мик судозояк кармась невелеме. Ней уш лия матростнэнь ... сонзэ а сеске редясакак. Ванёнь, неявсь тень, ёжозо ульнесь а берянь, сон паро мельсэ топавтсь тевензэ, тонавтнесь иневедьга уйкшныцянь койтнень. Ды сеть тундонь читнестэ сонгак аволь весть ванкшнось минек ... ливтниця нармунтнень ....

Следующий слайд интерактивной доски представляет собой таблицу, которую обучающимся надо заполнить своими примерами:

таркань	шкань	тувталонь	целень	вейсэньчинь	объектэнь	действиянь образонь

В конце урока обучающимся дается домашнее задание – проанализировать и выучить материал указанных параграфов и выполнить письменно упражнение.

Второй урок по изучению послелогов начинается с повторения пройденного материала. Обучающиеся должны чётко осознать, что послелог – это служебная часть речи, которая сочетается с именами существительными и местоимениями и служит для их связи с другими словами в составе словосочетаний и предложений [см.: Водясова 2021; Жиндеева 2016]. На втором уроке основное внимание уделяется изучению морфологического состава послелогов (даётся понятие о собственно послелогах и послеложных словах, указывается, что собственно послелоги – это застывшие падежные формы имён существительных: *вельде, кис, марто, туртов, мельга, эйс* и др.), а послеложные слова по происхождению соотносятся с именными словами (существительными) и наречиями. Наречные послелоги*: ало, алдо, алов, башка, вакссо, вакска, икеле, икельга, кувалт, мейле, пачк, удало, удалов*; отыменные послелоги*: велькссэ, велькссгэ, ютко, велькс, юткстo, келес, кедьстэ, кедьсэ* и др. В них прозрачно выделяется корень, который может употребляться в качестве самостоятельного слова). Закрепляются знания о предназначении послелогов (функции послелогов как слов служебной части речи аналогичны функциям падежных формантов: они точно так же, как и падежные формы, отражают синтаксическую связь управляемого имени существительного (или субстантивированной части речи) с другими членами предложения; самостоятельные же слова выполняют функции различных членов предложения).

Обучающимся на интерактивной доске предлагается несколько групп послелогов, после рассмотрения которых делается совместный вывод о том, что обозначает каждая группа:

1) ало, алдо, алов, алга, бокасо, бокасто, бокава, вакссо, вакссто, вакс, велькссэ велькссгэ, ютксо, ютксто, икеле, икельде, лангс, лангсо, лангсто;

2) пингстэ, мейле, марто, перть;

3) кувалма, лангс эйстэ, коряс;

4) марто, пачка;

5) кис, кисэ, кувалт, кувалма, эйстэ, коряс;
6) кондямо, коряс, эйшка, ладсо;
7) эйсэ, марто;
8) мельга, кис;
9) вельде, каршо, келес, кувалт, кувалма, трокс, койсэ, пачк;
10) башка;
11) кедьсэ, кедьстэ, кедьс, кедьга;
12) таркас.

Следующий слайд на интерактивной доске предлагает группы предложений, в которых обучающимся необходимо найти послелоги, определить их значение, выявить морфологический состав:

1) *Авась стясь цюланонь кенкшенть лангс ды учось, мезе мери цёразо* (А. Мартынов) (наречный послелог ***лангс*** обозначает место); 2) *Ломантнень юткова цють ютавозь машинанть малас мольсь Пахом Романович* (А. Куторкин) (отыменной послелог ***юткова*** обозначает место); 3) *Олдай таргась шкапсто банка ведь, корштась курго потмо ды пургстызе тейтеренсэ лангсо тавадксонть* (А. Доронин) (наречный послелог ***лангсо*** обозначает место); 4) *Сон тусь ве ёнов ды вансь паксянть лангс, конань велькска ливтясть ламо письмарт* (В. Коломасов) (наречный послелог ***лангс*** и отыменной послелог ***велькска*** обозначают место).

Рассматриваются послелоги во второй группе предложений: *1) Виртеме келей лашмонть ютамодо мейле вирьга молемась ульнесь седе весёлакс* (А. Щеглов) (наречный послелог ***мейле*** обозначает время); *2) Омбоце чистэнть валске марто Валдай Миколь мекев тусь ошов* (А. Куторкин) (собственно послелог ***марто*** обозначает время); *3) Валске* ***марто*** *кортнемась ули седе шождыне* (А. Абрамов) (собственно послелог ***марто*** обозначает время).

Далее в третьей группе предложений выделяются собственно послелоги, которые указывают на предмет мысли, речи: *Кортамось мольсь розень видемантъ* ***эйстэ*** (М. Брыжинский); *Сон вельть кецязевсь Пургазонь самонтень, сеске кармась кевкстнеме Кошай*

велень ***кувалт.*** В четвёртой группе представлено только одно предложение, в котором использован послелог ***марто,*** имеющий значение комитативности, т. е. совместности, соучастия: *Анка баба марто самай сылинек Симбирскойстэ* (А. Щеглов). В пятой группе предложений – причинные послелоги: *Пристаненэзэ малав пачкодемстэ простямонь кис морась зярыя морот* (А. Щеглов); *Тень кувалт Ушмайнень эрявсь ютамс знярыя велева…* (К. Абрамов). В шестой группе предложений употреблены сравнительные послелоги: *Цёрась тетянзо* ***кондямо*** *вензав* (В. Коломасов); *Костя Серегань* ***эйшка,*** *тонавтнить вейке классо* (А. Мартынов). В седьмой группе – орудийный послелог: *Вана Миколь эчке портфелензэ марто моли кудов* (А. Куторкин). В восьмой группе – целевой послелог: *Тон монень сыть лезкс мельга?* (А. Щеглов); в девятой – меры и степени, образа действия: *Нина талакадозь пижакадсь: зеркаланть* ***пачка*** *фатясь Володянень* (И. Брыжинский); в десятой – выделительный: *Од кудодонть* ***башка,*** *минь мезеяк эзинек кенере строямо* (А. Мартынов); в одиннадцатой – послелог обладания: *Вера Петровна те шкас эрсесь ломань* ***кедьга*** (А. Мартынов); в двенадцатой – послелог замещения: *Болдин озадоль кучерэнь таркас облучка лангсо, Шувалов начальникензэ вакссоль* (А. Щеглов).

С целью закрепления материала выполняется работа с текстом. Задание – записать текст, подчеркнуть послелоги, определить их значение: *Вирьсэ коштось ванькс. Лембе тундонть, пси кизэнть мельга сась сельведев валыця сёксесь. Васня сон невтизе прянзо вадрякс, мазыйкс. Весе пертьпельга артызе ожосо, якстересэ. Ансяк мейле неи: ломантне капшазь пурныть сюро, таргить модамарть, нармунтне сыргсить масторов – сонзэ мазычинть лангс кияк аванны. Мельспародонть сон чувтотнень прясто лопатненьгак сезнинзе. Мейле ризнэзевсь урозокс аштиця лопавтомо чувтотнень кис, нусмакадсь. Менелень тюсозо эрьва чине лия. Течи валске марто ульнесь валдо-сэнь, эзганзо уйсть кавшаня пельть. Ансяк вана валдо сэнесь човорясь якстердиця тюсонть марто. Чивалгома ёнксось валовсь чопода сэньсэ, мейле весе*

раужолгадсь. Менелентъ эйсэ кармась содавомо ковось ды тия тува тештинеть.

После выполнения упражнения ученики анализируют послелоги вместе с теми словами, к которым они относятся: *кизэнть* ***мельга*** – обозначает время, *мазычинть* ***лангс*** – обозначает пространство, *чувтотнень* ***прясто*** – обозначает пространство, *валске* ***марто*** – обозначает время, *тюсонь* ***марто*** – комитативный послелог, *менелентъ* ***эйсэ*** – обозначает время.

В конце урока проводится рефлексия, предполагающая оценку сделанного на уроке, закрепление знаний об отношениях, передаваемых послелогами. В качестве домашнего задания предлагается выполнение творческой работы: выписать из художественной литературы на родном (эрзянском) языке предложения, в которых необходимо представить все значения, передаваемые послелогами. Предложений должно быть не менее двенадцати.

На третьем уроке при закреплении материала о послелогах используются нетрадиционные приёмы обучения. Мы предлагаем фрагмент урока.

Вид урока: творческий. Целью урока является развитие речи учащихся. Формулируются следующие задачи: обогатить речь учащихся послелогами с различными значениями, пословицами и фразеологизмами; раскрыть значение послелога в языке и речи; показать красоту родного слова; воспитывать у обучающихся желание учить и сохранять родной язык.

Подготовительная работа: ученики делятся на две группы, каждая из которых получает задание: составить кроссворд по изучаемой теме, подготовить интерактивные доклады с мультимедийными презентациями и стенгазету по заданной теме. Задания оцениваются по балльной системе. Баллы выставляются за каждый этап и в конце урока суммируются. Исходя из суммы балллов, выставляется отметка за урок.

Первый этап – учащиеся представляют свои интерактивные доклады с мультимедийными презентациями (презентации подго-

товлены с помощью программы Microsoft PowerPoint или онлайн-редактора Canva и представлены на интерактивной доске).

Темы:

1. Происхождение послелогов.

2. Значения послелогов.

3. Роль послелогов в тексте.

Второй этап урока – презентация подготовленных дома стенгазет и заполнение кроссвордов.

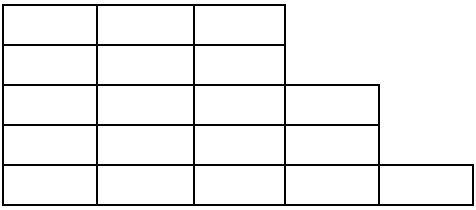
Выполнение занимательных заданий – следующий момент.

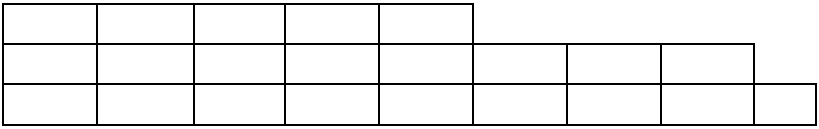
1. В родном (эрзянском) языке есть такие сочетания слов, которые показывают только одно значение. Такие сочетания слов называются устойчивыми, связанными (фразеологизмами).

Играют две команды. Побеждает та из них, которая вспомнит и назовёт наибольшее количество устойчивых сочетаний со словами *кедь* (рука), *сельме* (глаз), *седей* (сердце), *ойме* (душа), *пря* (голова) и правильно их истолкует. Дополнительные баллы даются за фразеологизмы с послелогами.

(Для образца: *кедень новольсть; кеденэ киневтить; кедеть-пильгеть оймсить, седеесь а ойми; кедьте-кедьс; кандтнемс кедь лангсо; кирдемс кедь ало. Мелезэ касы, мелест мольсь, мельде-валдо ломань, мелезэнэ паро, мелесь витевсь. Сельме икеле, сельмень панжовсть, сельметь сявады, сельмесь а пештеви, сельме удалга, сельме-чама а неят, сельмс нерькстак – а неят. Седеем мари, седеем лавшомсь, седеем ризны, седеем сезевсь, седейс токась, седеезэ палы* и др.).

2. Записать слева направо наречия, от которых образовались послелоги.





3. Восстановить пословицы. На левой стороне – их начало, на правой – вторая часть. Объединить обе части и объяснить значение пословиц:

а) зорясь, кизэ, шкане – зорянть, вастови, марто;

б) паро, вант, аволь, лангс, оршамонть – ёжонть, седей, вант, лангс;

в) коськи, корёнтомо, чувтось – ялгавтомо, коськи, ломанесь;

г) чаво, валсо, капша, иля – капшак, тевсэ, паро;

д) кши-салот, эряви, а – улезэ, виде, ансяк, валот.

(Правильные ответы: а) Кизэнь шкане зорясь зорянть марто вастови; б) Вант аволь паро оршамонть лангс, вант седей ёжонть лангс; в) Чувтось коськи корёнтомо, ломанесь коськи ялгавтомо; г) Иля капша чаво валсо, капшак паро тевсэ; д) А эряви кшить-салот – улезэ ансяк виде валот).

Сказать, какая часть речи помогает объединить слова в первом и во втором предложениях (Послелоги *марто* и *лангс*).

4. Составить загадки с послелогами. Побеждает та команда, которая предложит наибольшее количество загадок.

Последний этап урока – составление сказки. Обучающиеся друг за другом, по цепочке, называют предложение с послелогом, которое по смыслу является продолжением предыдущего предложения.

Урок заканчивается рефлексией, на этапе которой оцениваются все этапы урока, выявляется, что понравилось, что можно было бы сделать более интересно.

Таким образом, изучению послелога на уроках родного (эрзянского) языка способствует электронная интерактивная доска, использование которой является эффективным средством активизации познавательной деятельности школьников. Подготовленные

с помощью программы Microsoft PowerPoint слайды помогают задействовать визуализацию материала, что способствует его лучшему усвоению.

ЛИТЕРАТУРА

Водясова Л. П. Развитие познавательной активности учащихся 7 класса на уроках родного языка // Филология и филологическое образование в поликультурном пространстве России XXI века: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практич. конф. «57-е Евсевьевские чтения» (г. Саранск, 15–16 апреля 2021 года). – Саранск: РИЦ МГПУ, 2021. – С. 9. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48697983&selid= 48697995 (дата обращения: 26.01.2023).

Водясова Л. П. Совершенствование текстовой компетенции студентов-филологов в процессе изучения текстообразующей функции грамматических единиц // Гуманитарные науки и образование. – 2021. – Т. 12. – № 2 (46). – С. 36–41.

Жиндеева Е. А. Авторская стратегия изображения исторической личности в мордовской прозе (на примере повести М. И. Брыжинского «Ради братий своих») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6–1 (60). – С. 27–29.

Натуральнова Г. А. Интерактивная онлайн доска как средство активизации познавательной деятельности школьников при обучении родному языку // Филология и филологическое образование в поликультурном пространстве России XXI века: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практич. конф. «58-е Евсевьевские чтения» (г. Саранск, 25–26 апреля 2022 года). – Саранск: РИЦ МГПУ, 2022. – С. 25. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=49602084&pff=1 (дата обращения: 26.01.2023).

Vodyasova L. P. The development in students concepts of language aesthetic ideal while studying stylistics // Modern Science. – 2017. – № 7. – Pp. 132–134.

УДК 069.02:821.511.131(045)

Т. И. Зайцева, М. В. Ившина
Удмуртский государственный университет,
Музей-квартира Г. Д. Красильникова (филиал БУК УР «Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузебая Герда»), Ижевск

T. I. Zaitseva, M. V. Ivshina
Udmurt State University,
The apartment Museum of G. D. Krasilnikov (branch of the BUK UR «National Museum of the Udmurt Republic named after Kuzebai Gerd»), Izhevsk

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУЗЕЯ-КВАРТИРЫ Г. Д. КРАСИЛЬНИКОВА С ПОСЕТИТЕЛЕМ

ON THE ISSUE OF INTERACTION OF THE MUSEUM-APARTMENT OF G. D. KRASILNIKOV WITH THE VISITOR

Аннотация. Рассмотрены основные виды деятельности литературного музея Г. Д. Красильникова с посетителем; описаны поиски новых форм работы в современных условиях. Большое внимание уделено проблеме клиенториентированного подхода, а также вопросам, связанным с изучением мотивации и предпочтений современной аудитории музея.

Abstract. The main activities of the G. D. Krasilnikov Literary Museum with a visitor are considered; the search for new forms of work in modern conditions is described. Much attention is paid to the problem of the client-oriented approach and issues related to the motivation and preferences of the visitor.

Ключевые слова: литературно-мемориальный музей, музей-квартира Г. Д. Красильникова, посетитель музея, виды деятельности музея.

Keywords: literary and memorial museum, G. D. Krasilnikov's apartment museum, museum visitor, types of museum activities.

Понимание сущности музея, направлений его деятельности и роли в обществе неотделимо от проблемы посетителя. Для каждого современного музея актуальнейшей проблемой является воссоздание социально-культурного портрета своего посетителя. Следует отметить, что последние годы литературно-мемориальные музеи-квартиры все более начинают восприниматься как научно-исследовательские, образовательные, просветительские организации и культурно-досуговые центры, которые одновременно должны развиваться с учетом потребностей разных людей, в соотношении с интересами «широких» и «узких» слоев населения. Авторам статьи близка концепция, согласно которой посетитель является непосредственным создателем «продукта музея», т. е. сам является его своеобразным содержанием, вовлеченным в сферу деятельности учреждения [см.: Богатырев 2011, Грачева 2010, Дукельский 1989, Комлев 2011, Мастеница 2010, Сапанжа 2009, Саркисова 2022]. Не случайно многие сотрудники музеев-квартир стремятся активно использовать возможности упрощенного диалога между посетителем и музеем, иными словами – обращаются к более непосредственной вопросно-ответной форме общения. Это дает хорошую возможность, считают музееведы, преодолевать коммуникационные барьеры, понимать механизмы потребительского поведения.

Новые формы и способы коммуникации с аудиторией порождают потребность музея позиционировать себя как в реальной социальной среде, так и в виртуальном пространстве. Так или иначе мемориальные музеи-квартиры выходят за пределы своей привычной экспозиционной деятельности, стремятся предоставить посетителю активные и интерактивные формы воспроизведения и восприятия информации. Важно заметить, что факт функционирования

виртуальных музеев сегодня один из самых обсуждаемых, спорных, дискутируемых. В частности, актуализируется вопрос – не становится ли виртуальный музей в некотором роде симулякром, некой видимостью музея? Не секрет, что путем оцифровки сохраняются, транслируются, заявляются не сами предметы, а их виртуальные копии. Словом, не есть ли виртуальный музей лишь видимость, подобие, двойник самого музея?

Практика показывает, что сегодня большое количество музеев-квартир трансформируется в новый тип культурно-исторических центров, в их деятельности важной составляющей становится досуговое начало. Отсюда изменения, касаемые организации самого музейного пространства: экспозиций, выставок, освещения и т. д. Если литературно-мемориальные музеи-квартиры в определенной степени являлись закрытыми учреждениями, то теперь многие из них абсолютно открыты внешнему миру, активно взаимодействуют с большим количеством людей. Их работа сочетает в себе идеи и образования, и науки, и развлечения. Музеям-квартирам все чаще приходится разрабатывать программы, ставящие перед собой задачу – обучать посетителя посредством досуга, соединить воспитание и отдых, говоря иначе музеи-квартиры, как и культурные музеи в целом, становятся частью «индустрии» развлечений, начинают выполнять практически новую функцию – досуговую.

В контексте сказанного следует упомянуть о том, что в последние годы стал широко использоваться термин «музейная коммуникация», появившийся в 1968 г. Понятие ввел в обиход канадский музеевед Д. Ф. Камерон (1930–2006), считающий музей, прежде всего, коммуникационным пространством, в котором между музейным предметом и экскурсантом происходит «диалог», формирующий смыслы. «Общение» посетителя с предметом напрямую зависит от умения музейщика раскрывать предмет, заставлять его «говорить» и, вместе с тем, от готовности самой аудитории слышать и понимать «язык вещей» [см.: Аверкин 2010]. Таким образом, важна способность посетителей воспринимать не только

вербальную, но и визуальную информацию. И еще, для эффективной репрезентации своей коллекции музею необходимо поощрять поведенческие особенности самой аудитории. Модель Камерона послужила толчком для развития теории музейной коммуникации, изучения типов культурной и другой активности современников.

О необходимости изучения музейного посетителя гораздо раньше говорил известный советский искусствовед и музейный деятель Л. В. Розенталь. С этой точки зрения интересна его статья «Пути изучения музейного зрителя», написанная в 1928 г. Примечательно, что особое внимание ученый уделил проблеме изучения «посетителя одиночки» [см.: Юренева 2003]. Действительно, на организацию музейного пространства, в особенности на построение экспозиции, сегодня большое влияние оказывают индивидуальные особенности человека, его взгляды, потребности, вкусы. Это еще раз подчеркивает необходимость налаживания тесных отношений с населением республики.

Итак, привлечение потенциального посетителя – приоритетная задача современного музея. В контексте статьи на примере работы музея-квартиры Г. Д. Красильникова есть смысл показать разные формы взаимодействия сотрудников с посетителями. Полная систематизация и обобщение форм и видов деятельности музея – предмет отдельного разговора; в статье сделаем попытку описать некоторые аспекты его работы за предшествующие пять лет, которые относятся к культурно-досуговой (или развлекательно-познавательной) функции (для всех видов музейной деятельности характерно взаимодействие функций). Наиболее успешной формой привлечения музеем посетителей стало такое, ставшее уже традиционным, мероприятие, как «Свободный микрофон». Своеобразным итогом этих мероприятий стал выпуск книги-альбома «В гостях у Писателя» (2022), представляющего собой результат четырехлетнего общения музея с творчески одаренными, талантливыми жителями города.

Охотно идут жители города и республики на организуемые сотрудниками музея мастер-классы по дикторскому мастерству,

по финансовой грамотности (совместно с Центром финансовой грамотности Удмуртии). Особенно востребованы мастер-классы по народной кукле и настольные игры Нины Мусагитовой, большую аудиторию собирают встречи с составителем генеалогического древа Русланом Мироновым, мастер-классы по нейрографике с психологом Анной Тринеевой. Круг постоянных посетителей сформировали мастер-классы по теме «Как писать яркие посты» журналиста и педагога Юлии Филимоновой; мастер-классы по проблеме «профвыгорания» психолога и профориентолога Ольги Кузнецовой.

Говоря о функционировании музея-квартиры Г. Д. Красильникова в современных условиях, необходимо подчеркнуть, что в течение трех последних лет коллективу удалось сформировать надежный и постоянный круг надежных друзей, изменить лицо посетителя. Предлагаемые темы все чаще возникают из потребностей самих посетителей. Например, литературная композиция «Именины Натальи», была организована, подготовлена и проведена известным публицистом, критиком, членом Союза журналистов России и членом Союза писателей Удмуртии Натальей Сурниной. Собственные творческие возможности продемонстрировала художник, дизайнер, иконописец и писатель Ольга Иванова на посиделках, нареченных «Кофейными фантазиями»; поэтесса и культуролог Мария Степаненкова организовала лекцию-беседу, посвященную образу женщины в современной поэзии и прозе.

Важное значение музей придает сотрудничеству с литературоведами республики, прежде всего, с преподавателями университета. Музей используется как площадка для мероприятий разного формата – лекция, лекция-беседа, семинар, круглый стол, проектная работа. К примеру, много хороших откликов в молодежной среде вызвали лекции критика А. Г. Шкляева «Геннадий Красильников и советская литература 1950–1960-х годов»; критика и литературоведа В. Г. Пантелеевой «Диалоги об удмуртской литературе», профессора Т. В. Зверевой «Современный кинематограф и тема Великой Отечественной войны». Надо отдельно сказать о лекции-презентации В. Г. Пантелеевой собственной книги «Интыысь дыр»

(«Местное время»). Глубокой содержательностью отличились мероприятия, посвященные памяти Вл. Высоцкого, Кузебая Герда, Ашальчи Оки, Н. Байтерякова, Л. Кутяновой и др. Такого плана мероприятия проходят в жанре творческого общения. Надо сказать, что общение, как вид работы, содействует быстрому установлению с посетителями дружеских и деловых контактов. Наши общения проходят в форме посиделок, собраний, вечерок, чаепитий и др.

Безусловно, музей стремится установить контакты с разнообразными людьми из разных сфер жизни и профессий. Так, за последние годы в музее состоялись встречи с солистом известной ижевской группы «Фавориты Луны» С. Ищенко, удмуртскими бардами-песенниками С. Кирилловым и А. Ивановой, автором-исполнителем Б. Перевощиковой. Большое впечатление на молодую аудиторию произвели встречи с поэтом и прозаиком, ученым и переводчиком В. Малых, трансперсональным психологом Д. Калабиным; художником, лектором и арт-коучем Максимом Пайпом.

Освоение музеем новых видов деятельности связано и с постановкой на его площади спектаклей. Так, детским театром «Вишневый садик» поставлены спектакли «Ночь под Рождество» и «Мужик и солнце» (реж. Мария Субботина). Проведены презентации книг постоянных авторов и посетителей музея: сборника рассказов Ланы Катрановой «Выход в свет», книги новелл Ирины Некипеловой «Бустрофедон», детских книг Александра Холмогорова «Приключения мышонка Бина» и «Приключения мышонка Бина 2» и др.

Теоретики и практики музейного дела верно отмечают, что музей из храма науки и культуры сегодня превратился в многофункциональный центр, отвечающий запросам и интересам абсолютно разных посетителей. Характеристика работы музея-квартиры Г. Д. Красильникова говорит о стремлении его сотрудников искать эффективные методы взаимодействия с различными категориями посетителей для сохранения статуса этого известного в республике учреждения.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкин М. Г. Модификация форматов коммуникативного взаимодействия современного музея // Вопросы музеологии. – 2010. – № 2. – С. 152–164.

Богатырев Е. А. Музей как социокультурный феномен современного российского мегаполиса: дис. ... канд. культ. – СПб., 2011. – 167 с.

Грачева Е. С. Музей как поле социокультурной коммуникации: автореф. дис. … канд. социолог. наук. – Саратов, 2010. – 20 с.

Дукельский Ю. В. Музей и культурно-историческая среда // Музееведение. Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности: сб. науч. тр. – М.: [б. и.], 1989. – С. 23–28.

Комлев Ю. Э. Музейная коммуникация и управление коммуникационной деятельностью музея // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 22–26.

Мастеница Е. Н. Миссия музея в ракурсе проблем межкультурной коммуникации // Современные проблемы межкультурных коммуникаций. Вып. 4. Восток – Запад: сб. ст. – СПб.: Изд-во СПГУКИ, 2010. – С. 256 – 262.

Сапанжа О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 103. – С. 249–250.

Саркисова Е. Г. Музей в социокультурном пространстве современного общества: функциональная трансформация: дис. ... канд. культ. – Краснодар, 2022. – 232 с.

Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре – М.: Русское слово, 2003. – 536 с.

УДК 821.511.131-93

М. А. Захарищева, Н. П. Хватаева, А. Н. Хватаев
Глазовский государственный педагогический институт
имени В. Г. Короленко, г. Глазов,
Детская школа искусств № 2, г. Глазов

M. A. Zakharishcheva, N. P. Khvataeva, A. N. Khvataev
Glazovsky State Pedagogical Institute
named after V. G. Korolenko, Glazov,
Children's Art School No. 2, Glazov

ПРИОБЩЕНИЕ ПОДРОСТКОВ К КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ ЧЕРЕЗ УЧАСТИЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОЕКТЕ

INTRODUCING TEENAGERS TO CULTURAL HERITAGE THROUGH PARTICIPATION IN AN ETHNO-CULTURAL PROJECT

Аннотация. В статье описан опыт участия обучающихся системы дополнительного образования в проекте в области культуры и искусства. Тематикой проекта стали сказки, легенды и мифы удмуртского народа. В режиме конкурса были определены лучшие работы юных художников и переводчиков. Результат выполненного проекта – книжка комиксов на удмуртском, русском и английском языках.

Annotation. The article describes the experience of participation of students of the additional education system in a project in the field of culture and art. The theme of the project was fairy tales, legends and myths of the Udmurt people. In the competition mode, the best works of young artists and translators were determined. It is important that the result is a comic book in Udmurt, Russian and English.

Ключевые слова: сохранение культурного наследия, сказки, легенды, мифы; конкурсы; комиксы; этнокультурное многообразие.

Keywords: preservation of cultural heritage, fairy tales, legends, myths; contests; comics; ethnocultural diversity.

Знакомство с традициями, обычаями народа, приобщение к родной культуре молодого поколения россиян всегда было и остается «вечной» проблемой педагогики. Каждое новое поколение педагогов решает эту проблему по-своему. В современном культурном и образовательном пространстве получили широкое распространение всевозможные конкурсы, проекты, олимпиады, форумы как инновационные формы освоения традиционной культуры.

Педагогическим коллективом МБУ ДО «ДШИ №2» Лицея искусств города Глазова был задуман и реализован проект «Дневники Кылдысина», с которым педагоги и их воспитанники вышли на конкурс «Многонациональный народ. Этнокультурное многообразие России – ее конкурентное глобальное преимущество, ее сила и самобытность». Конкурс на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий проводился при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Основная проблема, на решение которой направлен проект, – необходимость активной разработки современных литературных форматов для популяризации народной культуры среди подростков и молодежи. Проект актуален с точки зрения действующих нормативных документов и общероссийских трендов. 2022 год в нашей стране был объявлен Годом культурного наследия народов России, что подтверждает важность инициатив, направленных на сохранение культурных традиций и этнокультурного разнообразия. В Стратегии реализации государственной национальной политики Российской Федерации на территории Удмуртской Республики обозначены следующие проблемы: размывание традиционных национальных ценностей представителей народов,

проживающих на территории республики, а также недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по изучению культуры и традиций разных народов.

Проект «Дневники Кылдысина» позволяет погрузить целевую аудиторию в один из самых интересных элементов удмуртской культуры – сказки, легенды и мифы. Именно эти литературные жанры транслируют традиционные национальные ценности. Таким образом, проект способствует решению проблем, обозначенных в Стратегии. Актуальность проекта подтверждает целевая аудитория. Командой проекта проведен опрос среди подростков. Оказалось, что 68 % опрошенных знакомы с удмуртскими сказками, легендами и мифами очень поверхностно, знакомы лишь с именами некоторых героев. Более 50 % опрошенных читают комиксы постоянно или имеют опыт чтения литературы такого формата, хотели бы продолжить такое чтение. Более 60 % опрошенных демонстрируют свое желание рисовать комиксы по мотивам удмуртских сказок, легенд и мифов [Захарищева, Хватаев 2021].

Еще один опрос был проведен среди сотрудников библиотек Удмуртской Республики. Более 50 % опрошенных указывают, что комиксы – один из самых популярных жанров среди подростков, шестая часть опрошенных считает его самым популярным жанром. С одной стороны, сотрудники библиотеки указывают на отсутствие в их арсенале комиксов народной тематики (91 % – нет вообще в наличии), с другой стороны, подтверждают их потенциал в популяризации народной культуры (61 % – для широкого круга детей и молодежи, 31 % – для ограниченного круга целевой аудитории). Таким образом, проект может быть интересен различным группам целевой аудитории. Комиксы набирают популярность.

Кылдысин – это бог плодородия. Он покровитель женщины-матери, урожая, всего живого на земле. Так сложилось, что продолжение рода человеческого, его выживание на земле, зависело от благосклонности именно этого божества [Владыкин 1994].

Ученые доказали, что имя бога произошло от удмуртского названия создателя и творца – кылдӥсь. Окончание «ин», скорее

всего, обозначало в давние времена женщину, продолжательницу рода. В принципе, никто не знает, на каком месте в иерархии в древности высших сил находился этот бог, но уже в XX веке ученые показали, что в сознании удмуртов выполняет важную роль после верховного бога Инмара [Хватаева, Захарищева 2022]. Кылдысина так любят, что считают его посредником между человеком и верховным богом Инмаром. В мифах есть и земной двойник Кылдысина, обитающий в земных недрах. Он тоже защищает землю и женщину-продолжательницу рода.

Проект «Дневники Кылдысина» предполагал создание уникальной многоязычной книги комиксов, основанной на удмуртских сказках, легендах и мифах [Хватаева, Захарищева 2022]. Книга включает художественные работы детей и молодежи Удмуртской Республики. Комиксы, основанные на удмуртских сказках, легендах и мифах, собраны в рамках республиканских конкурсов, организованных Детской школой искусств № 2 города Глазова. Было проведено три конкурса (2020, 2021, 2022 годы). В книгу вошли лучшие работы юных художников, которые определены в ходе конкурса компетентным жюри. Кроме того, проведен конкурс переводов текстов комиксов на удмуртский и английский языки. Это позволило создать многоязычную книгу, в которой комиксы с сюжетами удмуртского эпоса можно прочесть сразу на трех языках.

Популярный среди детей и молодежи жанр комиксов позволяет привлечь их внимание к удмуртским сказкам, легендам и мифам. Завершился проект серией презентационных мероприятий. На одном из них произошла презентация книги и награждение победителей конкурсов. Презентационные мероприятия, организованные на разных площадках города Глазова, в том числе в рамках городских праздников, включали в себя выставку работ-победителей художественного конкурса комиксов, презентацию книги, мастер-классы по рисованию комиксов на основе удмуртских сказок, легенд и мифов. Выпущено 240 экземпляров книги комиксов «Дневники Кылдысина». 25 % книг подарены участникам конкурсов, остальные переданы в фонды библиотек Удмуртской

Республики – Республиканские и районные библиотечные системы, библиотеки образовательных организаций и детских школ искусств.

Знакомство с традициями своего народа начинается с устного народного творчества. Удмуртская фольклорная культура, сохраняя многие общие для всех финно-угорских народов мифологические сюжеты и образы, развивается как отдельная национальная традиция и порождает самобытные мотивы. Самые древние повествования удмуртов – о возникновении земли, неба, природных явлений, о животных, об обычаях народа [Владыкина 1998]. Еще одна линия удмуртского фольклора – это рассказы о представителях так называемой низшей мифологии: вумурте, или Вукузё, нюлэсмурте, палэсмурте, коркамурте – живых существах, которые могут помочь или помешать человеку. Еще одна тема – богатырская, раскрывающая возникновение родов, поселений, защиту родной земли от иноземцев.

Нужно ли с этим творчеством знакомить молодое поколение? Необходимо, чтобы сохранять культурные традиции удмуртов, их самобытность, не прерывать историческую нить повествования о прошлом в будущем. Но каким способом привлечь внимание молодежи, выросшей в эпоху гаджетов, к истории и традициям своей малой родины? Современная молодежь мыслит образами, воспринимая всю информацию картинками. По этой причине формат книг-комиксов в настоящее время очень популярен. Подростки постоянно сами рисуют комиксы, воплощая на бумаге свои мысли и истории. Проект предполагал создание книги комиксов по сказкам, мифам и легендам удмуртского народа. В этой книге происходит слияние старой и новой культуры воедино.

Почему книга называется «Дневники Кылдысина»? Кылдысин, по поверьям древних удмуртов, – помощник главного бога Инмара. Дневники – это история конкретного человека, повествование о своей жизни. Дневники Кылдысина – это истории земной жизни древних удмуртов. Конкурс детского художественного творчества «Палитра. Дневники Кылдысина», где дети рисуют комиксы по фольклорному творчеству древних удмуртов, в 2022 году

прошел в третий раз. Конкурс пользуется популярностью среди учащихся ДШИ и ДХШ, они принимают в них активное участие. В книге мы используем, в качестве иллюстраций, работы победителей всех трех художественных конкурсов.

Для сохранения традиций и культуры народа будущим поколениям важно сохранить родной язык. Для этого нужно заинтересовать молодежь в его изучении. Поэтому материал во второй части книги представлен на удмуртском языке. Мы надеемся, что детей, читающих нашу книгу, заинтересует, как будут звучать те же самые истории на родном языке удмуртов. Как результат, у них может возникнуть желание изучать удмуртский язык. Также книга продемонстрирует детям, владеющим удмуртским языком, что есть современные форматы изданий не только на русском, но и на их родном языке. Включая английскую версию наших комиксов в книгу, мы хотели способствовать формированию у подростков мысли о международной значимости культуры малых народов, о том, что каждый человек способен внести свой вклад в ее развитие и сохранение [Белослудцев, Хватаева 2022].

Участниками конкурса стали подростки от 9 до 16 лет. Среди них художников – 50 человек, юных переводчиков – 70; членов жюри и экспертов – 11 взрослых. Тираж многоязычной книги комиксов «Дневники Кылдысина» 240 экземпляров [Дневники Кылдысина 2022][*]. Было проведено 10 презентационных мероприятий.

Детские библиотеки и библиотеки образовательных организаций Удмуртской Республики получили возможность продвигать удмуртскую народную культуру посредством использования современного формата литературы – книги-комикса. У подростков, участников художественного конкурса, развивается навык поиска творческой идеи в народной культуре. У подростков, участников конкурса переводов, закрепляется навык перевода текста с русского на удмуртский и английский языки; развивается умение выполнять

[*] Издание осуществлено при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

переводы текстов разговорного стиля, чего требует жанр комикса. Жители города Глазова и Удмуртской Республики получают возможность знакомства с материалами книги комиксов, основанной на мифах, легендах и сказках удмуртского народа.

В ходе реализации проекта мы убедились в том, что продвижение удмуртской национальной культуры посредством выпуска и распространения многоязычной книги комиксов «Дневники Кылдысина», основанной на сказках, легендах и мифах удмуртского народа, заинтересовало участников конкурса.

Основной продукт проекта – многоязычная книга комиксов, литературный формат которой вызывает интерес у молодого поколения России. Так, спрос на комиксы в нашей стране постоянно растет. Можно утверждать, что этот литературный формат имеет особый потенциал в популяризации удмуртской культуры. Таким образом, проект «Дневники Кылдысина» направлен на решение актуальной в Удмуртской Республике проблемы, которая подтверждена как нормативными документами, так и целевой аудиторией, а выбранный в качестве основного продукта объект – многоязычная книга комиксов – имеет большой потенциал в популяризации удмуртской народной культуры среди целевой аудитории.

В перспективе планируется ежегодное проведение конкурса комиксов, выпуск лучших комиксов в формате журнала (бумажного и электронного), включение в конкурсную программу проекта конкурс молодежного мерча по мотивам удмуртских сказов, легенд и мифов. Кроме того, в рамках проекта планируется проведение комикс-баттлов, в рамках которого молодежь Удмуртской Республики также будет рисовать комиксы по мотивам фольклорных произведений. Еще одной перспективой проекта может стать изучение посредством комиксов культуры других народов, проживающих как на территории Удмуртии, так и за ее пределами. Кроме того, направлением развития проекта может стать взаимодействие с туристическими организациями республики, а многоязычная книга комиксов может стать способом знакомства с удмуртской культурой гостей региона.

ЛИТЕРАТУРА

Белослудцев К. В., Хватаева Н. П. Образовательная ценность сравнения работы над развитием речи обучающихся на уроках удмуртского, английского и русского языков // Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Языки и этнокультуры Европы», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Н. Н. Ореховой; Сборник материалов Всероссийского (с международным участием) студенческого научно-практического семинара по проблемам лингвистики [эл. изд. на компакт-диске] – Глазов: Глаз. гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко, 2022. – С. 256–260.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия. 1994. – 383 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики: монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 354 с.

Дневники Кылдысина. Сборник комиксов по сказкам, мифам и легендам удмуртского народа / МБОУ ДО «Детская школа искусств № 2» г. Глазов; сост. М. В. Югова. – Глазов: [б. и.], 2022. – 180 с.

Захарищева М. А., Хватаев А. Н. Дополнительное образование в условиях дистанционного обучения: вызовы, риски, опыт // Проблемы школьного и дошкольного образования: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений». – Глазов: Глаз. гос. пед. ин-т, 2021. – С. 155–159.

Хватаева Н. П., Захарищева М. А. Объем и содержание авторской аксиосферы // Modern Humanity Success. – 2022. – № 2. – С. 152–157.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 301 с.

УДК 811.511.131’0(045)

Л. М. Ившин
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск

L. M. Ivshin
Udmurt Institute of History, Language and Literature
UdmFRC UB RAS, Izhevsk

УДМУРТ ГОЖЪЯСЬКОН КЫЛЫН *КУЗЁ* КЫЛЛЭН ИСТОРИЕЗ

WRITTEN HISTORY OF THE WORD *KUZYO* ‘MASTER’ IN THE UDMURT LANGUAGE

Аннотация. Прослеживается история слова *кузё* ‘хозяин’ в удмуртском языке. Письменная фиксация удмуртских слов в словарях и грамматиках началась в XVIII в., а самые ранние тексты (главным образом, переводные и фольклорные) появились лишь с середины XIX в. Рассмотрены графико-орфографические метаморфозы и семантическая трансформация лексемы *кузё* за последние неполные три века. Слово *кузё* было заимствовано из языка булгар и входит в общеудмуртский пласт лексики. Итоги исследования могут быть использованы в качестве исторической части историко-этимологического словаря удмуртского языка.

Abstract. Traces the history of the word *kuzyo* ‘master’ in the Udmurt language. Written fixation of Udmurt words in dictionaries and grammars began in the 18th century, and the earliest texts (mainly translated and folklore) appeared only from the middle of the 19th century. The graphic-orthographic metamorphoses and semantic transformation of the lexeme *kuzyo* over the last three centuries are considered. The word *kuzyo* was borrowed from the Bulgar language and

is included in the common Udmurt lexicon. The results of the study can be used as a historical part of the historical and etymological dictionary of the Udmurt language.

Ключевые слова: удмуртский язык, лингвистика, словарь, грамматика, лексика, графика, письменная история слова, письменные памятники, этимология.

Key words: Udmurt language, linguistics, dictionary, grammar, vocabulary, graphics, written history of the word, written records, etymology.

Удмурт кылысь пӧртэм лексико-тематической группаос туала вакытлы тырмыт ӧвӧл на эскеремын. Тодослыко литератураын материал тырмыт ке но люкамын ини, кылъёсты диахронической амал вылэ пыкиськыса эскерись ужъёс ӧжыт пумисько. Куд-ог темаен герӟаськем кылъёс асьме кунысь но кунгожсьӧр тодосчиослэн диссертациосазы, озьы ик нимысьтыз книгаен поттэм ужъёсазы сэрттэмын-пертчемын вал – общественно-политической лексика [Вахрушев 1955], тылобурдоослэн нимъёссы [Соколов 1973], ӵыжы-выжы луонэз возьматйсь нимкылъёс [Сий 1998] но музъем вылтӥ ветлон традиционной транспортэн герӟаськем кылъёс [Титова 2017]. Данакез нош кылъёсты эскерись ужъёс статьяос гинэ луо (учке, кылсярысь: [Виноградов 1973; Загуляева 1990; 1992; Казанцева 1995; Насибуллин 1973; Ракин 1997; 2012; Романова 1975; Тараканов 1975; Тепляшина 1969] но мукет). Вераны кулэ, берло дас аръёсы, удмурт кыллэсь вашкала синпельметъёссэ тыропыдо эскеронэн валлин, нимысьтыз удмурт но асэстэм кылъёслэн историзы возьматэмын В. К. Кельмаковлэн [Кельмаков 2015; 2017; 2018; 2020; 2021 но мукет], Л. М. Ившинлэн [Ившин 2021; 2022а; 2022б] но О. В. Титовалэн [Титова 2021] статьяосазы.

Та уж *кузё* ‘хозяин’ кылэз эскеронлы сйземын: кыӵе вылтусын со гожтэмын вал XVIII даурын но берлогес кылдытэм удмурт кыллэн синпельметъёсаз, кыӵе пуштросэн 200–300 ар талэсь азьло пумиськиз но кыӵе валатонэн али кутйське.

Эскероно кылмы удмурт гожъяськетлэн синпельметъёсыз кылдытозь ик вераськонын вöлмемын вал ни, луоз. Котьмар ке но, нырысетйяз синпельметын – Д. Г. Мессершмидтлэн 1726-тй арын дасям кигожтэм кыллюкамаз – *кузё* кыл ‘хозяин’ валатонэн пусъемын ини; озьы ик XVIII даурын кылдытэм мукет кыллюкамъёсын но, грамматикаосын но со кыл пумиськe пöртэм гожтэм вариантъёсын, куддыръя нош мукетгес пуштросэн:

1726 (Д. Г. Мессершмидт): *Chusoi* ‘Dominus (хозяин – Л. И.)’ [Напольских 2001, с. 50];

1759: *Kuso* ‘господинъ’ [Miller 1759, с. 388–389];

1768 (Й. Э. Фишер): *kusò* ‘dominus (мастер – Л. И.)’ [Csúcs 1983, с. 316];

1775: *Кузїò* ‘хозяинъ’ [Сочиненія 1775, с. 29];

1780: *кузіò* ‘купецъ’ [Могилинъ 1780, с. 41][*];

1785: *кузіô‘* господинъ, хозяинъ’ [Кротовъ 1785, с. 99];

1791: *Кузò* ‘господинъ’ [Миллер 2005, с. 86–87].

Та сётэм кылъёсын нырысь ик синме йöтымон луэ гласнойёс вискысь небыт *з′* куараез латин графикаен нокызьы но пусйытэк возьматон. Тросаз та выллем кылъёсын латин гожъянпусъёсын гожтэм удмурт синпельметъёсын небыт согласной бераз **j** пуктыса тодмостэмын луэ вал, кылсярысь: *adjämi*, *kunjàn* но мукет. Собере музонзэ вераны кулэ на: ӟуч гожъянпусъёсын кылдытэм памятникъёсын (XVIII даурын но бергес – Евангелиосын но Азбукаосын) *о* гласной азьын сылйсь небыт согласной бераз гожтэм пöртэм пумо **io (їò, iò, íô, îô**) диграфен возьматйськe.

Тужгес но вашкалаосаз удмурт синпельметъёсын кузё кыл кöня ке валатонэн пусъемын ини – ‘хозяин’, ‘господин’ но ‘купец’. Берпуметй значениез, кызьы адзиськомы, бесермян диалектлэн материалэз вылын лэсьтэм грамматикаын пусъемын. Сое огшоры семантической паськытамен валэктыны луоно: *кузё* ‘хозяин’ > ‘купец’ – вузаськонэн вырись адями, кудйз ӵемысь лавкалэн кузёез

[*] Берло дыре эскеремъёсъя, «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» кылрадъянэз М. Мышкин гожтэм [Чураков 2016, с. 194].

(хозяинэз) луэ. Куд-ог тодосчиослэн чакламзыя, бесермян кылвылын *кузё* кыллэн ‘купец’ валатонэз чепецкой чувашъёслэн влиянизы улсын но кылдыны бигатйз [Максимов 2022, с. 407].

Табере XIX даурын кылдытэм синпельметъёсты учкыса потомы, кудъёсаз *кузё* кыл озьы ик пумиськылэ:

1847: *кузі̂о-* ‘хозяин; господин’: *Лыктысà-но медоі̂ъсъ верáзы* ***кузі̂олы̀: кузі̂о̀****! асъ бусы-àдъ дзець кидысъ-э̀зъ эдà кизь? кытӹ̀сь бенъ потӹ̀зъ урдъ турӹ̀нъ кукрò-но?* ‘Пришедши же рабы – сказали **хозяину**: **Господинъ**! не доброе ли сѣмя сѣялъ ты на твоемъ полѣ, откуда же взялись плевелы?’ [Матфей Гл. 1847, с. 96];

1847: *кузі̂о-* ‘хозяин’: *Со ношъ веря̀зъ содслы̀: Озіенъ всякой книга тодӹ̀сь, дышысà вуи́сь инъ дуньѐ-лася̀нь кельшѐ (тупà)* ***кузі̂олы̀****, кудӹ̀зъ àсъ дзѐць бурӹ̀сьтӹ̀зъ подтэ̀ вильэ̀з-но вужъзэ̀-но.* ‘Онъ же сказалъ имъ: по сему всякой книжникъ навыкнувшій въ ученіи о царствіи небесномъ, подобенъ **хозяину**, который изъ сокровища своего выкоситъ новое и старое’ [Матфей Сар. 1847, с. 102];

1867: *кузе* ‘купецъ’ [Блиновъ 1867, с. 18];

1880: *kuz'o* ‘Herr, Hausherr, Hauswirth [хозяин, домохозяин, домовладелец – Л. И.]’ [Wiedemann 1880, с. 493];

1888: *кузёос* ‘хозяева’: *Бакҷаэз утялто (гыро-уджало)* ***кузёос*** *аҷсэос либо бакҷа-утись; сое туж кыйдало.* ‘Огоро́дъ обрабо́тывают са́ми хозя́ева ӥли огоро́дники; его́ си́льно удобря́ютъ навó-зомъ’ [Ислентьевъ 1888, с. 154];

1890-тй: *kuz'o* G U, *kuz'o* M J MU U ‘Hausherr, Besitzer, Kaufmann [домохозяин, владелец, торговец – Л. И.]’ [< Tschuw.] [Wichmann1987, с. 138–139];

1892: *кузё, кузьо* ‘купецъ, господинъ, хозяинъ’ [Верещагин 2006, с. 131];

1896: *kuWo*, Mal. *kuQo*, Glaz. Jel. Kaz. *kuz'o*, Uf. *küz'o* [chuv.] ‘guzda; úr; birtokosa, ura | herr, eigentümer; herrschaft [господин, владелец; господство – Л. И.]’ [Munkácsi 1896, с. 205].

XIX даурлэн шор вакытаз но пумаз пумиськись *кузё* кылъя таче визьпумъянъёс вераны бигатйськомы: 1) В. Ислентьевлэн удмуртъёслы дасям ӟуч кылъя учебниказ эскероно кылмылэн

гожтйськемез туала удмурт кылынэзлы тупа ини; 2) 1847-тй арын поттэм Евангелиосын *кузё* кыл берыктйсьёсын кутэмын ке вал ‘хозяин; господин’ пуштросэн, XIX даурлэн кыкетй жыныяз гожтэм лексикографической ужъёсын со лексема ‘купец; господин, хозяин’ валатонъёсты возьматэ ни.

XX–XXI дауръёсы поттэм кыллюкамъёсын *кузё* кыллэн семантикаез эшшо но паськыта на:

– 1925: *кузё* ‘хозяин’, *корка кузё* ‘господин дома’ [Верещагин 2020, с. 371];

– 1932: *кузё* ‘хозяин южн., богатый сред.’ [Борисов 1932, с. 147];

– 1948: *кузё* 1) ‘хозяинъ; *корка кузё* ‘хозяин дома’; *куашкам кенерлэн кузёез уг луы* посл. ‘у развалившейся изгороди и хозяина нет’; 2) сев. ‘кулак, хозяин, владелец частного предприятия’ [УРС 1948, с. 155];

– 1956: *кузё* ‘владелец, владыка, властелин, господин’; *со аслыз ачиз кузё* ‘он сам себе господин’ [РУС 1956, с. 99].

XX даурлэн нырысетй жыныяз гожтэм лексикографи ужъёсын *кузё* удмурт литературной кылын озьы ик ‘хозяин; господин’ пуштросэн кутйське, нош вераськетъёсын мукет валатонъёс но ватсаськыны быгато, кылсярысь, шор вераськетъёсын – ‘узыр’ [Борисов 1932, с. 147], уйпалъёсаз – ‘кулак; нимаз предприятиез возись; карт’ [УРС 1948, с. 155]. Со кыллэн валатонэзлэн паськытан мугез, нырысь ик, мерлыкын ортчем социально-исторической югдуръёсын (кылсярысь, кулакъёсын нюръяськонэн но коллективизация ортчытэмен) герӟаськемын вал, озьы ик – удмурт литература кыллэн азинскеменыз.

XX даурлэн 80-тй аръёсысенызы кутскыса, лексикографи ужъёслэн возьматэмзыя, *кузё* кыллэн валатонэз эшшо но паськытаз, выль значениос ватсасько: ‘йыр, начальник, старшой’ [УРС 1983, с. 225]; ‘господин; глава’ [УРС 2008, с. 344]. Уйпал вераськетъёсын [Карпова 2013, с. 275] но бесермян кылвылын [Тезаурус 2017, с. 250–251], кылсярысь, эскерисьёслэн чаклямзыя, *кузё* кыллэн ‘колхозлэн председателез’ пуштросэз шараямын на:

– 1983: *кузё* 1. ‘хозяин, владелец’; *корка кузё* ‘1) хозяин дома, домохозяин 2) миф. домовой)’; *мунчо кузё* ‘миф. злой дух, обитающий в бане (букв. хозяин бани)’; *нюлэс кузё* ‘1) хозяин (владелец) леса 2) миф. леший, лесовик’; *кузё кышно* ‘жена хозяина, хозяйка’; *кузё луыны* ‘стать хозяином’; *куашкам кенерлэн кузёез уг луы* погов. ‘у развалившейся изгороди хозяина нет’; *кузёослэн кучапизы но дуно* ‘у богатых и щенок дорого стоит’ 2. ‘голова, начальник; старший’ [УРС 1983, с. 225];

– 2008: *кузё* 1. ‘хозяин, владелец’; *кузё кышно* ‘жена хозяина, хозяйка’; *кузё луыны* ‘стать хозяином’; *корка кузё* ‘хозяин дома, домохозяин’; *нюлэс кузё* ‘хозяин (владелец) леса’ 2. ‘начальник, руководитель; старший’; *со – милям кузёмы* ‘он – наш начальник’ 3. ‘господин, глава’ [УРС 2008, с. 344];

– 2013: сев. *куз'о* 1. ‘хозяин, владелец’ 2. ‘муж’; *куз'ойэ кал' бэр тубэ ужыс', туннэ но оз' вуо·з-а, ук то·тскы* ‘Муж мой сейчас поздно возвращается с работы, сегодня тоже так ли придет, не знаю’ 3. ‘голова, начальник’; *кул'то пыртис'код, кабан л'укас'код, кутсас'къс'код. фс'о öжът нэ обэдас'код. сыӵэ улим. строгой вал д'иципл'ина. куз'оос ӟэчэс' вал.* ‘Снопы возишь, складываешь в скирду, занимаешься молотьбой. Недолго совсем обедаешь. Так жили. Строгая была дисциплина. Начальство (начальники) было хорошее.’ 4. ‘председатель колхоза’; *куз'омы аску й а р э мыноз, выльды, соин ӵош пото·ды п у д эм пала.* ‘Наш председатель колхоза завтра поедет в Яр, может, вместе с ним выедете в сторону Пудема’ [Карпова 2013, с. 275];

– 2017: бес. *кузё* 1. ‘председатель, глава, начальник; начальство’; *кузё азьӧн чеберъяськӧнӧ* ‘выслуживаться перед начальством’ 2. ‘хозяин’ 3. ‘дух, покровитель (в качестве второй части композита)’ [Тезаурус 2017, с. 250–251];

– 2019: *кузё* ‘владелец, владыка; собственник; хозяин; частный наниматель’; *корка кузё* ‘хозяин дома’; *кузё но медо* ‘хозяин и работник’ [РУС 2019 I, с. 141, 142]; *совхозын зэмос кузёез ӧвӧл* ‘в совхозе нет настоящего хозяина’ [РУС 2019 II, с. 833].

Озьы ик вератэк кельтыны уг луы мукетсэ но: мифологической нимкылъёсын *кузё* кыл кутйське ‘хозяин; хранитель; дух’ пуштросэн: *вукузё* ‘водяной (хранитель воды)’, *гидкузё* ‘хлевник (хранитель хлева)’, *коркакузё* ‘домовой (хранитель дома)’, *мунчо кузё* ‘банник (банный дух)’, *нюлэскузё* ‘леший (лесной дух)’ но мукет.

Кузё кыл удмурт кылолыклэн огъя сйяз пыре, вань вераськетъёсын пумиське бере, ‘Краткий этимологический словарь коми языка’ кыллюкамез дасясьёслэн малпанзыя, та кылэз огъя перм лексика пӧлы пыртыны кулэ: *кузь, кузьӧ* ‘черт, леший’ формаос (*кӧн тэнӧ кузьясыс новлӧдӧны* ‘где тебя черти носят’ выллем веранъёсын), пе, тупало удмурт *кузё* ‘хозяин’ кылэн [КЭСК 1999, с. 411]. Та эсэпланэз лыдэ басьтоно ке, *кузё* лексема перм кылъёсы Булгар кунлэн кузёяськон вакытаз пыремын шуыны луоз – IX–X дауръёс котырын. Озьы ке но, та асэстэм огъя перм вакытэ вуэмын шуыса, тыро-пыдо вераны уг луы. Малы ке шуоно со вашкала удмурт вакытэ но басьтэмын луыны быгатэ, кудйсьтыз собере, кусыпъёслы луыса, коми вераськетъёсы вӧлмиз.

Та кыллэн кылдэмез пумысен XIX даурлэн 90-тй аръёсаз нырысь ик Ю. Вихманн гожтйз вал ини, чуваш (булгар) кылысь пыремын шуыса [Wichmann 1987, с. 139]. Бергес та малпан борды Б. Мункачи мадьяр тодосчи итйськиз [Munkácsi 1896, с. 205]. Кылем даурын кунгожсьӧр тодосчиослэсь *кузё* кыллэн пӧрмемез сярысь мылкыдзэс М. Рясанен [Räsänen 1969, с. 161], И. В. Тараканов: *куз'о, кӱз'о* ‘хозяин’, мар. *оза, хоза* ‘тж.’, морд. *козя* ‘тж.’ < чув. *хуҫа, хоҫа* ‘тж.’, тат. *хуҗа* ‘тж.’, башк. *хожа* ‘хозяин, владелец, содержатель’, *хоҗа* ‘старший, старик’ (< перс.) [Тараканов 1981, с. 40]; М. Р. Федотов: удм. < тюрк., чув. *хуҫа* ~ *хоҫа* ‘хозяин, владелец; купец’ [Федотов 1996 II, с. 371], Р. Г. Ахметьянов [Ахметьянов 2015 II, с. 391] но мукет эскерчиос умоен лыдъязы.

Озьыен, *кузё* кыллэсь удмурт гожъяськетын куинь сю ар пала кутйськемзэ чакласа, таче йылпумъянъёс лэсьтыны луоно: 1) XVIII даурын эскероно кылмы сизьымаз гожтэм синпельметъёсын пусйыса кельтэмын; 2) XIX даурлэн пумаз *кузё* кыллэн гожтйськемез туала удмурт кылын кадь пумиське (луэ) ини; 3) *кузё*

лексемалэн пуштросэз, удмурт кыллэн азинскемезъя, каллен-каллен паськытаз, ватсам пуштросэн йылтйськиз; 4) та кыллэн валатонэз паськытам сяна, сюбегаз но: XVIII–XIX дауръёсы *кузё* кыллэн пусъем ‘вузчи’ пуштросэз туала вакытэ нокытын но уг ни пумиськы; 5) кылдэмезъя кузё кыл булгарской луэ.

Вакчиятэмъёсын лыдмет

башк. – башкир кыл; бес. – бесермян кылвыл (кыл); букв. – мечак берыктыса; мар. – марийской кыл; морд. – мордва кылъёс; перс. – персидской кыл; погов. – поговорка; рел. – религиозной; сев. – удмурт кыллэн уйпал вераськетэз; сред. – удмурт кыллэн шор вераськетъёсыз; тат. – бигер кыл; удм. – удмурт кыл; чув. – чуваш кыл; южн. – удмурт кыллэн лымшор вераськетъёсыз; G – глазов вераськет (Wichmann 1987 книгая); Glaz. – глазов вераськет (Munkácsi 1896 книгая); J – елабуга вераськет (Wichmann 1987 книгая); Jel. – елабуга вераськет (Munkácsi 1896 книгая); Kaz. – кузон вераськет (Munkácsi 1896 книгая); M – малмыж вераськет (Wichmann 1987 книгая); Mal. – малмыж вераськет (Munkácsi 1896 книгая); MU – малмыж-уржум вераськет (Wichmann 1987 книгая); U – уфа вераськет (Wichmann 1987 книгая); Uf. – уфа вераськет (Munkácsi 1896 книгая); tschuw. – чуваш кыл (Wichmann 1987 книгая); chuv. чуваш кыл (Munkácsi 1896 книгая).

ЛИТЕРАТУРА

Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: ике томда. II том (М–Я) / Җәваплы редактор А. Ә. Тимерханов. – Казан: Мәгәриф–Вакыт, 2015. – 567 б.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. – 374 с.

Вахрушев В. М. Общественно-политическая лексика в удмуртском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1955. – 21 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь]. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 288 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Кн. 4: Русско-вотский словарь [= Русско-удмуртский словарь]. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2020. – 417 с.

Виноградов С. Н. Удмуртские народные узоры и значение их названий // Об удмуртском фольклоре и литературе. – Вып. I. – Ижевск: Удмурт. НИИ ист., эконом., лит. и яз. при Совете Министров Удмуртской АССР, 1973. – С. 26–40.

Загуляева Б. Ш. Названия женских украшений в удмуртских диалектах // Пермистика 3: Диалекты и история пермских языков: сб. статей. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ. УрО РАН, 1992. – С. 36–39.

Загуляева Б. Ш. Названия растений в удмуртских диалектах // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. – Ижевск: Удмурт. ИИЯиЛ УрО РАН, 1990. – С. 39–52.

Ившин Л. М. Названия месяцев в письменных памятниках удмуртского языка XVIII в. // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. – 2022. – Т. 12. – № 1. – С. 111–122.

Ившин Л. М. О некоторых названиях деревьев в письменных памятниках удмуртского языка XVIII века // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2022. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 387–396.

Ившин Л. М. Об исчезнувшем слове *нингорон* ‘женщина’ в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 31. – № 5. – С. 939–944.

Ислентьевъ В. Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. – Елабуга: Скоропечатня И. Н. Кибардина, 1888. – 254 с.

Казанцева О. А. К вопросу о производственной лексике удмуртских гончаров // Узловые проблемы современного финно-угроведения: матер. I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 1995. – С. 324–325.

Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – 596 с.

Кельмаков В. К. ‘Песни и сказы твои останутся…’ II: ‘Я гусли беру золотые’: (из письменной истории некоторых удмуртских выражений и слов). – Ижевск: Удмурт. ун–т, 2021. – 574 с.

Кельмаков В. К. К истории одного евангельского термина в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т. 26. – Вып. 6. – С. 16–24.

Кельмаков В. К. К истории удмуртских названий паруса в печатных и рукописном текстах // Вестник Удмуртского университета. – 2018. – Т. 28. – Вып. 3. – С. 436–445.

Кельмаков В. К. К истории удмуртского слова *кушкыны* // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2015. – С. 156–168.

Кельмаков В. К. К истории употребления удмуртских лексических диалектизмов в ранних текстах и путей их синонимизации (На примере слов со значением ‘обманывать’) // Вестник Удмуртского университета. – 2020. – Т. 30. Вып. 5. – С. 785–803.

Кротовъ З. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 286 с.

КЭСК 1999 – Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. В. И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Максимов С. А. Особенности прочтения отдельных бесермянских слов из письменных памятников XVIII–XIX вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2022. – Т. 16. – № 3. – С. 405–415.

Матфей Гл. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелистов Матфея и Марка: на рус. и вотякском яз., глазов. наречия. – Казань: печ. в тип. Императ. Казан. ун-та, 1847. – 234 с.

Матфей Сар. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелие от св. евангелиста Матфея: на рус. и вотякском яз., сарапул. наречия. – Казань: печ. в тип. Императ. Казан. ун-та, 1847. – 234 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков… (репринт издания 1791) // Г. Ф. Миллер и изучение уральских языков: материалы круглого стола. – Hamburg: Hamburg Institut fuer Finnougristik, 2005. – С. 111–186.

Могилинъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с.

Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 224 с.

Насибуллин Р. Ш. Некоторые названия флоры в языке закамских удмуртов (Материалы) // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. и материалов. Вып. 2. – Ижевск: Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР, 1973. – С. 152–162.

Первая научная грамматика удмуртского языка / Введ. и прим. В. И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 113 с.

Ракин А. Н. Ихтионимическая лексика в пермских языках // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. ст. – Ижевск: [б. и.], 1997. – С. 136–143.

Ракин А. Н. Лексика материальной культуры в пермских языках // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания: Сб. ст. на матер. XIII Междун. симпозиума ‘Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками’ (20–21 октября 2010 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: Ин-т яз, лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012. – С. 182–188.

Романова Г. А. О некоторых названиях элементов (деталей) удмуртского платья *дэрем* // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. – Ижевск: Удмурт. НИИ истор., экон., литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР, 1975. – С. 143–148.

Русско-удмуртский словарь: в 2 т. Т. 1. (А–О) / Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова и др.; отв. ред. Л. М. Ившин. – Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. – 936 с.

Русско-удмуртский словарь: в 2 т. Т. 2. (П–Я) / Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова и др.; отв. ред. Л. М. Ившин. – Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. – 1016 с.

Русско-удмуртский словарь: Около 40 000 слов / отв. ред. В. М. Вахрушев. – М.: ГИИНС, 1956. – 1360 с.

Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1998. – 216 с.

Соколов С. В. Названия птиц в удмуртском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тарту, 1973. – 20 с.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: учеб. пособие. – Ижевск: УдГУ, 1981. – 105 с.

Тараканов И. В. Обозначение масти в удмуртском языке // Fenno-Ugristica: Труды по финно-угроведению. Вып. 1. – Тарту: Tartu Riiklik Ulikool, 1975. – С. 313–324.

Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). – М.: Изд. решения, 2017. – 540 с.

Тепляшина Т. И. Термины родства у удмуртов, проживающих в Башкирии // Советское финно-угроведение. – 1969. – № 2 (V). – С. 127–131.

Титова О. В. Лексика материальной культуры в памятниках удмуртской письменности XVIII в. // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 75. Ч. 5. – С. 54–58.

Титова О. В. Отраслевая лексика удмуртского языка: традиционный наземный транспорт. – Ижевск: Шелест, 2017. – 233 с.

Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – 591 с.

Удмуртско-русский словарь / под ред. Н. А. Дружкова. – М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948. – 447 с.

Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 925 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. – Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитарных наук, 1996. – 509 с.

Чураков В. В. Авторство, датировка и история рукописи ‘Краткой Отяцкой грамматики опыт’ // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2016. – № 3. – С. 184–196.

Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék // NyK. – 1983. – № 2 (85). – 311–320 old.

Miller G. F. Sammlung russischer Geschichte. – SPb.: ben der Ranferl. Academie der Biffenfdaften, 1759. – Bd. III. – 654 S.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. – Budapest, 1896. – 758 l.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. – 533 S.

Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhange und einem deutschen Register. – St.-Petersburg: Akademie der Wissenschaften, 1880. – 692 S.

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. – 421 S.

УДК 811.511.131’367(045)

Н. В. Кондратьева, Д. П. Камаева
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

N. V. Kondratyeva, D. P. Kamaeva
Udmurt State University, Izhevsk

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСЛОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОЙ ПАРЕМИИ)

SYNTACTIC FEATURES OF FUNCTIONING OF CONDITIONAL STRUCTURES (ON THE MATERIAL OF THE UDMURT PROVERBS)

Аннотация. Рассматриваются основные способы образования сложноподчиненных предложений с придаточным условия на материале удмуртских пословиц. На основе анализа эмпирического материала, взятого из трудов Н. П. Кралиной «Удмурт калык пословицаос», К. Н. Дзюиной «Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь», Т. Г. Перевозчиковой «Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы, поговорки», выявлено, что в общем виде удмуртская пословица, содержащая в своей структуре сложноподчиненное предложение условия, может быть сведена к формуле: «X ке, Q» или «X-сал ке, Q-сал», где X – зависимая часть условного высказывания, или антецедент; Q – главная часть, или консеквент. Имеются и другие синтаксические структуры для выражения значения условия, но они имеют ограниченное употребление.

Abstract. The article discusses the main ways of forming complex sentences with a subordinate clause on the basis of Udmurt proverbs. Based on the analysis of empirical material extracted from the works «Udmurt folk proverbs» by N. P. Kralina, «A Brief Udmurt-Russian

Phraseological Dictionary» by K. N. Dzyuina, «Udmurt Folklore: Proverbs, Aphorisms, Sayings» by T. G. Perevozchikova, it was revealed that in the most general form, the Udmurt proverb, containing in its structure a complex sentence of a condition, can be reduced to the formula: «X ke, Q» or «X-sal ke, Q-sal», where X is the dependent part of the conditional statement, or antecedent; Q is the main part, or consequent. There are also other syntactic structures for expressing the meaning of a condition, but they are of limited use.

Ключевые слова: удмуртский язык, условные конструкции, пословицы, паремии.

Keywords: Udmurt language, conditional constructions, proverbs, phraseological expressions.

Изучение сложноподчиненных предложений удмуртского языка – один из наиболее актуальных аспектов современной пермской лингвистики. Особый интерес в этом контексте вызывает исследование синтаксиса удмуртской паремии, поскольку малые жанры фольклора, с одной стороны, унаследовали специфический строй предложения, с другой – формировались под влиянием контактирующих языков. Цель статьи – описание синтаксических особенностей функционирования условных конструкций в системе удмуртских пословиц. Материалом для анализа послужили пословицы и поговорки, содержащие в своей структуре предложения условного типа, извлеченные методом сплошной выборки из сборников «Удмурт калык пословицаос» Н. П. Кралиной [Кралина 1961], «Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь» К. Н. Дзюиной [Дзюина 1967] и «Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы, поговорки» Т. Г. Перевозчиковой [Перевозчикова 1987].

Рассматривая жанровое своеобразие удмуртской паремии, важно отметить, что она, прежде всего, отражает многовековую историю и мудрость народа: «Пословицы, вместе взятые, раскрывают сложное и зачастую противоречивое в процессе своего развития мировоззрение народа» [Ермаков 1996: 360]. При этом пословицы

и поговорки «нераздельно вплетены в живую народную речь, неразрывными нитями вплетены в самый быт и выявляются уже в повседневной жизни, в процессе разговора, рассказа, обмена мнениями, в процессе труда, выливаясь в пословицу» [Герд 1926, с. 49]. «Пословичные выражения – сгусток трудового, нравственного и эстетического опыта этноса, сжатого в мудрые изречения. Это житейская философия народа, регламентирующая поведение индивида в перипетиях социальной жизни» [Замалетдинов 2010, с. 73]. Все это не может не отразиться в структуре и семантике синтаксических конструкций. Как подчеркивает Н.А. Андрамонова, по своей структуре паремиологические единицы, «будучи вторичными лингвокогнитивными образованиями, отличаются емкостью семантики, эксплицитностью и имплицитностью ее выражения» [Андрамонова 2012, с. 10].

Как считает З. К. Тарланов, «краткость, ёмкость, композиционная структура пословиц выдвигают их в число эталонных, образцовых произведений словесно-художественного творчества. Пословицы, точно фиксируя обобщенный жизнью, проверенный исторический опыт народа, его вековые наблюдения, представления о добре и зле, верности и предательстве, красоте и совершенстве, долге и чести, любви и дружбе, нравственности и справедливости, об этике и педагогике и т. д. и, воплощая этот опыт в чеканные, отточенные художественные формы, совмещают в себе достоинства народной энциклопедии, поэтических шедевров и неотразимых в своем изяществе фигур ораторского искусства» [Тарланов 1999, с. 9].

В качестве лингвистических характеристик пословиц и поговорок принято отмечать лаконизм, простоту, четкость и меткость. Благодаря этому пословицы демонстрируют «в легко запоминающейся форме обобщенные наблюдения» [Бочина 2013, с. 44]. С точки зрения синтаксиса, значительную часть пословиц и поговорок удмуртского языка составляют сложноподчиненные предложения с условным придаточным предложением. Это предполагает наличие в структуре предложения как минимум двух действий, одно из которых находится в прямой или косвенной зависимости от другого. Для реализации же структурно-ритмической организации

удмуртских пословиц используются лексические повторы: «Сюлмыд ке уг адзы, синмыд уз адзы ни» [Перевозчикова 1987, с. 70]; («Если сердце не видит, то глаза не увидят»[*]); «Кушман ке мерттйд, кушман ик потоз» [Перевозчикова 1987, с. 14]. («Если посеешь редьку, редька и взойдёт»); «Ымыд пожаськемлэсь ке кышкад, сюлмыд пожаськоз» [Кралина 1961, с. 37]. («Если бояться, что рот станет скверным, то сердце очерствеет»).

Одной из лингвистических особенностей функционирования пословиц, выраженных сложноподчиненными предложениями условного типа, является возможность разновременного маркирования частей предложения: «В пословицах с условной семантикой говорится о следствии определённого образа действия, о необходимом образе действия при условии. Условное значение поддерживается соотносительным употреблением временных форм в главной части данных конструкций. Придаточная часть может быть представлена как двусоставными, так и односоставными предложениями, характеризующими обобщающий характер пословичного суждения» [Набиуллина 2014, с. 74].

При реальном условии в придаточном условном предложении современного удмуртского языка чаще всего употребляются союзы *ке* и *бере,* глагольные единицы придаточного предложения маркируются формами будущего времени, а в главной части:

а) формами глагола будущего времени, настоящего времени: «Калыке вераськыны кышкад ке, сютэм но улод» [Кралина 1961, с. 31]. («Если боишься говорить в народе, будешь жить в голоде»); «Тыршид ке, ыль пу но кенжоз» [Перевозчикова 1987: 15]. («Если постараться, и сырые дрова загорятся»); «Писпу погра ке, со интые выль пушъет будэ» [Перевозчикова 1987, с. 50]. («Если дерево падает, на его месте вырастает новый побег»)*;*

б) формами глагола в повелительном наклонении: «Чечыен нянь сиемед ке потэ, куй борды кутскы» [Перевозчикова 1987, с. 15]; («Если хочешь съесть хлеб с медом, возьми лопату»);

[*] Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык авторов статьи – Н. К. и Д. К.

«Выждэ чылкыт каремед ке потэ, кустэ эн жаля» [Кралина 1961, с. 39]; («Если хочешь чистый пол, поясницу не пожалей»); «Куртчын ке уд быгатйськы, пиньёстэ эн возьматы» [Дзюина 1967, с. 60]; («Если не можешь укусить, не показывай зубы»);

в) именными частями речи (именами существительными, прилагательными, наречиями): «Эш ке вань, мӧзмыт ӧвӧл» [Кралина 1961, с. 48]; («Если есть друзья, не скучно»); «Калыклы касаса улйд ке, улон азьыд ноку но ӟеч уз лу» [Кралина 1961, с. 26]. («Если жить, завидуя народу, жизнь никогда не будет лучше»).

Встречаются случаи, когда и в главной, и в придаточной предложениях отсутствуют глагольные формы: «Ачид ке ӟеч, калык но ӟеч» [Кралина 1961, с. 25]. («Если сам хорош, и [окружающие] люди хороши»).

Также популярны и продуктивны структурные модели, состоящие из односоставных предложений, что позволяет выявить обобщающий характер пословиц: «Калыке ке потйд, кыллы дышод» [Кралина 1961, с. 26]; («Если выйдешь в народ, научишься языку»); «Кеч кубиста дуре дыше ке, капканэ сюрытэк уг кыльы» [Дзюина 1967, с. 48]; («Если заяц привыкает к капусте, не остается непойманным в капкан»); «Ӧз ке поты, киныд уд жутка» [Перевозчикова 1987, с. 24]. («Если не захотеть, руками не поднимешь»).

Менее продуктивными являются структурные модели с нераспространенными предложениями: «Уд ке висиськы, эн жушты» [Кралина 1961, с. 35]; («Если не болеешь, не стони»); «Вылад ке усиз, валалод» [Дзюина 1967, с. 31]. («Если на тебя попадет, поймёшь»).

Ирреальное условие, т. е. реально неосуществимое действие, в пословицах выражается при помощи формы сказуемых в сослагательном наклонении с аффиксом *-сал*, которое дублируется в обеих частях предложения: «Кылыз ке ӧй луысал, куака нуысал» [Кралина 1961, с. 32]; («Если бы не было языка, ворона бы унесла»); «Кылыд ке ӧй луысал, кочӧ-куака нуысал» [Дзюина 1967, с. 65]; («Если бы не язык, сорока-ворона бы унесли»); «Усёнме ке тодысал, куро вӧлдысал» [Кралина 1961, с. 57]. («Если знал(а) бы, что упаду, солому бы постелил(а)»).

Таким образом, в самом общем виде пословица, выраженная сложноподчиненными предложениями условия, может быть сведена к формуле: «X ке, Q» или «X-сал ке, Q-сал», где X – зависимая часть условного высказывания, или антецедент; Q – главная часть, или консеквент.

Рассматривая особенности соотношения указанных частей удмуртских пословиц, можно выделить следующие семантические группы условных сложноподчиненных предложений:

1) предложения со значением противопоставления консеквента и антецедента. Это значение находит выражение через использование антонимов, в том числе контекстуальных, глаголов в положительной и отрицательной формах: «Янгышаны быгатйд ке, быгаты тупатскыны но» [Кралина 1961, с. 37]. («Если можешь ошибаться, сумей и исправиться»); «Капчизэ ке яратйд, секытсэ но яраты» [Кралина 1961, с. 41]. («Если любишь, что легко даётся, люби и то, что трудно»); «Ачид ӧд лэсьты ке, инкуазь уз лэсьты» [Кралина 1961, с. 44]. («Если сам не сделаешь, природа не сделает»);

2) предложения со значением сопоставления структурных элементов консеквента и антецедента:

а) в большинстве случаев данное значение выражается синтаксическим параллелизмом, который может быть подкреплен лексическими повторами: «Ачид ке ӟеч, калык но ӟеч» [Кралина 1961, с. 25]. («Если сам хороший, и люди хорошие»);

б) в ряде случае в подобных конструкциях актуализируется последовательность действий: «Дырыз ортче ке, сяська но тӧлӟе» [Дзюина 1967, с. 37]. («Если время проходит, цветок тоже отцветает»); «Кионлэсь быжзэ ӵогид ке, ыж уз пӧрмы» [Дзюина 1967, с. 50]. («Если отрубить хвост у волка, то овца не получится»). Учитывая вышесказанное, можно говорить о репрезентации синкретичного условно-временного значения: «Дырыз ортче ке, чорыг но уг сюр ни» [Дзюина 1967, с. 37]. («Если время проходит, то даже рыба не клюёт»).

Таким образом, категория условия в пословицах – «особая сфера, так как условие – элемент, характерный для обобщения, для формулирования закона, руководства, а пословицы как раз

и создаются с этой целью» [Диденко 2001, с. 12]. В системе удмуртских пословиц условная семантика может быть представлена определенным спектром синтаксических структур. Для выражения значения условия используются аналитический и синтетический способы: подчинительные союзы и аффиксация, позволяющие выражать и реальное, и ирреальное условия реализации действия.

ЛИТЕРАТУРА

Андрамонова Н. А. Народные приметы в пространстве художественного дискурса // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 10 – 14.

Бочина Т. Г., Сян Цюнь. Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. – 2013. – №3 (33). – С. 44 –48.

Герд К. Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки: сб. по вопросам экономики, быта и культуры вотяков. – Кн. 1. – М.: Центр. Изд-во Народов Союза ССР, 1926. – С. 49–61.

Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1967. – 132 с.

Диденко Е. А. Способы выражения условия в русских пословицах: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 2001. – 18 с.

Ермаков Ф. К. Кузебай Герд (жизнь и творчество): монография. – Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. – 448 с.

Замалетдинов Р. Р. Замалетдинова Г. Ф. О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – №2 (20). – С. 73–78.

Кралина Н. П. Удмурт калык пословицаос, поговоркаос. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1961. – 188 с.

Набиуллина Г. А. Условные конструкции в системе татарских пословиц // Филология и культура. – 2014. – № 1 (35). – С. 73– 76.

Перевозчикова Т. Г. Удмуртский фольклор: пословицы, афоризмы, поговорки. – Устинов: Изд-во «Удмуртия», 1987. – С. 12–80.

Тарланов З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 1999. – 448 с.

УДК 81’255.2:821.161.1=511.131(045)

Н. В. Кондратьева, Д. Ю. Мизирева
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

N. V. Kondratyeva, D. Yu. Mizireva
Udmurt State University, Izhevsk

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ С РУССКОГО НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ГОРЬКОГО)*

FEATURES OF TRANSLATION OF NON-EQUIVALENT VOCABULARY FROM RUSSIAN INTO UDMURT (BASED ON THE WORKS OF M. GORKY)

Аннотация. Рассмотрены основные способы перевода безэквивалентной лексики с русского на удмуртский язык. Материалом исследования послужили произведения М. Горького «Дед Архип и Лёнька» (перевод М. Воронцова) и «Экзекуция» (перевод А. Бутолина), отражающие особенности становления и развития удмуртского переводоведения первой половины XX века. Выявлены основные тематические группы безэквивалентной лексики, представленные в указанных произведениях, также определены подходы переводчиков к процессу передачи их семантических значений на удмуртский язык.

Abstract. The article discusses the main ways of translating non-equivalent vocabulary from Russian into Udmurt. The research material consists of M. Gorky's stories «Grandfather Arkhip and Lenka» (translated by M. Vorontsov) and «Execution» (translated by A. Butolin), reflecting the peculiarities of the formation and development

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК № 21-512-23007

of Udmurt translation studies in the first half of the twentieth century. The main thematic groups of non-equivalent vocabulary presented in these works are identified, the approaches of translators to the process of transferring their semantic meanings into the Udmurt language are determined.

Ключевые слова: удмуртский язык, безэквивалентная лексика, М. Горький, перевод.

Keywords: Udmurt language, non-equivalent vocabulary, M. Gorky, translation.

Одной из главных задач переводчика художественного произведения является стремление максимально точно отразить содержание исходного текста, а также осуществление адекватного художественно-эстетического воздействия на читателя. Однако определенную сложность при художественном переводе могут представлять группы безэквивалентной лексики: структурные экзотизмы, имена собственные, случайные безэквиваленты, слова-реалии и др. В научной литературе они представлены разными дефинициями, в частности, «этнокультурная лексика», «этнокультуроведческая лексика», «слова с нулевым эквивалентом» и др. С точки зрения В. Н. Комиссарова, к безэквивалентной лексике следует относить «единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров 2010, с. 89].

По причине отсутствия универсальных способов перевода безэквивалентной лексики, каждый переводчик выбирает свою стратегию передачи их значения в языке перевода. Это может быть транслитерация, калькирование, элиминация национально-культурной специфики, описательный перевод, перераспределение значений и др. Более того, на выбор переводческих стратегий может влиять и исторический контекст. Об этом свидетельствуют переводы произведений М. Горького на удмуртский язык, осуществленные в первой половине XX века. Цель статьи – описание способов передачи безэквивалентной лексики в рассказах М. Горького «Дед Архип и Лёнька» (перевод М. Воронцова) и «Экзекуция»

(перевод А. Бутолина). Оба произведения на удмуртском языке были изданы в 1938-м году. Важно подчеркнуть, что удмуртское переводоведение как прикладная область филологических исследований в этот период находилось на стадии зарождения. По-видимому, именно этим объясняется тот факт, что многие лексемы, имеющие соответствия в современном удмуртском языке, в указанных переводах звучат на языке оригинала. Например, главный герой дед Архип в переводе звучит как *дед Архип*, *дедушко Архип*: «Ленька нырулыны кутскиз, а **дед** Архип, мӧля улысьтыз зӥбись лек вӧсь луэмзэ шӧдыса, умме усьыны ӧз быгаты» [Горький 1938а, с. 3]. ~ «Лёнька задремал, а дед Архип, чувствуя тупую, давящую боль в груди, не мог уснуть» [Горький 1893, с. 4]; «**Дедушко** Архиплэн восьтэт но кузь мугорыз сюлэг луо полоскаен вылаз ваменак выдэм» [Горький 1938а, с. 3]. ~ «Костлявая и длинная фигура дедушки Архипа вытянулась поперек узкой полоски песка» [Горький 1893, с. 3].

Более того, авторы стремились буквально подходить к процессу перевода. Это, в свою очередь, приводило к высокой плотности иноязычных включений в структуре текста: «… Со аслаз **либерализменыз начальствоез дразнить** карылӥз» [Горький 1938б, с. 12] ~ «… Он дразнил начальство своим либерализмом» [Горький 1935, с. 7].

Как уже отмечалось выше, каждый автор выбирает свою стратегию передачи безэквивалентной лексики. Так, А. Бутолин чаще всего прибегает к описательному переводу; описание, как правило, представлено в сносках: «Одйгез зурод улысеныз йылозяз яркыт зарни-горд **парчаен** дйсямын…» [Горький 1938б, с. 24] ~ «Один стог снизу доверху был ярко одет в золотисто-красную **парчу**…» [Горький 1935, с. 11]. В удмуртском переводе приводится также описание парчи: «Парча – куэм маке, буртчинлэсь лэсьтэмын, канителен (зарни но азвесь сӥньыс‘ёсын) куэмын, татын тыл парчалы кельшытэмын» [Горький 1938б, с. 24]. Имеются примеры, когда описание следует сразу за лексемой: «А кӧчӧ неправдаез со вера? – юаз чырткем **подпасок** (пастухлы юрттӥсь) Костяшка»

[Горький 1938б, с. 9]. ~ «А какую неправду говорит он? – спросил бойкий подпасок Костяшка» [Горький 1935, с. 6].

В отличие от А. Бутолина, М. Воронцов избегает описательного перевода, чаще ограничиваясь включением в текст на удмуртском языке лексемы из русского языка или заимствованной единицы через русский язык: «А то **монастыре** кошко…» [Горький 1938а, с. 12]. ~ «А то в **монастырь** уйду…» [Горький 1893, с. 6]. В ряде случаев представлены гипонимические или обобщенно-приблизительные переводы, например: «Юн ӟукыртыса, луо вылэ **арба** вуиз» [Горький 1938а, с. 13]. ~ «Пронзительно скрипя, на песок въехала арба» (Горький 1893, с. 6). В данном случае значение слова *арба* в сносках представлено удмуртским словом *уробо*. Имеются также примеры использования авторских неологизмов: «Ленька **плетень (кутам кенер)** доры мынӥз но со вамен ульчае ошиськем чия (вишня) улвайёслэн сай улазы пуксиз» [Горький 1938а, с. 22]. ~ «Лёнька подошёл к плетню и сел в тени свесившихся через него на улицу ветвей вишни» [Горький 1893, с. 9].

Несмотря на преобладание разных стратегий перевода, представленных разными авторами, универсальными являются тематические группы безэквивалентной лексики, встречающиеся в текстах. Среди них доминируют следующие группы слов:

а) названия профессий: «Бубиз, **коновал**, кузпаллы сётӥз сое **слесарьлы** Ока шур вылысь затонэ» [Горький 1938б, с. 10] ~ «Отец, коновал, выдал ее замуж за слесаря в затон на Оке» [Горький 1935, с. 7]; «– Эге! – вазиськиз одйгез **паромщик'ёс** пӧлысь, киоссэ шароварезлэн карманъёсаз пыдло донгыса» [Горький 1938а, с. 16]. « – Эге! – ответил один из **паромщиков**, глубоко засунув руки в карманы **шаровар**» [Горький 1893, с. 7]; «Влас Белкин шедьтӥз сыче **адвокатэ**з, кудйз Дубовкалэсь судья ужъёссэ бесплатно нуылйз» [Горький 1938б, с. 12]. ~ «Влас Белкин нашёл адвоката, который вёл дела Дубовки бесплатно» [Горький 1935, с. 7];

б) названия средств передвижения: «**Паромез** витьыса, соос кыкназы ик меч ярдурлэн сайулаз выдйзы но кема чалмыт учкизы соослэн пыдъёсссы дортӥ Кубаньлэн жог кошкись но пож тулкымъёсыз шоры» [Горький 1938а, с. 3] ~ «Ожидая **паром**, они

оба легли в тень от берегового обрыва и долго молча смотрели на быстрые и мутные волны Кубани у их ног» [Горький 1893, с. 4]; «Юн ӟукыртыса, луо вылэ **арба** вуиз» [Горький 1938а, с. 13]. ~ «Пронзительно скрипя, на песок въехала арба» [Горький 1893, с. 6];

в) названия оружия, инструментов: «**Кинжалзы** ышем, уть тон, да нылзы кышетсэ ыштэм, ну и нориськизы асьме борды!..» [Горький 1938а, с. 35] ~ «Кинжал пропал, вишь ты, да платок девчонка потеряла, ну, они и навалились на нас!..» [Горький 1893, с. 12]; «Соку ик со сьӧры тэтчыса вуиз урядник Сашура Кошин, цыган кадь сьӧд маке, восьтэт но туж важной воин лыз очкиен, паллян урдэсаз **сабляез**, бур палаз чехолын зӧкос **револьверез**, щегольской сапегъёсызлэн каблукъёсыз вылын шпораосын» [Горький 1938б, с. 12]. ~ «Тотчас вслед за ним прискакал урядник Сашура Кашин, тёмненький, как цыган, сухощавый и чрезвычайно важный воин в синих очках, с **саблей** на левом боку, с толстеньким **револьвером** в чехле на правом, со шпорами на каблуках щегольских сапог» [Горький 1935, с. 7];

г) название одежды: «Дэремезлэн пертчем гадь мурес улысьтыз но пельпумаз небрежно дйсям **чоха** улысьтыз шундыя сутйськем гонэсь вылтырыз адӟиське» [Горький 1938а, с. 13]. ~ «Из под расстёгнутой рубахи и **чохи**, небрежно накинутой на плечи, виднелось волосатое, загорелое на солнце тело» (Горький 1893, с. 6); «– Эге! – вазиськиз одйгез паромщик‘ёс пӧлысь, киоссэ **шароварезлэн** карманъёсаз пыдло донгыса» [Горький 1938а, с. 16]. «– Эге! – ответил один из паромщиков, глубоко засунув руки в карманы **шаровар**» [Горький 1893, с. 7];

д) меры веса: «Дорын ке шуид – отын **пудзэ** ньыльдон копейкаен но даже полтинаен котьку вузаны луоз, а татын нокин но уг басьты» [Горький 1938а, с. 19] ~ «Дома – там можно всегда продать по сорок копеек и даже по полтине за пуд, а здесь никто не покупает» [Горький 1893, с. 8];

е) меры длины: «Валзы ванё мужик‘ёс ньыльдон кык **вёрст** кеме городэ ветлылӥзы» [Горький 1938б, с. 3]. ~ «Лошадные мужики ездили за сорок две **версты** в город» [Горький 1935, с. 5]; «Городэ **погонной саженез** понна дас вить-кызь копейкаен

мещанствoлы пу пильылыны <…> кутскылйзы» [Горький 1938б, с. 4]. «<…> Колоть дрова мещанству по 15–20 копеек за погонную сажень <…> брались» [Горький 1935, с. 5];

ж) названия предметов быта: «Казак ог вить вамышъем азьпалазы мынэ, **трубка тамак** кыске, бодыеныз арыкман люгыосты шуккылэ но соос шоры уг но берытскылы» [Горький 1938а, с. 32]. ~ «Казак шёл впереди шагов на пять, курил трубку, обивал палкой головки репейника и не оборачивался на них» [Горький 1893, с. 11]; «**Трубкаезлэ**н **чубукеныз** омыре донгыса, Серах букыртэ» [Горький 1938б, с. 21]. ~ «Тыкая в воздух чубуком трубки, Серах гудел…» [Горький 1935, с. 10];

з) названия продуктов питания, напитков: «**Горилка** уг нуиськы» [Горький 1938а, с. 16). ~ «Не везу **горилку**» [Горький 1893, с. 7] и др.

В рамках данной статьи представлены лишь наиболее частотные тематические группы слов, которые можно отнести к безэквивалентной лексике. Важно подчеркнуть, что принципы перевода исследуемых лексем в начале XX века существенно отличаются от принципов, сформировавшихся к началу нынешнего столетия. Если для М. Воронцова и А. Бутолина важным оказывались стратегии буквального перевода, то современные переводчики ориентируются на ревербализацию, под которым принято рассматривать процесс поиска таких средств выражения смысла текста, которые «способны передать самые тонкие оттенки мысли автора и вызвать у читателя перевода чувства, аналогичные тем, которые испытывает читатель подлинника» [Фененко 2009, с. 125]. Однако данная тема является перспективой дальнейших научных изысканий в области удмуртского переводоведения.

ЛИТЕРАТУРА

Горький М. Дед Архип и Лёнька. – Public Domain, 1893. – 15 с. – URL: www. Gorkiyi_M._Ded_Arhip_I_Lyonka.a4.pdf (vk.com) (дата обращения: 23.02.2023).

Горький М. Дед Архип но Лёнька / Пер. М. Воронцова. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938а. – 48 с.

Горький М. Экзекуция. – Public Domain, 1935. – 20 с. – URL: www.Gorkiyi_M._Yekzekuciya.a4.pdf (vk.com) (дата обращения: 23.02.2023).

Горький М. Экзекуция / пер. А. С. Бутолина. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938б. – 49 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М.: Прогресс, 2010. – 253 с.

Фененко Н. А. Две стратегии перевода реалий // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 121–128.

УДК 811.512.111’28:821.512.111-3(045)

Л. В. Коротаева
Стерлитамакский филиал
Уфимского университета науки и технологий, г. Стерлитамак

L. V. Korotaeva
Sterlitamak branch
of Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. АНТОНОВА

DIALECTISMS IN V. ANTONOV'S WORKS OF ART

Аннотация. Анализируются диалектизмы, встречающиеся в рассказах и повестях чувашского писателя В. С. Антонова. В ходе исследования прослежено, как отражается диалектный говор в художественных произведениях писателя.

Annotation*:* The article analyzes the dialectisms found in the stories and novellas of the Chuvash writer V.S. Antonov. In the course of this study, we traced how the dialect dialect is reflected in the writer's works of fiction.

Ключевые слова: диалектизмы, художественное произведение, литературное слово, лексические особенности, чуваши Республики Башкортостан.

Keywords: dialectisms, works of art, literary word, lexical features, Chuvash of the Republic of Bashkortostan.

Диалектная лексика – это слова, свойственные какому-нибудь одному говору или нескольким говорам, то есть их употребление ограничено той или иной территорией.

Среди чувашских поэтов и писателей, которые широко использовали диалектную лексику, особого внимания заслуживает творчество Ф. Уяра, К. Турхана, Я. Ухсая, Н. Ишимбая, Я. Ухсая, В. Антонова и др. Диалектная лексика вводится ими в язык художественных произведений с различными стилистическими функциями.

В. С. Антонов – поэт, прозаик, драматург, журналист, член республиканского чувашского литературного объединения «Шурадăл» Республики Башкортостан, лауреат премии Ф. Карима, член Союза писателей с 2000 г., член Союза профессиональных писателей Чувашской Республики с 2002 г., член Союза писателей РФ с 2003 г.

Творчество писателя в какой-то мере принадлежит той родине, где он родился, формировался как художник. Василий Сергеевич Антонов родился в 1949 году в с. Новые Карамалы Миякинского района Башкирской АССР, характерной стилистической чертой его прозы являются слова, бытующие у чувашей Республики Башкортостан.

Целью работы является исследование диалектизмов, встречающихся в художественных произведениях В. Антонова. Следует заметить, что в произведениях писателя в основном употребляются те же слова, что и в литературном языке. Однако имеются особенности, выражающиеся в употреблении некоторых слов, отсутствующих в литературном языке. Например: *хасăр* «сейчас, теперь, быстро, сию минуту, уже, скоро, тот час, моментально»: *Хасăр*, килне çитсе кĕрĕ кăна, çĕлен тирне пăрахнă хурмă, хăтăлĕ йăлăхтарнă тум-тиртен [Антонов 2003, с. 13]; *Хасăр* эс мана ан хăвар [Антонов 2003, с. 5] (< тат. *хэзер*, башк. *хэзер* «теперь, сейчас», «ныне» <араб.) – лит. *халех, часах*; *кинет* «вдруг, внезапно, неожиданно, скоропостижно»: Салтак, чеченец çинчен манса, *кинет* çаврăнчĕ сасă енне [Антонов 2003, с. 12] – лит. *ăнсăртран*; *тĕмен* «жизнь»: *Тĕмен* пулсан та анлă // Çук ирĕклĕх ырра – // Пĕтсе пырать тăванлăх, // Юлташлăх хушăра [Антонов 2006, с. 4] – лит. *тĕнче; чĕм* «дружно»: Вĕсем те пурнăçа çапла – Чун та *чĕм* пурăнса ирттернĕ [Антонов 2010, с. 48] – лит. *туслă; хутаç* «мешок»:

Хутаç-шăналăкне пуçтаркаланă хушăра кăна иккĕн ик енчен хупăрласа илеççĕ [Антонов 2003, с. 15] – лит. *михĕ*; *чĕрĕм* «короткий»: *Чĕрĕм* çав пулчĕ питех çу хушши [Антонов 2006, с. 5] – лит. «*кĕске»; севеп* «радуга»: Çав *севеппе* ав кĕрхи кĕреке те пĕлтĕр-хинчен курăнать кăрăкрах [Антонов 2006, с. 5] – лит. *асамат кĕперĕ*; *чĕрей* «лицо»: Хастар пуç усăнать, тĕкĕмленет *чĕрей* [Антонов, 2006, с. 20] – лит. *пит*; *какăра* «ад»: Тĕп туса, *какăра* çавăрасшăн [Антонов 2006, с. 25] – лит. *тамăк; пата* «замысел»: Пулса тухрĕ этем тăвас тенĕ *пата* [Антонов 2010, с. 178]; *тахтăр* «беда»: Çу шăрăхĕ те *тахтăр* мар [Антонов 2010, с. 14].

Фонетические диалектизмы совпадают по значению с соответствующими словами литературного языка, но отличаются от них одной или двумя фонемами: *ул* «он»: Ара, паян кăна сывлăх пирки ӳпкелешмеç вĕт *ул* «он» [Антонов 2013, с. 148] – лит. *вăл; моттык* «мотыга»: *Моттык* аври ал лаппине, хăнăхман пулсассăн, юн кăлармалăх хăшкаса пĕтерет [Антонов 2010, с. 219] – лит. *катмак; кăтлă* «удачный»: Кам та кам çак çырма урлă пĕрремĕш хут каçать иккен, *кăтлă*, ăнăçлă пултăр тесе, йывăç çулçи татса пăрахмалла [Антонов 2010, с. 245] – лит. *хăтлă.*

Лексико-словообразовательные диалектизмы отличаются от соответствующих им эквивалентов литературного языка морфемным составом: *калап «говорить»*: *Калап* мар-и, никам та пĕлместилтмест [Антонов 2003, с. 126] – лит. *калатăп; тавлă «спорный»*: Маншăн пит иккĕленӳллĕ те *тавлă* [Антонов 2010, с. 16] – лит. *Тавлашуллă.*

Семантические диалектизмы – это такие диалектизмы, когда одно и то же слово в разных диалектах имеет разное значение: *çеçке* «цветок, цветы»: Çичĕ сотка çĕр çинче тата хăмла çырли те хурлăхан, нимĕç пăрçи те ахаль пăрçа, чӳрече умĕнче явкаланса ӳсекен *çеçке* икĕ рет [Антонов 2003, с. 126] – лит. *чечек*; йĕлĕ «слеза»: Хĕрен пек чуншăн уйрăлу *йĕлли* [Антонов 2003, с. 91] – лит. *куççуль.*

Диалектная лексика, употребленная в художественных произведениях В. С. Антонова, является своеобразным отражением реальной действительности. В речи персонажей произведений

встречаются уникальные диалектные слова, представляющие научный интерес. По диалектной лексике можно судить об образе жизни этих людей, об их обычаях, традициях и о предметах, которые окружают их в быту.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов В. С. Беды и радости. – Чебоксары, 2018. – 180 с.

Антонов В.С. Ватă ăшши. Çĕнĕ сăвăсем. – Шупашкар: «Новое время», 2006. – 40 с.

Антонов В. С. Вăрттăн телей. – Шупашкар: Чăваш Республикинчи писательсен фончĕн «Калем» изд-во, 2003. – 224 с.

Антонов В. С. Между двумя берегами. – Чебоксары, 2010. – 260 с.

Антонов В. С. Одинокий. – Чебоксары, 2022. – 128 с.

Антонов В. С. Тайное счастье. – Чебоксары, 2003. – 224 с.

Антонов В. С. Шыв сикки. Сăвăсем. – Шупашкар: «Калем» изд-во, 2005. – 84 с.

УДК 37.036:372.8:811.511.131(045)

К. Г. Костина
Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики, г. Ижевск

K. G. Kostina
Scientific Research Institute of National Education of Udmurt Republic, Izhevsk

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В РАМКАХ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО (УДМУРТСКОГО) ЯЗЫКА

ESTHETIC EDUCATION IN THE PRIMARY SCHOOL AT THE LESSONS OF NATIVE (UDMURT) LANGUAGE

Аннотация. Рассматриваются возможности эстетического воспитания младших школьников в рамках изучения предмета «Родной (удмуртский) язык». Необходимость эстетического воспитания обучающихся ступени начального общего образования обусловлена требованиями ФГОС НОО и ФОП НОО. Развитию художественно-эстетического вкуса детей, их умения увидеть и понять подлинно прекрасное, оценить его способствуют тексты о природе и искусстве. Автором статьи описываются примеры такого плана текстов на страницах учебников по удмуртскому языку для 1–4 классов «Удмурт кыл» (для обучающихся, владеющих удмуртским языком).

Abstract. The article discusses the possibilities of esthetic education in the primary school at the lessons of «Native (Udmurt) language». There is a need of esthetic education of students in the primary school in the Federal State Educational Standard and the Federal Primary Education Programme. Texts about nature and art develop

artistic and aesthetic taste, the ability to see, understand the truly beautiful and appreciate it. The author gives examples of similar texts using the pages of textbooks on the Udmurt language for grades 1–4 «Udmurt Kyl».

Ключевые слова: эстетическое воспитание, родной (удмуртский) язык, начальное общее образование, федеральный государственный образовательный стандарт.

Keywords: esthetic education, native (Udmurt) language, primary school, federal state educational standard.

Развитие подрастающего поколения во многом связано с его эстетическим воспитанием. Эстетическое воспитание, по определению Б. Т. Лихачева, представляет собой «способность человека вычленять в явлениях действительности и искусства процессы, свойства, качества, пробуждающие эстетические чувства» [Лихачев 1985, с. 74]. Воспитание чувства к прекрасному начинается в раннем детстве: «Период дошкольного и младшего школьного детства является едва ли не самым решающим с точки зрения эстетического воспитания и формирования нравственно-эстетического отношения к жизни» [Исследование… 1974, с. 35]. Развитие культуры восприятия есть начало эстетического отношения к миру. Известно, что заложенные в раннем возрасте наиболее сущностные нравственно-эстетические качества личности ребенка сохраняются в более или менее неизменном виде на всю жизнь.

Необходимость формирования творчески активной личности, способной воспринимать, чувствовать, оценивать прекрасное, трагическое, комическое, безобразное в жизни и искусстве, жить и творить «по законам красоты» подчеркнута требованиями современных нормативно-правовых документов, регулирующих отношения в сфере образования. Как отмечается в ФГОС НОО и ФОП НОО, личностными результатами освоения программы начального общего образования в области эстетического воспитания являются:

– уважительное отношение и интерес к художественной культуре (в т.ч. отечественной и мировой), восприимчивость к разным видам искусства, традициям и творчеству своего и других народов;

– стремление к самовыражению в разных видах художественной деятельности, искусстве;

– способность воспринимать и чувствовать прекрасное в быту, природе, искусстве, творчестве людей.

Главная цель эстетического воспитания принадлежит учебным предметам художественного цикла (музыка, изобразительное искусство), которые объединяют в себе элементы искусства, науки и навыки практической деятельности.

Младшие школьники в состоянии понять и запомнить то, что хорошо прочувствуют; то, что глубоко затронет их эмоциональную сферу. Наиболее благоприятная обстановка для этого складывается при коммуникации на родном для них языке, т. к. в этом случае не возникает сложностей в поиске подходящих лексических средств. Так, изучение родного языка в рамках учебного предмета «Родной (удмуртский) язык» выступает одним из доступных способов для эстетического воспитания обучающихся.

В системе эстетического просвещения большое место должно быть отведено природе. Гораздо сильнее интерес к природе может возникнуть у школьников в процессе ознакомления с художественным текстом или сюжетной картиной произведения на соответствующую тематику. Например, эстетическое отношение школьников к природе возникает при чтении текстов-описаний объектов природы: «Та будос – вукуар. Со будэ ву дурын. Куарезлэн вылыз вольыт, вож, салкымо луэ. Улыз – тӧдьы, небыт гоно. Вукуар туж пайдаё. Ӵуж сяськаез вылысь мушъёс мӧль бичало» [Байтерякова 2023в, с. 83]. («Это растение – мать-и-мачеха. Она растет у воды. Поверхность ее листьев бывает гладкой, зеленой, холодной [на ощупь]. Нижняя часть – белая, с мягкой пушинкой. Мать-и-мачеха очень полезна. С поверхности ее желтого цветка пчелы

собирают нектар»[*]); «Озьыен, вамышъя тулысмы! Со лыктэ дорамы яркыт ... шундыен. Ӝоген пурзытоз льӧмпумес ... сяськаен, сиреньмес нош – ... сяськаен. Отйяз вамыштоз ... возь вылэ. Усьтйськозы ... италмасъёс. Ву вылын бурдъёссэ вӧлъялоз ... вумульы. Ӟег пӧлын сяськаяськоз ... зангари. Нош сйзьыл кӧня пӧртэм буёлъёс!» [Байтерякова 2023д, с. 58]. («Значит, шагает весна! Она идет к нам ярким … солнцем. Вскоре покроет нашу черемуху … цветами, а нашу сирень – цветами. Там зашагает … на лужайку. Расцветут … купальницы. На воде раскроет крылья … кувшинка. Во ржи расцветет … василек. А осенью сколько разных цветов!»).

На развитие воображения обучающихся, формирование умения самостоятельно выражать чувства, возникающие при рассмотрении сюжетных картин, направлены упражнения творческого характера, а именно: составить предложения разных типов по изображению детей, пускающих весенним днем кораблики, охарактеризовать нарисованные цветы-подснежники; написать сочинение по картине, на которой изображен лист дерева, по словам-подсказкам «*лопыръяське*» («развеивается»), «*ишкалтйз, лобиз*» («вырвал, улетел»), «*усиз, нуиз*» («упал, унес») и др. Идея о необходимости доброго отношения к природе, сохранения и приумножения ее богатства и красоты содержится в иллюстрации учебника, показывающей пагубное влияние деятельности человека на лес (использование рогаток, разведение огня в лесу, вырубание деревьев, разрушение птичьих гнезд). Иллюстрацию сопровождает текст-призыв: «Дуно эше! Писпуосты эн тйя! Уть нюлэсэз!» [Байтерякова 2023, с. 38]. («Дорогой друг! Не ломай деревья! Береги лес»).

Охарактеризованные тексты способствуют пробуждению у ребенка эмоционального отношения к природе. Уникальность и неповторимость природы связываются с образом Родины.

Влиятельным средством эстетического воспитания обучающихся младших классов является искусство. Важнейшим элементом «понимания» искусства служат эстетические чувства, возникающие

[*] Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – К. К.

при чтении текстов, слушании музыки, рисовании и т. д. Б. Т. Лихачев пишет, что «ребята относятся к искусству и действительности именно эстетически. Они получают удовольствие от чтения книг, слушания музыки, рисования, просмотра фильмов. Они еще не знают, что это и есть эстетическое отношение. Но в них сформировалось эстетическое отношение к искусству и жизни. Необходимо, чтобы тяга к духовному общению с искусством постепенно превращалась для них в потребность» [Лихачев 1985, с. 35].

На уроках родного (удмуртского) языка развитию художественно-эстетического вкуса, формированию умения увидеть и понять подлинно прекрасное, способности оценить все это способствует актуализация произведений удмуртской литературы и национальной культуры в целом. Сюда можно отнести и упоминание на страницах учебников музыкальных инструментов, к примеру, «балалайка, баян, крезь и арфа» [Байтерякова 2023, с. 82], и перечисление имен удмуртских художников «Виноградов Семен Николаевич, Гарипов Мансадык Гарипович, Елкин Петр Васильевич, Лобанов Юрий Николаевич, Мустаев Василий Геннадьевич» [Байтерякова 2023в, с. 51], и представление отрывка диалога с художником детского журнала «Кизили» («Звездочка») В. Мустаевым [Байтерякова 2023е, с. 10] и др. Развитию эстетического восприятия музыкальных материалов способствуют представленные на страницах учебников тексты удмуртских народных песен: «Пилем, кош, кош, кош! Шунды, пот, пот, пот! Тон потйд ке, нянь сёто, Ческыт сюкась сектало» [Байтерякова 2023а, с. 47] («Облако, уйди, уйди, уйди! Солнце, выйди, выйди, выйди! Если выглянешь, хлеба дам, вкусным квасом напою») или: «Изь, изь, нуные, Зарни бугоре. Чагыр бурдо бубыли Йыр улад валес валёз, Зарни бурдо пичи муш Тонэ чечыен сюдоз. Изь, изь, нуные, Зарни бугоре» [Байтерякова 2023ж, с. 67]. («Спи, спи, дитя мое, Мой золотой клубочек. Бабочка с голубыми крыльями Тебе под голову подушку положит, Маленькая пчела с золотыми крыльями Тебя медом накормит. Спи, спи, дитя мое, Мой золотой клубочек»). Данные тексты можно

использовать как для проведения языкового анализа, так и для исполнения детьми на уроках удмуртского языка с целью практического представления эмоций, заложенных в содержании песен. Вопросы, предлагаемые для обсуждения текстов песен, касаются исполнителей песен, мелодичности песен и т. д.; акцентируют внимание обучающихся на духовных ценностях удмуртского народа. В процессе работы с такого рода текстами развивается образное мышление детей.

Следует отметить, что эстетическое воспитание обучающихся младших классов не ограничивается работой с текстами одного жанра. Значительную роль в художественно-эстетическом развитии детей играют произведения устного народного творчества, особенно загадки: «Тӧдьы мамык шур вадьсын уя. Инметӥ азвесь сюрло уя, вань музъемез югдытэ» [Байтерякова 2023е, с. 57]; («Белый пух вдоль реки плавает. По небу серебряный серп плавает, всю землю освещает»); сказки: «Кӧттырмостэм купец» [Байтерякова 2023д, с. 59] («Жадный купец»); приметы: «Юсьёс тулыс уно ке луизы, куазь шуныт луоз. Тулыс ву ӝог чылкыта» [Байтерякова 2023ж, с. 117]; («Если весной лебедей много, то погода будет теплой. Весенняя вода быстро очищается»); пословицы: «Ӟеч кыл адямиез куинь тол шунтэ. Ӟеч муртлэн сылалэз но ческыт» [Байтерякова 2023ж, с. 72]. («Доброе слово человека три зимы греет. У доброго человека и соль вкусна») и др.

Таким образом, в текстах, изучаемых в рамках родного (удмуртского) языка, содержится богатая информация, помогающая научить обучающихся младших классов чувствовать и понимать красоту окружающего мира. Эмоциональные переживания сохраняются в памяти, мотивируют поведение во взрослой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Байтерякова 2023а – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 1-тӥ класслы учебник. – Ижевск: Удмуртия, 2023. – 64 б.

Байтерякова 2023б – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 2-тй класслы учебник. Кык люкетэн. 1-тй люкетэз. – Ижевск: Удмуртия, 2023. – 96 б.

Байтерякова 2023в – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 2-тй класслы учебник. Кык люкетэн. 2-тй люкетэз. – Ижевск: Удмуртия, 2023. – 96 б.

Байтерякова 2023г – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 3-тй класслы учебник. Кык люкетэн. 1-тй люкетэз. – Ижевск: Удмуртия, 2023. – 96 б.

Байтерякова 2023д – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 3-тй класслы учебник. Кык люкетэн. 2-тй люкетэз. – Ижевск: Удмуртия, 2023. – 96 б.

Байтерякова 2023е – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 4-тй класслы учебник. Кык люкетэн. 1-тй люкетэз. – Ижевск: Удмуртия, 2023. – 112 б.

Байтерякова 2023ж – Байтерякова Ю. Т. Удмурт кыл. 4-тй класслы учебник. Кык люкетэн. 2-тй люкетэз. – Ижевск: Удмуртия, 2023. – 144 б.

Лихачев Б. Т. Теория эстетического воспитания школьников: [учеб. пособие по спецкурсу для пед. ин-тов]. – М.: Просвещение, 1985. – 175 с.

ФГОС НОО – Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования [Электронный ресурс]. – URL: https://fgosreestr.ru/educational_standard/federalnyi-gosudarstvennyi-obrazovatelnyi-standart-nachalnogo-obshchego-obrazovaniia (дата обращения: 16.03.2023).

ФОП НОО – Федеральная образовательная программа начального общего образования [Электронный ресурс]. – URL: https://edsoo.ru/Federalnaya_obrazovatelnaya_programma_nachalnogo_obschego_obrazovaniya.htm (дата обращения: 16.03.2023).

УДК 37.01:39: 811.511.13(045)

А. С. Лобанова, А. В. Михайлова
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

A. S. Lobanova, A.V. Mikhailova
Perm State Humanitarian
Pedagogical University, Perm

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ, ИХ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ «КОМИ-ПЕРМЯЦКӦЙ КЫВ» (КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК) ДЛЯ 5–9 КЛАССОВ

ETHNOEDUCATIONAL COMPONENTS, THEIR ROLE AND SIGNIFICANCE IN THE TEXTBOOKS «KOMI-PERMJACKÖJ KYV» (KOMI-PERM LANGUAGE) FOR GRADES 5–9

Аннотация. В статье представлен краткий анализ этнопедагогических компонентов, встречающихся в учебных пособиях «Коми-пермяцкӧй кыв» (Коми-пермяцкий язык) для 5–9 классов. Отмечается важность и необходимость традиционного, народного воспитания в учебном процессе при изучении родного языка. В работе указывается, что в анализируемых пособиях реализуются все структурные компоненты этнопедагогики: субъект и объект воспитания, функции, методы и средства воспитания. Данные факторы реализуются через образную лексику, национальную паремию, знакомство с народными традициями, национальным искусством и т. д. Материальная и духовная культура коми-пермяков удачно и грамотно транслируется посредством языковых средств, что повышает значимость учебных пособий.

Abstract. The article presents a brief analysis of the ethno-educational components found in the textbooks «Komi-permjacköjkyv» (Komi-Perm language) for grades 5–9. The importance and necessity of traditional, folk education in the educational process when learning the native language is noted. The work indicates that all the structural components of ethnopedagogy are implemented in the analyzed manuals: the subject and object of education, functions, methods and means of education. These factors are realized through figurative vocabulary, national paroemia, familiarity with folk traditions, national art, etc. The material and spiritual culture of Komi-Perm people are successfully and competently implemented by language means, which increases the importance of the textbooks.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, этническая педагогика, национальная культура, обучение родному языку, учебное пособие.

Keywords: Komi-Perm language, ethnic pedagogy, national culture, native language teaching, textbook.

Педагогический процесс в современной школе направлен на воспитание образованного человека, в том числе, на формирование бережного отношения к родному языку, культуре своего народа, его национальному достоянию. Одним словом, в национальной системе образования необходимо обращение к опыту народной педагогики.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования указывает на необходимость «формирования российской гражданской идентичности обучающихся; сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, возможности получения основного общего образования на родном языке, овладения духовными ценностями и культурой многонационального народа России» [http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/m1897.html].

В связи с этим, педагог должен ориентироваться в средствах народной педагогики, уметь связывать этнопедагогическое знание с профессиональной практикой, использовать народные традиции в учебном и воспитательном процессе.

Коми-пермяцкий язык и национальная литература как школьные предметы изучаются в отдельных школах Коми-Пермяцкого округа с 1 по 9 классы. Рабочие учебные Программы в среднем рассчитаны на реализацию двух часов в неделю на язык и одного часа в неделю – на литературу. Согласно этим программам и составляются школьные учебные пособия, методические приложения к ним, контрольно-измерительные материалы и т. д. Объектом нашего внимания стали учебные пособия Коми-Пермяцкӧй кыв (Коми-Пермяцкий язык) для 5–9 классов, последняя линия которых была разработана и реализована в 2016–2019 гг. Над созданием всех пособий для среднего звена работал один авторский коллектив – Т. А. Васькина, О. А. Попова, А. И. Теплоухова. Научным консультантом являлась А. С. Лобанова.

Считаем, что содержательная часть учебных пособий по языку в большей степени (по сравнению с пособиями по другим предметам) зависит от автора и ситуации в обществе на момент их составления. Безусловно, последние учебные пособия по комипермяцкому языку кардинально отличаются от изданий, разработанных в советские годы и в начале двухтысячных годов, хотя во всех них реализуется одна большая задача: научить учащихся посредством скромного количества уроков воспринимать все уровни комипермяцкого языка.

Пособия уже прошли апробацию, авторам высказаны слова поддержки и пожеланий; своими мнениями делились учителя-практики на рабочих семинарах; содержательная и терминологическая составляющие учебников активно обсуждались общественной частью населения. Думается, что в ближайшее время Министерство образования и науки Пермского края вновь озадачится разработкой (или переизданием последнего варианта) следующего поколения учебных пособий по коми-пермяцкому языку.

В данной работе нам бы хотелось поразмышлять об этнопедагогической составляющей этих работ, высказать мнение об их роли и значимости.

Поддерживая мнение известных педагогов-исследователей о том, что «народная педагогика продолжает оставаться самой важной духовной силой в жизни нации» [Васильева 2013, с. 3], считаем, что в каждом пособии, посвященном изучению национального языка, важно наличие самых обычных (привычных) этнопедагогических составляющих. Это уважение и любовь к ребенку, членам семьи и окружающим; важность и святость для человека его дома, малой Родины, своей Отчизны; трансляция национального мировоззрения и т. д.

Во всех анализируемых пособиях реализуются практически все структурные компоненты этнопедагогики:

субъект и объект воспитания (много материала связано с ребенком, семьей, школой, библиотекой, музеем, оздоровительным лагерем и т. д.);

функции воспитания (трудовое воспитание, духовное воспитание, нравственно-эстетическое воспитание, патриотическое воспитание и др.);

факторы воспитания (реализуются через слово, текст, народные традиции, игры, национальное искусство и др.);

методы воспитания (разъяснение, пожелание, просьба, предостережение, совет);

средства воспитания (национальная паремия, коми-пермяцкое устное народное творчество и др.).

Все пособия довольно насыщены этническими компонентами: народные пословицы и поговорки, приметы, загадки, отрывки из сказок и мифов, детские шутки-прибаутки и т. д. представляют учащимся духовное сокровище родного народа. Напомним, что дети, изучающие коми-пермяцкий язык, в большинстве своём являются сельскими жителями. Следует отметить, что крестьянская культура, приобретенная всем ходом исторического развития народа, важна в формировании и становлении гражданского сознания

человека. Бесценные знания сельских ребят применяются в школьном образовании, что очень радует.

Согласно Рабочей Программе по коми-пермяцкому языку для 5–9 классов от 2016 года, в 5 и 8 классах выделяется учебное время для знакомства с финно-угорской языковой семьей (в 5 классе один час – реализуется тема «Место коми-пермяцкого языка в финно-угорской языковой семье»; в 8 классе два часа – обсуждают тему «Родство финно-угорских языков»). Считаем наличие этих тем в учебном процессе очень важным. Сейчас, когда родной язык в школьном процессе не относится к числу самых авторитетных предметов, учащимся необходимо знать о «родстве» своего языка; понять, что он (родной язык) – не сирота, что у него, как у обычной семьи, есть близкие и дальние родственники. На наш взгляд, в учебных пособиях эта тема нашла очень интересную, познавательную и доступную реализацию. Раздел «Финно-угорскӧй кыввезлӧн родвуж» («Родство финно-угорских народов») представлен материалами, описывающими родственные языки: их название, численность представителей каждого народа (согласно, на момент разработки учебного пособия, последней Всероссийской переписи 2010 года). У учащихся есть возможность озвучить два небольших стихотворения на коми(-зырянском) и удмуртском языках (перевод прилагается). Некоторые особенности графики марийского и карельского языков ученики могут увидеть через народные пословицы. В пособии для 8 класса приводится небольшая информация по созданию и проведению Дня финно-угорских народов [Коми-пермяцкӧй кыв. 8–9 классэз понда велӧтчан небӧг 2019, с. 13].

Важным фактором этнической педагогики является наличие материала, связанного с народной материальной культурой: названия предметов быта, элементов национальной одежды, традиционной кухни – этот лексический фон создаёт благоприятную ситуацию для дальнейшего знакомства со своей культурой.

Природа – еще один мощный фактор народного воспитания; причем ничем не заменимый, многосторонний и многогранный.

Вот почему слова и выражения, связанные с флорой и фауной, «спрятаны» во всех разделах анализируемых пособий.

Обрядовые праздники и народные игры также очень важны и значительны в воспитании детей. Игра учит ребенка общению, посредством игры прививалось уважение к существующему порядку вещей, осуществлялось приучение к правилам поведения. Казалось бы, игры не могут быть использованы в школьном пособии по родному языку, однако авторам удалось их задействовать. Например, в пособии *Коми-пермяцкӧй кыв. 5 класс понда велӧтчан небӧг* (Коми-пермяцкий язык. Учебное пособие для 5 класса) при изучении устойчивых слов и выражений предложен текст о праздновании в прошлом коми-пермяками Рождества [Коми-пермяцкӧй кыв. 5 класс понда велӧтчан пособие 2016, с. 106]. Удачным, на наш взгляд, является дополнительное задание: спросите у людей старшего поколения, как они отмечали этот праздник, во что и как играли, подготовьте свой рассказ об этом времени.

Учащимся на страницах учебных пособий представлена возможность познакомиться и с народным искусством: по картинам коми-пермяцких художников они пишут сочинения описательного характера; изучая прилагательное, знакомятся с изумительно красивым национальным костюмом и домотканными кушаками и т. д.

Хочется отметить еще один вид материала, который впервые появился на страницах этих пособий, – это информация об ученых-лингвистах, оставивших яркий след в коми-пермяцком языкознании. Считаем это правильным подходом.

Особую актуальность имеет включенное в учебник стихотворение о родном языке: *Кыв менам дона, айлӧн да мамлӧн. Кай моз горалан кӧр, сьӧлӧмӧ радмӧ. … Кыв менам дона, нывлӧн да зонлӧн. Кӧсъя мед овны одзлань тэ пондан* (Язык мой дорогой, отца и матери. Когда звучишь ты, как птица, сердце радуется. … Язык мой дорогой, дочери и сына. Желаю, чтоб жил ты и впредь).

Одним словом, компоненты этнопедагогики, как педагогики национального развития, как отрасли знаний о накопленном

народом воспитательном опыте, отраженном в языке и культуре, фольклоре и мировосприятии, находят широкое воплощение в учебных пособиях по коми-пермяцкому языку. Хотелось бы, чтобы это направление сохранялось и в дальнейших изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева Д. Н. Этнопедагогика: теория и практика: учеб. пособие. – Саратов, 2013. – 125 с.

Коми-пермяцкӧй кыв сьӧртi уджалан Программа: V – IX классэз понда / авт.-разраб.: Т. А. Васькина, М. Е. Галкина, А. С. Лобанова, О. А. Попова. – Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т, 2016. – 75 с.

Коми-пермяцкӧй кыв. 5 класс понда велӧтчан небӧг / авт.-сост. Т. А. Васькина, О. А. Попова, А. И. Теплоухова. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2016. – 167 с.

Коми-пермяцкӧй кыв. 6 класс понда велӧтчан небӧг / авт.-сост. Т. А. Васькина, О. А. Попова, А. И. Теплоухова. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2017. – 174 с.

Коми-пермяцкӧй кыв. 7 класс понда велӧтчан небӧг / авт.-сост. Т. А. Васькина, О. А. Попова, А. И. Теплоухова. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2018. – 143 с.

Коми-пермяцкӧй кыв. 8-9 классэз понда велӧтчан небӧг / авт.-сост. Т. А. Васькина, О. А. Попова, А. И. Теплоухова. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2019. – 280 с.

ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_10/ m1897.html (дата обращения: 15.01.2023).

УДК 373.2:908(470.51)(045)

Е. А. Николаева
Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики, г. Ижевск

E. A. Nikolaeva
Scientific Research Institute of National Education of Udmurt Republic, Izhevsk

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С УДМУРТСКИМ КРАЕМ И КУЛЬТУРОЙ УДМУРТСКОГО НАРОДА

FORMATION OF THE FOUNDATIONS OF CULTURAL IDENTITY OF PRESCHOOL CHILDREN IN THE PROCESS OF FAMILIARIZATION WITH THEIR NATIVE UDMURT LAND AND THE CULTURE OF THE UDMURT PEOPLE

Аннотация. В статье рассматриваются возможности ознакомления детей дошкольного возраста с родным краем, культурой удмуртского народа. Формирование основ культурной идентичности детей дошкольного возраста – важная этнокультурная составляющая образовательного процесса. Использование современных программно-методических изданий позволяет более динамично дать ребенку знания о своей самобытной культуре, ее отличии от других этнических культур. У детей формируется социокультурный опыт, педагог передает им умения и навыки предыдущих поколений.

Abstract. The article deals with familiarization of preschool children with their native land and the culture of the Udmurt people. The formation of the foundations of the cultural identity of preschool

children is an ethno-cultural component of education, which occurs during the upbringing of love and a sense of pride for their homeland. Preschool education is carried out on the basis of educational programs. In kindergartens, in the process of familiarizing children with the native Udmurt land and the culture of the Udmurt people, modern programs and methodological publications are used. Children develop emotional and behavioral similarities with members of their native culture, knowledge of their culture and its differences from other ethnic cultures. The diverse activities of children form a sociocultural experience and a holistic picture of the child's world.

Ключевые слова: образовательная программа, дошкольное образование, культурная идентификация, удмуртский край, культура удмуртского народа.

Keywords: pre-school education, cultural identity, native Udmurt land, culture of the Udmurt people, educational program.

Культурная идентичность возникает с детства, когда человек осваивает духовные, материальные и нормативные ценности родной культуры. В результате у ребенка формируется когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами родной культуры, а также отличие от представителей других этнических культур. Идентичность проходит несколько стадий, которые соотносятся с этапами развития личности. Ж. Пиаже выделяет три этапа в осознании ребенком своей этнической принадлежности. Он отмечает, что в 6–7 лет – ребенок приобретает первые представления о национальных особенностях родного народа. В 8–9 лет – ребенок четко идентифицирует себя со своей этнической группой на основе критериев: этнической принадлежности родителей, месте проживания, родного языка. В 10–11 лет – ребенок осознает особенности народных традиций и бытовой культуры своей этнической общности [Пиаже 2006, с. 37–39].

Изучая проблему этнической идентичности детей Удмуртской Республики, В. Ю. Хотинец замечает, что первый этап (5–10

лет) характеризуется размытыми представлениями детей о своем этносе. При этом свою этническую принадлежность ребенок осознает быстрее, и знания об этнокультурных различиях приобретаются им раньше, если социализация и инкультурация ребенка проходят в широкой полиэтнической среде [Хотинец 2002, с. 42–45].

Ознакомление детей дошкольного возраста с родным удмуртским краем является одним из направлений образовательной деятельности детских садов Удмуртии. С момента создания в начале XX века детских образовательных организаций удмуртского края К. Герд (Кузьма Павлович Чайников) указывает на важность обучения и воспитания детей на родном языке, значимость ознакомления их с родным краем. С этой целью он перевел на удмуртский язык учебные пособия для детей и издал их: Е. Г. Шальт «Начальная геометрия» (1926), А. Л. Ланков «Арифметика» (1925), И. И. Никитинский «Природа вокруг нас» (1925) [см.: Герд 2004].

В статье «Вордскем удмурт ёросэз тодон сярысь» (О знании родного удмуртского края) К. Герд четко разъясняет, что нужно знать детям о своем крае. Он пишет о том, какие промыслы, производства, ремесла составляют благосостояние современников. Призывает узнавать, как раньше жили и трудились в Удмуртии, какие традиции соблюдаются теперь. Эти познания, считает Герд, важны для строительства будущего [Герд 2004, с. 144–145].

Задачи ознакомления с родным краем отражены в современных программах дошкольного образования – в разделе, посвященном ознакомлению детей с окружающим миром («Программа воспитания и обучения в детском саду» под ред. М. А. Васильевой, 1985). Первая региональная программа дошкольного воспитания на удмуртском языке издана в 1989 году. Здесь уделено большое внимание проблеме развития родной удмуртской речи детей, ознакомлению с окружающим миром. В 1992 году вышла следующая программа по развитию родной удмуртской речи детей. Даны три варианта программы для разного уровня знания языка.

В 1998 году издана программа «Ошмес син»; она состоит из разделов: развитие родной удмуртской речи; ознакомление

с окружающим миром; художественно-эстетическое развитие; ознакомление с удмуртским языком при двуязычном развитии детей.

С внедрением Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (Приказ Минобрнауки России № 1155 от 17.10.2013) произошли изменения в образовании детей до семи лет. Изменились юридические, социальные и педагогические условия функционирования дошкольных образовательных учреждений; возросли требования к участникам образовательных отношений в плане создания ситуации развития для детей; особо актуализированы вопросы качества взаимодействия с родителями воспитанников, создания образовательной среды. Стандарты дошкольного образования закрепляют этап дошкольного детства как самоценный период жизни и как первую ступень образования ребенка.

В Удмуртской Республике в настоящее время применяются региональные методические комплексы, разработанные на основе современных педагогических технологий и народной педагогики удмуртов:

«Друг к другу с добром» («Ог-огедлы ӟечен») – научно-методический комплект для воспитания детей старшего дошкольного возраста; автор Е. А. Николаева (2004–2017);

«Мы в Удмуртии живём» – примерная региональная программа дошкольного образования; автор А. М. Комарова (2014). Работа содержит региональный компонент для образовательного процесса в детских садах Удмуртии;

«Жильыртйсь ошмес» – парциальная программа и методическое пособие по изучению удмуртского языка как второго; автор Р. А. Кузнецова (2017 г);

«Зарни бугор» – комплексная программа дошкольного образования на родном удмуртском языке; авторы А. Е. Бородина и Е. А. Николаева (2019).

Воспитатели города Ижевска используют парциальную Программу по краеведению для детей дошкольного возраста Г. А. Корняевой «Детям об Ижевске» (2006). Отдельным направлением

в работе многих детских садов Удмуртии является воспитание у ребенка любви к родине, формирование глубокого представления о родном крае. Богатый методический материал в этой сфере накоплен педагогами республики, особенно выделяются воспитатели и педагоги городов Сарапул и Глазов.

Детям дошкольного возраста посвящено пособие по краеведению «Добрая дорога открытий» (2018). Пособие разработано совместно с педагогами инновационного детского сада города Ижевска, входит в состав комплекта «Друг к другу с добром» (Е. А. Николаева). В пособии использованы познавательные материалы с целью формирования знаний о родном крае. Из наших исследований, проведенных в детских садах, мы знаем, что дети из всех видов совместной деятельности со взрослыми в детском саду предпочитают рисование. Поэтому в названных пособиях преимущественное внимание уделено рисованию и раскрашиванию. В пособии используются следующие изобразительные приемы: рисование; раскрашивание; завершение рисунка цветными карандашами, мелками; аппликация из бумаги, природных материалов и др.; лепка из солёного теста, пластилина, глины, снега; конструирование из бумаги, подручных средств.

Изобразительные приемы стимулируют интерес ребенка к решению других творческих и познавательных задач. Влекут к подвижным и познавательным играм, танцам, пению, слушанию сказок.

Художественное слово в пособии используется в виде следующих методических приемов: слушание художественных произведений; рассказывание стихов, сказок, рассказов, загадок, пословиц, поговорок; беседа по содержанию и теме художественного произведения; драматизация художественного произведения; игры-развлечения.

В пособии предложены музыкальные приемы: пение; музыкальные и хороводные игры; развлечения; драматизации; празднование торжественных дат и народных праздников и др.

Помимо программных и методических материалов, в республике выходят познавательные и энциклопедические издания для малышей краеведческого, этнокультурного и поликультурного содержания. В частности, иллюстрированная энциклопедия для детей «Удмуртия от А до Я» (2021).

В настоящее время в России происходит актуализация традиционных ценностей, что находит осмысление в образовании. Характер трансформации преобразований дошкольного образования отражен в Федеральной образовательной программе дошкольного образования (Приказ Министерства Просвещения РФ от 25.11.2022 г. № 1028).

Научно-исследовательским институтом национального образования Удмуртской Республики в 2022 году разработана Программа «Мой удмуртский край» в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования. Это новый программно-методический ресурс для дошкольного образования детей в нашем регионе по краеведению, охватывающий краеведческое содержание обучения и воспитания детей 2–7 лет в детских садах Удмуртии. Основной задачей программы и методических пособий данного комплекта является ознакомление детей с родным краем и приобщение к культуре удмуртского народа.

Программа опирается на культурологический и деятельностный подходы в процессе образования детей. Культурологический подход (К. Д. Ушинский, Л. И. Божович, Г. Н. Волков, Ф. А. Сохин и др.) подразумевает учет места, времени, социальных, этнических и культурных условий, в которых живет ребенок; принятие во внимание основных ценностей ближайшего окружения ребенка, т. е. представителей удмуртского народа. Содержание образования в программе формируется с учётом возрастных и индивидуальных особенностей детей 2–7 лет и выстраивается по рпринципу от простого к сложному, от близкого к далёкому. Материал распределяется в концентрической последовательности

и раскрывается в каждый следующий возрастной период в соответствии с возрастом детей.

Деятельностный подход (А. А. Леонтьев, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин и др.) направлен на ознакомление детей с окружающим миром через разные виды деятельности, нацеленные на активизацию всех органов чувств, применение полученного опыта, осознание себя субъектом в деятельности и взаимоотношениях с окружающим миром.

В программе предложены детские виды деятельности для ознакомления малышей с Удмуртией и культурой удмуртского народа по разделам познавательного, художественно-эстетического, социально-коммуникативного, физического и речевого развития детей. Освоение детьми образовательного содержания организуется в процессе деятельности и взаимодействия с окружающим миром, другими детьми и взрослыми. Базовыми для образовательного процесса являются игровой (сюжетно-ролевая дидактическая игра, игра с правилами и др.), коммуникативный (общение и взаимодействие со взрослыми и другими детьми), познавательно-исследовательский (исследование и познание природного и социального миров в процессе наблюдения и взаимодействия с ними) виды деятельности.

В календарно-тематическом планировании программы задачи и содержание воспитания в сферах – «Социально-коммуникативное развитие», «Познавательное развитие», «Художественно-эстетическое развитие», «Речевое развитие», «Физическое развитие» – интегрируются. Это создаёт необходимые условия для разнообразия детской деятельности. Программа ориентирует воспитателей и родителей на формирование у детей патриотических чувств к Удмуртии и России, любви к удмуртской культуре и дружелюбия к людям разных национальностей, чувства гордости за успехи родного края.

При организации этнокультурного образования эффективным является применение связанных с удмуртской культурой и культурой народов своего края этнокультурных проектов, практик;

систематичных занятий, познавательных ситуаций; самостоятельных и совместных игр детей.

Краеведческие темы предполагают формирование эмоционального и положительного ценностного отношения детей к окружающему миру: к семье – «Я и моя семья», «Мои любимые бабушка и дедушка»; к самому себе и другим людям – «Я расту», «Мои друзья», «Мой любимый воспитатель»; к малой и большой родине – «Мой детский сад и моя улица», «День Республики», «Удмуртия – часть великой России»; к природе – «Домашние животные», «Птицы», «Насекомые», «Дикие животные»; к познанию окружающего мира – «Природные материалы», «Природные явления»; к традициям и культуре – «Традиции и праздники», «Традиционная кухня», «Моя Удмуртия и удмурты», «День пельменя»; к красоте – «Детский фольклор», «Удмуртская книга», «Украшения удмуртской женщины», «Театры Удмуртии»; к доброте – «Моя мама сама добрая», «Добрый волшебник», «Мой папа – батыр», «Защитники Родины»; к труду – «Машины, помогающие людям в труде», «Профессии земледельцев», «Промышленность Удмуртии»; к здоровью – «Ложка и плошка», «Лекарственные растения Удмуртии», «Лыжи и биатлон»; к милосердию – «Гости из леса», «Синичке другом буду я», «Жёлтый солнечный цветок».

В дошкольном возрасте закладывается основа культурной идентичности детей, которая составит основу этнического и культурного самосознания взрослого человека в будущем. Все рассмотренные выше учебно-методические издания могут быть использованы в работе детских дошкольных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

Бородина А. Е., Николаева Е. А. «Зарни бугор»: Нылпи садын удмуртлыкез азинтонъя программа («Золотой клубочек»: Комплексная программа дошкольного образования на удмуртском языке). – Ижевск. – URL: http://www.udmniino.ru/docs/Nikolajeva_Borodina_zarni%20bugor.pdf. (дата обращения: 16.02.2023).

Герд К. Люкам сочинениос. Куать томен. 3-тй том: веросъёс, повесть, пьесаос, статьяос, научной ужъёс, гожтэтъёс / люказ, азькыл гожтйз Ф. К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 328 с.

Комарова А. М. Мы в Удмуртии живём: Примерная региональная программа дошкольного образования Удмуртской Республики. – Ижевск, 2014. – 72 с.

Корняева Г. А. Программа по краеведению для детей дошкольного возраста «Детям об Ижевске». – Ижевск, 2006. – 196 с.

Кузнецова Р. А. Жильыртйсь ошмес (Журчащий родник): образовательная программа по обучению детей дошкольного возраста удмуртскому языку в условиях русскоязычной среды. – Ижевск: АОУ ДПО УР ИРО, 2017. – 128 с.

Мой Ижевск: книга для чтения по краеведению: для детей дошкольного и младшего школьного возраста / под общ. ред. Н. Г. Бободжановой. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 154 с.

Николаева Е.А., Бузанова В.А., Газизова Т. П. и др. Добрая дорога открытий: Пособие по краеведению / под общ. ред. Е. А. Николаевой. – Ижевск: Удмуртия, 2018.–80 с.

Нылпи садъёслы одйг-вить аресъем пиналъёсын ужаны удмурт кылъя программа. – Ижевск: Удмурт АССР-ысь дышетйсьёслэсь тодонзэс будэтонъя институт, 1989. – 29 с.

Ошмес син: Удмурт нылпи садынъёсын ужан программа. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 156 с.

Пиаже Ж. Моральные суждения у ребенка. – М., 2006. – 480 с.

Удмурт кыл нылпи садын. Программаос но методической юрттэт. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 129 с.

Удмуртия от А до Я / сост. В. Ю. Семёнов, Г. Г. Грязев. – Ижевск: Удмуртия, 2021. – 128 с.

Хотинец В. Ю. Этническая идентичность и толерантность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 124 с.

УДК 372.851:908(045)

И. Г. Павлова
МБОУ «СОШ с. Средний Кумор»
Кукморский район, Республика Татарстан

I. G. Pavlova
Municipal Public Educational Institution
Comprehensive Secondary School of village Sredny Kumor
Kukmorsky district, Republic Tatarstan

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КРАЕВЕДЕНИЯ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ МАТЕМАТИКИ

THE USE OF ELEMENTS OF LOCAL HISTORY IN THE SCHOOL MATHEMATICS COURSE

Аннотация. Обозначены возможности применения краеведческого материала на уроках математики, представлены разнообразные виды заданий, которые можно использовать на различных этапах урока. Обобщается опыт работы учителя математики в развитии, продвижении и сохранении национального языка, а также привития любви к родному краю, формирования познавательного интереса к его историко-культурным объектам, расширения кругозора учащихся.

Abstract. The article lists the possibilities of using local history material in mathematics lessons, presents various types of tasks that can be used at various stages of the lesson. The article summarizes the experience of a mathematics teacher in the development, promotion and preservation of the national language, as well as instilling love for the native land, developing cognitive interest in its historical and cultural objects, expanding the horizons of students.

Ключевые слова: краеведческий материал, родной край, национально-региональный компонент, уроки математики, математические задания с элементами краеведения.

Keywords: local history material, native land, national-regional component, mathematics lessons, mathematical tasks with elements of local history.

«В условиях модернизации системы образования, пересмотра языковой образовательной политики существенно возрастает роль образовательных процессов, реализующих основную образовательную программу этнокультурной направленности», – отмечает О. Артеменко [Артеменко 2017, с. 88]. Анализ современной научно-педагогической литературы по преподаванию национального языка и созданию этнокультурной среды показывает, что данный вопрос остается одним из актуальных в современной общеобразовательной школе и связан с этнокультурным образованием.

Идея изучения родного края и использования краеведческого материала в педагогическом процессе не новая. Она получила педагогическое обоснование в трудах великих классиков-педагогов и просветителей Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, М. В. Ломоносова, К. Д. Ушинского и других. О значении педагогической целесообразности краеведения говорили Л. Толстой, Н. Новиков, В. Белинский и др. Приоткрыть учащимся историю края через его культурное наследие – значит пробудить в них интерес, воспитать чувство любви к своей стране.

Краеведение – это всестороннее изучение какой-либо территории, проводимое на научной основе. Объектами его изучения являются социально-экономическое, политическое, историческое и культурное развитие поселка, города, области, края [Ожегов, Шведова 2003, с. 302].

Краеведческая деятельность позволяет ребенку познакомиться со своим краем, познать традиции народа. А это и есть истоки, основа патриотического и духовно-нравственного воспитания. Влюбленность в свою малую родину веками была присуща

жителям нашей страны. Мы очень любим тот уголок земли, где родились, росли, повзрослели. А научить детей любить свой родной край – это святая обязанность учителя. С самого раннего детства нужно рассказывать детям о родном городе, районе, селе. Значит, краеведение является одним из актуальных направлений обучения и воспитания молодого поколения.

Учебная и внеучебная среда сельской школы позволяет обучающимся познакомиться с традициями и обычаями удмуртов, проживающих в Республике Татарстан, способствует формированию этнокультурных компетенций, реализации культурно-языковых интересов, пониманию ценностей и смыслов национальной культуры, её места и роли среди других культур, воспитанию любви и уважения к своему народу и языку.

Математика… Решение задач. На первый взгляд, с краеведением нет ничего общего, но только на первый. Школьное краеведение предполагает комплексное изучение родного края. Опыт показывает, что многие ученики с большим интересом решают задачи, в которых говорится об их родном крае. Элементы краеведения на уроках математики положительно влияют на результативность знаний учащихся, на развитие их как личности, носят воспитательный характер. Решение таких задач способствует расширению кругозора, связывает математику с окружающей действительностью.

Цель – формирование гражданских качеств личности посредством решения задач, содержащих историко-краеведческую и экологическую информацию.

Задача:

«Наш Кукморский край – чистый можжевеловый край. На склонах холмов растет много можжевельников, имеющих ценное лекарственное значение. Во время летних каникул ребята собирают плоды этого кустарника. Стоимость 1 кг ягод 1200 руб. За один день ученик может собрать в среднем до 12 кг ягод, но после очистки остается лишь 75 %. За сколько дней восьмиклассник

наберет 36 кг чистых ягод, и сколько рублей составит его выручка?»

Использовать такие задачи можно на уроках ознакомления, закрепления, применения знаний и умений, проверки и контроля, а также на комбинированных уроках.

Однако в учебниках краеведческий аспект практически не представлен. Поэтому перед учителем встает задача поиска и отбора материала по краеведению, привязка данного материала к учебной программе. На уроках математики краеведческий материал может быть использован в качестве фона, исходного материала для решения образовательных и развивающих задач курсов.

Большую помощь в поиске материалов для урока оказывает пятый том из сборника сочинений классика удмуртской литературы К. Герда, где даются практические задачи для начального и среднего звена обучающихся [см.: Герд 2005]. В издание включены переводы на удмуртский язык геометрии Е. Г. Шалыта (наглядная геометрия, геометрия на плоскости и пространственная геометрия), учебника А. В. Ланкова «Арифметика» и «Природа родного края» И. И. Никитинского. С помощью данного материала можно ознакомиться с правилами счета до ста и тысячи, с уравнениями, практическими задачами из жизни сельского населения, диаграммами, таблицами, масштабом и т. д. Много задач о спорте и играх, о сельском хозяйстве (приход, расход), полеводстве и животноводстве, об окружающем мире, природе; есть задачи на сложение, вычитание, умножение и деление; представлены задачи на тему «*Ужаса улон сярысь».*

Данные задачи дают возможность формировать практические навыки. Характер упражнений и задач можно видоизменять в соответствии с современными особенностями местной жизни.

Вот одна из задач сборника:

«*Котькыйе но тачe тушмонъёслэсь, бубылиослэсь, бöчыослэсь, нумыръёслэсь асьмеды шырчикъёс возьмало. Шырчикъёс соосыз кутыло но ымазы пиоссылы сюдыны нулло.*

Микол шырчикъёслэсь сион вайылэмзэс учкыса улэм но адзем: 1 час ӧоже кык шырчикъёс 8 нумыр ваиллям. Милям садамы 9 пар шырчик улэ. Час ӧоже кӧня нумыр соос пиоссылы ваёзы? Кӧня нумыр пиоссылы сюдозы кык шырчикъёс 12 час ӧоже?»

Такие задачи можно применять и в наши дни для формирования функциональной (математической) грамотности. При изучении математики мы используем не только естественный, разговорный язык, но и специальный язык науки математики – математический. Изучать математику, не зная математического языка, невозможно.

Во многих случаях ученики не умеют излагать свои мысли связно, грамотно, ясно и логично, грамматически неверно строят предложения, не умеют правильно оформлять записи, чертежи, схемы, допускают много ошибок, неточностей в написании и произнесении математических терминов. В книге К. Герда математические термины используются на удмуртском языке. А если их недостаточно, то я в своей работе использую «Словарь математических терминов на удмуртском языке для обще-образовательных школ» Н. Н. Тимерхановой [см.: Тимерханова 2011]. Использование математического словаря помогает учащимся проявлять самостоятельность в приобретении знаний по любой теме, показать свою творческую активность.

По опыту работы я отношу себя к тем педагогам, которые осознают, что ученики начальной и средней ступени обучения должны обучаться на том языке, на котором они говорят и думают, лучше понимают учебный материал и быстрее его усваивают.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимосвязь уроков математики с окружающим миром, историей и культурой удмуртского народа превращает обычный урок в интересный и живой урок-путешествие по своему родному краю. Использование краеведческого материала позволяет повысить воспитательный эффект, активизировать познавательную деятельность обучающихся, развить самостоятельность в процессе познания.

Краеведческие материалы в последнее время активно используются в образовании. В век высоких технологий «краеведческая нить» помогает связать нас с прошлым, увидеть настоящее и осознать будущее. Обучение невозможно без передачи накопленных знаний об окружающей нас действительности. Изучение родной культуры является неотъемлемым компонентом ФГОС.

ЛИТЕРАТУРА

Артеменко О. И. Учимся и живем в России: практ. пособие для учителей начального общего образования. – М.: Фед. ин-т развития образования, 2017. – 248 с.

Герд К. Люкам сочиниениос. 5 том: Удмурт школаосын дышетскон книгаос. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 262 с.

Тимерханова Н. Н. Словарь математических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ. – Сыктывкар – Ижевск – Йошкар-Ола – Саранск – Бадачоньтомай, 2011. – 46 с.

Ожегов С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.

УДК [811.512.133+811.511.131]’27(045)

А. А. Попова
Ургенчский государственный университет, г. Ургенч

A. A. Popova
Urgench State University, Urgench

CODE-SWITCHING В УСЛОВИЯХ УЗБЕКСКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА

CODE-SWITCHING IN THE CONTEXT OF UZBEK-RUSSIAN BILINGUALISM

Аннотация. Рассматриваются наиболее яркие проявления кодовых переключений в условиях узбекско-русского билингвизма. На материале спонтанной речи студентов выделяются их типологические характеристики. Отмечается, что коммуникативная компетенция билингва не ограничивается лишь знанием лингвистических кодов и референтных значений, она также подразумевает умение использовать язык в соответствии с социокультурным контекстом. Отдельное внимание уделяется возможностям некоторых групп суффиксов выражать дополнительную коннотативную нагрузку.

Abstract. The article is devoted to the study of the most striking manifestations of code switching in the conditions of Uzbek-Russian bilingualism. Based on the material of spontaneous speech of university students, their typological characteristics are highlighted. It is noted that the communicative competence of a bilingual is not limited only to the knowledge of linguistic codes and reference values, it also implies the ability to use language in accordance with the socio-cultural context. Special attention is also paid to the possibilities of some groups of suffixes to express an additional connotative load.

Ключевые слова: билингвизм, русско-узбекское двуязычие, кодовое переключение, тюркские языки.

Keywords: bilingualism, Russian-Uzbek bilingualism, code switching, Turkic languages.

В условиях активных миграционных процессов, цифровизации современного общества отличительной чертой языкового поведения индивида в двуязычных языковых сообществах является активное функционирование явления кодовых переключений, под которым принято рассматривать, с одной стороны, «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации» и, с другой, «взаимодействие структур и структурных элементов двух языков» [Кондратьева, Шаланки 2020, с. 590].

Данная ситуация представляет собой достаточно распространенный феномен в условиях как индивидуального, так и социального двуязычия. Изучение этого процесса позволяет определить трансформационные образования на разных языковых уровнях функционирования русского языка в Республике Узбекистан, а также определить социальную значимость, психофизиологические и лингвистические возможности организации языка и речи.

На современном этапе развития языкового континуума Республики Узбекистан обнаруживается интенсивное взаимовлияние узбекского и русского языков. Это подтверждается полевыми исследованиями спонтанной речи носителей обоих языков. Характерной чертой билингвального взаимодействия является наличие кодовых переключений с узбекского на русский язык и, наоборот, с русского – на узбекский. Русскоговорящие узбеки часто включают различные по объему элементы (слова, словосочетания, предложения) узбекского языка в структуру фраз на русском языке. Данная тенденция особенно характерна для речи молодых людей, где сочетаются сегменты двух типологически разнородных, но тесно взаимодействующих русского и узбекского

языков. В рамках данной статьи мы ограничимся исследованием репрезентации вкраплений (включений), под которыми принято рассматривать одиночные морфологически неадаптированные словоформы «гостевого» языка, в спонтанную речь билингвов. Как подчеркивают В. И. Беликов, Л. П. Крысин, вкрапление сохраняет иносистемный облик, но этот элемент употребляется в некоем «застывшем» виде, не изменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими [Беликов, Крысин 2001, с. 18]. В большинстве случаев – это полнозначные или знаменательные слова. Очень часто указанные единицы являются заимствованиями или же окказиональными выражениями.

Мы проанализировали речь студентов, получающих высшее образование в вузах Республики Узбекистан, и пришли к следующим результатам.

1. Наиболее распространенным типом иноязычных включений является указание на культурные реалии, фоновые знания: *У нас сегодня* ***bayram.*** ‘У нас сегодня праздник’, *Завтра мы делаем* ***sadaqa*** *в честь рождения ребенка*, где ***sadaqa*** – добровольная раздача (пожертвование) блюд и пищевых продуктов. ***To'y*** *закатим на весь мир*. ‘Праздник закатим на весь мир’. К данному контексту могут относиться слова, обозначающие специфические предметы и явления в жизни конкретного культурно-языкового сообщества, – реалии и историзмы. Например, *Завтра всю группу позвали на* ***beshik to'y***, где ***beshik to'y*** – ритуальное празднество, связанное с первым укладыванием младенца в колыбель; *На факультете в честь праздника Навруз будут готовить* ***sumalak***. ***Sumalak*** – праздничное блюдо узбекской кухни Средней Азии, приготавливаемое из пророщенных зерен пшеницы. Готовится, как правило, в период празднования Навруза; *На* ***Navro'z*** *у нас дома соберутся все родственники*, где ***Navro'z –*** праздник прихода весны по астрономическому солнечному календарю у иранских и тюркских народов; Не забудь, сегодня вечером нужно пойти на ***quda danishma***. ***Quda danishma*** – это знакомство с родственниками мужа после свадьбы; *Сегодня я буду печь* ***patir***

в соседском ***tandir****е*. ***Patir*** – национальный хлеб, лепешка из слоеного теста, ***tandir*** – печь из глины, в которой выпекаются лепешки (хлеб).

Важно подчеркнуть, что с течением времени указанная группа слов постепенно начинает переходить в разряд заимствованных слов, образуя группу узбекизмов. В этом случае, проникая в русский язык, они принимают фонетические и грамматические нормы русского языка как основного (матричного), а также начинают реализовывать соответствующие синтаксические функции.

2. Вторую группу иноязычных включений составляют вводные слова и выражения. Наиболее распространенными из них являются утвердительное ***yaxshi*** ‘хорошо, хороший, договорились, ладно, выполним’ и ***baribir*** «все равно»: *Конечно,* ***yaxshi,*** *не беспокойтесь.* ‘Конечно, хорошо, не беспокойтесь’; *Мне* ***baribir****, что ты будешь дальше делать.* ‘Мне все равно, что ты будешь делать’.

3. Еще одна группа частотных иноязычных вкраплений – это лексические единицы, образованные путем суффиксации, например, с использованием суффикса ***-xon,*** который присоединяется к мужским и женским именам, придавая оттенок уважения, например: *Малика****xon****, Ирина****xon,*** *зайдите в деканат, пожалуйста****.*** ‘Малика, Ирина, зайдите, пожалуйста, в деканат’, или: *девушка****xon*** – так обращаются к русской девушке. *Татьяна-****ora****, Алексей-****aka****, приглашаем вас на праздничный ужин****.*** ‘Тётя Татьяна, дядя Алексей, приглашаем вас на праздничный ужин’. **Ora** – в переводе на русский язык – старшая сестра; почтительное уважение к женщине; **aka** – старший брат; вежливое обращение к старшему мужчине. Все указанные аффиксы прибавляются к мужским и женским именам собственным при почтительном обращении или упоминании.

Важно отметить, что в отдельных контекстах аффиксация позволяет изменить интонационную структуру предложения. В частности, как показали результаты полевых исследований, нередко молодежь в своей речи использует слова и выражения,

произнося их с очевидно преувеличенным узбекским акцентом, благодаря частице **-mi**, например: *Как дела? Жив-здоров**mi** сан?* ‘Как дела? Жив-здоров?’ (в данном случае к краткому прилагательному жив-здоров добавляется вопросительная частица узбекского языка **-mi);** *Ты уверен, точно**mi**?* ‘Точно ли?’

Интересно подчеркнуть, что использование аффиксов характерно и для русско-узбекского двуязычия, что, по-видимому, обуславливается типологическими особенностями узбекского языка – его агглютинативным характером. Так, в повседневной разговорной речи обнаруживается частое использование отдельных слов, образованных в узбекском языке при помощи русских деминутивных суффиксов на базе локального узбекизма, например: *Принеси мне, пожалуйста, из кухни **пиялушку*** (от узб. **piyala** ‘чашка’); *Налей-ка мне суп в ту красивую **касушку*** (от. узб. **kosa** ‘тарелка для супа’).

4. Вкрапления в предложениях могут состоять из двух и/или более слов, например: ***Yaxshi, yomon**, клади в карман*, представляющий собой эквивалент русской пословицы *Дареному коню в зубы не смотрят*. Примечательно то, что слово ***yomon*** по нормам языка должно произноситься как [j**o**mо́n], но все произносят указанную лексему в данном контексте как [j**a**mán], образуя рифму со словом карман.

В статье отмечены лишь наиболее яркие признаки кодовых переключений, представленных в условиях узбекско-русского двуязычия. Однако важно изучить указанное явление в рамках всех частей речи, чтобы полученные результаты использовать в практике преподавания русского языка в узбекоязычной среде. Так, с точки зрения типологии, принято считать, что явлению кодового переключения наиболее подвергнуты имена существительные. В частности, исследуя особенности русско-китайского билингвизма, А. Ю. Мутылина приводит следующее распределение по частеречной принадлежности китайских включений в речи респондентов: имена существительные (76,2 %), прилагательные (11 %), глаголы (7 %), наречия (5,4 %), междометия (0,2 %), личные местоимения (0,2 %)

[Мутылина 2012, с. 20]. Венгерский исследователь С. Немет, рассматривая особенности русско-мансийского двуязычия, выявляет следующее распределение русскоязычных включений в текстах на мансийском языке: имена существительные – 31 %, союзы – 22 %, глаголы и местоимения – по 8 % соответственно, частицы и имена числительные – по 7 % соответственно, наречия – 6 %, остальные части речи – 11 % [Németh 2018, с. 97]. Проанализировав особенности функционирования кодовых переключений в условиях узбекско-русского двуязычия, можно также отметить доминирование субстантивных форм среди иноязычных вкраплений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что коммуникативная компетенция билингва не ограничивается лишь знанием лингвистических кодов и референтных значений отдельного языка, она также подразумевает умение использовать язык в соответствии с социокультурным контекстом, а именно: знание реалий и словообразовательных моделей контактирующего языка.

ЛИТЕРАТУРА

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. – М., 2001. – 439 с.

Кондратьева Н. В., Шаланки Ж. Кодовое переключение в условиях удмуртско-русского билингвизма (на материале глагольных форм) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т. 15. – Вып. 4. – С. 590–598.

Мутылина А. Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение» кодов (на примере устной речи русско-китайских билингвов в Пекине) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 1 (13). – С. 52–60.

Németh Sz. A manysi kódváltások osztályozása // A többnyelvűség dinamikája. Budapesti Finnugor Füzetek 23. Sz. Csepregi M., Salánki Zs. – Budapest, 2018. – Ol. 81–114.

УДК 372.46:811.511.31:37.018.1(045)

З. В. Суворова
Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики, г. Ижевск

Z. V. Suvorova
Scientific Research Institute of National Education of Udmurt Republic, Izhevsk

РОЛЬ ДИДАКТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ИГР В РАЗВИТИИ УДМУРТСКОЙ РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ РЕБЕНКА В СЕМЬЕ

THE IMPORTANCE OF DIDACTIC LANGUAGE GAMES IN THE CHILD'S UDMURT SPEECH AND THINKING DEVELOPMENT WITHIN THE FAMILY

Аннотация. Рассматриваются вопросы языкового воспитания ребенка в семье в условиях русско-удмуртского двуязычия. В семейном воспитании с целью развития удмуртского словаря и языковых знаний младшего школьника используются речевые игры. Обогащение этноязыковой среды общения способствует развитию активного словаря и речевых навыков детей, не владеющих удмуртским языком. Итоговая диагностика результатов эксперимента подтвердила гипотезу исследования. Дидактические игры на этнокультурной основе являются эффективными методами развития речи и мышления ребенка в семейной педагогике.

Abstract. This article considers child’s language education inside the family. Through the conditions of Russian – Udmurt bilingualism. In order to consolidate the vocabulary and understanding of school curriculum, speech games and exercises are used in family education. The enrichment of ethno-linguistic environment promotes the junior school student’s effective speech and mental activity formation. The

positive dynamics of vocabulary and sentences making ability development shows this. Among the students, who do not speak or are weak in Udmurt language. According to the results of experimental work, the hypothesis of the effective methods in family pedagogy is confirmed. Which are didactic language and speech games.

Ключевые слова: языковое воспитание, речевые игры, удмуртский язык, младший школьник, семейное воспитание.

Keywords: language education, speech games, udmurt language, junior school student, family education.

В начале XX в., закладывая основы школьного национально-русского двуязычия, просветители многих народов разработали методику обучения родному языку и русскому языку как второму. На протяжении десятилетий в национальном образовании акценты расставлялись по-разному. Были годы, когда большое внимание уделялось изучению родных языков, были периоды, когда в учебных планах количество часов увеличивалось на русский язык, за счет родного. Прошло чуть более ста лет, и сегодня понятно, что русский язык, являясь официальным языком обучения в большинстве субъектов Российской Федерации, становится родным для учащихся школ многонациональной страны [см.: Ураськина, Пантелеева 2018]. Несмотря на то, что национальные языки утверждены как государственные, количество носителей родных языков из года в год сокращается.

Вышеназванные проблемы вызывают большую тревогу, так как утрата языка ведет к утрате культурных ценностей народа. Сегодня часто можно услышать рассуждения о возрождении духовной культуры, однако в первую очередь необходимо акцентировать внимание на том, что основой и способом передачи национальной культуры от поколения к поколению является язык народа.

В Удмуртской Республике, так же, как и в других субъектах Российской Федерации, два государственных языка: русский и удмуртский. Однако, в силу того, что реального двуязычия в республике нет, сфера функционирования удмуртского языка сокращается.

Многие родители для своего ребенка с целью изучения в школе в качестве родного языка выбирают русский язык. Такое право родителей утверждено федеральным законом. Сегодня актуальной стала проблема русско-удмуртского двуязычия, изучение удмуртского языка как родного.

В свое время К. Д. Ушинский, рассуждая о роли родного языка в жизни этноса, отметил, что «... весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове...»; «Когда исчезает народный язык, – народа нет более» [Ушинский 1988, с. 110]. Созвучны словам классика педагогики рассуждения современных историков, этнографов, филологов. Развивая идеи о значимости языка в жизни народа и человека, известный удмуртский фольклорист Владыкина Т. Г. пишет: «Дауръёсын люкам визьбурез тус-тас каремлэсь ас сяменыз утиз кыл. Ӟечкыл. Буркыл. Кылбур. Котьмарлэсь но азьло вылэм Кыл» [Владыкина 2004, с. 7].

Автор говорит о том, что *«Кыл»* – «Слово» сохранило в себе знания и опыт наших предков, объяснения многих социальных и природных явлений, мудрость народа. Это все доказывает мысль о том, что, изучая материнский язык, ребенок «присваивает» знания, социальный опыт, духовные ценности, выработанные народом за многие века, и в будущем, изучая другие культуры, он будет готов к межкультурному диалогу и сотрудничеству.

Общеизвестно, что для свободного владения родным языком недостаточно его изучение в учреждениях образования, необходимо использовать родной язык и в семейном воспитании с целью обогащения речи ребенка и закрепления активного словаря. Однако по результатам мониторинга, проведенного НИИ национального образования УР, в общении с ребенком 26 % родителей используют удмуртский и русский языки, а родной удмуртский – всего 11 % родителей [см.: Текущее состояние 2020].

Педагогические и психологические консультации для родителей по формированию речемыслительной деятельности ребенка младшего школьного возраста показали, что данная проблема для них интересна. Поэтому в экспериментальной работе по развитию удмуртской речи и мышления младших школьников мы

активно сотрудничали с родителями учащихся вторых экспериментальных классов.

Следует отметить, что исследований по развитию речи учащихся младших классов достаточно [см.: Зимняя 2001; Львов 1975] и др. Есть научные работы по использованию игровых технологий в обучении детей младшего школьного возраста [см.: Эльконин 1999; Белобрыкина 1998] и др.

Научно-методические идеи обучения в начальной школе удмуртскому языку как родному и государственному раскрыты в работах современных ученых [см.: Вахрушева, Широбокова 2010], авторов учебников и пособий [см.: Этнокультурное… 2022] и др.

Изданы монографии [Владыкина 2004], хрестоматии [Герд 2005], сборники [Тюрага 1996] и др. с удмуртскими народными играми и фольклорными текстами для семейного чтения, но не изучены психолого-педагогические основы использования дидактических игр на удмуртском языке в формировании коммуникативных и когнитивных процессов младшего школьника. Вопросы комплексного развития речи и мыслительной деятельности ребенка через дидактические языковые игры в семейной педагогике изучаются впервые.

Вышеназванные проблемы определили задачи исследования речевого развития детей в условиях русско-удмуртского двуязычия. Нас интересовало изучение языка не ради языка, а с точки зрения формирования особого, эмоционально-позитивного отношения к родному языку, интереса и потребности в изучении его особенностей.

Среди педагогических технологий развития родной речи младших школьников мы выделили игровую деятельность, соответствующую возрастным особенностям детей. Дидактические языковые и речевые игры на этнокультурном материале оказались эффективными в формировании словаря и речевых умений в семейном воспитании.

В процессе инновационной работы на базе школ с этнокультурным компонентом образования разрабатывались творческие домашние задания для родителей с детьми по следующим темам:

«Удмуртский край», «У каждого дома свой характер», «Бабушкин сундук», «Какое время года лучше?», «Кто живет в наших лесах?», «Что растет на полях?», «Родники Удмуртии», «Есть ли жизнь на болоте?», «Загадай загадку», «Пословица – *визькыл,* поговорка – *лэчыткыл»,* «О чем рассказывает удмуртская песня?», «Мифы и легенды удмуртского народа». Учитывая особенности этнической психологии удмуртов, в воспитании ребенка необходимо следовать его возрастным особенностям и закономерностям развития окружающей природы. Это диктуется стремлением удмуртов жить в гармонии с природой, обществом, самим собой. Чувство единения с природой отражается в удмуртском фольклоре, народных наблюдениях, художественных текстах, которые стали основой дидактических игр и грамматических упражнений в семейном воспитании [см.: Суворова 2022].

Общеизвестно, что содержание речевого развития младшего школьника включает в себя две взаимосвязанные области: обучение родному языку (воспитание звуковой культуры, обогащение и активизация словаря, формирование грамматического строя речи, развитие связной речи) и применение языка в разных видах деятельности, в том числе, и в общении.

В соответствии с данными задачами принята классификация дидактических игр: фонетические, грамматические, лексические, речевые игры, отражающие работу над звуком, буквой, словом, предложением и текстом. Они обогащают и активизируют словарь ребенка, знакомят с разнообразными речевыми средствами, синтаксическими конструкциями. Среди серии игр, разработанных нами в ходе инновационной работы, есть игры с буквами, словами, синонимами и антонимами, обобщающими понятиями, образными выражениями, с прилагательными и глаголами, игры, способствующие закреплению грамматических форм, формирующие разные типы устной речи и др.

Следует выделить одну из рекомендаций родительской педагогики, которая, возможно, является главной в игровой деятельности: ребенка нельзя заставлять, его необходимо подвести к игре, настроить на соревнование, конкурс, новизну и результат.

Воспитание в семейных условиях должно способствовать формированию чувства успешности ребенка. Это будет базой для его дальнейшего развития в процессе школьного обучения.

Игра № 1. «*Букваез воштӥм – выль кыл пӧрмытӥм*»
(«Букву поменяли – слово получили»)

Цель игры: фонемное различение слов, изменение смысла слов в результате замены звуков (букв), анализ слогового состава.

После объяснения данного способа словообразования взрослые и дети соревнуются в создании новых слов. Наблюдают, какой звук (буква) изменился, что в итоге получилось: *шур – шыр* (река – мышь), *дыр – дор* (время – край), *песянай – песятай* (бабушка – дедушка), *бугор – мугор* (клубок – тело) и т. д.

Игра № 2. «*Кин тросгес верапоз?*»
(«Кто больше назовет?»)

Цель игры: обогащение словаря тематической группой слов, развитие речи.

Родители предлагают детям вспомнить и назвать «зимние» («весенние», «летние», «осенние») слова и составить интересные предложения.

Тол (зима), *лымы* (снег), *небыт* (мягкий, пушистый), *кезьыт* (холодно), *Толбабай* (Дед Мороз*), лымыпог* (снеговик), *пислэг* (синица), *куас* (лыжи), *нискыланы* (кататься*), толсур* (декабрь), *толшор* (январь), *тулыспал* (февраль).

Толалтэ кезьыт, шушыосты но пислэгъёсты сюдыны кулэ (Зимой холодно, снегирей и синиц надо подкармливать). *Ми эшъёсыным лымыпог лэсьтыны яратӥськом* (Мы с друзьями любим лепить снеговика)* и др.

Такая же работа проводится по темам «Весна», «Лето», «Осень». Детей подводят к выводу, что четыре времени года всегда наступают друг за другом и имеют свои особенности.

* Здесь и далее подстрочный перевод на русский язык автора статьи – З. С.

Игра № 3. «*Кыче кыл мултэс луэ?*»
(«Какое слово лишнее?»)

Цель игры: учить выделять существенный признак, обобщать и находить лишнее слово.

Писпу (дерево), *куак* (кустарник), *турын* (трава); *уӵы* (соловей), ***курка*** *(индюк), тюрагай* (жаворонок); *дэрем* (платье), *кышет* (платок), *айшет* (фартук***), ката*** (ботинки)*;* смартфон, ноутбук, **интернет**, компьютер, планшет.

Подобные игры учат детей видеть в предметах не только внешние, но и внутренние функциональные свойства. Как отмечают психологи, это помогает обобщать на более высоком уровне и развивать элементы абстрактного мышления ребенка.

Игра № 4. *«Кин, мар со вылэм?»*
(«Кем (чем) он раньше был?»)

Цель игры: обогащение словаря существительными, развитие воображения и мышления.

Взрослые называют предмет, животное, птицу, растение, а ребенок отвечает на вопрос, кем или чем был раньше названный объект.

Курег – чипы; нянь – пызь; вал – чуньы; пужым – тысь; бака – пачанушы; бубыли – нумыр; вӧй – йӧл.

Интеллектуальная разминка. *Кытысь но кызьы кылдэ ошмес? Шур? Тымет?* (Откуда и как появляется родник? Река? Пруд?)

Игра № 5. («*Мар лэсьто етӥнлэсь?*»
(«Что делают из льна?»)

Цель игры: обогащение словаря существительными, развитие связной речи, расширение кругозора.

Родители задают вопросы по теме игры, дети отвечают одним словом или предложением.

Етӥнлэсь лэсьто сӥньыс, вӧй, пызь, эмьюм но мукет (Из льна делают нитки, масло, муку, лекарство и т. д.).

Горд сюйлэсь лэсьто гур, горшок, тэркы, шулан но мукет (Из красной глины делают печи, горшки, тарелки, свистульки и т. д.).

Чабейлэсь лэсьто кеньыр, пызь, нянь, куро но мукет (Из пшеницы делают крупу, муку, хлеб, солому и т. д.).

Интеллектуальная разминка. *Кызьы дэрем бусыын будэм*? *К. Гердлэн берыктэм ужезъя* (Как рубашка в поле выросла? По К. Д. Ушинскому).

Игра № 6. «*Кылъёсты эскером, огъясь ним шедьтом*»

(«Слова изучаем, обобщающее слово находим»)

Цель игры: формирование умений использовать речевые приемы для определения содержания слов. Развитие связной речи.

Взрослые показывают пример определения предметов через общие (родовые) понятия. Дети пытаются составить подобные тексты, используя соответствующие термины и понятия.

Шыкыс – со тыриськон арбери. Сое пулэсь чеберъяса лэсьто. Азьло дыръя отын дйськут, дуно синпельёс, книгаос возё вал. (Сундук – это старинная утварь. Его делали из дерева, украшали разными узорами. В нем хранили одежду, ценные подарки, книги) и др.

Продолжая игру, к словам подбираются более конкретные (видовые) понятия: *ваёбыж – со лобась тылобурдо, кудйз ...* (ласточка – это летающая птица, которая ...), *ӵӧж – со гурт тылобурдо, кудйз ... (*утка – это домашняя птица, которая ...), *пингвин – со зарезь тылобурдо, кудйз ...* (пингвин – это морская птица, которая ...).

Интеллектуальная разминка. *Пингвин лобась яке лобасьтэм тылобурдо?* (Пингвин – летающая или не летающая птица?)

Игра № 7. «*Йырвизез сынан, йырсазез юнматон*»

(«Развиваем интеллект и память»)

Цель игры: развитие мышления, критичности и быстроты ума речи-описания и речи-рассуждения.

Участники конкурса заранее готовят интересные вопросы и задают их в процессе игры друг за другом. Выигрывает тот, кто больше вопросов подготовит и правильно ответит.

1. *Малы лудкечлэн быжыз вакчи, нош ӟичылэн кузь но пуштрес?* (Почему у зайца хвост короткий, а у лисы длинный и пушистый?)

2. *Дунне вылын кытын гондыръёс уло? Малы соослэн гонзы пӧртэм буёло?* (Где на Земле живут медведи? Почему у них мех разного цвета?)

3. *Кин улэ но мар будэ нюр интыосын?* (Кто живет и что растет на болоте?)

Подобные вопросы можно составлять с детьми по разным темам: «Деревья», «Кустарники», «Города», «Страны», «Мировой океан», «Космос» и т.д.

Как юным исследователям, детям предлагаются нестандартные вопросы, в которых есть противоречия и нет однозначных ответов. Необходимо проанализировать вопрос, возможно поставить опыт, найти информацию в интернете и постараться дать ответ, используя данные исследований.

Игра № 8. *«Мон – тодосчи, эскеро но валэкто!»*
(«Я – исследователь, изучу и объясню!»)

Цель игры: формирование умений логически последовательно, грамотно высказывать свои мысли и умо-заключения.

На семейном празднике можно устроить конкурс певцов, чтецов, сказителей. В процессе мероприятия стоит вспомнить малые жанры детского фольклора: дразнилки, считалки, скороговорки, чистоговорки и др. Полезно организовать беседу по названиям следующих жанров фольклора: *Даур**кыл*** (легенда), *выжы**кыл*** (сказка), *визь**кыл*** (пословица), *лэчыт**кыл*** (поговорка). Вспомнить примеры.

Та удмурт кылъёслэн марзы одйг кадь? Малы ваньмызлэн пумаз одйг кадь кыл сылэ? (Что общего в данных словах? Почему в конце всех понятий стоит одно и то же слово? Что оно обозначает?) *Кин кылдытэм та веранъёсты?* (Кто создавал эти

сказания?) К*ызьы соос асьме дорозь вуиллям?* (Как они дошли до наших дней?) *Маин соос асьмелы тунсыко луо?* (Чем они нам интересны?)

После обсуждения можно вспомнить и нарисовать иллюстрации к пословицам и поговоркам о труде и учении, дружбе и взаимопомощи. Будет интересно создать, загадать и отгадать загадки, рассказать сказки и легенды о жизни удмуртов в далекие времена.

В конце следует подвести итог о том, что все эти народные произведения можно назвать одним словом – фольклор. На удмуртский язык фольклор переводится «*калык тодос*», «*калык визьнод*» («народная мудрость») – это знания народа о человеке, труде, природе, Земле и Космосе.

Возможно, родителям данные вопросы покажутся трудными. Однако надо помнить, что интеллектуальная нагрузка должна быть рассчитана на зону ближайшего развития ребенка. Родитель побуждает и направляет его мысли к умозаключениям. Не страшно, если в ответах не будут использованы научные термины, важно, чтобы ребенок анализировал, обобщал, пытался сформулировать выводы.

Размышления, проговаривание про себя – это внутренняя речь ребенка. Психологи определяют еѐ как самостоятельный вид речевой деятельности, считают, что «... думание играет роль мысленного черновика, подготовки внешней речи во внутреннем плане...» [Зимняя 2001, с. 74]. По итогам любого занятия дети должны подумать, сделать выводы и оценить свою работу. Все это способствует развитию умений планировать и контролировать свою речь в уме в соответствии с ситуацией.

Итоговая диагностика по результатам экспериментальной работы показала, что количество детей, активно и осмысленно использующих слова и речевые средства в общении, увеличилось на 43%. Количество учащихся, творчески использующих словарь при конструировании предложений и небольших текстов, увеличилось на 31%. Таким образом, наша гипотеза доказана: дидактические игры в языковом воспитании способствуют комплексному развитию словаря, речи и мышления детей. В процессе игры

и общения дети усваивают новую информацию, узнают новые слова, научные понятия и термины, конструируют предложения и небольшие тексты, что способствует формированию основ мировоззрения и психических процессов.

В соответствии с теорией поэтапного формирования умственных действий Ю. П. Гальперина «усвоение языка особенно ясно показывает, как внешние формы речевого общения, будучи перенесенные во внутренний план, становятся формами речевого мышления, внутренней психической деятельностью» [Гальперин 1976, с. 101].

Этот тезис еще раз доказывает, насколько тесно взаимосвязано развитие речи и мышления ребенка. Усвоение языка как особой знаковой системы способствует формированию нервных связей в коре больших полушарий и развитию высших психических функций ребенка. Задача методистов, педагогов, родителей – использовать активные формы работы с детьми по обогащению их словаря и развитию речемыслительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Белобрыкина О. А. Речь и общение. Популярное пособие для родителей и педагогов. – Ярославль: Академия развития, 1998. – 240 с.

Вахрушева Л. В., Широбокова В. Г. Языковые и речевые игры в условиях билингвизма: Учебно-методическое пособие. – Ижевск: Изд-во ИПК и ПРО УР, 2010. – 108 с.

Владыкина Т. Г. Ингур: Удмурт фольклоръя лыдзет: Шор ёзо школаослы. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 352 с.

Гальперин П. Я. Введение в психологию. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 104 с.

Долганова Л. Н. Тюрага: Удмурт нылпи фольклор но шудонъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 132 с.

Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. – Москва-Воронеж: НПО «Модэк», 2001. – 432 с.

Кузебай Герд. Люкам сочинениос. Куать томен. – 6-тй том: Удмурт школаын лыдзон хрестоматия. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 232 с.

Львов М. Р. Речь младших школьников и пути ее развития. – М.: Просвещение, 1975. – 176 с.

Суворова З. В. Родительская педагогика в развитии речевой деятельности ребенка: науч.-метод. пособие. – Ижевск: Удмуртия, 2022. – 80 с.

Текущее состояние и динамика этноязыковой ситуации в сфере образования Удмуртской Республики. Информационно-аналитический сборник. Выпуск 5 / отв. ред. Н. И. Ураськина. – Ижевск: Шелест, 2020. – 130 с.

Ураськина Н. И., Пантелеева В. Г. Истоки билингвального образования и его роль в системе современного образовательного пространства Удмуртии // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия «Психология. Педагогика». – 2018. – № 2. – Т. 28. – С. 249 – 256.

Ушинский К. Д. Родное слово // Педагогические сочинения: в 6 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1988. – С. 108–121.

Эльконин Д. Б. Психология игры. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 360 с.

Этнокультурное образование: традиции и новые вызовы: сб. ст. / отв. ред. Н. И. Ураськина. – Ижевск: Шелест, 2022. – 316 с.

УДК 372.882(470.531)(045)

Н. А. Трубинова
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

N. A. Trubinova
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

ИНТЕРАКТИВНАЯ ИГРА «ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ МЕСТАМ КУДЫМКАРА» (ОНЛАЙН-КВЕСТ)

INTERACTIVE GAME «ON LITERARY PLACES OF KUDYMKAR» (ONLINE-QUEST)

Аннотация. Интерактивная игра – нетрадиционный подход к ознакомлению с произведениями национальных авторов, который способен повысить интерес к их прочтению на родном языке или в переводном варианте. Также использование интерактивной доски дает возможность открыть новые страницы из жизни писателей, обозначить новые этнокультурные места на карте города Кудымкара.

Abstract. The created interactive game is an unusual approach to national authors, which will increase interest in reading in their native language or in their translated versions, new pages from the authors' lives will open, new ethno–cultural places will be marked on the map of the city of Kudymkar.

Ключевые слова: коми-пермяцкая литература, коми-пермяцкие писатели, Кудымкар, интерактивная игра.

Keywords: komi-permian literature, komi-permian writers, Kudymkar, interactive game.

«Коми-пермяцкая литература существует менее ста лет. Поэтому каждое имя в литературе – огромная ценность. И улицы Кудымкара, как страницы старых книг, хранят память и могут поведать об именах в истории национальной литературы…» [см.: Кудымкар. Путеводитель 2009]. Возможность «пройтись» по кудымкарским улицам и «пролистать страницы старых книг» имеют студенты, обучающиеся на национальном отделении (коми-пермяцко-русское отделение) Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Им предлагается посетить места, где жили и творили писатели коми-пермяцкой земли. Но это необычная экскурсия. Маршрут создан с помощью sites.google.com, которым могут воспользоваться все желающие [см.: Трубинова 2022].

Созданный продукт являет собой карту с интересующими студентов объектами; каждый пункт сопровождается описанием, координатами, вопросами. Маршрут продуман так, что участники онлайн-квеста проделывают литературный круг по г. Кудымкару. Разработанный дистанционный маршрут связывает все литературные места города. Каждая точка нацелена на то, чтобы раскрыть жизнь и творчество конкретного коми-пермяцкого писателя; по мере возможности и необходимости используются доступные фотографии и страницы из их произведений.

Квест «По литературным местам Кудымкара» разработан на языке коми-пермяцкого народа, именно на том языке, на котором создавались художественные тексты наших авторов.

Квест предлагается начать в Парке имени И. Я. Кривощёкова, т. к. это место является важным культурным объектом города.

Приведем пример объяснения задания, связанного с начальной точкой квеста – Парком им. И. Я. Кривощекова:

«Сідз, öні мийö тіянкöт И.Я. Кривощёков нима паркын, кöда лоö вöр-валöн памятникöн да видзö ыджыт историко-культурнöй дон. Сідз кыдз паркыс йитöм культураöн, а культура да литература коласын топыт йитöттэз, именно эта местасянь пондöтчас миян квест «Карлöн литература местаэзöт».

Тiян задача – подсказка сьӧрті тӧдны, кин или мый йылiсь мунӧ сёрниыс. Кыдз только тiйӧ сетат очакыв, тiянлӧ петас подсказка, кытӧн эта керкуыс.

Чожжык испытаннёэз дынӧ! Кӧсъя тiянлӧ мыччавны тӧдӧммез коми-пермяцкӧй литература сьӧрті, а сiдзжӧ босьтны виль тӧдӧммез!» [Трубинова 2022].

Учащимся необходимо пройти по обозначенным на карте пунктам. Прежде чем увидеть дом, где творил мастер коми-пермяцкой литературы, участнику предстоит определить, о ком или о чем идет речь. Как только озвучивается имя писателя, появляются координаты этого места.

Приведем пример задания, в котором обозначены координаты дома, где жил В. Я. Баталов:

«1926 воӧ Юсьвинскӧй районiсь Шаламова деревняын шогмис зоночка. Велӧтчис Верх-иньвенскӧй, Кудымкарскӧй да Юсьвинскӧй школаэзын. 1943 воӧ павкис фронт вылӧ, армиясянь бертiс 1950 воӧ. 1954–1960 воэзӧ велӧтчис Горький нима литературнӧй институтын, кытӧн тӧдсасис К.И.

Чуковскийкӧт. Сы кипод увтiсь петiсӧ повесттез «Егорша», «Мичашорын», «Пыд вӧрын», «Шапка-пожум», а медшӧр произведеннёон лоис роман-дилогия «Югдiкӧ» (Мӧд торыс шусьӧ «Тулысся петассэз»). Кин йылiсь мунӧ сёрниыс?» [Трубинова 2022].

После задания учащиеся могут познакомиться с интересными фактами о писателе:

«Эта керкуын оліс **Валериан Яковлевич Баталов (1926–1998)**, памятнӧй доска осьтӧм июнь 10 лунӧ 2016 воӧ.

Тӧдчанаён лоӧ сiя, что сылӧн произведеннёэз вӧлiсӧ вуджӧтӧмась роч, коми-зырянскӧй да венгерскӧй кыввез вылӧ. Нельки романiсь «Югдiкӧ» торья глава вӧлi лэдзӧм Венгрияын. Исследователлез, уджалiкӧ эта роман вылын, адззисӧ быдкодь йитӧттэз. Например, Тимаӧс, медшӧр геройӧс, сравнивайтiсӧ Кудым-Ошкӧт да Пера-богатырькӧт. Сiдзжӧ, Тима мыйӧнкӧ вачкисьӧ Робинзон Крузо вылӧ, кӧр олӧ ӧтнас вӧрын и мӧднёжа пондӧ видзӧтны олан вылӧ» [Трубинова 2022].

Маршрут включает в себя девять литературных мест города Кудымкара:

1. Первая литературная точка – дом, где жил коми-пермяцкий писатель Валериан Яковлевич Баталов;

2. Вторая литературная точка – Коми-Пермяцкая детская библиотека имени А. Н. Зубова (в 1993 году библиотеке присвоено имя основоположника коми-пермяцкой литературы Андрея Никифоровича Зубова);

3. Третья литературная точка – ул. Лихачева (с 1961 года одна из улиц Кудымкара названа в честь основоположника коми-пермяцкой литературы Михаила Павловича Лихачева), также здесь упоминается Коми-Пермяцкая центральная национальная библиотека им. М. П. Лихачева;

4. Четвертая литературная точка – Коми-Пермяцкий национальный ордена «Знак Почета» драматический театр им. М. Горького, где трудились драматурги Спиридон Афанасьевич Можаев и Мария Федоровна Сторожева, писатель-фронтовик Анатолий Денисович Баяндин;

5. Пятая литературная точка – дом, где жил коми-пермяцкий поэт и прозаик Иван Алексеевич Минин;

6. Шестая литературная точка – дом, где жил коми-пермяцкий поэт-фронтовик Степан Иванович Караваев;

7. Седьмая литературная точка – дом, где жил коми-пермяцкий поэт Михаил Дмитриевич Вавилин;

8. Восьмая литературная точка – дом, где жил коми-пермяцкий поэт, редактор Николай Васильевич Попов;

9. Девятая литературная точка – дом, где жил коми-пермяцкий поэт и прозаик Тимофей Павлович Фадеев.

Предложенные пункты образуют в целом литературный круг города.

Разработанный онлайн-квест также будет полезен учителям, воспитателям Коми-Пермяцкого округа, он может использоваться на школьных уроках коми-пермяцкой литературы, на факультативах «Литература родной Пармы», «Литературное краеведение». Он будет весьма интересным любому желающему или решившему

познакомиться с интересными литературными местами Кудымкара. Все это можно сделать в очном режиме, ссылаясь на координаты, указанные на сайте.

ИСТОЧНИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ СОЗДАНИИ САЙТА

Баталов В. Я. Избранное. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2016. – 400 с.

Вавилин М. Д. Избранное. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2016. – 200 с.

Зубов А. Н. Научно-методическое пособие по изучению литературно-художественного наследия писателя (серия «Писатели Коми-Пермяцкого округа»). Вып. 3. – Кудымкар, 2010. – 63 с.

Караваев С. И. Избранное. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2014. – 300 с.

Кудымкар. Путеводитель. – Санкт-Петербург: ООО «Маматов», 2009. – 96 с. – URL: http://www.mamatov.ru/doc/kudymkar.pdf

Лихачёв М. П. Избранное. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2015. – 352 с.

Минин И. А. Избранное. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2014. – 400 с.

Попов Н. В. Избранное. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», 2014. – 256 с.

Попов Н. В. Научно-методическое пособие по изучению литературно-художественного наследия писателя (серия «Писатели Коми-Пермяцкого округа»). Вып. 5. – Кудымкар, 2012. – 64 с.

Фадев Т. П. Избранное. – Кудымкар: ПРОО «Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югӧр», 2017. – 400 с.

Созданный информационно-образовательный маршрут:

Трубинова Н.А. По литературным местам Кудымкара. 2022. – URL: https://sites.google.com/view/kudymkar-kvest-pspu/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D1%80%D0% B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0

УДК 821.511.131-053.2(091)(045)

Л. П. Федорова
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

L. P. Fedorova
Udmurt State University, Izhevsk

КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПЕДАГОГА-ПРОСВЕТИТЕЛЯ АНТОНА ЛАРИОНОВА В ИСТОРИИ УДМУРТСКОЙ ШКОЛЫ

EDUCATIONAL BOOKS OF THE TEACHER ANTON LARIONOV IN THE HISTORY OF THE UDMURT SCHOOL

Аннотация. В статье впервые с позиции литературного образования детей рассматривается педагогическое наследие А. З. Ларионова, изучаются составленные им книги для чтения для удмуртских школ первой ступени. Определено, что в учебниках значимое место занимают собственные ларионовские познавательные тексты научно-популярного содержания. Обозначен вклад А. Ларионова в развитие жанров удмуртской детской литературы, описана роль в популяризации детского чтения.

Annotation. The article for the first time considers the pedagogical heritage of A. Z. Larionov from the standpoint of the literary education of children, the books compiled by him for reading for the Udmurt schools of the first stage are being studied. It is determined that Larionov's own cognitive texts of popular science content occupy a significant place in textbooks. The contribution of A. Larionov to the development of the genres of Udmurt children's literature is indicated, the role in the popularization of children's reading is described.

Ключевые слова: удмуртская литература, детская книга, жанры, детское чтение, Антон Ларионов.

Keywords: Udmurt literature, children's book, genres, Larionov.

История учебной книги для младших школьников по удмуртскому языку и литературе представляет интерес с точки зрения развития педагогических концепций в национальном образовании, а также становления детской литературы. В центре нашего исследования книги для чтения Антона Ларионова (1882–1958) – удмуртского просветителя, выпускника Казанской инородческой учительской семинарии. Педагогическую деятельность он начал в 1902 году в должности учителя Титовской школы родного края. Всю свою жизнь он посвятил делу просвещения: работал в Шарканской, Ляльшурской земских школах, Шарканской ШКМ, был инспектором училищ в Сарапуле, работал в Якшур-Бодьинском двухклассном училище, преподавал в Коммунистическом вузе, на курсах заводского партактива и советского строительства, в Ижевском медицинском училище. Награжден тремя Орденами Ленина, Заслуженный учитель РСФСР.

Его бывшие ученики вспоминают о нем добрыми словами. Григорий Князев недолго учился у Антона Захаровича, но хорошо его помнит: «Он был прекрасным учителем, требовательным, знающим, заботливым. Он и учительствовал, и крестьянствовал одновременно. В годы Столыпинской реформы Антон Захарович решил попробовать свои силы и выделился в хутор для работы в крестьянстве» [цит. по: Караваева 1995]. Благодаря его стараниям деревня Титово отличалась от всех окружающих ее селений своим зеленым нарядом, а ее жители – трезвостью и отрицательным отношением к табаку. Из воспоминаний его бывшего ученика Н. Ф. Маркова: «Антон Захарович любил физический труд. Владел столярным ремеслом. Сам для себя делал хорошую мебель: шкафы, столы, стулья, тумбочки, табуретки…» [цит. по: Караваева 1995]. Он был большим общественником, борцом за культуру в быту, борцом против эксплуатации и обмана крестьян. Еще летом

1911 года в деревне Титово организовал первое в Шарканской волости общество потребителей.

Воспоминание дочери А. З. Ларионова, Екатерины Антоновны Корепановой: «Он был очень требовательный, ни минуты не сидел без дела, всегда находил работу для себя и для нас, своих детей и внуков, приучал к труду с малых лет. Он имел свой ручной переплетный станок и все журналы и газеты, которые выписывал, сам переплетал. Был очень образованным человеком, занимался самообразованием: самостоятельно изучил немецкий и татарский языки, на которых мог говорить. Имел богатую библиотеку, в которой, в том числе, имелись такие книги, как дореволюционная большая энциклопедия, Большая советская энциклопедия, Малая советская энциклопедия, словарь В. Даля, другие словари. Выписывал дореволюционный журнал «Нива», книги по самообразованию и художественную литературу: произведения Л. Н. Толстого, которого он очень любил и ценил, сочинения Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Никитина, Кольцова, Аксакова, Гоголя, Чехова, Тургенева, Достоевского, Гейне, Шекспира, Некрасова, Щедрина. Жил скромно: большую часть заработка вкладывал в книги. Всякую роскошь считал мещанством, в том же духе и нас воспитывал» [Караваева 1995].

Опытный педагог в годы становления советской системы образования в 1920–30-е годы подготовил и издал одиннадцать учебных книг для удмуртских школ, среди них буквари для детей: «Муш» («Пчела», 1924), «Пичиос» («Малыши», 1926), «Колхоз бусы» («Колхозное поле», 1930), «Пинал ударник» («Молодой ударник», 1931); буквари для взрослых «Выль улон» («Новая жизнь», 1925), «Вуоно улон – огъя улон» («Будущая жизнь – коллективная жизнь», 1924); серию книг по чтению для школ 1 ступени «Ужаса дышетскон мылкыд» («Желание учиться, трудясь») [Ларионов 1927, 1928a, 1928b] и другие.

С точки зрения развития удмуртской детской книги и формирования культуры чтения интерес представляют, прежде всего, учебники по чтению для первого, второго, третьего года обучения под названием «Ужаса дышетскон мылкыд», разработанные

по требованиям комплексных программ единой трудовой школы, в которых учебный материал располагался комплексно по трем блокам: 1) природа и человек, 2) общество, 3) труд. Как известно, комплексные программы ГУСа (государственного ученого совета) исключали предметное преподавание. Поэтому книги для чтения содержат материалы по обучению чтению, рассказыванию, также задания по счету, письму, рисованию. Исследователи отмечают триединую сущность учебной книги: она одновременно является носителем содержания образования, источником научно-предметных знаний, позволяющим осуществлять воспитание на основе содержания образования; средством обучения и воспитания, так как содержит программу познавательной деятельности и приобретения субъективного опыта; способом общения субъектов в образовательной среде, помогающим выстраивать ценностно-смысловую коммуникацию.

Перед Антоном Ларионовым стояла сложнейшая задача реализации в своих учебниках всех названных требований формирующейся советской школы при дефиците художественных, научно-познавательных произведений на удмуртском языке для детского чтения, при отказе от педагогического наследия и учебно-методических основ дореволюционного образования. В сложившейся ситуации большую часть разножанровых учебных текстов, по нашим подсчетам примерно две трети, вынужден был написать сам автор учебников. Многие тексты, взятые из газеты «Гудыри» или из других русскоязычных книг («Новая деревня», «Деревня и город», «Наша», «Новь» и др.), адаптировал для младших школьников. Структурообразующим принципом учебников «Ужаса дышетскон мылкыд» для первого, второго, третьего года обучения являются календарно-тематический и краеведческий принципы, также уместно сочетаются природный календарь и календарь праздников. Акцент сделан на временах года и сезонных занятиях крестьян, знакомых сельским школьникам с детства.

Для иллюстрации прокомментируем один из разделов учебника второго года обучения. Книга для чтения открывается темой «Лето»: стихотворными строчками о деревеньке на берегу

речки, рассказами о купании детей и о соседе по речке – гусе-хвастуне, т. е. начинается с картин, знакомых и прожитых детьми совсем недавно. Одна летняя картина сменяется другой. Автору удалось передать запахи, краски природы, воссоздать настроение и впечатление о трудовых буднях детей в их памяти. В первый раздел автор включил разножанровые произведения о флоре и фауне родного края, которые естественно связаны с жизнью крестьян, сельскохозяйственными летними работами в поле. В образах птиц, животных, насекомых, отражая характерные для них повадки, писатель передает узнаваемые черты поведения детей. Привлекательны, познавательны и живописны небольшие, богатые игрой звуков, описательные тексты о слепне и стрекозе, стихи о раке: «Рак тямыс пыдо / туж бадзым быжо. / Ветлэ пыдыныз, / пегзе быжыныз» [Ларионов 1927, с. 6]. («Рак восьминогий, с огромным хвостом. Ходит ножками, убегает хвостом»[*]). Или о созревании хлебов: «Мынам нянелэн / зарни куроез, / чебер юэлэн / азвесь йыръёсыз» [Ларионов 1927, с.13]. («У моего снопа, / золотая солома, / у моего красивого зерна / серебряная голова»). Особая ценность его рассказов о природе, животных состоит в том, что мир, окружающий детей, показан как цельный и разнообразный; и объединяет все эти природные объекты труд человека, который преобразует его. Главная ценность для крестьянина – хлеб и родные края.

Летние картины, созданные в разных жанрах, сменяются текстами о школьной жизни детей: о выборе старосты класса, об обязанностях дежурного. Смена тематики текстов передана и в их стилистике: в лексике и структуре предложений преобладают элементы делового стиля.

Основное место в книгах для чтения «Ужаса дышетскон мылкыд» занимают небольшие познавательные тексты, в которых наиболее ярко проявился талант Антона Ларионова как популяризатора научных знаний. Жанр удмуртской научно-познавательной

[*] Здесь и далее подстрочные переводы на русский язык автора статьи – Л. Ф.

литературы в начале XX столетия находился на этапе зарождения, можно назвать отдельные произведения, точнее, тексты в учебных книгах педагогов-просветителей Г. Верещагина (1851–1930), И. Михеева (1876–1937), И. Яковлева (1881–1931), статьи в первых удмуртских газетах «Виль син» («Новое око») и «Гудыри» («Гром»). Познавательные тексты А. Ларионова о явлениях природы («Воздух», «Ма со тӧл» / «Ветер», «Горизонт»), технологических оборудованиях («Вуко» / «Мельница», «Парен бергась машинаос» / «Паровые машины», «Ю-нянь ужан машинаос» / «Техника для переработки зерна»), животноводстве и земледелии написаны простым живым языком, иногда в вопросно-ответной форме, посредством описания опытов, механизма действия машин. К текстам имеются иллюстрации. Природоведческие познавательные рассказы А. Ларионова о птицах, насекомых, зверях, деревьях, зерновых культурах, явлениях природы отличаются доступностью и увлекательностью, лаконичностью, образностью, динамичностью сюжета и звукописью. Информационная и эмоциональная насыщенность, занимательные формы, своеобразное сочетание дидактических и художественных компонентов характерны для познавательных текстов о новой технологии земледелия и животноводства, о промыслах, календарных семейных занятиях взрослых и детей, о самоорганизации школьной жизни. Педагог, зная ведущий вид деятельности младших школьников, написал занимательные тексты об играх детей в разные времена года. Одним из важнейших элементов воспитания в духе народности удмуртский педагог считал знакомство с родиной. Этой цели служили материалы по географии и истории края: от своей околицы до столицы; далее география расширяется: от Китая и до Дании. Об этом говорят разделы книги третьего года обучения «Гуртлэн улон сямыз» («Традиции жизни деревни»), «Гуртмылэн ёросъёсыз» («Окрестности деревни»), «Городын улон сярысь» («О жизни в городе») и др. Пространство, центром которого является ученик, расширяется до границ села, далее реки, которая своим течением должна уже вывести ребенка из ближайшей окрестности в просторы большой родины и за ее пределы. Одним из оригинальных

произведений в данном тематическом разделе можно назвать поэтические строчки «Зуриысь мон луисько… (Зуриысь удмуртлэн кырӟанэз)», обозначенные как песня зуринского удмурта: «Зуриысь мон луисько…/ луисько. / Ита вылын улйсько…/ улйсько. Ита кузя васькисько…/ васькисько. / Чупчи шуре вуисько…/ вуисько <…>» [Ларионов 1928b, с. 103]. («Я есть из Зуры. / Живу, живу на реке Ита. / Сплавляюсь, сплавляюсь по реке Ита. / Доплываю, доплываю до реки Чепцы < …>»). Незатейливые строки героя песни рассказывают о его передвижении по течению Иты, от реки удмуртского зуринского края до моря, и его обратном возвращении. Стихотворение построено на повторах глаголов, создающих ритмику песни. Движение героя по рекам расширяет границы его восприятия мира, но дороже всего малая родина – Зура: «Моралэсь мон кышкасько… / кышкасько. / Гуртэ берто шуисько…/ шуисько» («Моря я боюсь…/ боюсь. / В Зуру я вернусь…/ вернусь»).

Жанровый и тематический диапазон произведений в учебных книгах Антона Ларионова разнообразен. Автор создал и включил короткие рассказы, зарисовки, пьесы, загадки, собственные сказки, песни, стихи о временах года, сезонных работах на селе, детских забавах, технике и орудиях труда, животноводстве и земледелии, о переустройстве социальной жизни в деревне и школе, гигиене, о новых советских праздниках и вождях и др. Фольклорные жанры представлены в очень ограниченном количестве, включены загадки, песни, сказки, в основном авторские – по сюжетам народных сказок, к примеру «Гондырен адями» [Ларионов 1928b, с. 43].

Поэтические произведения для учебных книг Антон Ларионов, наряду с собственными, взял также у своих собратьев-современников по перу, среди них стихотворения И. Векшина, А. Бутолина, Ашальчи Оки, И. Дядюкова, Багай Аркаша, Кузебая Герда и др. Собственных поэтических текстов около двадцати пяти. Публицистические тексты отобраны из газеты «Гудыри» и русскоязычных детских краеведческих и научно-популярных книг тех лет («Деревня и город», «Новая деревня», «Новый путь», «Новь» и др.) в переводе на удмуртский язык. В оглавлении учебников

переводчики указаны в том случае, когда писатели подготовили учебный материал для публикации по просьбе автора А. Ларионова.

Принцип повествования в собственных учебных текстах А. Ларионова отвечает эстетике реализма, описания правдивые, язык точен, ясен, повествование чаще ведется от обезличенного повествователя, взрослого идеального наставника, направленное на воспитание столь же идеального ученика. Правдоподобность усиливается еще за счет текстов, рассказанных героями-рассказчиками от первого лица, обозначенными в подзаглавии текста: «Пукись вуэз эн юы»: дышетскись пилэн мадемез» (Не пей стоячую воду: рассказ ученика), «Кык школаослэн огкадь ужамтэзы»: дышетскись пиналъёслэн гожтэтсы» (Работа школ в неравную силу: письмо школьников), «Пичи пиналъёсыз утён ясли: одйг кресьян кышномуртлэн мадемез» (Ясли для малышей: рассказ одной крестьянки), также рассказ от кооператора и т. д.

Природоведческая тематика и тема созидающего труда является ведущей в учебных книгах А. Ларионова. В центре внимания автора формирование детских коллективов, преобразование общества по канонам социалистического мироустройства, практическая деятельность детей, которые своим трудом могут изменить окружающий их мир.

Таким образом, заслуга А. З. Ларионова заключается, прежде всего, в развитии познавательной литературы для детей о природе, науке, технике, обществе, в обогащении детского чтения на удмуртском языке переводной литературой, в развитии реалистического направления удмуртской детской литературы. Велика его роль в утверждении языковых норм литературно-педагогических книг, внедрении принципов единой трудовой школы и комплексного метода обучения.

К большому сожалению, удмуртские дети недолго обучались по учебным книгам педагога-просветителя А. З. Ларионова. Начались гонения на удмуртскую интеллигенцию, начались репрессии. В мае 1932 года были арестованы Михаил Тимашев, Кузебай Герд, Иван Векшин и др., сфабриковано дело СОФИН. В этой сложной и страшной ситуации каждый человек выбирал свою модель

поведения и действия. В ЦГА УР хранится машинописный текст открытого письма А. Ларионова в редакцию газеты «Ижевская правда», подписанного 11 июня 1932 г. И являющегося ответом на его обвинение в постановлении Областной национальной комиссии, которое было опубликовано в «Ижевской Правде» (№ 124 от 5-го июня). Автор учебно-методических пособий считает необходимым дать следующее объяснение, отвечая на отдельные пункты этого постановления: «Отнесение меня к буржуазным идеологам считаю совершенно справедливым особенно по тем учебникам для удм. школ 1 ст., которые мною были выпущены за период времени 1924–28 годов. Эти учебники мною составлены индивидуально. Поэтому в них особенно сильно отразилось мое чуждое делу социалистического строительства мелкобуржуазное произведение. <…> Поэтому, с год тому назад состоявшееся постановление ОБОНО об изъятии их считаю совершенно необходимой мерой борьбы за Марксистско-ленинскую выдержанность учебников для удмуртских школ. Осознав полностью свою ошибку, свою вину как составитель чуждых для пролетарской идеологии учебников, я, начиная с 1928 года, уже работал по составлению учебников не один, а в составе авторского коллектива. <…> Почему это так получилось? Думаю потому, что мне, как выходцу из кулацко-зажиточной крестьянской семьи, получившему образование в старой, дореволюционной школе, воспитавшемуся на чтении сочинений писателей народнического направления, всю свою жизнь проучительствовавшему в деревне, не порвавшему связь со своим родством, вдали от рабоче-пролетарского влияния – с трудом внедрялось подлинное представление о сущности классовой борьбы. Во мне происходила борьба, перелом, переделка себя, но процесс этот, как я теперь только осознал, шел медленно, с отступлениями, с оглядкой назад. Отсюда и бледность, аполитичность, идеологическая невыдержанность и политическое худосочие содержания моих учебников, выпущенных после 1928 года» [Ларионов 1932].

Опытный педагог, с 35-летним стажем, был вынужден покаяться, признать несуществующие погрешности своих оригинальных

учебников. Может быть, это открытое письмо спасло жизнь автора; до сих пор не известна его история, было ли письмо опубликовано или осталось в машинописи. Антон Ларионов умер в 1958 году, прожив до семидесяти лет. Он продолжал учительствовать после этих страшных событий, а его учебники были изъяты из школьного образования. К сожалению, А. Ларионов до сегодняшнего дня остается в тени своих коллег, его учебники не получили должной оценки ни в педагогическом, ни литературоведческом плане.

ЛИТЕРАТУРА

Караваева З. В. Знатные сыны и дочери земли Шарканской: к 75-летию Удмуртской Республики // Вестник: газета Шарканского района. – 1995. – 23 июля.

Ларионов А. З. Ужаса дышетскон мылкыд: для второго года обучения в вот. шк. I-й ступени. – Ижевск: Удкнига, 1927. – 216 с.

Ларионов А. З. Ужаса дышетскон мылкыд: для первого года обучения в вот. шк. I-й ступени. – Ижевск: Удкнига, 1928a. – 136 с.

Ларионов А. З. Ужаса дышетскон мылкыд: для третьего года обучения в вот. шк. I-й ступени. – Ижевск: Удкнига, 1928b. – 463 с.

Ларионов А. В редакцию «Ижевской правды» от составителя удмуртских учебников А. З. Ларионова. Открытое письмо. Копия // ЦГА УР. Ф. Р-174. ОП. 1. Ед. хр.1028. Л. 55.

Павлова И. Ф. Просветительская деятельность А. З. Ларионова в подготовке удмуртских учебных книг // Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья: сб. ст. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. – С. 309–313.

УДК 811.511.131’38(045)

Л. М. Чернышева
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

L. M. Chernysheva
Udmurt State University, Izhevsk

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА)

FUNCTIONALITY OF THE JOURNALISTIC STYLE (BASED ON THE MATERIAL OF THE UDMURT LANGUAGE)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функциональных возможностей публицистического стиля в современном развитии удмуртского языка. Описываются особенности информационной, просветительской и воздействующей функций публицистики. Отдельное внимание уделяется изучению роли публицистического стиля в формировании литературного удмуртского языка.

Abstract. The article is devoted to identifying the functional capabilities of the journalistic style of the modern Udmurt language. The features of the informational and influencing functions of journalism are described; the role of the educational function is revealed. Special attention is paid to the study of the role of journalistic style in the formation of the literary Udmurt language.

Ключевые слова: функциональный стиль, средства массовой информации, информационная функция, литературный язык, массовая коммуникация.

Keywords: functional style, mass media, information function, literary language, mass communication.

В научной литературе традиционно выделяются научный, официально-деловой, публицистический, художественный и разговорный стили речи. Каждый из них обладает своим набором характерных признаков, спектром функциональных возможностей.

При исследовании стилей речи наибольший интерес вызывает публицистический стиль, поскольку он представлен разными формами: от газетно-журнальной публицистики до эссеистики и ораторики. Основной целью данной статьи является выявление функциональной нагрузки публицистического стиля в современном удмуртском языке.

В научной литературе при определении доминирующих функций газетно-журнального стиля принято выделять информационную и воздействующую. Их ранжирование разными учеными предлагается по-разному. В частности, М. Н. Кожина, С. И. Бикмуканова на первое место ставят информационную функцию, заключающуюся в предоставлении аудитории достоверной информации в кратчайшие сроки. В отличие от них, авторы издания «Русский язык и культура речи» отличительной функцией публицистического стиля называют воздействующую функцию, так как информационная, по мнению ученых, является характерным признаком научного и официально-делового стилей [см.: Солганик 2020, с. 59].

С нашей точки зрения, доминирование той или иной функции публицистического стиля может быть вызвано влиянием экстралингвистических факторов. В частности, в период сталинской эпохи в СМИ присутствовала строгая цензура. В связи с этим информационная функция уступила место воздействующей, которая служила цели построения нового мира, нового общества, поднимала дух народа. Данная идеология сменилась в эпоху перестройки. Как подчеркивает Д. Н. Муравьев, СМИ перестали быть «средством идеологического и пропагандистского воздействия, а [публицистика] стала выполнять свою основную функцию – информирование» [Муравьев 2010, с. 137].

Ряд исследователей объединяет вышеуказанные функции, предлагая называть воздействующе-информационной функцией.

Такой подход обусловлен самой природой СМИ: «информируя, выражать определенную общественную <…> позицию и убеждать читателей в ее истинности» [Кожина 2008, с. 344]. Указанная функция, по мнению М. Н. Кожиной, может вбирать целый ряд задач: просветительская, воспитательная, организаторская, анали-тико-критическая, гедонистическая (развлекательная) [Кожина 2008, с. 344].

Помимо двух вышеуказанных функций, ученые выделяют еще целый ряд возможностей публицистического стиля. В частности, М. Н. Кожина отдельно разграничивает агитационно-пропагандистскую функцию, направленную на побуждение общества к каким-либо действиям или, наоборот, бездействию, и призывающую к чему-либо посредством экспрессии. Некоторые исследователи считают также целесообразным отдельно выделять экспрессивную функцию публицистического стиля [см.: Кожина 2008, с. 342–343].

Ряд ученых также предлагает выделять популяризаторскую функцию публицистики, суть которой заключается в открытии новых вещей, идей в разных сферах общества [см.: Кожина 2008, с. 342–343].

Исследуя особенности развития удмуртской журналистики, А. А. Вахрушев отдельно разграничивает просветительскую функцию. Как пишет исследователь, в период своего становления на удмуртском языке она (журналистика) «не только расширяла умственный кругозор своих читателей и обогащала их разнообразными сведениями из различных наук и литератур, но и внушала им прогрессивные идеи, воспитывала в них гражданские чувства, формировала их патриотическое сознание» [Вахрушев 2011, с. 249].

Помимо указанной функции А. А. Вахрушев в своей работе предлагает выделять следующие функции национальных СМИ:

а) активное применение национального языка;

б) удовлетворение духовных запросов, доставка, распространение эстетических ценностей;

в) просвещение, распространение знаний, воспитание;

г) консолидация народа, обеспечение связи между диаспорами;

д) интеграция культуры народа в мировую культуру, создание условий для взаимосвязи с культурами других народов.

Помимо вышеуказанных функций, с точки зрения А. А. Вахрушева, важными являются следующие:

а) формирование национального самосознания путем распространения культурных, духовных ценностей, знания о прошлом и настоящем народа, о его выдающихся деятелях;

б) обеспечение информационной защиты от искажений исторических фактов, антинаучных выступлений, этнофобных нападок [Вахрушев 2017, с. 159].

Исследуя функциональную нагрузку публицистического стиля удмуртского языка, невозможно оставить в стороне роль СМИ в формировании удмуртского литературного языка. Как подчеркивают ученые, данная тенденция характерна для многих языков: «Особенно важен нормативный аспект для языка СМИ, который, обладая известным престижем, оказывает сильнейшее влияние на литературный язык, формируя языковые вкусы, литературные нормы. Как считают французские лингвисты, главным языковым наставником после гимназии является пресса» [Солганик 2008, с. 476].

Что касается удмуртской публицистики, она не только имела большое влияние на формирование литературного языка, но практически стала его основой. К тому времени, когда на удмуртском языке стали появляться учебники, книги, периодика и др., сформировавшейся формы литературного языка еще не существовало. Несмотря на то, что в 1925-26-е гг. велись дискуссии о создании двух вариантов литературного языка, именно сотрудники газеты «Гудыри» предложили закрепить его единую форму. Как отмечает Б. И. Каракулов, на основе языка газеты «Гудыри» печаталось много книг, в школах газету использовали не только для чтения, но и для грамматического и литературного обзора [Каракулов 2006, с. 90]. Иными словами, роль газеты «Гудыри»

является важной для определения всей стратегии развития удмуртского языка. В частности, именно она поставила точку над попыткой создания двойного литературного языка, как у родственных народов (например, коми, мари и мордовские). Несмотря на то, что с 1925 по 1926 год в Глазове выходила газета «Азьлань», которая предлагала создать два литературных языка, основанных на северном и южном диалектах, именно сотрудники «Гудыри» предложили единый удмуртский литературный язык. Так, согласно исследованиям Д. Корепанова, диалектные формы удмуртского языка не настолько отличаются друг от друга: «“Гудыри” но “Азьлань” газетъёсмылэн гожъяськон кылзы ог тус луэ. Удмурт кыллэн со тусэз» («Используемый в газетах «Гудыри» и «Азьлань» язык имеет единый облик. Это облик удмуртского языка»[*]) [Каракулов 2006, с. 94].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что СМИ могут оказывать сильное влияние на развитие литературного языка. Как подчеркивает Г. Я. Солганик, массовая коммуникация «служит мощным стимулом развития литературного языка, обогащает его состав, развивает его семантику, оказывает воздействие на формирование речи» [Солганик 2008, с. 15]. Это, в свою очередь, объясняет влияние публицистического стиля на другие стили речи: «современный публицистический стиль – самый влиятельный в системе стилей русского литературного языка. Именно в нем зарождаются основные тенденции современной речи. Он оказывает сильное воздействие на русский литературный язык в целом» [Солганик 2020, с. 72].

Таким образом, использование публицистического стиля удмуртского языка представлено не только информационной и воздействующей функциями, но и целым рядом дополнительных функций, которые обеспечивают: а) функционирование национального языка, б) формирование языковой культуры его носителей.

[*] Подстрочный перевод на русский язык автора статьи – Л. Ч.

ЛИТЕРАТУРА

Бикмуканова С. И. Публицистический стиль и его функционирование // Science Time. – 2014. – № 12. – С. 35–38.

Вахрушев А. А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков): монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 274 с.

Вахрушев А. А. Национальная журналистики как ресурс духовного развития народа // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – № 3. – С. 157–159.

Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. – 464 с.

Муравьев Д. Н. Пресса в процессах перестройки (1985–1991 гг.) // Наука и современность. – 2010. – № 1–1. – С. 134–138.

Русский язык и культура речи: учебник для среднего профессионального образования / Г. Я. Солганик, Т. И. Сурикова, Н. И. Клушина, И. В. Анненкова. – М.: Юрайт, 2020. – 239 с.

Солганик Г. Я. Место языка СМИ в литературном языке // Мир русского слова. – 2008. – № 2. – С. 9–18.

Солганик Г. Я. О языке и стиле газеты // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 471–477.

УДК 004:791.43-252.5(045)

Д. Н. Широбокова, Р. Р. Низамбиева
МБОУ Терсинская СОШ АМР РТ

D. N. Shirobokova, R. R. Nizambiyeva
The Republic of Tatarstan Agryz municipal district
MBEI Tersinskaya secondary school.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ СОЗДАНИИ ПЛАСТИЛИНОВОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ (ПО НАСТАВЛЕНИЯМ ПРОСВЕТИТЕЛЯ Р. ФАХРЕДДИНА)

USING OF THE INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE CREATION OF PLASTICINE ANIMATION (BASED OF EDUCATOR R. FAHREDDIN)

Аннотация. Описывается процесс работы над сказкой с использованием наставлений татарского просветителя Р. Фахреддина. Речь идет о создании мультфильма по авторскому сказочному сюжету с применением технологии пластилинографии, пластилиновой техники и программы видеомонтажа MovaviVideo.

Abstract. The article is about the work on a fairy tale on the topic of education using the instructions of the Tatar educator R. Fahreddin and a cartoon based on the author's fairy tale plot using plasticine technology; the authors introduce the process of creating a cartoon in the interaction of an adult with a child using plasticine technology and the MovaviVideo video editing program.

Ключевые слова: ученый-просветитель Р. Фахреддин, пластилиновая мультипликация, информационные технологии, видеомонтаж.

Keywords: moral education, educator R. Fahreddin, plasticine animation, information technology, video editing.

В авторском методическом пособии «Основы воспитания и обучения: пособие для учителей родного языка и литературы, работающих в русских и татарских школах» представлен опыт работы по использованию педагогического наследия Р. Фахреддина на уроках и внеурочных мероприятиях, нацеленных на воспитание нравственных качеств учащихся. В пособие включены выступления по нравственному воспитанию, учебные и внеурочные разработки. В качестве приложения предлагаются сказки (лайфхаки), которые могут быть использованы для нравственного воспитания на уроках родного языка. Чтобы в работе с детьми использовать нравоучения и наставления великого просветителя Р. Фахреддина, в пособие включены четыре авторские сказки для детей. В 2022 году совместно с учителем информатики Широбоковой Диной Николаевной и группой учащихся, проявляющих интерес к ИКТ-технологиям, нами была спроектирована деятельность по созданию мультфильма на родном языке на нравственную тему.

Цель: написание сказок на тему воспитания с использованием наставлений Р. Фахреддина и создание мультфильма на основе авторских сказочных сюжетов с применением технологии пластилинографии; познакомить детей с процессом создания мультфильма с использованием пластилиновой техники и программы видеомонтажа MovaviVideo.

Первое, с чего начинается работа, – это разработка сюжета мультфильма по авторской сказке Низамбиевой Р. Р., основанной на нравоучениях татарского просветителя Р. Фахреддина. Русскоязычные дети знакомы с сюжетом сказки по переводам.

Пластилиновая мультипликация (англ. *clay animation*) – вид мультипликации. Фильмы делаются путём покадровой съёмки пластилиновых объектов с модификацией (этих объектов) в промежутках между кадрами.

Алгоритм работы.

Шаг 1. *Выбор сценария.*

Шаг 2. *Изготовление героев мультфильма.*

Шаг 3. *Подготовка техники* (Телефон, штатив, т. е. любое оборудование, где можно создать неподвижность съемки).

Шаг 4. *Оформление сцены* (уложить детали на фон по сюжету).

Шаг 5. *Съемка (*фотографирование изменения объектов).

При съемке необходимо следить за руками, различными проводами, тенями от операторов, чтобы они не попадали в кадр.

Шаг 6. *Редактирование фотографий* (с помощью программ видеомонтажа).

Шаг 7. *Монтаж (*для монтажа выбрана программа Movavi-Video).

Шаг 8. *Озвучка.*

Шаг 9. *Окончательная обработка мультфильма.*

Шаг 10. *Демонстрация созданного мультипликационного фильма.*

Мероприятие дает возможность разгадать «секреты» создания сказочного мультфильма, основанного на нравоучениях великого татарского просветителя Р. Фахреддина «Гыйлем Әхлак» («Знание о нравственности»). Работая над созданием мультфильма, ребята освоили программу видеомонтажа MovaviVideo и приемы фоторедактирования с помощью ИКТ. Это способствует развитию детей в цифровой среде и воспитанию их нравственных качеств.

Раздел III. Просветительство в истории народов России. Современные СМИ в социокультурном пространстве

УДК 069(091)(470.57)(045)

Р. Р. Абдрахманов
Национальный литературный музей Республики Башкортостан, г. Уфа

R. R. Abdrakhmanov
National Literary Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa

МУЗЕЙ МУХАМЕТСАЛИМА УМЕТБАЕВА – ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ О ВЫДАЮЩЕМСЯ ПРОСВЕТИТЕЛЕ XIX ВЕКА

THE MUSEUM OF MUKHAMETSALIM UMETBAYEV – KEEPERS OF THE MEMORY OF THE OUTSTANDING ENLIGHTENER OF THE XIX CENTURY

Аннотация. В статье рассматривается деятельность музея Мухаметсалима Уметбаева по сохранению памяти просветителя. Музей находится в д. Ибрагимово Кармаскалинского района Республики Башкортостан, открыт в 1991 г. Описывается специфика экспозиционно-выставочной и культурно-просветительской деятельности музея, принципы комплектования музейного фонда.

Abstract. The article discusses the activities of the Museum of Mukhametsalim Umetbaev to preserve the memory of the educator. The museum is located in the village of Ibragimovo, Karmaskalinsky district of the Republic of Bashkortostan, opened in 1991. The specifics

of the exposition and exhibition and the history of the cultural and educational activities of the museum, and the principles of acquisition of the museum fund are considered.

Ключевые слова: башкирский, музей, Мухаметсалим Уметбаев, филиал Национального литературного музея Республики Башкортостан, посетитель музея.

Keywords: bashkir, museum, Mukhametsalim Umetbayev, branch of the National Literary Museum of the Republic of Bashkortostan, excursions, museum visitor.

Музей башкирского поэта-просветителя, переводчика, филолога, этнографа, общественного деятеля, публициста, первого исследователя-краеведа из башкир Мухаметсалима Ишмуха-метовича Уметбаева (1841–1907) находится в д. Ибрагимово Кармаскалинского района Республики Башкортостан.

Выдающийся сын башкирского народа родился 21 августа 1841 г. в д. Ибрагим Уфимского уезда Оренбургской губернии (ныне Кармаскалинский район Башкортостана). В 1852 г. Мухаметсалим Уметбаев поступил учиться в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, но после восьми лет пребывания в корпусе оставил учебу. В 1863 г. стал писарем мирового посредника Юмран-Табынской волости, с 1869 г. в течение почти 10 лет служил волостным старшиной. Затем около двух лет работал учителем русского языка в Стерлитамакском медресе. В это время составил персидско-татарско-русский словарь. В 1880 г. Уметбаев переехал в Уфу и начал работать переводчиком в Духовном собрании мусульман. С 1884 г. – он коллежский регистратор, с 1889 г. – коллежский секретарь, с 1892 г. – титулярный советник [см.: Джумма 2012].

В 1883 г. Уметбаев был избран членом Оренбургского отдела Русского географического общества. В течение двух лет (1887–1889) принимал активное участие в Крымской комиссии Министерства внутренних дел по спорным вакуфным вопросам (по вопросам имущества, завещанного на благотворительные цели).

Уметбаев вел большую общественную работу и в земстве. В 1886 г. работал в составе комиссии по подготовке и проведению празднования 300-летия со дня основания Уфы, по возвращении из Крыма избирался членом комиссии по празднованию 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

В 1880–1890 гг. М. Уметбаевым были написаны, составлены и переведены книги «Краткое мусульманское законоведение» (Уфа, 1890); «Памятки» («Ядкар») (Казань, 1897); «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина (Казань, 1901); «Краткая татарская грамматика» (Казань, 1901); «Оренбургское духовное собрание» (на рус. И тат. яз.; Уфа, 1903). Из неопубликованных книг – «Книга о Вселенной», «Юмран-Табынская волость», «Персидская грамматика», «Путешествие в хадж» – сохранилась только рукопись «Персидской грамматики».

Основным произведением Уметбаева является книга «Ядкар», куда вошли статьи, исторические очерки, путевые записки и стихи автора. Из 38 стихотворений, вошедших в «Ядкар», большинство посвящено показу реальных явлений жизни, историческому прошлому; основной лирический герой его произведений – гуманная личность. В своих стихотворениях автор обычно предстает поэтом-историком, поэтом-этнографом. Стихотворения Уметбаева составляют неотъемлемую часть его научно-литературного наследия; они ценны тем, что отражают жизнь, быт и чаяния народа.

В своей просветительской и творческой деятельности Уметбаев ориентировался на русскую культуру и науку, освоил лучшие традиции культуры и литературы Востока, писал статьи о литературе Востока и истории башкирской литературы; опубликовал образцы башкирского устного творчества. Он был одним из самых крупных представителей просветительства в Башкортостане, наряду с Ризаитдином Фахретдиновым и Мифтахетдином Акмуллой, которые также ратовали за распространение образования, культуры, знаний среди башкир.

За свои заслуги Мухаметсалим Ишмухаметович был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени, 2 серебряными и бронзовой медалями [http://bashenc.online/ru/articles/ 104703/].

Умер Мухаметсалим Уметбаев 28 июня 1907 года в своей родной деревне Ибрагимово. Похоронен там же.

В рамках празднования 150-летия со дня рождения Мухаметсалима Уметбаева было принято решение о создании музея. Его торжественное открытие состоялось 7 сентября 1991 г. Большую помощь в строительстве здания музея оказали колхоз имени М. Уметбаева (председатель Миннула Гатауллович Хамзин), местные жители. Были собраны материалы, связанные с жизнью и творчеством знаменитого земляка.

До 2002 г. музей М. Уметбаева являлся филиалом Национального музея Республики Башкортостан. В том же году он входит в состав Национального литературного музея Республики Башкортостан. С 1991 г. по апрель 2016 г. бессменным заведующим музеем являлся Ибрагимов Газимьян Галикарамович. Его на этой должности сменила Шарафитдинова (Ахмадеева) Зухра Талгатовна. С 2020 г. заведующим мезеем назначена Ибрагимова Зифа Ягафаровна.

В фондах музея насчитывается свыше 300 единиц хранения. В их числе личные вещи М. Уметбаева: самовар, керосиновая лампа, чернильница, сахарница, тарелки, вилки. Елян, шапка, патронташ и пояс хранятся в Национальном музее РБ [см.: Халикова 2007]. До открытия музея многие личные вещи поэта-просветителя хранились у его правнука Рихарда Уметбаева из деревни Старомусино Кармаскалинского района, который затем передал их музею. Другие родственники также принесли в дар некоторые вещи. Здесь хранятся книги, фотографии, копии книги «Ядкар» и рукописей Уметбаева, портрет (художник Р. С. Зайнетдинов), бюст (скульптор Р. Р. Фатихов) и т. д. Работа по пополнению и обогащению фондов музея продолжается.

Экспозиция располагается в одном большом просторном зале и рассказывает о жизни, деятельности М. Уметбаева. Были оформлены 23 витрины с фотокопиями личных документов и фотографий

башкирского просветителя. Созданная в 1991 г. экспозиция не менялась в течение многих лет, устарела, подача материала не соответствовала современным требованиям. В 2009 г. под руководством главного хранителя Национального литературного музея РБ Шариповой Альмиры Вафировны были проведены работы по обновлению экспозиции. Для оформления музея были привлечены опытные дизайнеры Раис Гаязов, Иван Федоров и Рашит Иштуганов. Вниманию посетителей были представлены тематические стенды на русском и башкирском языках с фотографиями и текстовой информацией, рассказывающие об истории деревни Ибрагимово, о жизни и деятельности Мухаметсалима Уметбаева: «История деревни Ибрагимово» (2 планшета), «Род-племя», «Годы учебы», «Мухаметсалим Уметбаев – старшина волости» (2 планшета), «Стерлитамакский период», «Уфимский период» (3 планшета), «Крымский период» (2 планшета), «Общественная деятельность», «Ядкар», «Мухаметсалим Уметбаев – ученый, поэт, публицист, переводчик» (2 планшета), «Последние годы жизни» (2 планшета), «Исследователи жизни и творчества Мухаметсалима Уметбаева». Они располагаются в хронологическом порядке, что облегчает работу во время экскурсий. Новая экспозиция дает посетителям возможность узнать Уметбаева не только как поэта-просветителя, но и как ученого, переводчика, этнографа, общественного деятеля, публициста, первого исследователя-краеведа. Все периоды его жизни подробно описываются и даются детальные сведения, представлены новые материалы, фотографии. Отдельный раздел экспозиции посвящен лауреатам премии имени М. Уметбаева, учрежденной Кармаскалинским районным Советом в 2005 г. Также в трех зонах в виде диорамы воссоздан интерьер дома старшины волости М. Уметбаева, его рабочего кабинета, столовой комнаты в период работы в Уфе.

Торжественное открытие обновленной экспозиции музея состоялось 14 июля 2009 г. В мероприятии приняли участие народный поэт Башкортостана Кадим Аралбаев, писатель, доктор филологических наук Тимергали Кильмухаметов, журналист, заслуженный работник культуры РБ Фаниль Кудакаев, поэт, лауреат

премии имени Салавата Юлаева Ирек Киньябулатов, директор НЛМ РБ Гульдар Муратова, главный хранитель НЛМ РБ Альмира Шарипова, местные жители.

16–17 сентября 2011 г. в деревне Ибрагимово прошли праздничные мероприятия в честь 170-летия великого ученого. На торжествах присутствовали деятели культуры, науки, писатели, представители властей, преподаватели башкирского языка и культуры Башкортостана, потомки Мухаметсалима Ишмухаметовича. В местном доме культуры были проведены «Уметбаевские чтения». На территории музея состоялось торжественное открытие бюста Мухаметсалима Уметбаева [см.: Джумма 2012]. Его автор – скульптор, заслуженный художник РБ М. Р. Халилов.

В последние годы принимаются новые меры по привлечению посетителей в учреждения культуры, используются современные технические средства. В музее М. Уметбаева для посетителей при помощи информационно-коммуникационных технологий сотрудниками других музеев-филиалов НЛМ РБ проводятся лекции и беседы на расстоянии в режиме онлайн, демонстрируются видеофильмы с применением аудиовизуальных композиций. Для этого были приобретены мультимедиапроектор, экран, ноутбук, веб-камера с микрофоном, программы по созданию световых эффектов.

12 сентября 2014 г. в музее Мухаметсалима Уметбаева прошло мероприятие с использованием современных технологий. Заведующий филиалом НЛМ РБ – музеем Мифтахетдина Акмуллы (д. Туксанбаево Миякинского района) Фанис Фатыхович Янышев в режиме онлайн, пришедшим на экскурсию учащимся, рассказал о встрече в 1894 г. просветителей Мифтахетдина Акмуллы, Мухаметсалима Уметбаева, Ризаитдина Фахретдинова. Ф. Ятнышев опирался на конкретные факты и материалы. Видеоизображение было выведено на большой экран. Школьники с интересом слушали его, задавали вопросы через веб-камеру. Также во время экскурсии был использован мультимедийный проектор для демонстрации видео.

В 2016 г. в рамках 175-летия со дня рождения просветителя М. Уметбаева были проведены работы по благоустройству территории, косметическому ремонту здания музея. Входная группа была обшита евровагонкой, произведена укладка тротуарной плитки, заменены ворота.

Сотрудники музея со своими проектами принимают участие в грантовых конкурсах. В 2018 г. в соответствии с постановлением Правительства Республики Башкортостан «О предоставлении в 2018 году грантов Главы РБ деятелям культуры и искусства» поддержан и реализован проект «Программно-аппаратный комплекс родословной башкир Юмран-Табынской волости со сведениями Титулярного советника и Кавалера Мухаметсалима Уметбаева» (руководитель проекта – Ахмадеева Зухра Талгатовна). Сумма гранта составила девяносто тысяч рублей; приобретенная интерактивная панель (поверхность) установлена в главном зале, где находится родословная Мухаметсалима Уметбаева. Несомненным плюсом является тот факт, что устройство работает без Интернета. [http://literatmuzey.ru/wp-content/uploads/2019/02/ Публичный-отчет-НЛМ-РБ-за-2018-год.pdf]

За время работы музея Уметбаева в нем уже побывало более 60 тысяч человек. Здесь проводятся экскурсии для учащихся школ Кармаскалинского района, других районов и городов Башкортостана, встречи с писателями, учеными, организуются мероприятия, выставки к юбилеям писателей и знаменательным событиям, памятным датам. В книге отзывов свои записи оставили гости из Казахстана, Турции, Германии и других стран.
[https://kulturarb.ru/ru/persony/umetbaev-muhametsalim]

Мухаметсалим Уметбаев был первым башкирским ученым, который оставил яркий след в истории, культуре, литературе своего народа. На сегодняшний день филиал Национального литературного музея РБ – музей М. Уметбаева – успешно выполняет свою миссию: сохраняет память о выдающемся просветителе XIX века, изучает, пропагандирует творчество этой исторической личности, воспитывает подрастающее поколение в духе патриотизма и любви к Родине, уважения к прошлому.

ЛИТЕРАТУРА

Джумма Т. В. «Коль мне удастся в край свой возвратиться…» // Региональные социогуманитарные исследования. История и современность: материалы Междунар. науч.-практич. конф. 25–26 января 2012 года. – Пенза – Прага – Семей: Научно-изд. центр «Социосфера», 2012. – С. 41–43.

Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан». – URL: http://bashenc.online/ru/articles/104703/

Халикова Э. Р. Музей Уметбаева // Ватандаш. – 2007. – № 2. – С. 196–198.

УДК 821.512.141.09(092)(045)

Г. М. Булякова
Мемориальный дом-музей Мажита Гафури, г. Уфа

G. M. Bulyakova
Mazhit Gafuri Memorial House-Museum, Ufa

ОСНОВАТЕЛЬ УМЕТБАЕВЕДЕНИЯ

FOUNDER OF UMETBAEVO MANAGEMENT

Аннотация. Расматривается вклад современного ученого Г. С. Кунафина в изучение творческого наследия видного башкирского просветителя Мухаметсалима Ишмухаметовича Уметбаева; осмыслены достижения просветителя в различных сферах познания.

Abstract. The contribution of the modern scientist G. S. Kunafin to the study of the creative heritage of the prominent Bashkir educator Mukhametsalim Ishmukhametovich Umetbaev is considered. The achievements of the educator in various fields of knowledge are comprehended.

Ключевые слова: истоки башкирского просветительства, М. И. Уметбаев, Г. С. Кунафин, творческое наследие.

Keywords: the origins of Bashkir enlightenment, M. I. Umetbaeva, G. S. Kunafina, creative heritage.

Ведущий литературовед и литературный критик, известный в нашей республике преподаватель, крупный специалист по истории, теории, текстологии и исторической поэтике башкирской литературы досоветского периода, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Башкортостана, академик Международной тюркской академии, член Союза писа-

телей России и Башкортостана Гиниятулла Сафиуллович Кунафин (родился 22 ноября 1946 г. в с. Саитбаба Гафурийского района БАССР) всю сознательную жизнь в основном посвятил изучению, познанию и пропаганде духовного наследия родного башкирского народа. Он также первый создатель вузовских программ и учебников по истории башкирской словесности с древнейших времен до 1917 года, автор около 900 научных работ, в т. ч. более 60 монографий, учебников, учебных пособий, методических разработок и научно-популярных книг по истории, теории, текстологии и исторической поэтике башкирской литературы, а также по культуре башкирского и других народов Башкортостана досоветской эпохи. Он является одним из ведущих авторов 7-томной «Истории башкирской литературы» (1990–2000), 2-томной «Истории литературы Урала. XIX век» (2021), вузовского учебника «История Башкортостана. С древнейших времен до 1917 г.» (1991); принимал активное участие в написании и подготовке к изданию краткой и 7-томной энциклопедии Башкортостана (1996, 2005–2011), историко-культурного энциклопедического атласа Республики Башко-ртостан (2007), 7-томной «Истории башкирского народа» (2009–2012). Такие его монографии, учебники для вузов и ссузов, как «Башкирская сатирическая поэзия XIX – начала XX в.» (1996.), «Башкирская литературная песенная поэзия XIX – начала XX в.» (1997), «И песней, и сатирой» (1999), «Башкирская нарративная поэзия XIX – начала XX в.» (2003), «Поэтическое эхо прошлого» (2004), «Духовное сияние времен» (2006, на башк. яз.), «Поэтическая радуга Акмуллы» (2006, дополн. изд-е 2011, на башк. и рус. яз.), «Башкирская литература XIX – начала XX в.» (2006), «Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX в.» (2006.), «Башкирская литература XIX в. » (2010, на башк. яз.), «Башкирская поэзия XIX – начала XX в.» (2010), «Джалиль Киекбаев. Жизнь и творчество» (2012, на башк. яз.), «Особенности развития башкирской литературы XIX – начала XX в.» (2014, на башк. яз.), «Творческие горизонты Шайхзады Бабича» (2015, на башк. и рус. яз.), «Идейно-художественные особенности башкирской литературы начала XX в.» (2016, на башк. яз.),

«Культура Башкортостана XIX – начала XX века» (2018), «Башкирская просветительская литература» (2019, на башк. яз.) и др. существенно обогатили научную базу учения о духовном наследии башкирского и других народов Башкортостана и России. Эти труды ученого несут большой познавательный потенциал и непреходящую научную ценность. Г. С. Кунафин по-новому, в широком межнациональном контексте, на пересечении традиций, берущих начало в восточных и западных литературах и культурах, раскрывает закономерности формирования и развития башкирской словесности и культуры дооктябрьского периода, уделяя большое внимание освещению истории контактных и типологических духовно-культурных связей, теме патриотизма и дружбы народов Башкортостана и России.

Многосторонняя научная, научно-методическая, педагогическая и общественная деятельность Гиниятуллы Сафиулловича по достоинству оценена руководством и общественностью Башкортостана и России. В 1997 г. ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник народного образования Республики Башкортостан», в 2006 г. – «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», 2009 г. – «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан». В 1999–2004 гг. был Государственным научным стипендиатом Президиума РАН для выдающихся ученых России. Г. С. Кунафин награжден многочисленными Почетными грамотами различных министерств, муниципальных государственных учреждений, профессиональных союзов, общественных органи-заций РБ; нагрудными знаками Госкомитета СССР по народному образованию «За отличные успехи в работе» (1988) и Госкомстата РФ «За активное участие во Всероссийской переписи населения 2002 года» (2003), высшей наградой Всемирного курултая башкир – медалью «Свети народу своему!» («Ал да сәс нур халҡыңа», 2011), медалью Общественного совета РФ по содействию Госкомиссии, возглавляемой Президентом России, по подготовке 200-летия победы России в Оте--чественной войне 1812 г. «Увековечение памяти Отечественной войны 1812 года» (2013), юбилейной медалью «100 лет образования

Республики Башкортостан» (2019), орденом Салавата Юлаева (2019), а также медалью «За трудовую доблесть» (2021) Республики Башкортостан; является лауреатом региональных премий им. Дж. Киекбаева (2001), М. Гафури (2010), М. Уметбаева (2011), лауреатом премии им. М. Уметбаева Академии наук Башкортостана за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук (2013). В 2015 г. ему присвоено высокое звание Почетного профессора БашГУ, в 2016 г. – Почетного гражданина Гафурийского района РБ.

Особенно большой вклад внес опытный ученый-педагог в изучение жизни и творчества известного башкирского просветителя-энциклопедиста Мухаметсалима Ишмухаметовича Уметбаева (1841–1907). Именно Г. С. Кунафин первым написал и издал на русском и башкирском языках монографии о просфетителе-классике, ознакомил многонационального читателя тогдашней огромной страны СССР, а затем России и СНГ с его многогранным творчеством: «Башкирские просветители-демократы XIX в.» (соав. А. Вильданов, М., 1981), «Просветитель и писатель М. Уметбаев» (1991, на башк. яз.), Именно он первым включил в свои фундаментальные труды, вузовские и школьные учебники разделы о жизни и творчестве Уматбаева: («Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX века» (2006), «Башкирская литература XIX века» (2010, на башк. яз.), «Особенности развития башкирской литературы XIX – начала XX века» (2014, на башк. яз.), «Башкирская литература. Учебник для 9 класса» (2016, 2917, 2020, соавтор Идельбаев М. Х.), «Культура Башкортостана XIX – начала XX века» (2018), «Башкирская просветительская литература» (2019, на башк. яз.) Именно он из различных архивов и отделов рукописных и старопечатных книг библиотек большой страны собрал, систематизировал, изучил, текстологически обработал, перевел на современный башкирский язык литературные, публицистические, переводные произведения, научные труды просветиля, написанные на старотюркском, арабском, персидском и русском языках; вернул их родному башкирскому и другим тюркоязычным народам, издав отдельными книгами:

«Ядкарь» – «Памятки» (1984, 2011), «Произведения, труды» (2016). Следует отметить, что сборнику название «Ядкарь» дано составителем по заголовку тоненькой одноименной книги видного просветителя в знак глубочайшего уважения к его творчеству. Без всякого сомнения профессора Г. С. Кунафина можно называть настоящим уметбаеведом, считать основателем этого направления в башкирской филологии, культурологии, гуманитарной науке в целом.

По многочисленным статьям, монографиям и учебникам ученого-писателя и педагога можно ясно представить, что Мухаметсалим Уметбаев был крупным башкирским просветителем энциклопедического плана, мыслителем европейского типа, гуманистом-интернационалистом последней четверти XIX века, что он оставил богатое и многогранное по содержанию и форме научно-литературное наследие. Значительную его часть составляют наследия труды, посвященные истории и этнографии башкир («Башкиры», «Светлые и мрачные дни башкирского народа», «Родословная Кесе-Табынского рода», «Несколько слов о башкирах и торгаутских калмыках», «О башкирском восстании 1755 года», «Башкирский курут», «Башкирский курмач» и др.), которые, как верно подмечает исследователь, отличаются глубиной мысли, научной выверенностью. Все это свидетельствует о большой наблюдательности и проницательности их автора. Указывая в своих трудах на отсутствие в башкирской исторической литературе каких-нибудь серьезных трудов, М. Уметбаев «не свел причины этого явления лишь к различным стихийным бедствиям, многочисленным войнам, восстаниям, вредительской деятельности миссионеров и другим субъективным моментам», в решении этого вопроса стоял намного выше некоторых своих коллег, верно считает исследователь. Главную причину отсутствия «у башкир исторических трудов общебашкирского характера» просветитель верно объяснял отсутствием у них одного из главных стимулов «для развития письменной культуры – политической организации», т е. государственного устройства.

Профессор Г. С. Кунафин на основе многочисленных фактических материалов и основательных наблюдений убедительно показывает, что М. Уметбаев внес весьма существенный вклад в разработку истории родного края и народа с древнейших времен и до конца XIX века, что его историко-этнографические труды включают в себя довольно широкий круг сложных вопросов: этногенез, этнонимия, территория расселения, язык, родоплеменной состав башкир, хозяйство, социально-экономические отношения в средние века и др. Ученый-просветитель М. Уметбаев особенно большое внимание уделил освещению переломных и решающих этапов в историческом развитии родного народа. Так, одним из первых среди башкирских историков он детально изучил вопрос о присоединении Башкирии к Русскому государству. Его он считал актом добровольным, прогрессивным и назвал «светлым днем» в истории своего народа, стремился объективно показывать такие события из жизни башкирского и русского народов, которые способствовали их сближению. Через его труды башкиры познакомились с замечательными страницами истории и культуры Запада и Ближнего Востока. Например, он познакомил башкир с великим ученым-астрономом Н. Коперником, славным мореплавателем Х. Колумбом, первым книгопечатником Гутенбергом, видным врачом Арно.

По исследованиям профессора Г. Кунафина хорошо видно, что М. Уметбаев, считая, что «У каждого народа должны быть свои карамзины», старался по мере возможностей охватить различные отрасли науки и культуры, выступал с призывом перестроить школьное дело, быт народа на европейский манер. В книге «Ядкарь» («Памятки», 1897) и в неопубликованных записях есть методические рекомендации по преподаванию языка, литературы, истории и математики, много наблюдений и разных рассуждений, нацеленных на объяснение различных отраслей знаний, в частности, философии, географии, астрономии, медицины. В своих поисках М. Уметбаев ориентировался в основном на научные, культурные и литературно-художественные достижения Запада.

Это особенно заметно в трудах из области филологии, прежде всего, языкознания и фольклористики. Ученый-просветитель последовательно выступал за демократизацию литературного языка той эпохи, так называемого «тюрки», малодоступного простому народу. Он хорошо понимал, что без этого невозможно приобщение народа к культуре и различным наукам, к мировым духовным ценностям. Его «Краткая татарская грамматика» («Татар нәхүсенең мохтасары», 1901) явилась одним из первых образцов систематического изложения фактов конкретного языка в истории башкирского языкознания. В ней широко используется фактический материал башкирского языка, раскрываются его характерные черты, впервые разрабатываются грамматические термины на родном языке. «Ориентация» в этом труде резко изменена в «пользу» западной, прежде всего, русской грамматической традиции.

На основе многочисленных конкретных примеров профессор Г. С. Кунафин убедительно показывает, что М. Уметбаев считал фольклор зеркалом народной души, неиссякаемым источником изучения истории и духовной культуры народа. Он усердно собирал и опубликовал на родном и русском языках эпические сказания, легенды, образцы обрядовой поэзии, пословицы, поговорки и загадки не только родного башкирского, но и других тюрко- и арабоязычных народов. В вопросах воспитания М. Уметбаев высоко ценил роль и значение народной педагогики.

Как верно отмечает исследователь**,** значительны заслуги М. Уметбаева и в развитии башкирской литературно-критической мысли. М. Уметбаев выделял два направления – изустную поэзию, представленную творчеством известных сэсэнов, и письменную литературу. Характеризуя значение института сэсэнов в истории башкирской художественной культуры, тепло отзывался, например, о педагогической, научной и литературно-художественной деятельности Хуснетдина Жданова, о поэзии Мифтахетдина Акмуллы, в котором видел своего единомышленника и называл его «знаменитым поэтом». Как библиограф М. Уметбаев оставил ценные

сведения о жизни и творчестве Т. Ялсыгулова, А. Каргалы, Х. Салихова – поэтов-суфиев предыдущего поколения.

Примечательны наблюдения о том, что М. Уметбаев интересовался не только духовным богатством родного народа, но и творчеством популярных писателей мира. В этом отношении следует выделить его статью «Великий поэт Александр Пушкин». Подчеркивая роль пушкинской поэзии в жизни русского и других народов России, ее мировое значение, он писал, что «слава А. С. Пушкина перешла границы своей обширной родины и коснулась слуха и сердца всего человечества», что «все написанное им может быть с пользой и удовольствием прочтено всеми людьми, без различия рас и верования, ... и мы должны читать и понимать его прекрасные творения!» Для него Пушкин – это тот «вдохновенный певец, дивным даром которого русская речь стала действительно прекрасной и мощной» [Уметбаев 2011, с. 150–152].

В трудах Г. Кунафина особенно основательно освещается творческая деятельность М. Уметбаева как поэта, публициста и переводчика. На основе многочисленных конкретных примеров исследователь убедительно показывает, что стихотворения и публицистические статьи просветителя были близки башкирскому народу своим жизненным материалом, в частности, демократическими идеями, духом патриотизма, идеями примата народного интереса над личным, чувством горячей любви к родной земле, бескорыстного служения своему народу и ненависти к его угнетателям. «Судьба народа, природа и человек, смысл его жизни, воспевание любви, облагораживающих человека высоких моральных качеств, и, наоборот, критика нравственной нечистоплотности, невежества, колонизаторской политики царизма, раздумья о просвещении и воспитании, об общественно-политической жизни своего времени – вот основные мотивы поэзии и публицистики М. Уметбаева» – считает Кунафин [Кунафин 2006, с. 157]. Главная особенность трудов просветителя в том, что они отражают реальную жизнь народа, его прошлое и настоящее. В сущности, многие поэтические произведения поэта вошли

в башкирскую литературу с национальной и социально-политической тематикой. Уметбаевские стихотворения «Лесник», «Прошедшая жизнь», «Как в старину провожали девушек-башкирок», «Путешествие в Крым», «Правда о земле башкирской», «У двери», «Ремень и Лыко», и публицистические тексты «Уршакский мост», «Богатеет или разоряется народ?», «В российском цирке «Первое товарищество», «Общественные порядки», «Развивать народное просвещение» и др. были первыми яркими образцами гражданского проникновения башкирского искусства слова XIX столетия в народную жизнь, в социально-политическую атмосферу времени с подлинно демократических позиций. Именно М. Уметбаев был первым башкирским литератором, последовательно выступающим против колони-заторской политики царизма, против варварского разграбления башкирских земель («Юмранский род», «Жалоба»), ярко показывающим социальное положение противостоящих друг другу сил общества («Богатеет или разоряется народ?». «У двери», «Ремень и Лыко»). Социальное и национальное угнетение он считал антигуманным явлением, искоренение которого, по его мнению, способствовало бы свободному и всестороннему развитию культур всех народов и народностей России. Просветитель-демократ был сторонником всего нового, искренне верил в способность родного народа перейти на более высокую ступень социально-экономического и культурного развития. Разрабатывая в своих публицистических произведениях («Общественные порядки», «В российском цирке «Первое товарищество», «Развивать народное просвещение и др.) теоретические и практические предложения по подъему жизненного уровня и культуры народа, он пришел к убеждению, что возможности достижения этой цели тесно связаны с укреплением русско-башкирского содружества, приобщением башкир к передовой европейской культуре и науке («Впечатления от Москвы», «Впечатления от Петербурга», «Удивительные вещи в Петербурге», «О философии», «Упорядочить народное образование» и др.). Например, в статье «Упорядочить народное образование» публицист, используя факты и меткие сравнения,

показывает, что главный недостаток в деле народного образования заключается в отсутствии в школах и медресе «европейских наук», пишет о том, что учебные программы основаны на русификаторской политике царизма. Просветитель приходит к выводу, что улучшение школьного дела надо начинать с «предварительного обучения детей наукам на своем языке», «распространения европейских наук» среди башкир и «ознакомления их с современностью». Исходя из этого, он предлагает переводить и печатать учебники и наглядные пособия, издавать газеты на родном языке.

По трудам Кунафина хорошо видно, что в литературном творчестве просветителя М. Уметбаева особняком стоит любовная лирика. Она занимает значительную часть его поэзии («Другу», «И еще», «В одном городе видел я красавицу» и др.). Нельзя не согласиться с мнением ученого, что поэт стремился «решить» тему любви в философском плане, связывая ее с концепцией личности вообще, что для него понятия «любовь», «гуманность», «доброта» – неотделимые друг от друга категории. В понимании поэта «любить» – это значит, в любимом человеке видеть личность и верного друга. Это «поднимает» любовную лирику М. Уметбаева «по сравнению с интимной лирикой его предшественников на более высокую ступень общественной значимости» [Кунафин 2018, с. 144]. Поэтическое и публицистическое наследие башкирского просветителя в трудах Г. С. Кунафина освещено последовательно, системно, комплексно, на основе многочисленных убедительных примеров.

Большое внимание уделил профессор Г. С. Кунафин изучению переводческой деятельности М. Уметбаева. Переводы просветителя составляют одну из самых ярких страниц в истории взаимосвязей башкирской культуры и литературы с восточной и западной культурами. Им переведены с русского и восточных языков на понятный башкирскому читателю старотюркский язык популярные произведения, научные статьи, отрывки из «Тысячи и одной ночи», и, наоборот, на русский язык – многочисленные образцы башкирского, татарского, арабского, турецкого фольклора,

собственные научные труды, стихотворные и публицистические тексты. Особенно большой вклад внес М. Уметбаев в укрепление и развитие русско-башкирских литературных связей. Его переводы поэтических произведений А. С. Пушкина «Романс», «Наслаждение», «Делибаш», поэмы «Бахчисарайский фонтан» явились «смелым и значительным шагом вперед в башкирской переводной литературе XIX века. Они были первыми образцами стихотворного перевода из русской классической поэзии в истории не только башкирского перевода, но и перевода тюркоязычных народов России» [Кунафин 2018, с. 145]. Переводы М. Уметбаева одновременно сыграли важную роль в расширении идейно-тематического горизонта башкирской литературы, усилении ее психологизма, в развитии художественно-эстетического мышления.

Исследования Г. С. Кунафина хорошо показывают, что многогранная творческая деятельность М. Уметбаева оставила глубокий след в истории башкирской научной мысли, культуры и литературы. Страстный поборник всего нового, он призывал свой народ к просвещению, усвоению культурных достижений народов Запада и Востока. Велика роль просветителя в демократизации башкирской словесности, в ее приближении к реальной действительности своего времени. Усилия М. Уметбаева во многом помогли башкирскому народу обрести свое национальное лицо, увидеть себя, познать свое историческое прошлое, понять собственные потенциальные возможности.

ЛИТЕРАТУРА

Кунафин Г. С. Башкирская литература XIX века. – Уфа: Китап, 2010. – 408 с. (на башк. яз.).

Кунафин Г. С. Культура Башкортостана и башкирская литература XIX – начала XX века. – Уфа: Китап, 2006. – 275 с.

Кунафин Г. С. Культура Башкортостана XIX – начала XX века. – Уфа: Башк. энцикл., 2018. – 304 с.

Уметбаев М. Ядкарь. – Уфа: Китап. 2011. – 344 с. (на башк. яз.).

УДК 908:374.7(470.51)(045)

С. С. Вахитов
МКУОУ «Старосальинская СОШ»
Киясовский р-он, УР

S. S. Vahitov
MKUOU «Starosalinskaya secondary school»
Kiyasovsky district, UR

ВУЖ САЛЬЯ ГУРТЫСЬ НЫРЫСЕТЇ ДЫШЕТЇСЬ

THE FIRST TEACHER OF STARAYA SALUA VILLAGE

Аннотация. Статья посвящена изучению личности первого учителя деревни Старая Салья Киясовского района, большого удмуртского просветителя Василия Дмитриевича Крылова. Он был педагогом, священником, общественным деятелем, журналистом, издателем собственных книг на удмуртском языке, издателем первого удмуртского словаря на глазовском наречии, миссионером.

Abstract. The work is devoted to the study of the first teacher's personality of Staraya Salya village, Kiyasovsky district, the Udmurt educator Vasily Dmitrievich Krylov. He was a teacher, a priest, a publisher of his own books in the Udmurt language, a journalist, the publisher of the first Udmurt dictionary in the Glazov dialect, a public figure, a missionary.

Ключевые слова: духовная культура народа, учитель, сельская школа, миссионер.

Keywords: spiritual culture of people, teacher, rural school, missionary.

«Шур кутске ошмесысен», – шуо удмуртъёс. Озьыен, котьмалэн но та югыт дунне вылын кутсконэз вань. Нош кытысен кутске меда тодон-валан басьтон сюрес? Мынам малпамея, тодонвалан басьтон кутске дышетйсь бордысен, школаысен. Котькуд адями нырысь вералоз аслэсьтыз нырысетй дышетйсьсэ, аслэсьтыз вордскем гуртысьтыз школазэ. Мынам нырысетй дышетйсе вал Долгова Калиста Фёдоровна. Соос, кык сузэр-апайёс, вуэмын милям гуртамы Дебес ёросысь. Туэ, 2023-тй ар Россиын дышетйсьлэн но наставниклэн арены ялэмын бере, мынам тодэме потйз, нош кин вылэм милям Вуж Салья гуртамы нырысетй дышетйсьмы?

«Кин бен вылэм милям Салья гуртамы нырысетй дышетйсьмы» юанэн мон вазиськи аслам песянаелы Вахитова Мария Федосеевналы. Вордскемын 1910-тй арын. Солэсь мон таче ивор гожтыса кельтй: «Асьме гуртын нырысетй школа кылдэмын 1896-тй арын. Со сярысь мыным вераз атае Косолапов Феодосий Анатольевич. Сое но нырысетй дышетйсь одйг ар пала дышетэм. Верамезъя, со, пе, удмурт вылэм. Лапег мугоро пинал воргорон, туж шумприч, пиналъёсын мыняса гинэ вераське вылэм. Нырысетй школа сылэ вылэм туала Ӟуч урамлэн Аляшева Лидия Николаевналэн интыяз. Отын бай ӟуч воргорон улэ вылэм. Солэн семьяез бадӟым вылымтэ, нош корка пуктэм кык этажо. Асьсэос улйллям нырысетй этажаз, нош школа вылэм кыкетй этажаз. Атай верамъя, дышетскисьёс 32 кузя нылъёс но пиос люкаськиллям. Пӧлазы вылэм пӧртэм арлыдо гуртоос. Букваосын тодматскиллям, слог пӧрмытъяны дышетскиллям, дасозь лыдӟиськиллям. Дышетйсь тодматэм Библиысь пӧртэм тунсыко учыръёсын. Пиналъёс ветлйллям экскурсиосы, чорыгаллям, уха сииллям. Собере дышетйсьсы асьме гуртысь кошкем» (Гожтэмын 1978 арын 15-тй октябре).

Вуж Салья шор ёзо школаямы история кабинетын вань школаысьтымы дышетйсьёслэн списоксы. Отын нырысетй интыын гожтэмын Крылов Василий Дмитриевичлэн нимыз. Нош кытысь но кин со – гуртамы нокин но уг тод ни. Туала арын асьмелы юрттэ Интернет. 2015-тй арын «Удмурт дунне» газет пусйиз аслэсьтыз сю ар юбилейзэ. Энциклопедической справочникез бугыръяса, мон

нош ик пумиськи Василий Дмитриевич Крылов нимен. Милям дышетйсьмы ӧвӧл меда?

Нош кыче ивортодэт вань на меда периодической изданиосын но нимаз книгаосын? Ки улам сюриз А. Н. Уваровлэн «Югдытйсьёс» книгаез. Татысь мон аслым трос тодымтэзэ шедьтй.

Котькыче литературалэн кылдонэз гожъяськон система бордысен кутске. Удмуртъёслэн туала гожъяськон пусъёссы тупатэмын ӟуч кириллицая. Соослэн «вордскем» дырзы Вениамин Пуцек-Григорович архиепископлэн Казаньын улэменыз но уженыз герӟаськемын. 1754–1773-тй аръёсы гинэ Казаньын 100 ёрос удмурт пиос дышетскизы. Волга котырысь калыкъёслэн югдытйсьсы Вениамин Пуцек-Григорович чувашъёслы, поръёслы но удмуртъёслы туж кулэ уж быдэстйз: 1775-тй арын удмурт грамматика поттыса, литературамылы нырысетй ошмес син усьтйз [см.: Уваров 1994].

Туннэ нуналлы умой тодмо ини, 1917-тй арозь удмуртъёслэн дышетскем адямиоссы но, письменностьсы но, литературазы но ӧй вал шуыса гожъямъёс шонер ӧвӧл. Та дырозь удмурт калыкмылэсь революцилэсь азьло улэмзэ но азинскемзэ кулэ ини рос-прос эскерыны но дунъет сётыны.

Удмуртъёс пыро вал ӧжыт лыдо, зӥбыса возем калыкъёс пӧлы. Мон сямен, удмурт но пор (мари) литератураослэсь жужамзэс эскероно ке, трос югдуръёс огкадьгес луо. Кылсярысь, кык калыклэн но письменностьсылэн кылдонзы герӟаськемын Вениамин Пуцек-Григоровичлэн кивалтэменыз, христианствоез вӧлмытонэн но вӧсяськон книгаосты берыктонэн. Та кык калыкъёс пӧлын кылдо асьсэлэн книга поттйсьёссы: удмуртъёслэн – И. С. Михеев, В. Д. Крылов, поръёслэн – В. М. Васильев но Т. П. Глезденёв [см.: Уваров 1994].

Иван Михеевлэн Евангелиез берыктэмез удмурт кылэз выль валанъёсын, метафораосын, притчаосын, лэчыт веранъёсын узырмытйз. Со ик ас бордаз кыскиз удмурт кылэз усто тодйсь, визьмо берыктйсьёсты. Соос пӧлын вал Иван Яковлев, Михаил Прокопьев но священник Василий Крылов.

Иван Михеевлэсь адзем карыса, Василий Крылов уйпал удмуртъёс понна книга поттон удысын вань сюлэмзэ сётыса тыршиз, вёсяськон книгаосты ӟуч кылысь удмурт кылэ синмаськымон берыктылйз, калыкез югдытонъя устоесь книгаос, брошюраос поттылйз. Солэн «Вуж Сйзёнысь но Выль Сйзёнысь веросъёс» книгаезлэн кылыз та дырозь дунлыксэ ӧз ышты на [см.: Уваров 1994].

Удмуртиысь библиотекаосын та дырозь шедьтэмын 70 ёрос христиан осконэн герӟаськем книгаос: Евангелиос, Вуж но Выль Сйзёнъя историос, Часослов, вёсяськон книгаос, святойёслэн улэмъёссы сярысь пичиесь брошюраос, калыклы вазиськон листовкаос но мукет. Кӧняосыз ке вань нимаз адямиослэн частной коллекциосазы но кунгож сьӧрысь библиотекаосын. Туала лыдӟисьлы тунсыко потысал В. Д. Крыловлэн «О ворожцах и шептунах» (1911 ар), «О вреде варения кумышки. На вотском языке глазовского наречия». Издание первой переводческой комиссии 4-го благочинического округа Глазовского уезда Вятской епархии (Казань, 1911) но «О необходимости обучения грамоте детей и особенно девиц (на вотском языке глазовского наречия)» (1912) но трос мукет брошюраосыз.

Удмурт литератураез эскерисьёс калыкез югдытйсьёслэсь одно ик кыӵе ке но «пиртэшъёссэс» шедьтыны тыршизы. Тужгес шуг югдур вуэмын ӟуч кылысь берыктэм книгаослы. Со сярысь асьме литературатодосчиосмы асьсэлэсь мылкыдзэс вераны уг дырто. Кык сюлэсь трос ужъёс, соос пӧлы пыро Евангелиос, вёсяськон книгаос, Часослов, Вуж но Выль Сйзенъёслэн историзы, черкын хорен кырӟанъёс, палэнэ кылизы. Дыр вуиз та ужез сэрттыныпертчыны. Асьмеос ке ӧм эскере, кин сое эскероз? Венгер тодосчи Петер Домокош «История удмуртской литературы» монографияз пусъе: «Венгеръёслэн гожъяса кылдытэм литературазы нырысетӥ вамышъёссэ лэсьтӥз мукет калыкъёслэн литературной памятникъёссы вылэ пыкиськыса, собере гинэ пыд йылаз султӥз»* [Домокош 1993, с. 170].

* Удмурт кылэ берыктӥз статьялэн авторез – С. В.

Дуннеысь литература Библиез вылӥ чеберлыко памятникен лыдъя бере, дыр вуиз шонерак вераны асьмелы: Евангелиосты но Вуж но Выль Сйзенъёсты удмурт кылэ берыктыса, берыктӥсьёс литературной кылмес но лулчеберетмес узырмытӥзы, азинтӥзы. Сое дунъян понна кулэ зэмос исследованиос.

Калыкез югдытӥсьёс сярысь статьяос уг вуо лыдзисьёс доры. Нош учке ай, кыче бадзым уж соос лэсьтӥзы: школаос усьязы, асьсэ кужымен дышетскон книгаос поттылӥзы, калык кылосэз люказы, «Удмурт кылын календарь» поттыны кутскизы, собере «Войнаысь ивор», «Удморт» но «Выль синь» газетъёс поттазы. Соос луонлык кылдытӥзы вань удмурт калыкез вакчи дыр куспын гожтэт тодӥсь карыны. Мон тау шуисько Г. Д. Фроловалы, З. В. Суворовалы, А. Н. Кутявинлы, кудъёсыз историкъёслэн но педагогъёслэн синмынызы учкыса, югдытӥсьёслэсь дышетон удысын устолыко амалъёссэс возьматӥзы.

«Из истории Глазовской учительской семинарии» но «Энциклопедия Удмуртской Республики» изданиосысь шедьтӥмы Василий Дмитриевичлэсь биографизэ но.

Василий Дмитриевич Крылов вордӥськиз 2-тӥ феврале 1878-тӥ арын Мамадыш уездысь Уръясь Учи черкогуртын, удмурт дьяклэн семьяяз. Нырысь дышетскиз гуртысьтызы церковно-приходской школаын. Атаез адзиз пиезлэсь сюлмо дышетскемзэ но котькуд ужзэ йылаз-пумаз вуттыны тыршемзэ. Соин ик интыяз пизэ Казаньысь учительской семинарие. 1896-тӥ арын дышетсконзэ умой йылпумъямез бере, сое келяло Вятской губерниысь Елабужской уездысь Мушаковской волостьысь Вуж Салья удмурт гуртэ [Удмуртская Республика 2008].

Вуж Салья школаын одйг ар ужаса, Василий Дмитриевичез ысто Нынек удмурт гуртэ. 1903-тӥ арын В. Д. Крылов усьтэ школа Асан (Асаново) удмурт гуртын. 1904-тӥ арын тырше Нылгаысь земской школаын [Удмуртская Республика 2008].

Озьыен, 1896–1904-тӥ аръёсы Василий Дмитриевич школаос усья но дышетэ тачё удмурт гуртъёсын: туала Кияса ёросысь Вуж

Салья гуртын, Алнаш ёросысь Нынек но Асаново гуртъёсын, Ува ёросысь Нылга школаын.

1904–1906-тӥ аръёсы ужан ӧрзэ воштэ. Дьяк луыса, Сарапул уездысь Богоявленской Кыйлуд черкын (али Нылга-Вамья) ужа.

1906-тӥ арысен солэн улонэз но ужез герӟаськиз Глаз уездэн но Глаз карен.

1906–1909 аръёсы, иерей луыса, тырше Глаз уездысь Тортым гуртлэн черказ.

Библиез вылӥ чеберлыко синпелетэн лыдъяло бере, черкын ужасьёс басьтӥсько сое удмурт кылэ берыктон уже. Православной литератураез удмурт кылэ берыктонъя кылдытэмын вал куинь центръёс. Со Казаньысь православной миссионерской дышетон округлэн переводческой комиссиез, Вятка Епархилэн Глазов уездысьтыз 4-тӥ благочинической округлэн переводческой комиссиез, но Оренбург губерниын кылдытэмын тачӧ ик комиссия.

Та уж азьланьтӥськиз удмурт кылъя грамматика потэм бере гинэ. 1847-тӥ арын удмурт кылэ берыктэм черк литература дасямын вал, Глаз котырысь удмуртъёслэсь но Сарапул палан улӥсьёслэсь вераськемзэс лыдэ басьтыса. Со ужъёс печатласькизы «Начатки христианского учения» нимын.

Вераны кулэ, Вятка Епархилэн Глазов уездысьтыз 4-тӥ благочиннической округлэн переводческой комиссиеныз кивалтӥз Василий Дмитриевич Крылов. Вакчи дыр куспын удмурт кылэ берыктэмын вал служба ортчытонъя вань текстъёс. Василий Дмитриевич соосты берыктӥз Глаз котырысь удмуртъёслы валамон мед луозы шуыса. Черк литература Византиысь вуиз бере, отын трос текстъёс кулэ каро старославянской кылэз тодэмез но. Казаньысь учительской семинариын басьтэм тодон-валан юрттӥз Василий Дмитриевичлы та ужез тыршыса, удмуртъёслы валамон карыса берыктыны. Сыӵе берыктӥсьёс пӧлын Иоанн но Пётр Васильевъёс, В. К. Козмин, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, Г. Прокопьев, М. Ильин, Е. Алпутова, В. Д. Крылов но мукетъёсыз [Уваров 1994]. Василий Дмитриевич Крылов черкын нырысьсэ служба ортчытъяз удмурт кылын.

Озьыен, Василий Дмитриевич Крылов кивалтйз Библиез удмурт кылэ берыктонъя комиссиен но ачиз но трос тыршиз сое удмуртъёслы валамон карон понна. Нырысьсэ Глаз уездын службаосты удмурт кылын нуиз ачиз Василий Дмитриевич Крылов.

И. С. Михеевлэсь адзем карыса, Василий Крылов уйпал удмуртъёс понна книга поттон удысын вань сюлэмзэ поныса тыршиз. Вöсяськон книгаосты зуч кылысь удмурт кылэ синмаськымон берыктылйз, калыкез югдытонын устоесь книгаос, брошюраос поттылйз. Солэн «Вуж Сйзёнысь но Выль Сйзёнысь веросъёс» книгаезлэн кылыз та дырозь дунлыксэ öз ышты на.

Василий Дмитриевичлэн гожтэм но поттэм книгаосыз тунсыкоесь, визьмоесь. Вералом кöня ке книгаоссэ, кудйз малпаськытоз но тунсыко потоз туала лыдзисьёслы но:

- «О вреде варения кумышки». На вотском языке глазовского наречия. Издание первое переводческой комиссии 4-го благочинического округа Глазовского уезда Вятской епархии. Казань, 1911.
- «О ворожцах и шептунах» на вотском языке. Казань, 1911.
- «О необходимости обучения грамоте и особенно девиц (на вотском языке глазовского наречия»). На вотском языке Глазовского наречия. Казань, 1912.
- «О кредитных товариществах и потребительских лавках, как учреждениях полезных и необходимых среди крестьянского населения». На вотском языке глазовского наречия. Казань, 1912.
- «Поучение против посиделок». На вотском языке глазовского наречия. Казань, 1913.

Озьыен, В. Д. Крылов аслаз уксёеныз поттылйз удмуртъёс понна аслэсьтыз книгаоссэ.

Бадзым пытьы кельтйз Василий Дмитриевич Крылов удмурт журналистикае но. 1915-тй арын удмуртъёс понна Вяткаын (али Киров кар) нырысьсэ потыны кутскиз удмурт кылын «Войнаысь ивор» газет. Солы редакторе юнматэмын вал Глаз карысь тодмо священник, книга поттйсь В. Д. Крылов. 1915–1917-тй аръёсы газетлэн быдэстоно ужпумез – лыдзись доры герман ожысь иворъёсты вуттон. Таин валче татын печатласькизы калыклэн улонысьтыз

пӧртэм иворъёс: удмурт крестьянъёслэсь улонзэс умоятыны ӧтись статьяос. Печатласькизы священникъёс, Вяткаысь миссионерской курсъёсын дышетскисьёс, дышетйсьёс, агрономъёс.

Волга котырысь пичи калыкъёслэн съездазы удмурт секциын чакламын вал «Войнаысь ивор» газетэз «Удморт» ниманы. 1917–1918 аръёсы редактор вал Крылов В. Д. Таиз газет но сюлмаськиз удмурт калыклэсь улонзэ радъян сярысь. Тани 1917-тй арын 15-тй августэ «Удморт» (№ 1 (10)) газетын печатламын «Удмуртлэн улэмез (тае Кузон удмурт пи гожтэ)» статья. Отысь пичи люкетсэ А. Уваровлэн ужезъя сётйськом: «Вашкалаос сямен асьмелы улыны уг яра ни. Дышетскыны А. Уваровлэн ужезъя кулэ… Ю кизён ужез капчи карыны, со ужез пайдаё карыны агроном шуон дышетйсьёс вань. Сое земствоысь курыны кулэ. Со но удмурт кылэз мед тодоз» [Уваров 1994, с. 42].

Озьыен, В. Д. Крылов удмурт калык понна «Войнаысь ивор» но «Удморт» газетъёс поттйз но удмурт калыклэсь улон-вылонзэ капчи карон сярысь сюлмаськиз, удмурт журналистикае бадзым пытьы кельтйз.

Глаз карын улыкуз, 1917-тй арын куартолэзе кылдэ карысь но уездысь вань удмуртъёсты озазеясь культурно-просветительской общество. Соин трос аръёс ӵоже кивалтйз Василий Дмитриевич Крылов. 1917-тй арын 13–14 инвожое люказы Глаз уездысь удмуртъёслэсь Ӧтчамзэс. Ӧтчамез усьтйз Преображенской соборысь священник В. Д. Крылов. Эскеремын таӵе юанъёс: 1. Удмуртъёслэсь Глазкарын культурно-просветительской обществозэс кылдытон. 2. Казаньын 1917-тй арын ортчем Волга котырысь пичи калыкъёслэн Нырысетй ӧтчамазы жутэм ужпумъёс. 3. Волостной но уездной земствоосы но Учредительной собрание удмуртъёсты дасян сярысь. 4. Удмурт гуртъёсын библиотекаос усьян сярысь. 5. Кумышка юон сярысь. 6. Школаын пиналъёсты дышетон ужпумъёс. 7. Музей кылдытон сярысь. 8. Удмурт кылын газет поттон сярысь. 9. Интыысь самоуправление сярысь. 10. Кооперация, артель, национальной банк сярысь. 11. Удмурт приходъёсын Инмарлы удмурт кылын вӧсяськон сярысь абзац. Тунсыко тани маиз. Ӧтчамлэн нырысетй нуналаз залын вылэм 100 адями, нош ӵуказеяз – 70 адя-

ми. Документъёсын тазьы валэктон сётэмын: крестьянъёс, ныр-сетӥ нуналаз юанъёссылы валэктон шедьтыса, доразы бертӥзы турнаны [Павлов 2000].

Солэн потэ вал, удмуртъёс визьмо но дышетскем адямиос мед луозы шуыса. Глаз уездысь вань удмуртъёсты огазеяса, та общество куинь съезд ортчытӥз. Крыловлэн сюлмаськемез улсын Глазовской учительской семинариын дышетыны кутскизы удмурт кылэз. Со выпускникъёс пӧлын ик вал медицинской наукаосъя доктор, профессор Ворончихин Семён Иванович (1902–1982), хирург, РСФСР-ысь сйё-дано врач. 1916–1920-тӥ аръёсы со дышетске Глазкарысь учительской семинариын [Из истории Глазовской…].

Василий Дмитриевич Крылов бадзым пытьы кельтӥз удмурт языкознание но. Со вал кылчи. 1919-тӥ арын потэ «Вотско-русский словарь глазовского наречия вотяков, составленный преподавателем вотского языка при Глазовской учительской семинарии В. Д. Крыловым» (Вятка, 1919). Словарьын 3450 кыл. Тачe словарьёс ӧй вал на. Та кыллюкамез удмурт кылъя урокъёсын кутӥзы Глазкарысь учительской семинариын дышетскись удмурт нылъёс но пиос [Уваров, 1994].

1917-тӥ арын азьвыл зӥбыса возем калыкъёслэн улоназы бадзымесь вошттйськонъёс ортчизы. Паськыт сюрес усьтйськиз революцилэсь азьвыл вордйськем удмурт литературалы. Сыче луонлык ас понназ ӧз лыкты. Солы инъет дасязы удмурт калыкез югдытйсьёс: Г. Верещагин, И. Михеев, И. Яковлев, М. Ильин, М. Можгин, В. Крылов, Кедра Митрей, Т. Борисов, Максим Прокопьев, Михаил Прокопьев И. Шкляев но мукетъёсыз [Уваров 1994].

Василий Дмитриевичлэн семьяез сярысь верано ке, кузпалыз – Вера Петровна. Та семьяын будӥзы Иоанна, Александра но Екатерина нылъёсыз но Виталий но Николай пиосыз.

Но улонын кузёяськыны кутскиз «классовой подход». Священникъёс тужгес но ӧз шедьтэ ни уж. Тӥни озьы 1919-тӥ арын миссионер Василий Крылов чиптэм-чаптэм ышиз-быриз [Уваров 1994, с. 86].

1. Озьыен, Кияса ёросысь Вуж Салья гуртын нырысетӥ дышетйсьмы Василий Дмитриевич Крылов вал.

2. 1896–1904-тӥ аръёсы Василий Дмитриевич Крылов удмурт гуртъёсын школаос усья но дышетэ таче удмурт гуртъёсын: туала Кияса ёросысь Вуж Салья гуртын, Алнаш ёросысь Нынек но Асаново гуртъёсын, Ува ёросысь Нылга школаын.

3. Василий Дмитриевич Крылов кивалтӥз Библиез удмурт кылэ берыктонъя комиссиен но ачиз но трос тыршиз сое удмуртъёслы валамон карон понна. Нырысьсэ Глаз уездын черк службаосты нуиз удмурт кылын.

4. В. Д. Крылов черкын ужась священник вал. Калыклы аслаз уксёеныз поттылйз удмурт кылын аслэсьтыз книгаоссэ.

5. В. Д. Крылов «Войнаысь ивор» но «Удморт» газетъёслэн нырысетӥ редакторзы вал.

6. В. Д. Крылов бадзым пытьы кельтӥз удмурт языкознаниын но. Солэн 1919-тӥ арын поттэм удмурт-зуч кыллюкамаз 3450 кыл сётэмын. Та уж поттэмын Глазовской учительской семинариын дышетскисьёс понна. Таче кыллюкамъёс ӧй вал на.

7. В. Д. Крылов вал общественной деятель, миссионер, югдытйсь. Казаньын 1917-тӥ арын орчем Волга котырысь пичи лыдъем калыкъёслэн Ӧтчамазы делегат вал, озьы ик делегат луыса пыриськи з 1918-тӥ арын Елабугаын ортчем Россиысь удмуртъёслэн 1-тӥ Ӧтчамазы.

ЛИТЕРАТУРА

Домокош Петер. История удмуртской литературы. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 445 с.

Из истории Глазовской учительской семинарии / сост. Г. А. Поздеев. – Глазов: Глаз. гос. ин-т им. В. Г. Короленко, 2016. – 42 с.

Павлов Н. П. Самоопределение автономии, автономия: идеи, реалии. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 224 с.

Уваров А. Н. Югдытйсьёс. Удмурт литературалэн кылдэмез сярысь очеркъёс. – Ижевск: Тодон, 1994. – 119 б.

Удмуртская Республика. Энциклопедия. / гл. ред. В. В. Туганаев – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 767 с.

УДК 281.93-393(470.51)(045)

А. А. Вахрушев
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

A. A. Vakhrushev
Udmurt State University, Izhevsk

РЕЛИГИОЗНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УДМУРТСКОГО ПРОТОДИАКОНА М. Г. АТАМАНОВА

UDMURT PROTODEACON M. G. ATAMANOV'S RELELIGIOUS AND EDUCATIONAL ACIVIVITIES

Аннотация. В статье рассматривается религиозно-просветительская деятельность известного удмуртского священнослужителя РПЦ М. Г. Атаманова. Показан его вклад в развитие перевода богослужебных книг на удмуртский язык. Акцентируется внимание на просветительской и проповеднической деятельности протодиакона; характеризуется его участие в церковных и научных мероприятиях, представлена работа в области средств массовой информации.

Abstract. The religious and educational activities of the famous Udmurt priest of the Russian Orthodox Church M. G. Atamanov is discussed in this article. His contribution to translations of liturgical books into the Udmurt language is shown. Protodeacon educational and preaching activities, participation in church and scientific events, in the mass media is focused.

Ключевые слова: христианство, протодиакон М. Г. Атаманов, религиозно-просветительская деятельность, переводы духовной литературы на удмуртский язык.

Keywords: christianity, protodeacon M. G. Atamanov, translation, religious and educational activities, translations of spiritual literature into the Udmurt language.

Сегодняшнее положение духовной журналистики благоприятно сказывается на возрождении традиций благочестивой жизни. Примечательна в этом отношении и Удмуртия. В республике появились специализированные издания (например, «Православные вести. Ижица»), тематические выпуски в республиканских изданиях «Удмуртская правда» и «Удмурт дунне» («Удмуртский мир»), имеются соответствующие интернет-сайты, есть незначительные сдвиги в теле-радиоэфире. Особняком в духовно-просветительской жизни республики стоит творчество протодиакона, доктора филологических наук М. Г. Атаманова. Представитель православной церкви и в то же время светский ученый-филолог, он успешно соединяет два начала познания мира: религиозное и научное.

Свое служение в Русской Православной Церкви Михаил Гаврилович начал в конце 1989 года. В январе 1990 года епископом Палладием (Шиман) он возведен в сан диакона. В 1991 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и он всея Руси Алексия II совместно с Институтом перевода Библии (Финляндия) приступил к переводу Библии на удмуртский язык. Перевод Библии на удмуртский язык – это, пожалуй, главное дело всей жизни М. Г. Атаманова. Эта работа позволила, с одной стороны, удмуртам изучать Библию на родном языке. С другой – Михаил Атаманов, выполняя перевод, обогатил сам язык, это достойный образец чистого, красивого литературного удмуртского языка.

Над редакцией текстов вместе с ним работала богословский редактор Института перевода Библии Марья Картано (г. Хельсинки). В процессе работы, которая продолжалась более 20 лет, отдельными книгами издавались разные части Библии. В ноябре 2013 года состоялась презентация сборника канонических книг Библии на удмуртском языке, изданных одной книгой. В ноябре 2016 года состоялась презентация сборника неканонических книг

Библии. Михаилом Атамановым переведены на удмуртский язык и изданы такие богослужебные книги, как Молитвослов, Канонник, Акафистник, Великая вечеря и Утреня, Литургия и др. Долгое время он служил референтом Ижевской и Удмуртской епархии. По инициативе М. Г. Атаманова в одном из храмов города Ижевска ведется богослужение на удмуртском языке.

Самая высшая оценка его трудам на ниве Христовой дана самим Патриархом Алексием II, который назвал протодиакона Михаила Атаманова «апостолом Удмуртии». В 1994 году удостоен церковной награды – ордена Святого равноапостольского князя Владимира III степени, в 2005 году – ордена преподобного Серафима Саровского. Возведен в сан протодиакона.

Будучи священнослужителем Русской Православной Церкви, активно занимается просветительской и проповеднической деятельностью. В 2005 году за счет собственных средств на его родине, в деревне Старая Игра Граховского района, создан музей-квартира, где проводятся различные просветительские мероприятия. На его же средства в родной деревне священнослужителя построена церковь. Долгое время вел в газете «Удмурт дунне» рубрику «Оскон. Оскиськон. Яратон» («Вера. Надежда. Любовь»). Около 20 лет на республиканском радио раз в месяц вел передачу в прямом эфире «Ӟеч Ивор» («Благая Весть»), где звучали проповеди на евангельские темы с церковными песнопениями на удмуртском языке.

В 1994 году Михаил Гаврилович совершил паломническую поездку по святым местам Ближнева Востока, Северной Африки и юго-восточной Европы, после которой опубликовал дневник паломника под названием «Ньыль зарезь пыр Иерусалиме» («За четыре моря – в Иерусалим»). Книга переведена на русский и финский языки. В 1999 году издал книгу на русском языке «Мой путь в Библию».

М. Г. Атаманов является не только ученым, священнослужителем, но и писателем, он – член Союза писателей России. На основе эпических песен-сказаний написал эпос «Тангыра». В эпосе, при создании которого автором использованы все жанры

удмуртского фольклора, исторические документы, библейские сюжеты и вкраплены тексты подлинных удмуртских песен, сказаний и молитв, осмысливаются наиболее драматические, переломные моменты истории удмуртского народа.

С января 2002 года в журнале «Кенеш» («Совет») под литературным псевдонимом Атаманов-Эграпи Микаль публиковал серию художественно-документальных очерков под общим названием «Кылё тодэм калыкъёс» («Остаются знаемые люди»), посвященных показу жизни благочестивых христиан, многие из которых пострадали в годы гонений за веру и церковь.

Сборник эссе «Мон – удмурт. Малы мыным вёсь?» («Я удмурт. Отчего мне больно?») отмечен литературной премией «Программы родственных народов Эстонии» (2009 г.). А монография «Происхождение удмуртского народа» (Ижевск, 2017 г.) была выставлена на всероссийском книжном фестивале «Красная площадь»; вошла в список «50 лучших региональных изданий» по итогам конкурса АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России) «Лучшие книги 2017 года».

Многочисленные труды Михаила Гавриловича (автор более 50 книг, более 300 научных и научно-популярных статей, рецензий, монографий по вопросам ономастики, топонимики, диалектологии, фольклора, этнографии) позволили нам значительно углубить научные знания в области изучения языка, истории и культуры удмуртского народа.

Неустанный труд, добросовестность, бережное отношение к Слову привели к тому, что среди современников М. Г. Атаманов известен как квалифицированный диалектолог, талантливый фольклорист, этнограф и священнослужитель.

УДК 929:39(=511.131)(045)

Л. А. Волкова
Глазовский краеведческий музей, г. Глазов

L. A. Volkova
Glazov Museum of Local Lore, Glazov

КУЗЕБАЙ ГЕРД И СЕВЕРНЫЕ УДМУРТЫ: НЕСЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

KUZEBAI GERD AND THE NORTHERN UDMURTS: NON-ACCIDENTAL MEETINGS

Аннотация. В 1928–1929 годах аспирант К. П. Чайников (Кузебай Герд) собирал фольклорно-этнографические материалы для своей кандидатской диссертации. В этот период он организовал экспедицию в Глазовский уезд Вотской автономной области. Здесь близко познакомился и тесно сотрудничал с представителями молодой удмуртской интеллигенции. В беседах с ними, затем в письмах освещал важные задачи создания национальной социалистической культуры. Говорил и писал им о насущных проблемах сохранения этнической культуры и повышения самосознания удмуртов в новой советской системе. В фондовых и архивных коллекциях краеведческого музея и публичной научной библиотеки г. Глазова хранятся фотографии и письменные документы, свидетельствующие об этих встречах и беседах.

Abstract. In 1928–1929, the graduate student K. P. Chaynikov (K. Gerd) collected folklore and ethnographic materials for his Ph.D. thesis. During this period, he organized an expedition to Glazovsky district of the Votskaya autonomous region. Here he became closely acquainted and worked closely with representatives of the young Udmurt intelligentsia. In conversations with them, then in letters, he highlighted

the important tasks of creating a national socialist culture. He spoke and wrote to them about the pressing problems of preserving ethnic culture and raising the self-consciousness of the Udmurts in the new Soviet system. In the fund and archival collections of the Museum of Local Lore and the Public Scientific Library of Glazov there are photo sources testifying to these meetings and conversations.

Ключевые слова: Кузебай Герд, фольклорно-этнографические экспедиции, молодая удмуртская интеллигенция, национальная социалистическая культура, фотоисточники и письма, Глазовский уезд, Вотская автономная область.

Keywords: K. Gerd, folklore and ethnographic expeditions, young Udmurt intelligentsia, national socialist culture, photo sources and letters, Glazovsky district, Votskaya autonomous region.

... А теперь,
Когда говорят «Удмуртия»,
Видит мой восхищенный взор Синюю Каму, проснувшийся бор,
Лица людей просветленные, мудрые...
Кузебай Герд (Пер. В. Емельянова)

Жизнь и деятельность выдающегося удмуртского поэта, просветителя, ученого, национального и общественного деятеля Кузебая Герда (Кузьма Павлович Чайников, 14.01.1898–01.11.1937) настолько многогранна, что невозможно охватить её в одной статье. Историография научных и публицистических исследований также не поддается учету. Вместе с тем, разносторонняя творческая личность, целиком и полностью посвятившая себя служению родному народу, всегда привлекает к себе внимание и каждый может найти для себя неизведанные грани и нераскрытые страницы его кипучей жизнедеятельности. Таковыми нам представляются мало изученные и слабо освещенные в литературе связи Герда с северной Удмуртией, этнической культурой северных удмуртов.

Между тем, эти страницы жизни Кузебая Герда вскользь затрагиваются в письмах А. Г. Векшиной (Ашальчи Оки) и В. И. Чирковой, которые доступны читателям благодаря сборнику «О ней я песнь пою…», составленному Ф. К. Ермаковым [см.: Кузебай Герд 1997, с. 308–311; 314–315]. Некоторый свет на историю вопроса проливают бережно хранящиеся в музейных коллекциях и библиотечных фондах г. Глазова фотографии и документы периода 1920-х гг., «эпохи больших перемен», когда складывалась удмуртская социалистическая культура. А её первыми строителями становились юноши и девушки, приехавшие в город со всего Глазовского уезда в стремлении получить среднее и профессиональное образование в школах второй ступени, советско-партийной школе, педтехникуме и сельхозтехникуме. К слову сказать, в этом строительстве активно участвовали молодые П. Н. Перевощиков, будущий доктор филологических наук, а тогда – преподаватель педтехникума и совпартшколы, его жена – А. И. Перевощикова (Васильева), первая женщина-удмуртка, доктор медицинских наук. Она, получив диплом врача, работала по ликвидации трахомы и туберкулеза в окрестных деревнях Глазовского и Понинского ёросов и знакомила будущих учителей с анатомо-физиологическими особенностями школьников. В техникум она прибыла в годы, когда заведующим был Д. И. Корепанов (Кедра Митрей), которого очень ценила, как внимательного к преподавателям и учащимся, пользовавшегося в коллективе большим авторитетом и уважением.

Фотографии и их аннотации представляют огромную историческую и музейную ценность, обладают большим источниковедческим потенциалом. Для выявления уникальной информации была проведена разнообразная исследовательская работа. Данные фотографии сличались с другими на предмет идентификации лиц, изображенных на снимке. Привлекались сопутствующие документы из фондов музея для углубления исторических сведений. Изучались архивные документы и воспоминания местных краеведов для создания общей картины советской системы образования и осуществления культурной революции в городе и в деревнях в изучаемый

период. Фотографии показывают, что большая часть молодой удмуртской интеллигенции работала в системе образования.

Так же начал свою национальную и культурно-просветительскую работу уроженец д. Покчивуко (Большая Докья) Малмыжского уезда (сегодня – Вавожский р-н), выпускник Кукарской учительской семинарии (ныне – г. Советск Кировской обл.) К. П. Чайников. Будучи заведующим удмуртского отдела Малмыжского уездного отдела народного образования (уоно), участвовал в открытии новых сельских школ, Новомултанского педтехникума, писал стихи, пьесы, переводил произведения русских драматургов для созданных им драматических кружков. Однако жизнь творчески одарённого молодого человека не ограничивалась литературно-общественной деятельностью. Приняв с восторгом Октябрьскую революцию, открывшую светлую дорогу удмуртам, Кузебай Герд активно включился в политическую жизнь формирующейся Удмуртской автономии. Его позиция ярко выразилась в переводах на удмуртский язык известных революционных песен: «Марсельеза», «Вы жертвою пали», «Вихри враждебные». В Удмуртском комиссариате, располагавшемся в г. Сарапуле, он возглавил издательский отдел. Под руководством Т. К. Борисова работал над изданием газеты «Гудыри», ставшей официальным органом Комиссариата, создал и редактировал первый удмуртский детский журнал «Муш» («Пчела»).

К глазовским удмуртам Кузебай Герд стремился попасть не только как исследователь, и не только в 1928–1929 годах. С образованием Удмуртской автономной области (4 ноября 1920 года) члены Комиссариата в полном составе были направлены из Сарапула в новообразованную столицу – город Глазов. Ему, как и другим сотрудникам, были выданы сопроводительные документы на проезд. Одно удостоверение от 21 марта 1921 года гласит: «Дано сие школьному работнику Козьме Павловичу Герд в том, что он действительно в срочном порядке вызывается ревкомом в распоряжение Областного отдела народного образования и переезжает на постоянное жительство в г. Глазов. Товарищу Герд все

советские учреждения, должностные лица обязываются оказывать всемерное содействие в пути следования, давая ему в первую очередь требуемое количество подвод и не чинить никаких препятствий в перевозке багажа». Второе удостоверение предписывало Ново-Мултанскому волостному исполкому и милиции не задерживать и не конфисковать корову с телёнком, которую сотрудник ревкома, переезжая в Глазов, очевидно, собирался везти с собой [Хазиахметова 2019, с. 108–109].

Однако переезд не состоялся, отдел народного образования, как известно, возглавил заместитель председателя ревкома И. А. Наговицына Т. К. Борисов. Выпуск «Гудыри» осуществляли И. Т. Дядюков и П. Н. Баграшов [Хазиахметова 2019, с. 86]. Оказалось, что К. П. Чайников с женой Н. А. Герд, уехали на родину мужа. В воспоминаниях от 3 сентября 1966 года Надежда Антоновна пишет: «Мы с Кузебаем на один год решили уехать в его деревню учителями, пока шла вся эта пертурбация. <…> В его деревне мы учительствовали один год, я учила 1–2 классы, он – 3–4» [Как молния в ночи 1998, с. 293]. Таким образом, первое знакомство с северными удмуртами и Глазовом тогда не состоялось.

Уже работая над диссертацией «Родильные обряды и восточно-финская колыбель»* в аспирантуре Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (г. Москва) в 1926–1929 годах, он организовал несколько фольклорно-этнографических экспедиций в Глазовском и других северных районах Удмуртии.

Кстати, стремление попасть к северным удмуртам Кузебай Герд высказывал неоднократно в письмах своим друзьям и коллегам по краеведению. В письме от 3 июня 1928 года, направленном Акилине Григорьевне Векшиной (Ашальчи Оки), работавшей в селе Юкаменском врачом-окулистом, Герд сообщает, что

* К сожалению, сохранилась лишь первая часть диссертации в архивах Финляндии. Впервые опубликована в журнале «Ethnographica», Suomazais-ugrizainen seura. Helsinki, 1993 под названием «Человек и его рождение (У восточных финнов») [Кузебай Герд 1997, с. 188–274].

постарается приехать в глазовскую деревню хоть на две недели для сбора этнографического материала. Он советует и Лине начать записывать местный фольклор. Герд пишет, что почти каждый день получает письма от удмуртской литературной молодежи, особенно от молодежи Глазовского края. С редакцией газеты «Выль гурт» («Новая деревня»)* установились хорошие товарищеские отношения. Его это очень радует, так как письма «ярко говорят о том, насколько мы, удмурты, теперь выросли, насколько выросли литературные и иные запросы наших *егит* (молодых – *ред*.) писателей. Бедной моей машинке так много достается, каждый день она стукает письма» [Кузебай Герд 1997, с. 310–311]. В статьях, опубликованных в названной газете, он освещал важные задачи создания национальной социалистической культуры. Писал о насущных проблемах сохранения этнической культуры и повышения самосознания удмуртов в новой советской системе. Знакомил с задачами предстоящей экспедиции.

В письме Герд сетует, что пока не получил положительного ответа от Глазовского уоно (уездный отдел народного образования) на свою просьбу о финансовой поддержке экспедиции. Ссылаясь на компетентное мнение В. С. Чуракова, отметим, что помощь все же была оказана. Автор пишет, что экспедиция работала в конце августа – начале октября по теме «Труд и быт удмуртских детей». Очевидно, состав экспедиции был небольшим – сам Герд, преподаватель педтехникума Ф. Пономарев, Я. Кочетков (чертежник и фотограф из Института народов Востока) и заведующая краеведческим музеем В. Чиркова. Фотоснимок участников экспедиции опубликован [Кузебай Герд 1997, вкл.]. /В отчете об экспедиции К. П. Герд отметил: «Собраны материалы по отделам: а) утробный период удмуртского ребенка; б) родильные обряды, в) грудной возраст, г) дошкольный возраст, д) школьный возраст, е) игрушки и игры вотских детей, ж) детская одежда, з) лечение детских болезней у вотяков… Записано и заснято 79 игр, 15 детских игрушек,

* Газета «Выль гурт» («Новая деревня») – орган Вотского обкома и Глазовского райкома ВКП(б) в 1927–1930 годах.

12 текстов детских песен и 12 мелодий (на фонографе), сделано 456 фотоснимков, 30 зарисовок детской одежды» [см.: Чураков 2014].

Экспедиционные материалы он использовал при написании многочисленных статей об удмуртской культуре. Зная, что исследования фольклора редко издаются в научных сборниках, предложил статью о загадках Ф. В. Стрельцову, ученому секретарю и редактору «Трудов» Научного общества по изучению Вотского края[*]. В статье знакомит с некоторыми особенностями загадывания загадок в период святок *(вожодыр),* с 25 декабря по 5–6 января, у жителей Понинской, Люмской, Ягошурской волостей Глазовского уезда. Отмечает, что здесь, как и у других групп удмуртов загадки не считаются пустой забавой, развлечением. Особое отношение сельчан к загадке и веру в её продуцирующую силу выражает словами: «В другое время от загадывания загадок в этих районах воздерживаются». Эти вечера становятся своеобразными творческими вечерами устной поэзии, наряду с загадками вспоминаются легенды, предания, сказки, эпические сказания о местных богатырях.

Кстати, такой способ проведения святочных вечеров у глазовских удмуртов подмечал еще в конце XIX века Н. Г. Первухин. Он писал, что на таких «посиделках» *(«вожо брага»)* «во время святок молодежь вотская прерывает песни, пляски и выпивку рассказыванием сказок и загадыванием загадок (*вожо мадь*). На святках рассказывание сказок и загадывание загадок составляет обязательную часть содержания вечера» [Первухин 1889, с. 21; Первухин 1888, с. 104–105].

Ритуально-обрядовое проведение таких вечеров, зафиксированное уездным инспектором, не сильно трансформировалось со временем. Герд отметил, что вечернее мероприятие проводится в чьей-либо избе, а иногда специально арендуется изба. Из записи

[*] К. Герд. К изучению удмуртских загадок // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Вып. 5. – Ижевск: Издание Научного общества по изучению Вотского края, 1928. – С. 127–134.

можно сделать вывод, что народу собиралось довольно много: «В избе располагаются, кому, как хочется: сидят на лавках, многие залезают на полати, некоторые ложатся или садятся на пол». Приходили с рукоделием: девушки и молодые женщины приносили свои прялки, мужчины тоже брали ручную работу [Кузебай Герд 1997, с. 166–167]. Таким образом, собиратель зафиксировал сохранение северными удмуртами в 1920-е годы традиций трудового поведения в *вожодыр*: нельзя работать в сумерки (*акшан)*, в период особенной активности *вожо*, но не возбраняется, а скорее даже предписывается рукоделие в ночное время. Этот факт тем важнее, что он свидетельствует о либеральности церковных установок среди сельских удмуртов, в то время, как православие предписывало времяпровождение в молитвах и посещение церкви. Так это водилось у русских соседей, которые в святки запрещали любое рукоделие, кое-где даже закидывали на чердак прялки. Как видим, воздействие церкви на обрядовое поведение оказалось не глубоким. И это при том, что во всех названных селах православные церкви имели давнее происхождение: Михайло-Архангельская, затем Свято-Троицкая церковь в с. Понино существовала с 1750 года, Владимирско-Богородицкая в с. Люм – с 1849 года, а Богоявленская в с. Ягошур – с 1864 года. [Православные храмы 2000, с. 172, 213, 301].

Об экспедиции Герда рассказывают четыре фотоснимка. Они иллюстрируют моменты экспедиционной работы и отдыха. На всех фото изображены Кузебай Герд, Д. И. Корепанов (Кедра Митрей) – заведующий Глазовским уоно (а, может, уже директор педтехникума, которым он руководил в 1928–1930 годы, до отъезда на учебу в Москву в Литературный институт), А. Н. Лекомцев – тогда учащийся педтехникума, а в 1935–1938 годах – директор краеведческого музея. На одном снимке участники экспедиции позируют на отдыхе с гармонью, а на другом – работают за столом, слушают и записывают текст с фонографа. Фонограф, очевидно, был привезен в экспедицию Гердом. Еще один фотоснимок изображает обеденный перерыв членов экспедиции. Снимок состоит из двух фрагментов, на одном (по аннотации на обороте фото)

запечатлена семья московского композитора, музыковеда И. Я. Галкина, участника экспедиции, а впоследствии – основателя удмуртской профессиональной музыки. Проживая в 1939–1945 годах в Удмуртии, композитор писал музыку к спектаклям, романсы, хоры, симфонические сочинения. Он – автор музыкальной драмы «Аннок» по пьесе И. Гаврилова. В музыкальной историографии Удмуртии пишут, что Галкин впервые познакомился с удмуртской песенной культурой в 1936 году в Кирове [Удмуртская Республика 2000, с. 264]. Если верить аннотации, получается, что к удмуртам он приезжал в 1928 году по приглашению Кузебая Герда, причем не один, а с женой и двумя детьми. На обороте одной фотографии сохранилась аннотация. Очевидно, в ней называются имена и фамилии изображенных: «1) Кузебай Герд, 2) Кедра Митрей, 3) композитор Галкин с женой и детьми, 4) учит. Корепанова Зина, 5) учит. из Омутницы, знали очно Сашко (Саня), 6) Лекомцев Степан Никитович – директор Глаз. музея (автор пьесы на удм. яз. «Мама»)». Трудно судить, насколько точны эти сведения, нет ли ошибки в названии пьесы Лекомцева (в другом месте пьеса названа «Маша»), кто такие учительницы из д. Омутницы и идет ли речь об Очко Санко (А. Н. Наговицыне-Эрике), тогда – молодом корреспонденте глазовской газеты «Выль гурт»?

В августе 1929 года на север Удмуртии были организованы три экспедиции. Их возглавили К. П. Герд, Я. И. Ильин и Я. И. Поздеев. Сведения об этой экспедиции нами обнаружены в письме Вассе Ивановне Чирковой от 7 мая 1929 года. Из Москвы Герд пишет, что удмуртская глазовская экспедиция пройдет в Пудемском районе предположительно в весенне-летнем триместре. В Глазов он собирался приехать 1–10 июня. Отряд экспедиции планировался небольшим, очевидно, из трех человек: Герда, Чирковой и Кочеткова. Пономарева в этот раз не пригласили, «хотя он и хороший работник», потому что финансовых средств не хватало [Кузебай Герд 1997, с. 314–315]. Члены экспедиции продолжили сбор этнографических и фольклорных материалов по темам: «Труд и быт удмуртских детей» и «Жилища глазовских удмуртов». Возможно, именно во время этой экспедиции был сделан снимок, на обороте

которого оставлена надпись: *«Абыз-пеллясь. 12.V.1929 г. Чиркова Васса Ивановна 1929 арын К. Гердэн тодматскыку»* (Знахаркашептунья. Чиркова Васса Ивановна, 12.V.1929 года, во время знакомства с К. Гердом).

Сотрудничество этих молодых людей, создающих социалистическую удмуртскую культуру, продлилось недолго. Герд был арестован 13 мая 1932 года по сфабрикованному обвинению в национализме и в руководстве контрреволюционной организацией СОФИН («Союз освобождения финских народностей»), деятельность которого якобы была направлена на отторжение Удмуртской автономной области от СССР. «Когда его арестовали, написал мне письмо», – пишет Чиркова: «Я так плакала и боялась НКВД: за мной была такая слежка от ГПУ». Тем не менее, она попыталась товарищу помочь, три раза ездила в Киров к П. Н. Луппову и через него передавала арестованному деньги и посылки в тюрьму в Нижнем Новгороде (тогда – Горький). Вряд ли эти посылки дошли до адресата, ведь к нему не пускали на свидания даже жену. За попытку помочь Герду в Глазове её саму посадили на 4,5 месяца под домашний арест: «зарплату получала, а музей был закрыт» [Чураков 2014].

Вот так запечатлела история встречи Кузебая Герда с северными удмуртами. Скупые строки писем, исследовательские статьи, пожелтевшие фотографии сохранили уникальные страницы его знакомства с их этнографией и этнической культурой. Он чутко улавливал отличительные черты в характере, быту, культуре «глазовских» удмуртов, но еще отчетливее понимал и видел единые, стержневые черты, объединяющие весь народ независимо от места проживания. Неустанно трудился в отпущенные ему судьбой короткие 39 лет жизни за процветание, за духовное возрождение удмуртов и верил, что тот «Запоёт во весь голос / открыто / На удмуртском родном языке».

ЛИТЕРАТУРА

Как молния в ночи… К. Герд. Жизнь. Творчество. Эпоха / сост. и лит. обработка З. А. Богомоловой. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. – 752 с.

Кузебай Герд. О ней я песнь пою…: Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 336 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз II. Идоложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах – Вятка: Губерн. типог., 1888. – 139 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков – Вятка: Губерн типог., 1889 – 84 с.

Православные храмы Удмуртии: Справочник-указатель – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 480 с.

Удмуртская Республика: Энциклопедия – Ижевск: Удмуртия, 2000. – С. 264.

Хазиахметова В. С., Утеева Э. Н. Революционный комитет Вотской автономной области: взгляд из XXI века (1921 г., январь – июнь, г. Глазов): Хрестоматия – Казань – Глазов: ИД «МеДДоК», 2019. – 296 с.

Чураков В. С. Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20-е – 30-е годы XX века – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/folklorno-lingvisticheskie-i-arheologo-etnograficheskie-ekspeditsii-rabotavshie-sredi-udmurtov-v-20-e-30-e-gody-xx-veka/viewer (дата обращения: 05.02.2023)

Фото 1, 2. Участники экспедиции на отдыхе.
Глазовский уезд, 1928 г.

Фото 3. Участники Участники экспедиции обрабатывают фольклорные материалы. Глазовский уезд, 1928 год.

Фото 4. Участники экспедиции за обеденным столом. Глазовский уезд, 1928 г.

Фото 5. В. И. Чиркова, заведующая краеведческим музеем. г. Глазов, 1929 г.

Фото 6. Сьезд удмуртской интеллигенции. г. Глазов, 1929 г.

УДК 159.9:316.77(045)

И. Н. Загоруйко, А. И. Абрамов
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

I. N. Zagoruiko, A. I. Abramov
Udmurt State University, Izhevsk

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

TO THE ISSUE OF THE CONFLICTOGENICITY REPRESENTATION IN THE MEDIA SPACE

Аннотация. Представлен взгляд на проблему коммуникативного взаимодействия в медийном пространстве современного общества. Отмечается, что тенденции демократизации и минимизации ограничений в языке выводят на первый план проблему этики и норм общения; наблюдается искажение привычной коммуникации, ее замещение эксплицитными проявлениями агрессии, провоцирующей конфликты. Наиболее яркими конфликтогенными элементами такого рода взаимодействия в медиапространстве являются представители «темной триады», которую составляют участники с ярко выраженными личностными чертами: нарциссизм, психопатия, макиавеллизм.

Abstract. This article presents a point of view on the modern communicative problem of interaction in the media space. It is noted that democratization and minimization trend of restrictions in language brings to the fore the ethics and communication norms problem, which in turn contributes to the distortion of habitual communication, replacing it with explicit manifestations of aggression provoking conflicts. The most striking interaction conflict-causing elements of this kind in the media space are the dark triad representatives, which consists

of participants with pronounced personality traits: narcissism, psychopathy, machiavellianism.

Ключевые слова: медиапространство, конфликт, конфликтогенность, темная триада, нарциссизм, психопатия, макиавеллизм.

Keywords: media space, conflict, conflictogenicity, dark triad, narcissism, psychopathy, machiavellianism.

Новые тенденции в культуре речевого общения, обусловленные либерализацией общественных отношений и демократизацией норм русского литературного языка, делают особенно актуальной проблему экологии языка, раскрывающей идеи вербальной агрессии в обществе в целом и в СМИ.

Вопрос конфликтогенности в медийном пространстве напрямую связан с уровнем вербального интеллекта участников коммуникативного взаимодействия. Само явление конфликтогенность достаточно комплексное и включает в себя широкий спектр жестов, оценочных суждений, действий или бездействий одной или обеих взаимодействующих сторон, способных привести к возникновению конфликтной ситуации и к ее перерастанию в реальный конфликт.

Медиапространство на современном этапе развития демонстрирует некоторые характерные черты, способствующие активации все большего количества участников (о психологическом портрете которых речь пойдет далее). Это – 1. Наличие в тексте языкового описания невербальных проявлений враждебных состояний личности, могут быть группы эмоций гнева, злости, страха и др.; 2. Вербальный компонент прямой либо косвенной агрессии (феномен речевой агрессии).

Рассматриваемый феномен речевой агрессии тесно связан с такими явлениями как враждебность, конфликт, отрицательная оценка, речевое (языковое) манипулирование. Остановимся на каждом из них.

Враждебность – активное словесное действие, направленное на определенный объект (явление, лицо, группу лиц и т. д.),

мотивационным основанием для которого, как правило, является состояние враждебности по отношению к этому объекту.

Конфликт представляет собой ситуацию, связанную с определенным противоречием, причем это противоречие возникает, в том числе, в процессе роста и развития отношений. Исследователи выделяют ряд жанров в рамках конфликта: ссора, раздор, дрязги, клеветничество, ругань, хуление и некоторые др.

Оценочность: более частотным является выражение негативной оценки, что, помимо объективных причин, объясняется определенными закономерностями человеческого мышления: «положительное» или «хорошее» представляет для нас своего рода норму, т.е. нечто само собой разумеющееся, тогда как явления, нарушающие норму, концентрируют на себе внимание и оказываются наиболее актуальными для обозначения в речи и оценивания.

Речевое (языковое) манипулирование – это вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент – агитационные материалы [см.: Петрова 2011].

Не стоит забывать, что в медиапространстве функционируют, наряду с явными конфликтогенами, «ложные цели», а именно «спонтанная реакция на стресс» и «вербальная аутоагрессия». В то же время в медиапространстве редко встречаются такого рода обезличенные явления, так как практически всегда присутствует субъект направленной деятельности.

Процесс порождения и создания конфликтов определяется как конфликтогенность, т. е. перечень отрицательных качеств личности, выражающихся в склонности к конфликту через ссоры, неуступчивость, настойчивое утверждение своего мнения; проявляется как бестактность, мнительность, повышенная требовательность, настойчивость, отстаивание своих позиций вопреки очевидности и в поступках [см.: Мищенко 2020].

Отметим, что конфликтогенность языка СМИ имеет различные формы проявления: наклеивание ярлыков, обыгрывание

имени объекта агрессии, нагнетание негативных ассоциаций, акцентирование неприятных или обидных для объекта деталей, прямое оскорбление, дисфемизация речи и т. д. Кроме того, специалисты выделяют разновидности речевой агрессии в зависимости от ее «интенсивности»: брань, ругань, прямое порицание (сильные, или открытые, формы), скрытый упрек, косвенное осуждение (слабые, или стертые, формы).

В целом конфликтогенность медиапространства, репрезентированная речевой агрессией, делится на два больших блока:

– открытая речевая агрессия (языковой конфликт репрезентирован высокой инвективностью языка, манипулированием). Данный блок отличается отсутствием наличия адресата, и высказывания могут восприниматься как риторическое восклицание (Да кто ты такой! Чтоб тебе пусто было! и др.).

– латентная речевая агрессия (демагогия). Проявляется сознательное нарушение словесных постулатов успешного общения – автоматизированных конструкций, использование речевых импликатур [см.: Петрова 2011].

Столь сложная структура содержательной стороны конфликтогенности медиапространства требует изучения участников, которые создают и управляют контентом.

Выделяют три основных типа участников, создающих конфликтное состояние в медиапространстве, которые отличаются следующими психологическими чертами: неклинический нарциссизм, неклиническая психопатия и макиавеллизм [см.: Дериш 2015].

Остановимся более подробно на каждой выраженной черте участников взаимодействия в медиапространстве.

1. Нарциссизм характеризуется исключительным чувством значимости, уход в фантазийный мир, что порождает веру в собственную уникальность, данный факт провоцирует потребность в особенном отношении к себе, постоянным подтверждением собственной ценности. Такой участник медиапространства особое внимание уделяет созданию и поддержанию идеального образа: яркие фото (дорогие автомобили, акцент на дорогих аксессуарах

и др.), изощренные псевдонимы (наименования животных: Волк, Рысь и др., абстрактные элементы: Победоносцев, Великий и др.); старается привлечь к своей персоне всеми доступными способами: эгоцентричность (болезненные выпады в сторону участников коммуникативного взаимодействия, если реакция поступает медленнее, чем ожидал нарцисс), акцентирование на своей персоне (любой прогноз или анализ текущих событий, предложенный таким участником, считается единственно верным, любые сомнения и просьба подтверждения вызывают открытую агрессию), высокая стандартизированность в общении (моя диссертация), стремление к использованию невербальных способов выражения состояния (смайлы, графические элементы) [Шамшикова 2011].

2. Психопатия определяется как пограничное состояние, рассматриваемое как аномалия развития эмоционально-волевой и мотивационной сферы личности в рамках относительно стабильного проявления патологических черт характера. Отметим, что наиболее интересным для изучения, с точки зрения медиапространства, является социопатическое поведение. Оно выражается в низкой тревожности при любых обстоятельствах и практически маниакальном бесстрашии (особо привлекает материал, который содержит данные о катастрофах, безжалостных поступках), однако максимально осторожен в той области, с которой знаком (часто упоминает разные статьи из административного и уголовного кодексов) [см.: Бурцев 2014].

3. Макиавеллизм – это междисциплинарный термин, который используется в ряде наук, изучающих общество и взаимодействие индивидов. Данный тип участников наиболее склонен к применению алгоритмов манипуляций в межличностной сфере, частотны ложные действия и стремление к дезориентации собеседника. Исследователи темной триады указывают на факты, что составляющими макиавеллизма выступают убеждения субъекта в возможности и необходимости манипулирования; умение убеждать других, вовлекаться в намерения и причины поступков коммуникативных партнеров [см.: Егорова 2009].

Анализ речевых особенностей рассмотренного вида участников представляется крайне перспективной задачей, позволяющей понять первопричины высокой агрессии, девальвирующий ключевые аспекты медийного пространства и его созидательные цели в строительстве и развитии общественных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

Бурцев А. О. Возникновение и развитие понятия «психопатия»: отечественные и зарубежные исследования личностных расстройств в XIX столетии // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2014. – № 3 (6). – С. 9–27.

Дериш Ф. В. Симптомокомплекс «Темная триада» во взаимосвязи с базовыми свойствами личности // Вестник ПГГПУ. Серия «Психологические и педагогические науки». – 2015. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simptomokompleks-temnaya-triada-vo-vzaimosvyazi-s-bazovymi-svoystvami-lichnosti (дата обращения: 09.03.2023).

Егорова М. С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия «Дифференциальная психология». – 2009. – № 1/2. – С. 65–80.

Мищенко В. И. Конфликтогенность личности как предмет психологического исследования // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2020. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktogennost-lichnosti-kak-predmet-psihologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 09.03.2023).

Петрова Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.

Шамшикова О. А., Клепикова Н. М. Операционализация понятия «нарциссизм» в пределах психической нормы // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3. – С. 151–158.

УДК 316.77:004.7(470.51)(045)

И. Н. Загоруйко, О. И. Душак
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

I. N. Zagoruiko, O. I. Dushak
Udmurt State University, Izhevsk

МЕДИАПОТЕНЦИАЛ ГЕОБРЕНДИНГА В РУНЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

MEDIA POTENTIAL OF GEOBRANDING IN RUNET (ON THE EXAMPLE OF THE UDMURT REPUBLIC)

Аннотация. Статья посвящена геобренду как инструменту продвижения региона в Рунете на примере Удмуртской Республики. Повышение лояльности к определенной территории способствует ее активному развитию во многих сферах, в частности, туризме и привлечении инвестиций. Потому в условиях конкурентной среды каждому региону необходимо создать узнаваемый образ в медиапространстве. Статья рассматривает способы и пути формирования геобренда.

Abstract. The article is devoted to the geobrand as a tool for promoting the region in the Runet on the example of the Udmurt Republic. Increasing loyalty to a certain territory contributes to its active development in many areas, in particular tourism and attracting investment. Therefore, in a competitive environment each region needs to create a recognizable image in the media space. The article examines the ways and means of forming a geobrand.

Ключевые слова: медиапространство, геобрендинг, геобренд, бренд территории, социальные сети, средства массовой информации, продвижение, Рунет.

Keywords: media space, geobranding, geobrand, territory brand, social networks, mass media, promotion, Runet.

В современном медиапространстве в условиях конкуренции функционирует не только рынок средств массовой информации. Но регионы вынуждены выстраивать свою деятельность, подчиняясь требованиям экономики страны. Борьба между субъектами идет за привлечение турпотоков и государственных инвестиций, что, в свою очередь, сказывается на качестве жизни людей и благосостоянии территории. Это требует от руководства региона грамотной административной политики, большую роль в которой играет создание и развитие территориального бренда, его успешное позиционирование на государственном уровне. Таким образом, основным понятием в рамках заданной проблематики становится «геобренд».

Геобренд, согласно определению И. Важениной, – «это совокупность непереходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики данного города и сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом потребителей» [Цит. по: Сулаеман 2021: с. 296–298].

Российский специалист в области маркетинга и брендинга территорий Д. Визгалов дает такое определение: «Бренд города – городская идентичность (или идентичность города), системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях и образах и нашедшая максимально полное и адекватное отражение в имидже города» [Цит. по: Сулаеман 2021: с. 296–298].

Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» задал курс на активное освоение информационного пространства и продвижение региона, как значимого субъекта страны со своей уникальной историей, культурой, туристическим потенциалом и промышленными возможностями. Весь спектр мер, направленных на улучшение перечисленных

позиций, называется геобрендинг и представляет собой частное проявление брендинга в целом, а соответственно реализуется он по тем же принципам, работает с аналогичными технологиями и инструментами.

Геобрендинг включает в себя комплекс ассоциативных элементов (например, положительные эмоции, ценностные ориентиры и др.), которые возникают в сознании масс и повышают лояльность к региону [см.: Шушарин 2014: с. 103–105]. Наиболее популярной площадкой стали социальные сети. Они обладают рядом преимуществ: экономичность, наличие обратной связи, таргет, высокая степень вовлеченности аудитории (как результат возможности геймификации информационного поля).

Рассмотрим принципы функционирования геобрендинга на примере Удмуртской Республики. Обратимся не только к местным проектам, но и к программам центральных СМИ.

Наибольший интерес в области геобрендинга со стороны властей республики лежит в двух плоскостях: туризм и промышленность. Сфера туризма представлена в социальных сетях проектом #visitudmurtia, информирующим обо всех достопримечательностях, интересных туристских маршрутах, последних событиях и новостях Удмуртии [https://vk.com/visitudmurtia]. В этой же нише работает Telegram-канал «Лыжи Кулаковой».

Промышленный компонент брендинга республики представлен площадкой «Корпорация развития Удмуртской Республики». Регион известен оборонной промышленностью, в частности, в стране и за ее пределами популярен бренд «Калашников». Однако в последние годы наблюдается тенденция популяризации продуктов питания и товаров народного потребления, также регион позиционируется как предпринимательский. С 2015 года в республике стали отмечать «Всемирный день пельменя», подразумевающий стратегию развития бренда «Удмуртия – родина пельменей!» [https://udmurt.media/rubrics/kultura_i_turizm/74941-vsemirnyy_den_pelmenya_v_izhevske_kak_eto_bylo/], а в 2022 году впервые стартовал конкурс пельменных мемов «#ПельМем».

Немаловажная особенность продвижения территориального бренда в социальных сетях – это активность главы республики. Ежедневно на странице А. В. Бречалова размещается информация об актуальных проблемах и мерах по их решению. Аккаунт главы, тем не менее, эклектичен [https://vk.com/a.brechalov]. Сегментарность, на наш взгляд, возникает в связи с нецентрализованным ведением аккаунта.

В контексте нашей работы также интересен взгляд внешних информационных источников – как Россия видит наш регион? Ответ можно найти в двух телепередачах, которые вышли на канале НТВ за последние два месяца. Программа «Мои университеты. Будущее за настоящим» рассказала об Удмуртском государственном университете. Несомненно, вуз является визитной карточкой региона, а, следовательно, гармонично встроен в систему геобрендинга региона. Программа «Поедем, поедим!» открыла Удмуртию для жителей страны как туристический центр с ярко выраженной гастрономической идентичностью.

Программа «Мои университеты. Будущее за настоящим» имела цель рассказать об Удмуртии, прежде всего, как об образовательном центре региона, т. е. позиционирование республики в данном примере происходит через призму системы современного высшего образования [https://www.ntv.ru/peredacha/ Moi_universitety/m90180/o712202/video/]. Необходимо обратить внимание на первые минуты выпуска, где коммуникация со зрителем выстраивается с помощью аудиовизуальной составляющей геобрендинга: речь и внешний вид ведущих. Во-первых, Денис Морозов приветствует аудиторию на удмуртском языке. Во-вторых, оба человека в кадре одеты в национальных цветах республики – красный, белый, черный. Кроме того, сделан упор на авторитет: успешный журналист и телеведущий вернулся в родной город рассказать о своей альмаматер. На узнаваемость геобренда также работают известные личности с мировым именем (т. н. селебрети маркетинг) – музыкальный коллектив «Бурановские бабушки», композитор П. И. Чайковский, фигуристка Елизавета Туктамышева, упоминание

которых – очевидный и самый простой способ обозначить регион в медиапространстве. На протяжении всей программы звучали медийные «статусы» республики: «оружейная столица», «культурная столица региона», «Ижевский пруд – самый глубокий искусственный водоем Европы». В этой связи также упоминаются типичные городские символы: Ижик, памятник крокодилу, монумент дружбы народов. Есть место и мифотворчеству (и, как следствие, его развенчивание): «Удмуртия – край вечнозеленых помидоров». Также ведущие используют основные культурные маркеры, без которых геобренд Удмуртии просто невозможно представить: национальная кухня, костюм, обычаи народа, фольклор. Необходимо отметить, что использование всех этих составляющих геобрендинга происходит в программе в контексте ее «университетской» тематики.

Программа «Поедем, поедим!» позиционируется как «шоу о вкусной еде, гастрономическая экспедиция», поэтому и Удмуртия представлена здесь как туристическая единица [https://www.ntv.ru/peredacha/poedem_poedim/m24320/o714823/ video/]. Основная идея трансляции «Удмуртия – гостеприимная республика» развивается на протяжении всей передачи. В отличие от «Моих университетов» здесь зрители сталкиваются с неформальным тоном повествования, что помогает выстраивать положительный ассоциативный ряд в сознании аудитории. Безусловно, больший упор сделан на особенностях национальной кухни и способах приготовления блюд, но также ведущий обращает внимание на туристический потенциал региона. В программу попали сюжеты об этнокомплексе «Бобровая долина», музее-заповеднике «Лудорвай», Усадьбе Тол Бабая, туркомплексе «Варяжская дружина». В данном случае работают инструменты событийного маркетинга (человек получает установку «приехать в регион ради события»).

Подводя итог анализу брендинга Удмуртской Республики на различных площадках, необходимо отметить, что продвижение строится на стратегии формирования четкого и предсказуемого информационного поля. Активный отклик общественности наблюдается при создании позитивных инфоповодов. В отличие от товар-

ных брендов, геобрендинг в меньшей степени поддается управлению, а потому требует больших ресурсов, высоко-качественных специалистов в области PR и журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

«Всемирный день пельменя» в Ижевске – «Всемирный день пельменя» в Ижевске: как это было [электронный ресурс] // udmurt.media. – URL: https://udmurt.media/rubrics/kultura_i_turizm/74941-vsemirnyy_den_ pelmenya_v_izhevske_kak_eto_bylo/ (дата обращения: 10.03.2023).

Мои университеты – Мои университеты. Будущее за настоящим. Удмуртский государственный университет [электронный ресурс] // ntv.ru. – URL: https://www.ntv.ru/peredacha/Moi_universitety/m90180/o712202/video/

Официальная страница А. В. Бречалова – Официальная страница А. В. Бречалова в социальной сети «Вконтакте» [электронный ресурс] // vk.com/a.brechalov. – URL: https://vk.com/a.brechalov (дата обращения: 09.03.2023).

Официальный республиканский туристический портал – Официальный республиканский туристический портал в социальной сети «Вконтакте» [электронный ресурс] // vk.com/visitudmurtia. – URL: https://vk.com/visitudmurtia (дата обращения: 09.03.2023).

Поедем, поедим! Удмуртия – Поедем, поедим! Удмуртия: варяжский гость Федерико, обед с импресарио и бефстроганов с томатной пастой [электронный ресурс] // ntv.ru. – URL: https://www.ntv.ru/peredacha/poedem_poedim/m24320/o714823/video/ (дата обращения: 11.03.2023).

Сулаеман М. С. Геобренд: понятие и сущность // Молодой ученый. – 2021. – № 24 (366). – С. 296–298.

Шушарин С. А. Функции бренда как социокультурного феномена // Омский научный вестник. – 2014. – № 2 (126). – С. 103–105.

УДК 070-053.2(045)

Я. О. Козырев, Н. Е. Трепалина
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Y. O. Kozyrev, N. E. Trepalina
Udmurt State University, Izhevsk

ДЕТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕДИА

CHILDREN'S JOURNALISM IN MODERN REGIONAL MEDIA

Аннотация. Изучаются вопросы ценности и актуальности детских СМИ в условиях современного медиарынка. Описываются проблемы и перспективы при создании специализированного контента для подрастающего поколения. Рассматривается специфика развития детской журналистики в Приволжском федеральном округе. Акцентируется внимание на востребованности цифровых ресурсов в образовательной сфере и при создании школьной медиасреды. Делается вывод, что разработка механизмов поддержки детской журналистики должна стать приоритетной задачей.

Abstract. The article raises questions of the value and relevance of children's media in the conditions of the modern media market. The difficulties, problems and prospects in creating specialized content for the younger generation are revealed. The issues of development and specifics of children's journalism in the Volga Federal District are investigated. Attention is focused on the demand for digital resources in the educational sphere and when creating a school media environment. It is concluded that the development of mechanisms to support children's journalism should become a priority.

Ключевые слова: детская журналистика, медиапространство, региональные СМИ, ПФО.

Keywords: children's journalism, media space, regional media, Volga Federal District.

Детская журналистика – самостоятельная часть медиа-культуры, звено общей системы СМИ, которое выполняет ряд важнейших воспитательных функций: формирует у детей мировоззрение, коммуникативные навыки, расширяет кругозор, развивает творческие способности ребенка.

История детской журналистики в России берет свое начало в1785 году, когда под редакторством Николая Ивановича Новикова выпускалось еженедельное приложение к «Московским ведомостям» – «Детское чтение для сердца и разума». В этот период был распространен европейский феномен «культуры детства», что означало восприятие детства как особого состояния, а детей как самобытную субкультуру [см.: https://clck.ru/34FpSJ].

Актуальность детской журналистики на современном этапе развития определяется новой глобальной средой обитания, которая получила название медиапространство. Эта среда охватывает все сферы жизни общества, в ней находят свое место различные сегменты социума – субкультуры. Медиа стали средством производства современной культуры, а не передаточным механизмом [см.: Жукова 2011]. Воспитанием подрастающего поколения теперь занимаются не только семья, учебные заведения, культурные учреждения, но и информационное пространство, в котором мы живем.

Детская журналистика, занимая особое место среди специализированных медиа, считается одним из наиболее сложных и ответственных звеньев общей системы средств массовой информации. Это обусловлено, на наш взгляд, теми функциями и задачами, которые выполняют детские издания. По мнению К. Н. Вентцеля, педагога и философа, «для ребенка надо создать такую среду, которая постоянно пробуждала бы в нем активные чувства,

вызывала бы его самодеятельность, заставляла бы его сознательно и обдуманно действовать. Только при таком условии воля в ребенке достигнет той широты развития, без которой невозможно совершенствование человека в нравственном отношении» [Акимова 2021, с. 157].

Одной из проблем медиапространства является негативное воздействие масс-медиа. В условиях массового распространения Интернета подрастающее поколение подвергается прямому влиянию медиакоммуникаций. Пользуясь мировой сетью, ребенок, как правило, не способен правильно отбирать, оценивать и, при необходимости, отсеивать информацию. Исследования Информационного Агентства «rg.ru» показали, что 70 % детей в возрасте от 3 до 14 лет используют Интернет [https://clck.ru/aiyEz]. Увлечение подрастающего поколения сетью сегодня стало злободневной проблемой для страны, поэтому вопрос о месте детских медиа в современной системе СМИ выходит на одно из первых мест.

На первый взгляд, российские медиа, ориентированные на подрастающее поколение, достаточно разнообразны в видовом сегменте. Среди них можно отметить:

- журналы и газеты (Литературно-художественный журнал «Мурзилка», Детская газета «Непоседа»);
- телеканалы (Российский федеральный телеканал для детей и подростков «Карусель», Детский российский телеканал «Мульт»);
- радиоканалы («deti.fm» – Радиостанция для детей и их родителей «Детское радио»);
- информационные агентства (Молодежное информационное агентство «МИР»).

Они удовлетворяют запросы разных возрастных групп. Для младшего поколения важна развлекательная составляющая: чтобы было интересно и весело. Старшее поколение заинтересовано в развитии ребенка и находит в этих медиа познавательный и полезный контент. Для профессионального журналиста это вызывает сложность в работе: приходится учитывать пожелания обеих сторон, родителей и детей.

Исследователь журналистики Т. Г. Рябова отмечает, что общая ситуация с детскими журналами в стране на начало XXI в. незавидная, несмотря на богатую историю российской детской журналистики [Рябова 2009]. Основная часть медиарынка сосредоточена в столицах – Москве и Санкт-Петербурге, а вместе с ним, соответственно, его самостоятельное звено – детская журналистика.

Про региональные СМИ для подрастающего поколения известно немного. Проведенный нами анализ Приволжского Федерального округа на предмет актуализации детской журналистики показал, что в регионе хорошо развита школьная пресса. Что касается районной детской печати, то стоит отметить следующее: из 14 регионов ПФО только в 8-ми представлены СМИ для подрастающего поколения, среди которых:

1. Республика Башкортостан (журнал «Акбузат)»;
2. Республика Мордовия (журнал «Якстерь Тяштеня»);
3. Нижегородская область (журнал «Саша и Даша»);
4. Оренбургская область (журнал «Гостиный дворик»);
5. Самарская область (журнал «Самарик»);
6. Республика Татарстан (газета «Көмеш Кыңгырау)»;
7. Ульяновская область (журнал «Симбик»);
8. Чувашская Республика (журнал «Тетте»).

В целом, эти издания имеют много общего, но также отличаются по ряду признаков.

Так, половина детских районных журналов в ПФО издаются на национальных языках. Журнал «Акбузат» («Светлый крылатый конь») выпускают на башкирском, «Якстерь Тяштеня» («Красная звездочка») – на мокшанском, газета «Көмеш Кыңгырау» («Серебряный колокол») выходит на татарском языке, «Тетте» («Игрушка») – на чувашском. Помимо основных воспитательных задач (формирование мировоззрения, коммуникативных навыков, расширение кругозора, развитие творческих способностей), детские национальные издания выполняют культурные функции: знакомят читателей с историей и культурой края и народа, популяризируют

родной язык и национальные ценности, укрепляют межпоколенные связи.

Еще одним признаком детских изданий является конфессиональная принадлежность. Примером может служить нижегородский журнал «Саша и Даша», который относится к православной прессе и, соответственно, формирует отношение подрастающего поколения к религии, знакомит с ее традициями, смыслами, ценностями. Данная специфика позволяет расширить спектр функций и задач детской журналистики.

Для детских СМИ немаловажно раскрыть творческий потенциал ребенка. Этой задаче отвечает узкая специализация журнала из Оренбургской области «Гостиный дворик». Он является литературным альманахом, в котором дети могут поделиться своим творчеством: рассказами, стихотворениями, рисунками.

Практически в каждом детском издании встречается стандартный рубрикатор, который составляется в соответствии с интересами детей (некоторое исключение представляет «Гостиный дворик» в связи с его направленностью):

- игры (кроссворды, ребусы, загадки): способствуют расширению кругозора;
- конкурсы (рисунков, стихотворений, поделок): развивают творческие способности;
- рубрика «хочу все знать» (рубрика о событиях, о процессах окружающего мира): расширяет кругозор, формирует мировоззрение.

Схожесть детских журналов объясняется, прежде всего, общей целью – воспитание подрастающего поколения.

В последние годы отмечается резкий подъем в количественном отношении специализированных детских изданий, прежде всего школьной прессы. В определенной степени это связано с утверждением новых ФГОС для средних образовательных учреждений, в которых серьезный акцент делается на создание школьной медиасреды «не только для обучения, воспитания

и развития школьников, но и для подготовки их к жизни в цифровом обществе» [Кузьмина 2020, с. 5].

Данный подход способствует повышению значимости и детских медиа.

В 2019 году был создан Совет по детским СМИ, задачами которого являются подготовка предложений по совершенствованию государственной поддержки в отношении средств массовой информации, специализирующихся на производстве и распространении продукции для детей и подростков, обобщение и распространение успешного опыта деятельности таких СМИ, разработка рекомендаций по механизмам поддержки, содействие саморегулированию, помощь в развитии кадрового потенциала [https://www.classmag.ru/news/20100253].

Светлана Дзюбинская, член Совета, заместитель начальника Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, отметила: «Роль детской прессы – крайне важна для воспитания и развития ребёнка. Эту замечательную традицию нашей страны – читать журналы и газеты с детского возраста вместе с родителями необходимо сохранить. Роспечать всегда уделяла большое внимание поддержке детского чтения, детской книги и периодики для детей. Разработана программа поддержи детского и юношеского чтения в Российской Федерации. Я уверена, что члены Экспертного совета предложат много интересных идей по продвижению и поддержке детского чтения» [https://www.classmag.ru/news/ 20100253].

При исследовании рынка детских СМИ Приволжского Федерального округа, следует отметить, что детская журналистика сегодня существует и развивается, имея высокую степень востребованности среди читателей. Таким образом, определяется не только ценность и актуальность детских СМИ, но и векторы их развития. Большую роль в этом процессе играют не только родители и педагоги, но и институты профессиональных СМИ и власти,

без которых всесторонняя поддержка детской журналистики не была бы полной.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова Е. А., Чаадаева Н. В. Детская журналистика как фактор развития творческих способностей ребёнка // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 1. – С. 157–160.

В России появился – В России появился Совет по детским СМИ // Классный журнал: [сайт]. – URL: https://www.classmag.ru/news/20100253 (дата обращения: 08.03.2023).

Жукова Д. А. Современная детская журналистика как фактор формирования индивидуального и группового сознания детей: проблемы и перспективы развития // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2011. – № 4. – С. 57–61.

Кузьмина М. В. Медиаобразование – Медиаобразование как ресурс профессиональной ориентации детей и молодежи: Методические рекомендации по реализации медиаобразования в образовательных организациях региона – Киров: ИРО Кировской области, 2020. – 55 с.

Рябова Т. Г. Рынок печатных изданий Санкт-Петербурга: современное состояние и тенденции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2009. – № 1 – С. 115–122.

УДК 94(470.342):37”18/19”(045)

А. М. Субботина
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск

A. M. Subbotina
Udmurt Institute of History, Language and Literature
UdmFRC UB RAS, Izhevsk

РОЛЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ИЛЬМИНСКОГО В РАЗВИТИИ ОБРАЗОВАНИЯ НАРОДОВ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

THE ROLE OF N. I. ILMINSKY'S EDUCATIONAL ACTIVITY IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATION OF THE PEOPLES OF THE VOLGA-VYATKA REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Аннотация. Статья посвящена изучению просветительской деятельности Н. И. Ильминского среди народов Волго-Вятского региона. Показано состояние национального образования к началу 1860-х гг.; раскрыты основные положения системы обучения нерусского населения края, созданной Н. И. Ильминским. На примере земских школ отмечен рост числа учебных заведений, работавших на основе заложенных им принципов. Автор делает вывод о важной роли системы просвещения Н. И. Ильминского в развитии образования и письменной культуры, формирования интеллигенции татар, удмуртов, чуваш, марийцев и других народов.

Abstract. The article studies the educational activities of N. I. Ilminsky among the peoples of the Volga and Vyatka Region. It shows the state of national education by the beginning of the 1860s,

reveals the main provisions of the system of education created by N. I. Ilminsky for the non-Russian population of the region, notes the growth in the number of educational institutions on the example of Zemstvo schools. The author draws a conclusion about the important role of the N. I. Ilminsky education system in the development of education, written culture and intelligentsia of Tatars, Udmurts, Chuvash, Mari and other peoples.

Ключевые слова: Вятская губерния, Казанский учебный округ, система просвещения Н. И. Ильминского, обучение на родном языке, земская школа.

Keywords: Vyatka Province, Kazan Educational District, N. I. Ilminsky education system, native language education, Zemstvo school.

Николай Иванович Ильминский (1822–1891) был талантливым востоковедом, переводчиком, педагогом. Благодаря его просветительской деятельности изменился сам подход к обучению нерусских народов, проживавших в Казанском учебном округе и других районах (в центре и на востоке России). Статья посвящена влиянию просветительской системы Н. И. Ильминского на развитие образования народов Вятской губернии и ее четырех уездов, территориально связанных с современной Удмуртией. Это – Глазовский, Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды.

Вятская губерния в изучаемый период входила в состав Казанского учебного округа. В 60-е гг. XIX в. уровень распространения образования среди проживавших в крае народов был низким. Несколько лучше ситуация была с обучением мусульманского населения, для которого действовали свои конфессиональные школы. У татар и башкир при каждой мечети могла быть одна школа, а иногда их было несколько. Для всех остальных были доступны церковно-приходские школы, училища, подведомственные Министерству народного просвещения, включая земские. В этих учебных заведениях никак не учитывались этнокультурные

особенности учащихся, что затрудняло процесс обучения, поскольку в этот период дети, как и их родители, могли совершенно не знать русского языка. Именно на этот факт и обратил внимание Н. И. Ильминский.

Просветитель пришел к своему взгляду на обучение эмпирическим путем, общаясь с татарами и другими народами, изучая их языки и культуру. В созданной им системе просвещения, он выделял два важных элемента: 1) обучение на родном языке; 2) принадлежность учителя и учеников к одному народу. Именно эти принципы были заложены в работу крещено-татарской школы в Казани. Школа начала работу на квартире соратника Н. И. Ильминского – Василия Тимофеевича Тимофеева (1836–1895). По ее образцу позже были открыты другие учебные заведения за пределами Казани. Для обучения детей и издания учебной литературы использовался алфавит на основе русского. Велась переводческая работа. Созданная Н. И. Ильминским система просвещения, должна была способствовать укреплению в православной вере крещеных татар и других народов, проживавших в регионе, а также облегчать изучение русской грамоты.

Процесс открытия специальных учебных заведений для нерусского населения активизировался после создания в Казани миссионерской организации Братства святителя Гурия в 1867 г. и издания «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» в 1870 г., законодательно закрепивших систему христианского просвещения Н. И. Ильминского. Территория действия «правил» была ограничена Казанским, Одесским, Оренбургским (после выделения в 1874 г. в самостоятельный) учебными округами. Для подготовки учителей создавались специальные учебные заведения, в число которых вошли Казанская учительская семинария, учительские школы в Казани, Уфе и Симферополе и др. Под влиянием революционных событий и роста национального движения в начале XX в. были изданы новые «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (1906) и «Правила о начальных училищах для инородцев» (1907 и 1913).

Анализ развития образования среди нерусского населения Волго-Вятского региона показывает, что интерес к школе постепенно увеличивался. По данным школьной переписи 1911 г. в 4 уездах только среди земских насчитывалось 65 (10 %) инородческих школ с 4129 учащимися [Субботина 2017, с. 211]. Больше всего открывалось русско-татарских училищ. Существовали также русско-башкирские, удмуртские, марийские, смешанные по составу учеников учебные заведения. Обычно в таких школах срок обучения с трехлетнего был увеличен до четырехлетнего, поскольку требовалось время для освоения учащимися русского языка. Для преподавания в этих училищах были подготовлены учительские кадры, издавалась специальная учебная литература. Училища, работавшие по системе Н. И. Ильминского, способствовали появлению ярких представителей национальной интеллигенции. Казанскую учительскую семинарию окончил известный просветитель и общественный деятель удмуртского народа И. С. Михеев. Выпускницей Карлыганской центральной вотской (удмуртской) школы была женщина-врач и поэтесса Ашальчи Оки (А. Г. Векшина).

Несмотря на существующие в научной литературе противоречивые оценки деятельности Н. И. Ильминского, можно признать, что созданная им система просвещения предоставила дополнительные возможности для получения образования проживавшими в крае разными народами, способствовала развитию их письменной культуры, стимулировала формирование национальной интеллигенции.

ЛИТЕРАТУРА

Субботина А. М. Земство Камско-Вятского региона: опыт социального сотрудничества в процессе культурной трансформации (1867–1918) – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2017. – 300 с.

УДК 316.77:004.738.5:303.425.5(045)

Н. Е. Трепалина, Н. С. Киселев
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

N. E. Trepalina, N. S. Kiselyov
Udmurt State University, Izhevsk

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ В МЕДИАСРЕДЕ

REFLECTION OF ETHNICITY IN THE MEDIA ENVIRONMENT

Аннотация. Рассматриваются вопросы освещения этничности в масс-медиа. Отмечается, что СМИ, как инструменты формирования общественного сознания, не только передают этническую информацию, но и оказываются вовлеченными в активизацию и политизацию межнациональных отношений. Акцентируется внимание на механизмах и каналах распространении этнической информации. Делается вывод о значимости и роли медиа-площадок в сохранении и трансляции этнокультурного самосознания.

Abstract. The article examines the problem of ethnicity coverage in the mass media. It is noted that the media, as tools for the formation of public consciousness, not only transmit ethnic information, but also become involved in the activation and politicization of interethnic relations. The attention is focused on the mechanisms and channels of dissemination of ethnic information. The conclusion is made about the importance and role of media platforms in the preservation and broadcasting of ethno-cultural identity.

Ключевые слова: СМИ, медиасреда, социальные сети, этническая информация, этничность.

Keywords: Mass media, media environment, social networks, ethnic information, ethnicity.

Рост национального самосознания, высокие темпы миграции, расширение связей между представителями разных стран и народов, острота межнациональной ситуации в современном мире – все это придает политическим, идеологическим, социальным, конфессиональным и культурным вопросам этническую направленность. Использование этнического фактора в сфере современных политических отношений позволяет говорить о его конструктивном потенциале. В этих условиях приобретает особый интерес стремление понять механизмы и специфику восприятия человеком одной культурной среды как самого себя, так и представителя другой этнокультурной общности.

Существует немало признаков, по которым народ осознает свою идентичность и отграничивает себя от других аналогичных общностей. К ним относят этнический менталитет, психологический склад, стереотипы поведения, традиции и обычаи, язык, историю, религию и др. Идентичность народа органично связана с культурой, а этнокультурная идентичность, таким образом, есть осознание народом своей принадлежности к традиционной культуре, объединение вокруг символов, мифов, идеалов и ритуалов, ощущение духовной связи с предыдущими поколениями. Понятия «этническая идентичность», «национальность» и «этничность» нередко рассматриваются в качестве синонимов. В современном обществе национальность/ этничность становятся, скорее, институциональным символом, который может служить высоким целям (на сплочение, единение, верность национальной идее). Так У. Липпман под национальностью понимает «ядро образов и символов преданности данному обществу, без которых человек сам себя не мыслит» [Липпман 2018, с. 229].

Известно, что «этническая информация, передаваемая СМИ, не только формирует массовые представления людей в области межнациональных отношений, но и воспитывает в людях отношение к своей этнической общности, к своему этническому или

национальному достоинству. <…> Толерантное или конфликтное освещение этничности в СМИ – проблема актуальная как для науки, так и для практики»[Российская пресса… 2002, с. 155]. Таким образом, этничность является одной из значимых тем для масс-медиа.

Трансформация медиасистемы, вызванная развитием цифровых технологий, привела к появлению феномена интернета, оказавшего серьезное влияние на медиапространство. Одно из направлений, связывающих многочисленных пользователей интернет-сервисов – этничность, понимаемая как совокупность характерных культурных черт и различий определенной группы, центральным моментом которой является этническая граница. Этничность в СМИ, по определению В. К. Мальковой, это «очень трудноуловимые явления, связанные с этнической психологией людей – чувствами, эмоциями, представлениями. <…> Этническая информация – спокойная или гневная, сочувствующая или осуждающая, серьезная или насмешливая – может быть позитивной и толерантной, нейтральной или конфликтной и в зависимости от этого поразному влиять на разных людей и их мировоззрение» [Малькова 2020, с. 26].

По мнению исследователей, механизмы передачи толерантной и конфликтной этничности в массовое сознание через прессу проходят в таких формах, как «сообщение фактов (как правило, специально отобранных) о жизни этносов, их культуре, экономике, политике; создание и распространение этнических образов и стереотипов как позитивных, так и негативных; – конструирование этнических идей, иногда подчеркивающих пользу или вред «нам» со стороны «других»; – толерантная или конфликтная мифология о прошлом, настоящем и будущем «нас» и «их», о «наших» и «их» интересах и их защите; – толерантная или конфликтная лексика, содержащаяся в этнической информации, в том числе, в заголовках публикаций, которые даются в газетах; – изобразительные средства – рисунки, фотографии, карикатуры с этнической тематикой» [Малькова, Тишков 2018, с. 158–159].

Таким образом, этническая информация, освещаемая в средствах медиа, не только оказывает влияние на общественное сознание, формирует массовые представления в области межнациональных отношений, но и конструирует этнические образы.

Помимо механизмов передачи этнически окрашенной информации необходимо выявить каналы ее передачи. Так, В. К. Малькова выделяет несколько групп российских интернет-сайтов с этнической окраской.

В первую группу входят официальные сайты республиканских органов управления, ориентированных на аудиторию конкретных республик. В задачу этнореспубликанских сайтов входит информирование жителей о происходящих в республике событиях, программах, процессах, связанных с вопросами сохранения и развития этнических и культурных особенностей. В. К. Малкова отмечает, что «наряду с официальной и сдержанной, вполне толерантной общей информацией о жизни многонациональной республики, как правило, ярко присутствует этнический окрас титульной национальности: этнореспубликанская символика, природа, иногда – фрагменты национального языка, культуры, истории, традиций» [Малькова 2020, с. 331]. Контент может иметь и острый, полемический характер, если информация затрагивает экономическую сферу, проблемы финансирования или межэтнических взаимоотношений. Этномаркерами выступают не только названия местности и географические объекты, но также предметы национального творчества, региональные символы и бренды, имена и этнонимы.

Вторую группу представляют сайты с замкнутой интернет-аудиторией, особенностью которых является использование, наряду с русским, и языков этнических групп, что, по мнению Мальковой, не способствует расширению числа участников: «Нередко это языковое ограничение и является целью организаторов, которые хотят обсуждать свои этнические вопросы без привлечения иноязычных членов» [Малькова 2020, с. 332]. Также отмечается, что участниками этих интернет-сообществ является в основном молодежь. В этих сообществах «ставятся вопросы сохранения своей

этнической группы, вопросы воспитания и образования, в первую очередь – развитие языка, самобытной истории, сохранения своих традиций, религиозных взглядов и обсуждаются стратегии развития своего этноса» [Малькова 2020, с. 332].

Третья группа интернет-сайтов организована новыми этническими сообществами – мигрантами, проживающими преимущественно в крупных российских городах. Этнические интернет-сообщества этой группы весьма разнообразны: встречаются как официально зарегистрированные местными властями, интегрированные в общественную жизнь региона, так и виртуальные сообщества стихийного, подвижного и изменчивого характера, которые могут существовать весьма непродолжительное время [Малькова 2020, с. 333]. Преимущественно деятельность сайтов направлена на то, чтобы помочь мигрантам адаптироваться на новом месте. А также расширению зоны межнационального общения.

Помимо вышеперечисленных, следует отнести к каналам распространения этнической информации и социальные сети.

Активное развитие процесса коммуникативного взаимодействия между производителями и потребителями информации в медиапространстве формирует сложную и открытую социальную систему. Одна из главных особенностей этой системы состоит в том, что в ней виртуальные отношения все чаще приходят на смену реальным. Виртуализация социальной системы, однако, не означает, что отношения условно символичны, поскольку решаются различные задачи, в т.ч. и по дефициту межличностного общения в реальном времени. В процессы социального обмена активно включаются социальные сети: здесь образуется взаимообусловленная целостность отношений как производителей массовой информации, так и ее потребителей. Взаимодействие в социальных сетях становится ключевым: это не только форма связи, но и форма обмена между пользователями, в ходе которого поддерживается, воспроизводится и распространяется актуальная социальная информация.

В большинстве своем сайты социальных сетей – не что иное, как группа специальных удобных для пользователей веб-сайтов, информация в которых носит субъективный характер, а точки зрения участников весьма пристрастны. Однако в этом пространстве имеет место использование целого комплекса медиасредств (аудио, видео, инфографика, текстовые и иные средства), с помощью которых участники этносообщества могут обсуждать вопросы этничности, землячества, культуры, религиозности, интолерантности.

Социальные сети можно рассматривать и в качестве медиаплощадок, где происходит информационный обмен, и в качестве «клуба по интересам», в котором имеет место интеракция в виде неформального социального диалога по разделяемым акторами проблемам, мнениям, идеям и ценностям. Кроме того, социальные сети являются способом, с помощью которого можно идентифицировать себя, или же остаться инкогнито. Интернет способен обеспечить «информационно-коммуникативную поддержку ретрансляции этноменталитета, эффективность которого определяется целостностью информационного пространства страны и особенностями содержания и формы распространяемых на широкую аудиторию медиатекстов» [http://national-mentalities.ru/mentalities/rossiyavostokzapad/nikitina_e_v_etnicheskie_processy_v_globalnom_informacionnom_prostranstve/].

Необходимо отметить, что постоянное расширение информационных услуг отвечает интересам и потребностям самого этнического общества, в частности, потребности в национальном, групповом единении, которое интернет-среда как раз в состоянии обеспечить посредством интернет-сайтов, блогов, сетевых групп на национальном языке или с использованием национального языка, через создание видео-контента на площадке видеохостинга YouTube и др., благодаря чему этничность получает дополнительный стимул для самосохранения.

ЛИТЕРАТУРА

Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой; ред. перев. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2018. – 384 с.

Малькова В. К. Этничность и медиа: Опыты этнополитического анализа современных российских СМИ. – М.: ИЭА РАН, 2020. – 420 с.

Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. – М.: ИЗА РАН, 2018. – 348 с.

Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М.: Независимый ин-т коммуникативистики, 2002. – 360 с.

УДК 821.511.151.09(045)

Н. А. Федосеева
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола

N. A. Fedoseeva
Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev, Yoshkar-Ola

ГЕНЕЗИС МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПЕРВЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

THE GENESIS OF MARI LITERATURE: THE FIRST EDUCATOR

Аннотация. Статья посвящена просветителям, стоявшим у истоков марийской словесности. В основе формирования марийской литературы – историко-этнографический очерк, оригинальное сочинение, произведения устного народного творчества. Начальный этап художественной словесности также тесно связан с просветительским движением, включающим в себя, в том числе, переводы религиозно-христианских текстов, сыгравших важную роль в становлении профессиональной литературы. Просветителями (Г. Яковлевым, П. Григорьевым, Т. Ефремовым и др.) были заложены предпосылки для развития художественной речи, которые были освоены их учениками (С. Чавайн, Н. Мухин). Со временем появились и первые авторские художественные произведения на марийском языке. Возникновение письменности, просветительское движение, перевод религиозно-христианских текстов во многом определили зарождение художественной словесности народа мари.

Abstract. The article is devoted to the educator who were at the origins of the Mari literature. The Mari literature at the initial stage

of formation is created from such sources as a historical and ethnographic essay, an original composition, and works of folk art. The initial stage of fiction is still in the educational movement, in the translations of religious and Christian texts, which played a significant role in the development of professional literature. Educators (G. Yakovlev, P. Grigoriev, T. Efremov and others) created the conditions for the development of artistic speech, which were mastered by their students (S. Chavain, N. Mukhin). And over time, the first author's works of art in the Mari language appeared. The creation of writing, the educational movement, the translation of religious and Christian texts created all the necessary conditions for the emergence of fiction of the Mari people.

Ключевые слова: просветительское движение, марийская литература, перевод, литературный памятник, произведение, текст.

Keywords: educator, Mari literature, translation, literary monument, work, text.

Художественная словесность на родном языке народа мари зародилась одновременно с возникновением национальной письменности. Ранние памятники письменности стали первыми литературными произведениями. В основном это переводные труды. Следует отметить, что большая часть текстов представляет собой жанры так называемой церковной литературы, вместе с ней в национальную литературу «пришли» традиции византийской культуры.

Появление первой марийской грамматики в 1775 году, а также первых литературных памятников – переводных стихотворных текстов – связано с именем митрополита Казанского и Свияжского Вениамина (Пуцек-Григоровича). На просветительском поприще он сталкивается с проблемами преподавания на национальном языке. Просветитель понимает, если преподавание ведется на родном языке, обучение будет успешным. Для этого нужны были книги на родных языках народов Поволжья. Под руководством митрополита Вениамина (Пуцек-Григоровича)

по примеру русской грамматики были написаны книги по грамматике чувашского, черемисского (марийского) и вотского (удмуртского) языков. Все эти издания были напечатаны в типографии Академии наук в Санкт-Петербурге [Федосеева 2017, с. 52].

После смерти митрополита Вениамина процесс перевода текстов на марийский язык временно приостановился. Особый всплеск наблюдается после 1820-го года, когда на просветительскую стезю приходит священник Андрей Данилович Альбинский. При его участии в переводе и редактировании в 1821 году на языке горных черемис были изданы Евангелие от Луки и четвероевангелие, в 1827 году увидел свет Новый Завет. Тексты переведены по русской графической системе и конструкции церковнославянского языка, т.е. слова на горномарийском языке переложены в той же последовательности, что и на церковно-славянском языке [Федосеева 2017, с. 66–68]. В 1832 году в Казани отдельным изданием выходит другая книга, переводчиком которой был также А. Альбинский, под названием «Начатки христианского учения или краткая священная история и краткий катехизис на черемисском языке горного наречия с присовокуплением кратких правил для чтения». В издание вошли: букварь, краткая священная история и сокращенный катехизис; все тексты даются с параллельным переводом на русский и марийский языки. В этой книге впервые был опубликован алфавит марийского языка, как определенная система буквенных знаков. Этот же алфавит затем был включен автором в Черемисскую грамматику 1837 года. Вплоть до 1860-х годов книги на марийском языке печатались по грамматике 1837 года.

В 60-х годах XIX столетия наблюдается другой виток в формировании марийской словесности: совершенствуется графика, в алфавит «входят» буквы с умляутами. Здесь уместно отметить особую заслугу Николая Ивановича Ильминского, профессора Казанского императорского университета. Известный педагог внес большой вклад в развитие культуры не только марийского народа, но и других национальностей региона. Тесная связь была у него

со священником Гавриилом Яковлевичем Яковлевым, который, благодаря основателю Казанской учительской семинарии, встал на просветительский путь родного народа. Яковлев занимался переводами церковных книг, а также редактированием и составлением букварей. Буквари, изданные Гавриилом Яковлевым, начиная с 1884 года, дополнены и включают в себя параллельные тексты на русском и марийском языках. Г. Яковлев считал, что это облегчает обучение как русскому, так и марийскому языкам [ГАРТ, ф. 968, оп. 1, д. № 168, л. 96]. Последнее издание букваря вышло в 1908 году.

Гавриил Яковлев проявил себя и как публицист. Его эпистолярное наследие, находящееся в Национальном архиве Республики Татарстан, является важным источником изучения как личности автора, так и его времени, окружения. Письма писались в разные годы, в разных населенных пунктах, где в селах Марийского края довелось жить и трудиться марийскому просветителю: в Пертнуре, в Уньже, в Шиньше. В них изложена назревшая точка зрения просветителя на национальный вопрос. Духовная близость, общность мировидения и просветительская деятельность связали Г. Яковлева с Н. И. Ильминским на многие годы. Директор Казанской учительской семинарии, профессор Казанского императорского университета вовремя помог настроить будущего священника на просветительское поприще, придал его трудам нужное направление и по существу стал его духовным другом и наставником.

Начав работать учителем в Уньжинской школе, Гавриил Яковлев приложил немало усилий, чтобы привлечь марийских детей к учебе: «В настоящее время, чтобы приблизиться к ним (марийским детям – прим. Н. Ф.), и они привыкли ко мне, ни перед учением, ни после учения не заставляю молиться Богу по-христиански и не говорю, чтобы они жили по-христиански, только рассказываю разные священные события, чтобы слушали больше. Если вдруг скажу, чтобы они молились по-христиански и жили, никаких учеников не увидишь, все убегут, и не будут ходить» [ГАРТ, ф. 968, оп. 1, д. № 168, л. 10]; «Во-первых,

уведомляю Вас (Н. И. Ильминского – прим. Н. Ф.), что в настоящее время есть у меня 25 учеников, с помощью Христа читают порядочно. Также час переводят на черемисский язык. Каждый день два раза преподаю Закон Божий, рассказываю им разные исторические, Евангельские, священные события, объясняю больше православных догмат. Они слушают все с удовольствием; потом идут домой, рассказывают родителям и прочитанное и они с удовольствием слушают» [ГАРТ, ф. 968, оп. 1, д. № 168, л. 11].

Исследователи биографии Г. Яковлева отмечают, что свои уроки просветитель вел на марийском языке; о его деятельности благочинный Покровский писал: «Всех полезнее ведет свое дело уньжинский учитель Яковлев. Он трудом своим добился того, что ученики его, прочитав из «Священной истории» какое-либо место по-русски, сейчас же переводят прочитанное на свой язык» [см.: Айплатов 2002, с. 48].

Впоследствии в Отчете Братства св. Гурия за 1894 год отмечено, что «Унжинское Министерства Народного Просвещения училище есть лучший тип миссионерской церковной школы. …центральные школы черемисская в Унже Царевококшайского и вотская в Карлыгане Уржумского уезда – получили значительное развитие, которое приближает эти школы по быту и обстановке к Казанской центральной крещено-татарской и дает возможность устроить в этих пунктах постоянное Богослужение на инородческих языках. В общежитии на счет Миссионерского Общества содержатся 20 черемисских мальчиков из разных черемисских местностей, из числа окончивших курс начальной школы» [Отчет 1985, с. 4].

В последней трети XIX века произведения, написанные Гавриилом Яковлевичем Яковлевым стали составной частью дореволюционной марийской литературы. Переводы религиозно-христианской литературы Г. Яковлева помогли становлению марийского литературного языка, принципов марийского письма и переводческого искусства, переходу от бесписьменной культуры к письменной.

В начале XX века начинается новый виток в истории России. Революция 1905 года повлияла на национальные чувства многих народов. Основоположник марийской литературы С. Г. Чавайн отмечал, что революция 1905 года позволила марийскому трудовому народу, вместе с другими трудящимися, почувствовать атмосферу свободы. События пробудили национальный дух марийской интеллигенции. Если до этого времени многие марийцы стеснялись признаваться в своей национальности, то в этот период люди активно начали говорить о марийской литературе, книге, газете [см.: Чавайн 1935]. В таких непростых исторических событиях для всей страны и марийского народа зарождалась художественная словесность на марийском языке.

Сам Чавайн под впечатлением революционных событий в 1905 году написал первое стихотворение на марийском языке *«Ото»* («Роща»). А для создания оригинальной литературы на родном языке понадобился культурный контекст. Характерна деятельность П. Эмяша (Петра Григорьевича Григорьева-Шатрова), который, работая учителем в Уньжинской школе, прививал ученикам любовь к русской классической литературе и родному слову, на уроках давал учащимся задания переводить произведения русских писателей на марийский язык. Его учениками были С. Чавайн, Н. Мухин, А. Эшкинин и др. Так, Н. Мухин в своих воспоминаниях писал, что ему большую помощь во время учебы оказали П. Г. Григорьев, В. А. Мухин, Т. Е. Ефремов. Более всех – П. Г. Григорьев. Он давал переводить с русского языка разные стихотворения, басни, показывал красоту марийского слова, просил собирать фольклорный материал [см.: Мухин 1990]. За распространение запрещенной литературы любимого учителя арестовали. Это событие послужило для пятнадцатилетнего юноши побуждением к творческой деятельности. Чтобы успокоить охваченную горем душу, бродя по весенним полям, под впечатлением наступившей весны Н. Мухин написал стихотворения «*Шошо*» («Весна») и «*Турийын мурыжо*» («Песня жаворонка»). Он вспоминал, что свои стихи читал друзьям, которые заметили его поэтический дар [см.: Мухин 1990].

В начале XX века увидело свет первое периодическое издание на марийском языке, которое издавалось ежегодно с 1907 по 1913 годы. Такие же календари выходили на чувашском (К. Прокопьев) и удмуртском (И. Михеев) языках.

У истоков этого ежегодника на марийском языке стояли В. М. Васильев и П. П. Глезденев. Во вступительных статьях календаря они называли себя «марийцами, живущими в Казани», употребляя при этом разные формы: Озаҥ Мари влак, Озаҥышты илышы мари-влак, Озаҥышты илышы мари-шамыч. Эти статьи носят характер обращения, призыва к читателям.

К примеру, редколлегия «Марла календаря» обратилась с просьбой присылать фольклорный материал. На этот призыв редакции быстро откликнулись местные учителя, которые, наряду с другими материалами, стали высылать интересные и самые разнообразные образцы словесного творчества. Устное народное творчество дало возможность грамотным, творчески настроенным людям на основе фольклорных мотивов создавать первые литературные произведения. Не имеющая в то время сильных письменных традиций, марийская литература у истоков своего зарождения не могла не опираться на фольклор. Он был одним из важных источников становления и развития марийской художественной литературы [Федосеева, Пенькова 2007, с. 60–61].

Значение «Марла календаря» состоит и в том, что на страницах этого издания зарождалась профессиональная марийская литература.

На обложке или на обороте титульного листа календаря авторы публиковали «рекламные» стихи. В них призывали марийский народ читать книги на родном языке. Такие стихи являлись последовательными рассказами о важном значении книги и самого календаря в жизни народа:

Ӱстел тӧрыш шинчам да,
Календарьым почалам;
Календарым почам да,

За стол сяду да
Открою календарь;
Календарь открою да

Возалтмашым лудалам.	Почитаю написанное.
Тэж мый йырэм шинчалза,	Вы же садитесь вокруг меня,
Мыйын лудмэм колыштса	Слушайте мое чтение[*] .

[Марла календарь, 1908].

Значительную часть календаря занимают переводные этнографические и исторические материалы. Они носят очерковый характер и имеют просветительски-филантропическую направленность, отличаются информативной насыщенностью. По своей тематике материалы издания подразделяются на:

- историко-этнографические очерковые статьи, посвященные происхождению марийского народа и его связи с финно-угорскими этносами;
- серию статей, посвященных ведению сельского хозяйства;
- педагогические или нравственные очерки;
- очерки из истории Российского государства и Царской семьи.

Важно отметить, что очерковые формы статей отличаются открытостью и синкретичностью. Эти произведения можно обозначить как очерки-рассказы, очерки-статьи, репортажи, путевые очерки и т. д.

Простой и понятный народу язык журнала способствовал его доступности широкому кругу читателей. «Марла календарь» стал одним из направлений просветительской практики в истории национального просветительства марийцев и послужил становлению художественной словесности народа.

Итак, с зарождением письменности, повышением уровня грамотности и образования марийский народ получил возможность развивать свою национальную литературу на родном языке. И уже в конце XIX – начале XX в. благодаря многолетнему труду просветителей появились марийские профессиональные писатели, чье творчество сегодня входит в сокровищницу национальной культуры.

[*] Дословный перевод с марийского языка автора статьи – Н. Ф.

ЛИТЕРАТУРА

Айплатов Г. Н. Яковлев Гавриил Яковлевич // Марий Эл: время, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат на 2003 г. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 48–49.

ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан), ф. 968, оп. 1, д. № 168.

Марла календарь. – Казань, Центр. типог., 1908. – 52 с.

Мухин Н. С. Ойпого, ойырен налме произведений-влак: Почеламут, поэма, пьеса, ойлымаш, публицистика. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. – 271 с.

Отчет за 1894 г. Переводческой Комиссии православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в г. Казани. – Казань, 1895. – 87 с.

Федосеева Н. А. Истоки формирования художественной словесности народа мари. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2017. – 232 с.

Федосеева Н. А., Пенькова М. В. Фольклор и литературные произведения в «Марла календаре» // Финно-угроведение. – 2007. – № 2. – С. 59–73.

Чавайн С. Г. Ойпого. – М.: «Сылнымут литэратур» кугужаныш савыктыш, 1935. – 191 с.

УДК 070.431.7:004.7(470.51)(045)

В. В. Чучалин
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

V. V Chuchalin
Udmurt State University, Izhevsk

ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ УДМУРТИИ В ОФИЦИАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ «ВКОНТАКТЕ»

THEMATIC CLUSTER OF INFORMATION ACTIVITIES OF THE MINISTRY OF NATIONAL POLICY OF UDMURTIA IN THE OFFICIAL COMMUNITY «VKONTAKTE»

Аннотация. Рассматривается тематический кластер, реализующий информационную политику Министерства национальной политики Удмуртской Республики. Данный тематический кластер представляет собой спектр инфоповодов, событий и задач, являющихся основой для медиасопровождения работы министерства. Новостная повестка в официальном сообществе ВКонтакте является одной из самых посещаемых каналов связи министерства.

Abstract. This article highlights a special thematic cluster through which the information policy of the Ministry of National Policy of Udmurtia is implemented. This thematic cluster represents a range of informational occasions, events and tasks that are the basis for media support for the work of this ministry. It is proposed to update the news agenda in the official VKontakte community, as one of the most visited communication channels of the ministry.

Ключевые слова: информационное сопровождение, Удмуртия, министерство национальной политики, тематический кластер, социальные сети.

Keywords: information support, Udmurtia, Ministry of National Policy, thematic cluster, social networks.

Процессы цифровизации всех сфер и уровней социальных институтов общества формируют новые вызовы и возможности. В статье сделана попытка описать характер информационного присутствия Министерства национальной политики УР в его официальном аккаунте социальной сети ВКонтакте. В ходе контент-анализа сформирован общий тематический кластер, который образует содержательную область информационной повестки Министерства национальной политики Удмуртии, реализованную в указанной социальной сети. Тематический кластер представляет собой объединение нескольких однородных элементов [см.: Купавцев 2018]. Этот термин используется в точных науках, в сфере образования, интернет-продвижении и др. Тематическим кластером может быть группа инфоповодов, областей и направлений работы учреждения, посвященная различным аспектам одной сферы деятельности.

Мы выделяем общий тематический кластер для Министерства национальной политики, включающий в себя:

- праздники;
- государство;
- удмуртский мир;
- НКО (национально-культурные объединения);
- иностранные граждане (подданные);
- антитеррористическая деятельность;
- республика;
- языки;
- религия.

Это основные направления информационной деятельности в соцсетях, по которым на сегодняшний день работает названное министерство. На основе анализа материалов с более конкретными инфоповодами мы рассматриваем каждый элемент кластера по отдельным аспектам, что позволяет более детально представить многонаправленность работы государственного учреждения в контексте информационного сопровождения.

«Праздники»:

- религиозные;
- праздники национально-культурных объединений;
- языковые праздники;
- знаковые события и даты;

«Государство»:

- президентские указы, постановления и обращения в контексте национальной политики;
- международная повестка, связанная с финно-угорским миром и не только;
- знаковые даты;
- ситуативные темы.

«Удмуртский мир» (совокупность социально-культурных практик удмуртского этноса):

- организации, НКО (некоммерческий сектор);
- юбилеи и дни рождения известных деятелей Удмуртии;
- язык – темы, связанные с обеспечением условий для развития языковой среды;
- мероприятия;
- цифровизация – все сопутствующие инфоповоды, связанные с внедрением новых цифровых экосистем и решений;
- наука;
- культура – праздники, обычаи.

«НКО»:

- праздники и мероприятия;
- диаспоры и землячества;
- руководство НКО и общественные активисты;
- культура НКО;
- язык;
- знаковые даты.
- «Иностранные граждане»:
- трудовые мигранты;
- студенты;
- антитеррористическая деятельность;
- работа с Управлением внутренней миграции МВД по Удмуртской республике;
- приёмы иностранных граждан;
- мероприятия;
- «Антитеррористическая деятельность»:
- иностранные граждане;
- работа с НКО;
- религиозный блок;
- мероприятия;
- работа в исправительных колониях;
- знаковые даты.

«Республика»:

- глава республики;
- указы, законы, постановления;
- праздничные дни, памятные даты;
- ситуативные инфоповоды.

«Языки»:

- народы, проживающие на территории Удмуртии;
- мероприятия;
- языковые курсы;
- цифровые технологии и цифровизация;
- издание книг, словарей и пр.

«Религия»:

- религиозные праздники;
- знаковые даты;
- антитеррористическая безопасность;
- работа с исправительными колониями;
- прочие событие и мероприятия.

Кластеризация тем и инфоповодов показывает, как можно глубоко и многосторонне осветить определенную сферу государственной или иной институции. Каждая тема в кластере может иметь свою группу подтем. Между собой они могут находиться в прямой зависимости и контекстуально проникать друг в друга.

К примеру, такой значимый ежегодный инфоповод, как национальный праздник удмуртов Гербер, вмещает в себя сразу несколько элементов тематического кластера – освещение праздника, диалога НКО, культуры современного удмуртского мира и пр. Эта взаимосвязь может быть отлично проиллюстрирована в данном пост-релизе [https://vk.com/wall-188951382_1287].

В процессе продвижения в социальных сетях крайне важно понимать структурную и логическую взаимосвязь тем и инфоповодов. Элемент одного тематического кластера может быть репрезентован через другой. Так актуализируется направленность того или иного материала, статьи или релиза. Каждый, даже самый ситуативный и будничный инфоповод, можно «приземлить» под конкретную тему, требующую обязательной отработки. К примеру, в контексте освещения семинара по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики РФ было акцентировано внимание на докладах, посвященных антитеррористической защищенности объектов религиозных организаций, исполнении законов о противодействии терроризму и экстремистской деятельности на территории муниципальных образований Удмуртской Республики [https://vk.com/wall-188951382_141].

Разработка тематических кластеров крайне важна в процессе освещения и информационного сопровождения работы государ-

ственных учреждений. Также данное направление находит практическое применение в сфере медиапланирования, при разработке методических рекомендаций для госучреждений и подведомственных организаций, составлении планов по отработке социально-приоритетных тем, одновременно с этим в рекрутинге и обучении специалистов информационной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

Купавцев А. В. Тематические кластеры в образовании // Высшее образование в России. – 2018. –Т. 27. – №11. – С. 85–89.

Министерство национальной политики Удмуртии – официальная страница в социальной сети «ВКонтакте». – URL: https://vk.com/wall-188951382_1287 (дата обращения: 04.04.2023).

Министерство национальной политики Удмуртии – официальная страница в социальной сети «ВКонтакте». – URL: https://vk.com/wall-188951382_141 (дата обращения: 04.04.2023).

УДК 94(470.57):37”18/19”(045)

И. Д. Шаяхметова
Национальный литературный музей Республики Башкортостан, г. Уфа

I. D. Shayahmetova
National Literary Museum of the Republic of Bashkortostan, Ufa

ИСТОКИ БАШКИРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

ORIGINS OF THE BASHKIR ENLIGHTENMENT AND ITS FEATURES

Аннотация. В статье описаны истоки и особенности формирования просветительства в Башкортостане; рассмотрена специфика развития раннепросветительских идей.

Abstract. The article examines the origins, features of the formation of enlightenment in Bashkortostan.

Ключевые слова: просветительство, просветители-демократы, просвещение, философия, башкирская национальная культура.

Keywords: enlightenment, enlighteners-democrats, enlightenment, philosophy, Bashkir national culture.

Во второй половине XIX века, после упразднения в 1865 году кантонной системы управления, серьезных изменений в материальной и духовной жизни башкирского народа, вызванных развитием капиталистических отношений в России и сложными социально-экономическими условиями, сложившимися в регионе, возникло башкирское просветительство. Эпоха башкирского просвещения охватывает историческое время с 60-х годов XIX столетия до начала

XX века. Наиболее известными деятелями башкирского просвещения были М. Бекчурин (Биксурин), А.Куватов, Б. Юлуев, М. Уметбаев, М. Акмулла, Р. Фахретдинов, М. Баишев, Ю. Бикбов и др.

В конце XIX – начале XX века исламские традиции играли значительную роль в бытовой жизни башкир. В религиозных праздниках и обрядах башкир проявляются общемусульманские традиции. К ним можно отнести ежедневное пятикратное совершение молитвы намаз, соблюдение в месяц рамазан поста ураза, во время которого запрещается употреблять пищу в дневное время (от восхода до заката солнца). Пост завершался праздником Ураза байрам, который являлся одним из самых главных религиозных праздников. Через два с небольшим месяца отмечался праздник Корбан байрам. Он совершался в честь умерших, поэтому главным здесь было принесение жертвы умершим родственникам. Отмечались также Мэулид и Гашурэ (Ашурэ) байрам. Религиозные ритуалы совершались и во время семейных обрядов. Мулла совершал обряд имянаречения, проводил бракосочетание, совершал необходимые ритуалы в похоронной обрядности. Как синтез древних представлений и исламских традиций в религиозно-мифологической картине мира башкир складывался культ предков. Души умерших живут в потустороннем мире, путь в который лежит через огненную пропасть по тонкому мосту сират купер. Праведный человек преодолевает преграду, а грешник падает в пропасть. Но и после смерти душа человека могла являться живым в виде бабочки или птицы.

Религиозно-реформаторское просветительство представлено именами Р. Фахретдинова, З. Камали, З. Давлеткильдеева и других деятелей башкирской и татарской культур. Они сыграли большую роль в пропаганде западно-европейской и арабской философии. Р. Фахретдинов, будучи бессменным редактором оренбургского журнала «Шуро» («Совет»), большое значение в духовном и экономическом прогрессе общества отводил религиозному обновлению. В области реформы образования религиозные просветители находились на платформе джадидизма (джадид – новый), осуждали

реакционное духовенство, кадимизм (кадим – старый), схоластические способы обучения. Как ректор Уфимского медресе «Галия», З. Камали способствовал росту демократической молодежи, становлению Г. Ибрагимова, М. Гафури, Ш. Бабича и др. Своеобразие религиозного просветительства проявлялось в решении социальных проблем. Так, в сочинениях Р. Фахретдинова («Асма», «Салима», «Семья», «Наставления») есть осуждение корыстолюбия, невежества, подлости. Согласно выводам автора, безнравственные поступки нередко бывают присущи богатым людям. Однако это не значит, что религиозные реформаторы ставили вопрос о причинах несправедливого распределения общественного богатства. Устами своих героев они твердили о взаимопонимании, гармонии и идиллии между воспитанными и образованными аристократами и простыми людьми. Важно, что в обязанность господствующих классов вменялось свершение добродетельных поступков по отношению к бедным людям. Тем самым реформаторы пытались укрепить веру народа в добрых аристократов, баев и священнослужителей. Башкирские просветители-демократы Мухаметсалим Уметбаев (1841–1907), Мифтахетдин Акмулла (1831–1895), Мажит Гафури (1880–1934), Шайхзада Бабич (1890–919), Даут Юлтый (1893–1938), в отличие от религиозных деятелей, обнажали остроту социальных проблем, для них был неприемлем путь сглаживания противоречий. Фактором, определившим особенности демократического просветительства народов Поволжья, явился национально-колониальный гнет. Хищнические приемы капиталистической эксплуатации в совокупности с методами военно-феодального грабежа особенно ярко проявились в аграрной политике самодержавия. В течение многих десятилетий земли башкир являлись объектом купли-продажи для казны, помещиков и чиновников. Раздавая башкирские земли, царское правительство искусственно создавало себе лиц, «способных служить столпам Отечества», создавало класс крупных земельных эксплуататоров. Активное участие в расхищении земель принимала богатая верхушка башкир. Процесс этот к концу XIX столетия закончился «чисткой земель» под капитализм.

Нехватка земли тяжело отразилась на жизненном уровне крестьян, вынуждая их арендовать земли у помещиков. Последние же, пользуясь своим положением, прибегали к такой форме крепостнической кабалы, как отработка, которая, по существу, восходила к барщине. Аграрный вопрос в Башкирии был самым злободневным для крестьянства, которое в экспроприации помещичьих земель стало видеть путь освобождения из вечной кабалы. Понятно, почему эта проблема нашла отражение в творчестве башкирских просветителей-демократов, которые выступали выразителями интересов крестьянства. В своих стихах Акмулла выступает страстным борцом против патриархально-феодальных порядков своего времени, против невежества, отсталости. Прогрессивный мыслитель своего времени – поэт Акмулла стал смелым трибуном движения за общественное обновление [см.: Шакур 1996].

Творческая деятельность М. Уметбаева и М. Акмуллы, которые наиболее полно отразили философские, общественно-политические, эстетические, морально-этические и педагогические взгляды своего времени, явилась для башкирского просветительства периодом расцвета. О М. Уметбаеве можно говорить как о самобытном мыслителе своего народа. Он явился достойным преемником прогрессивных традиций предшествующей общественной мысли Башкирии. Между тем просветитель не остался на уровне подражания своим предшественникам. Есть черты, которые отличают его как передового идеолога от своих современников. М. Уметбаев выступает как вдумчивый социолог, пытающийся разобраться в социально-экономическом положении башкирского народа. В Башкирии еще в XIX в. сложилась благоприятная обстановка для распространения передовых идей времени. Русская общественная мысль оказала определяющее воздействие на формирование мировоззрения башкирских просветителей. Их деятельность проходила в непосредственном общении с русскими учеными: историками, экономистами, публицистами. Например, М. Уметбаев был хорошо знаком с историком-краеведом Р. М. Игнатьевым, венгерским ученым Вильмаши Проле и др. В свою очередь,

освоение культурного наследия башкирского народа духовно обогащало русских писателей, способствовало актуализации коренных социальных проблем эпохи, затрагивающих интересы многонациональной Родины [см.: Харисов 2007].

А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. М. Горький, Г. И. Успенский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. А. Крашенинников и др. выдающиеся представители русской культуры с позиций подлинного гуманизма охарактеризовали положение обездоленных масс. Они гневно осуждали деспотизм и насилие, выступали против разжигания межнациональной вражды и недоверия.

В переломную эпоху сформировались такие крупные деятели башкирской культуры, как Заки Валиди, Абдулкадир Иман, Галимжан Тоган, Мухаметша Бурангулов. Эти деятели, работая в экстремальных условиях, смогли оставить после себя немеркнущие творения, составившие золотой фонд башкирской культуры. Заки Валиди (1890–1970) – лидер башкирского национального движения, один из создателей башкирской автономии, написавший сотни трудов по истории и культуре тюркских народов, в том числе и башкир. Абдулкадир Инан (1889–1974) – исследователь, вложивший немалый труд в тюрко-логическую науку. Мухаметша Бурангулов (1888–1968) – выдающийся башкирский фольклорист, сохранивший жемчужины башкирского эпоса. Именно ислам и мусульманское образование были теми институтами, которые сплотили мусульман Волго-Уральского региона, включая оседлое и кочевое население. Башкиры Бирского уезда Уфимской губернии в 1873 г. на предложение генерал-губернатора Крыжановского об открытии русских училищ в аулах отвечали: «учить своих детей русской грамоте они не желают», ибо достаточно и того, что «если они будут знать татарскую». Основатель башкирской автономии Ахмад Заки Валиди писал, что до 1860 г. среди башкирской молодежи, служившей в башкирских войсках или вообще в воинских частях и учившейся в военных школах, не наблюдалось увлечения русской культурой.

Башкирское просветительство, возникнув во второй половине XIX столетия, прошло долгий и сложный путь развития. Для эволюции литературы, рожденной национальным просветительским движением, характерно постепенное освобождение от религиозных мотивов, приобретение национальных очертаний, приближение к реальной действительности, усиление социального звучания.

Философская сторона наследия башкирских просветителей требует глубоких исследований, проникновения в их творческую лабораторию. Разумеется, эту философию нельзя назвать «чистой», но их творчество, имея глубокий философский смысл, оказало огромное влияние на все стороны башкирской культуры, в том числе и на современную философскую мысль. Не случайно башкирская национальная культура дала ряд философов и социологов, известных в стране и в мире. На рубеже XIX–XX вв. именно в Уфе сформировалась значительная прослойка мусульманской интеллигенции. В ее подготовку заметный вклад внесли Уфимская татарская учительская школа и Уфимский учительский институт (открыт в 1908 г.), а также городские новометодные медресе. Башкиры получили автономию в марте 1919 года, именно с этим национальная интеллигенция связывала решение вековых чаяний народа о возрождении культуры, о достижении подлинного равенства между народами.

ЛИТЕРАТУРА

Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX веков) – Уфа: Китап, 2007. – 341 с.

Шакур Р. З. Звезда поэзии: Мифтахетдин Акмулла: Жизнь. Творчество. Мировоззрение – Уфа: Китап, 1996. – 182 с.

И. И. Шеянова
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск

I. I. Sheyanova
Department of the Humanities Research Institute under by the Government of Republic of Mordovia, Saransk

РОЛЬ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ МОРДОВСКОГО КРАЯ

THE ROLE OF ENLIGHTENMENT IN THE DEVELOPMENT OF CULTURE AND EDUCATION OF THE MORDOVIAN REGION

Аннотация. Рассмотрено влияние просветительства на развитие культуры и образования мордвы, значение его идей в истории народа в целом. Отдельное внимание уделено роли мордовских просветителей А.Ф. Юртова и М.Е. Евсевьева в становлении национального самосознания.

Abstract. The article examines the influence of enlightenment on the development of culture and education of the Mordvins, the significance of this socio-pedagogical phenomenon in ethnic history. Special attention is paid to the role of Mordovian educators in the formation of national identity. Some facts of the biographies of A. F. Yurtov and M.E. Evsevyev are given.

Ключевые слова: просветительство, просветитель, инородец, культура мордвы, культурное развитие, устно-поэтическое творчество.

Keywords: enlightenment, enlightener, alien, mordvinian culture, cultural developmen, folklore.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова дается следующая трактовка понятия «просветитель»: это «прогрессивный общественный деятель, распространитель передовых идей и знаний» [Ожегов 1990, с. 618]. Исходя из такого толкования «просветителя», сделаем попытку рассказать о передовых людях эпохи, благодаря труду которых мордовский народ приобщился к общероссийской культуре, заняв в ней свое достойное место. Творчество рассматриваемых в статье мордовских просветителей значимо для всех народов Поволжья второй половины XIX – начала XX века. Именно в этот период просветительство выполнило сложнейшую задачу формирования менталитета народа.

Большое влияние на формирование мордовского просветительства оказала педагогическая система Н. И. Ильминского. Е. Г. Осовский, один из первых исследователей просветительской деятельности А. Ф. Юртова и М. Е. Евсевьева, писал: «Кто такие национальные просветители? Это группа представителей данного этноса, оказавшаяся способной подняться в социально-культурном и интеллектуальном развитии выше подавляющей массы своих соплеменников, осознать национально-культурную ситуацию истории и жизни своего народа, осмыслить и отрефлексировать своеобразие национального духа, языка, культуры, традиций, сформулировать духовные, интеллектуальные, экономические, образовательные, религиозные идеалы, интересы, потребности своих народов» [Осовский 1995, с. 5]. Благодаря работам этого мордовского ученого стали известны имена не только двух вышеназванных просветителей, но и их учеников и последователей: Ф. Ф. Советкин, Е. В. Скобелев, В. В. Бажанов, И. Я. Бондяков и др.

Несмотря на небольшую разницу в возрасте, Юртов стал для Евсевьева учителем и наставником. Они оба занимались изучением проблем истории, языка, фольклора, верований, этнографии и др. Однако с принятием Юртовым священнического сана (1891 г.) их пути пошли по разным направлениям. А. Ф. Юртов стал религиозным просветителем, М. Е. Евсевьев, отойдя от миссионерства, сосредоточил свою деятельности на светской стороне жизни:

проблемах образования, науки и культуры. Каждый внес свой вклад в дело просвещения мордовского народа.

Особую нишу в развитии мордовского просветительства заняли певцы и сказители – Игнатий Зорин, Ф. И. Беззубова, Е. П. Кривошеева, основоположники национальной литературы – З. Ф. Дорофеев, А. И. Завалишин, В. В. Бажанов, Д. Морской (Д. И. Малышев) и др.

Долгое время вклад просветителей мордовского народа в становление и развитие национальной культуры, образования и науки оставался малоизученным. Тому были причины. Так, например, имя А. Ф. Юртова было надолго забыто из-за принятой в те далекие годы анонимности авторов учебных книг и переводов, а все дореволюционное творчество М. Е. Евсевьева подвергалось критике из-за развивающейся в постреволюционный период антирелигиозной пропаганды.

Об А. Ф. Юртове у нас заговорили лишь в середине 90-х годов XX столетия. В 1995 Е. Г. Осовским была опубликована работа «А. Ф. Юртов – предтеча мордовского просветительства». В это же время об этом ярком представителе мордовского народа были выпущены работы С. В. Грачева, И. А. Зеткиной, Н. Ф. Мокшина, М. В. Мосина, В. И. Рогачева, А. П. Феоктистова и др.

В начале XXI века вышла книга И. А. Зеткиной «Национальное просветительство Поволжья. Вторая половина XIX – начало XX века» (2003). В книге речь идет также о деятельности и идеях татарских, чувашских и финно-угорских просветителей. Примечательно, что автор дал подробную биографию А. Ф. Юртова и М. Е. Евсевьева. В 2004 году в Уфе была издана книга А. А. Кондратьева «Юртов – первый просветитель мордовского народа», написанная на документальной основе и содержащая сведения о последних 25 годах жизни Юртова священником в церкви села Андреевка Уфимского уезда, есть информация и о его потомках. В том же году в Саранске под научным редакторством Н. Ф. Мокшина был опубликован сборник статей, документов и материалов «Авксентий Юртов», посвященный 150-летию со дня рождения просветителя. Позднее в журнале «Социально-политические науки» (Москва)

вышла статья Н. Ф. Мокшина «А. Ф. Юртов и М. Е. Евсевьев – просветители мордовского народа» [Мокшин 2015, с. 5].

Тем не менее, до сих пор имя А. Ф. Юртова для мордвы остается малоизвестным. Ждут своего серьезного исследования труды подвижника в области педагогики, лингвистики, этнографии, фольклористики и др.

А. Юртов начал изучать диалекты мордовских языков (мокшанского и эрзянского) и собирать информацию по истории, этнографии и фольклору мордовского народа во время учебы в Казанской учительской инородческой семинарии. На основе полевого материала, собранного в мордовских селах, просветитель (под псевдонимом «Ав-ий Юр-в») в «Известиях Казанской епархии» (1877) опубликовал статью о погребальных обрядах и поверьях крещеной мордвы Мензелинского уезда Уфимской губернии. Это был один из первых его научных историко-этнографических трудов. Автор говорит о том, что «уфимская мордва очень обрусела и крепко утвердилась в православной христианской вере. Поэтому современные обычаи мордвы мало содержат в себе языческих понятий», но в то же время, указывает на то, что «нельзя сказать, чтобы нынешняя мордва не помнила ничего древнего – языческого» [Ав-ий Юр-в 1877, с. 227]. В подтверждение этому факту, дает описание погребального обряда со всеми обычаями и суевериями. Представленные материалы свидетельствуют о том, что, мордва, как и другие финно-угорские народы Поволжья, с принятием православия, продолжала в той или иной степени придерживаться и своих традиционных верований.

Будучи учителем мордовской начальной школы при Казанской семинарии и мордовских училищ сел Старая Бесовка (с 1883) и Старая Бинарадка Самарской губернии, Юртов много ездил по мордовским селам. При посещении местных школ он стремился выявить талантливых детей и уговорить родителей отпустить их учиться в семинарию. Совершая экспедиционные поездки, с помощью семинаристов ему удалось собрать материал для «Образцов мордовской народной словесности» (1882–1883), составивших два

выпуска, куда вошли песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии; сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом. Издание «Образцов» явилось большим вкладом в изучение устного народного творчества, мифологии и этнографии мордовского народа. Материалы, вошедшие в эти издания, актуальны по сей день. Они широко используются молодыми учеными при написании исследовательских работ, а также в образовательном процессе.

А. Юртова – инспектора народных училищ, критиковали за то, что он в процессе обучения злоупотреблял мордовским языком, по причине чего ученики плохо читали и объяснялись по-русски. С этим просветитель был категорически не согласен. Он был убежден в необходимости использования родного языка в усвоении русского языка на начальном этапе образования, в чем находил поддержку и понимание со стороны своего учителя и наставника Н. И. Ильминского.

Дело А. Ф. Юртова было продолжено его учеником М. Евсевьевым, первым ученым-энциклопедистом, который положил начало русско-мордовскому научному сотрудничеству. Он сотрудничал с такими известными российскими учеными, педагогами и методистами, как А. А. Шахматов, Д. В. Бубрих, Н. Ф. Катанов, И. Н. Смирнов, Н. И. Ильминский, Н. А. Бобровников, Н. Н. Никольский и др. Кроме этого, М. Евсевьев являлся корреспондентом Х. Паасонена, который привлек его вместе с другими стипендиатами Финно-угорского общества к сбору материалов для «Мордовской народной поэзии» (записанные Евсевьевым эрзянские свадебные и похоронные песни, описание жертвоприношений и молений, заклинания и сказки вошли в седьмой том, который вышел в свет уже после смерти финского ученого под редакцией и с переводом на немецкий язык К. Хайккиля в 1980 г.).

Ученым были созданы на основе разговорного языка мокшанские «Образцы мордовской народной словесности», опубликованные на страницах журнала «Известия Общества археологии, истории и этнографии» (Т. 13. Вып. 6. 1896; Т. 14. Вып. 1. 1897).

Составителем мокшанские песни были представлены в фонетической транскрипции на основе русской графики. В дальнейшем «Образцы» вошли в комплекс учебной литературы для Мордовского образцового начального училища при Казанской учительской семинарии (с 1892 г. М. Е. Евсевьев работал здесь учителем и наставником), благодаря чему в научный оборот был введен богатый пласт мордовской национальной культуры.

Важную роль в становлении мордовского просветителя сыграло сотрудничество с Российским географическим обществом. На страницах журнала РГО «Живая старина» Евсевьев опубликовал «Мордовскую свадьбу» (1892–1893, это была первая работа, посвященная описанию мордовской свадьбы; в 1931 году издал книгу «Мордовская свадьба», ставшую 45-летним обобщенным исследованием по этнографии мордвы и претерпевшую в дальнейшем два переиздания – 1954, 1990); «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии» (1914), где рассказал о религиозных верованиях мордвы-мокши с. Волгапино Краснослободского уезда и д. Мордовское Вечкенино Наровчатского уезда и мордвы-эрзи д. Кардафлей Городищенского уезда Пензенской губернии.

По признанию самого ученого, ему пришлось «немало поездить по мордовским селениям разных губерний, сначала по поручению Переводческой Комиссии при Братстве Св. Гурия – для изучения говоров мордовского языка, а затем – по поручение Русского Музея Императора Александра III – для собирания этнографических коллекций» [Евсевьев 1914, с. 1]. Таким образом, у него накопился богатый лингвистический, историко-этнографический и фольклорный материал, который впоследствии вошел в 5-и томное собрание «Избранных трудов» (1961–1966), изданных уже после смерти просветителя.

Наследие М. Е. Евсевьева в Мордовии изучено и известно гораздо больше, нежели А. Ф. Юртова. Его научные изыскания и теперь часто становятся основой для исследовательских проектов региональных ученых.

В Мордовии первой работой, посвященной М. Е. Евсевьеву, явился сборник «Документы о жизни и научной деятельности М. Е. Евсевьева», выпущенный в 1950 г. в Саранске В. И. Беззубовым. Биографический очерк к этому изданию написан языковедом Н. Ф. Цыгановым. Следующей работой об исследованиях М. Евсевьева в области мордовской культуры стала совместная статья этнографа Н. Ф. Мокшина и фольклориста Л. С. Кавтаськина «Макар Евсевьевич Евсевьев (к 100-летию со дня рождения)», опубликованная в первом номере журнала «Советская этнография» в 1965 г. Со второй половины 60-х гг. XX века было издано много работ, в которых рассматривался вклад просветителя и ученого в лингвистику, историю мордовских языков (Н. С. Адушкина, Д. Т. Надькин, А.П. Феоктистов, Д. В. Цыганкин и др.), этнографию, историю, религиоведение (В. А. Балашов, М. Ф. Жиганов, Н. Ф. Мокшин и др.) и фольклористику (Н. И. Бояркин, Т. И. Одинокова, Н. П. Самаркина, Э. Н. Таракина и др.). Интерес к просветительской деятельности М. Евсевьева получил новое развитие на рубеже XX–XXI вв. В 1994 году в МГПИ им. М. Е. Евсевьева (ныне МГПУ) была проведена научная конференция, посвященная 140-летию со дня рождения А. Ф. Юртова и 130-летию со дня рождения М. Е. Евсевьева. По итогам конференции через год был издан сборник материалов, куда вошли статьи «Дохристианские верования мордвы (по материалам «Мордовской свадьбы» М. Е. Евсевьева)» Н. Ф. Беляевой, «Роль А. Ф. Юртова и М. Е. Евсевьева в возникновении и развитии мордовской детской литературы» Л. М. Имангуловой, «Значение хлеба и каши в свадебных обрядах мордвы (по материалам М. Е. Евсевьева)» Г. А. Корнишиной, «История просвещения мордовского народа и современные проблемы образования» В. П. Киржаевой, «М. Е. Евсевьевень пурнавт фольклорной материалонть тевс нолдамосо тиринь келень уроктнеса» («Использование фольклорного материала, собранного М. Е. Евсевьевым, на уроках родного языка») В. П. Цыпкайкиной и др.

В 2002 г. В. И. Рогачевым была успешно защищена кандидатская диссертация «Творческое наследие М. Е. Евсевьева

в контексте формирования мордовского литературного процесса конца XIX – начала XX века». Итоги диссертационного исследования опубликованы в монографии ученого «Истоки. К проблеме историко-культурного и филологического наследия М. Е. Евсевьева». В это же время выходят книги И. А. Зеткиной, также специализирующейся на исследовании творческого наследия М. Е. Евсевьева: «Национальное просветительство Поволжья: формирование и развитие» (2003); «Макар Евсевьевич Евсевьев: просветитель, ученый, педагог» (в соавторстве с Е. Г. Осовским, 2003); «Национальное просветительство в культуре народов Поволжья» (2005); «Просветители мордовского края: статьи, документы, фотографии» (в соавторстве с Н. Ф. Мокшиным, 2009); «Макар Евсевьев» (2014) и др. Продолжили изучение материала о культуре, быте, обычаях, обрядах и верованиях мордвы, собранного Евсевьевым, другие современные исследователи – Н. Ф. Беляева, Г. А. Корнишина, А. А. Кондратьев, Н.Ф. Мокшин и др.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что благодаря самоотверженному труду рассмотренных в статье просветителей, стало возможно динамичное развитие национального образования, науки, культуры, были заложены основы для включения народа в общероссийский контекст. Культурное наследие просветителей является неиссякаемым источником для дальнейших научных изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

Ав-ий Юр-в Погребальные обряды и поверья крещёной мордвы Уфимской губернии // Известия Казанской епархии. – 1977. – № 8. – С. 227.

Авксентий Юртов: сб. ст., док. и материалов: к 150–летию со дня рождения / науч. ред. Н. Ф. Мокшин. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 2004. – 94 с.

Беззубов В. И. Документы о жизни и научной деятельности М. Е. Евсевьева. – Саранск: Морд. гос. изд-во, 1950. – 160 с.

Беззубов В. И. Научно-педагогическая деятельность М. Е. Евсевьева. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1960. – 140 с.

Бибин М. Т., Осовский Е. Г. М. Е. Евсевьев – первый мордовский учёный, просветитель и педагог. – Саранск: Морд. гос. изд-во, 1988. – 247 с.

Воробьёв Н. И. Макар Евсевьевич Евсевьев // СЭ. – 1931. – № 3/4. – С. 187–189.

Евсевьев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // Живая старина. – 1914. – Кн. 23. – Вып. 1–2. – С. 1.

Жиганов М. Ф. М. Е. Евсевьев – историк родного края. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1990. – 120 с.

Зеткина И. А. Национальное просветительство Поволжья: формирование и развитие. – Саранск: Морд. гос. пед. ин-т, 2003. – 215 с.

Кондратьев А. А. Юртов – первый просветитель мордовского народа. – Уфа: РА Информреклама, 2004. – 133 с.

Мокшин Н. Ф. А. Ф. Юртов и М. Е. Евсевьев – просветители мордовского народа. // Социально-политические науки. – М.: Издательский дом «Юр-ВАК» . – 2015. – № 2. – С. 5–12.

Научное наследие М. Е. Евсевьева и современность: Межвузовский сб. науч. трудов. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1992. – 143 с.

Образцы мордовской народной словесности. Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. – Казань, 1882. – Вып. 1.

Образцы мордовской народной словесности. Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом. – Казань, 1883. – Вып. 2.

Образцы мордовской народной словесности. Мокшанские песни // Изв. ОАИЭ. – Казань, 1896. – Т. 13. – Вып. 6; – 1897. – Т. 14. – Вып. 1.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 22-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 618.

Осовский Е. Г. У истоков мордовского просветительства: А. Ф. Юртов, М. Е. Евсевьев // Мордовское просветительство:

истоки, проблемы, направления развития. – Саранск: МГПИ. – 1995. – Ч. 1. – С. 5.

Осовский Е. Г., Зеткина И. А. Макар Евсевьевич Евсевьев: просветитель, учёный, педагог. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2003. – 168 с.

Просветители мордовского края: статьи, документы, фотографии / авт.-сост. И. А. Зеткина, Н. Ф. Мокшин. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 2009. – 147 с.

Рогачёв В. И. Истоки. К проблеме историко-культурного и филологического наследия М. Е. Евсевьева. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 2002. – 156 с.

Шахматов А. А. О работах М. Е. Евсевьева. // Отчет Императорского Русского Географического общества за 1915 г. – М., 1916. – С. 72–74.

ОПИСАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИЗДАНИЯ:

Интерфейс электронного издания (в формате pdf) можно условно разделить на 2 части.

Левая навигационная часть (закладки) включает в себя содержание книги с возможностью перехода к тексту соответствующей главы по левому щелчку компьютерной мыши.

Центральная часть отображает содержание текущего раздела. В тексте могут использоваться ссылки, позволяющие более подробно раскрыть содержание некоторых понятий.

МИНИМАЛЬНЫЕ СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ:

Минимальные системные требования: Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше; разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ ТЕХНИЧЕСКУЮ ОБРАБОТКУ И ПОДГОТОВКУ МАТЕРИАЛОВ:

Оформление электронного издания: Издательский центр «Удмуртский университет».

Компьютерная верстка: О.М. Максимова, Ю.Н. Небрачных, Т.В. Опарина

Подписано к использованию 16.10.2023
Объем электронного издания 3,7 Мб
Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021
Тел. : +7(3412)916-364 Email:editorial@udsu.ru